

Алексѣй Воскресенскій.

МНОГОСКОРБНЫЙ

ученикъ Преподобнаго Серафима Саровскаго —

игумень Павло-Обнорскаго монастыря

ЮАСАФЪ, въ схимѣ СЕРАФИМЪ

(† 20 ноября 1884 года).

3520517

ВОЛОГДА
Типографія П. А. Цветова.
1914

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	Стр.
Предисловіе	3—5
Глава I. Отъ рожденія до 1833 г., кончины Преп. Серафима Саровскаго	7—65
Глава II. Отъ кончины Преподобнаго Серафима до удаленія отъ настоятельства въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ и до отбытія въ Высокогорскую пустыню (1833—1877 гг.)	65—162
Глава III. Жизнь старца схи-игумена Серафима въ Высокогорской пустынѣ. Отношенія его къ Серафимо-Понетаевской женской обители. Кончина его и погребеніе. Заключеніе	162—185
Починное завѣщаніе схи-игумена Серафима духовнымъ чадамъ своимъ, Серафимо-Понетаевскаго монастыря игуменьѣ Евпраксіи со всѣми ея о Господѣ сестрами	187—189

Игуменъ Павлова Обнорскаго монастыря
Юасафъ, въ схимъ Серафимъ.

Аще кто хочет по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ ирдетъ. (Мрк. VIII, 34).

*Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искуше-
ніе; зане искусенъ бывъ, приметъ вѣнецъ
жизни. (Іак. I, 12).*

Однажды величайшее свѣтило Церкви Христовой св. Василій Великій. празднуя день памяти св. мученика Варлаама, говорилъ окружающимъ его слушателямъ: «въ прежнія времена смерть святыхъ чествовали сѣтованіемъ и слезами. *Горько плакася Іосифъ* объ умершемъ Іаковѣ (Быт. 50, 1); не мало сѣтовали іудеи о кончинѣ Моисеевой (Второз. 34, 8), и Самуила почтили многими слезами (1 Цар. 25, 1). А нынѣ ликуемъ при кончинѣ преподобныхъ, потому что естество скорбнаго измѣнилось послѣ креста. Не плачемъ уже сопровождаемъ смерть святыхъ, но въ восторженныхъ ликованіяхъ веселимся при ихъ гробахъ, потому что смерть для праведныхъ—сонъ, вѣрнѣе же сказать,—отшествіе къ лучшей жизни».

Эти глубокознаменательныя слова Великаго Вселенскаго Учителя Церкви Христовой невольно приходятъ на мысль, когда думаешь о жизни скончавшихъ теченіе свое людей Божіихъ, терпѣливо пронесшихъ на раменахъ своихъ крестъ скорбей и бѣдъ иногда отъ колыбели до могилы, съ чувствомъ благоговѣйнаго благодаренія примавшихъ *и благая и злая отъ руки Господней*, и съ твердымъ упованіемъ на безмѣрное Божіе милосердіе перешедшихъ въ страну загробную. Только одинъ пламенный свѣтильникъ вѣры, горѣвшій въ сердцахъ ихъ, только чувство безпредѣльной благоговѣйной преданности Божіей волѣ, Его пекущемуся о спасеніи человѣческомъ всеблагому Промыслу, только глубокое и искреннее убѣжденіе, что безъ воли Господа не упадетъ и волосъ съ главы нашей, только чудная сладость молитвы давала этимъ крестonosцамъ чудесную силу выйти невредимыми изъ разженной печи, изъ горнила бѣдъ и напастей, достигнуть не бурнаго и тихаго небеснаго покоя.

Въ ряду такихъ крестonosцевъ-подвижниковъ благочестія, въ XIX вѣкѣ работавшихъ *Господеву со страхомъ и радовавшихся Ему съ трепетомъ* (Псал. 2, 11), одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ игуменъ Павло-Обнорскаго монастыря, Вологодской епархіи, Іоасафъ, 20 ноября 1884 г. мирно скончавшійся о Господѣ съ именемъ Серафима, воспри-

нятымъ имъ въ св. схимѣ въ память своего дорогого наставника—Преп. Серафима Саровскаго,—въ Вознесенской Высокогорской пустынѣ, Нижегородской епархіи, а погребенный въ Серафимо-Понетаевской женской обители.

Въ высшей степени назидательна его благочестивая и воистину многоскорбная жизнь, и намъ, пловцамъ бурнаго моря житейскаго, можетъ служить руководствомъ въ стремленіи къ достиженію общаго нашего небеснаго отечества. Кромѣ того, тридцать лѣтъ протекшихъ со дня блаженной кончины старца Божія унесли съ собою въ вѣчность ближайшихъ современниковъ и свидѣтелей его жизни и подвиговъ, и не далеко то время, когда ни одного изъ нихъ не останется уже въ живыхъ. Такимъ образомъ желаніе представить жизнеописаніе старца съ возможною полнотою, основываясь не только на официальныхъ данныхъ, но и на достовѣрныхъ свидѣтельствахъ его современниковъ, служило также не малымъ побужденіемъ къ составленію настоящаго скромнаго труда. Было и еще одно побужденіе приступить къ нему.

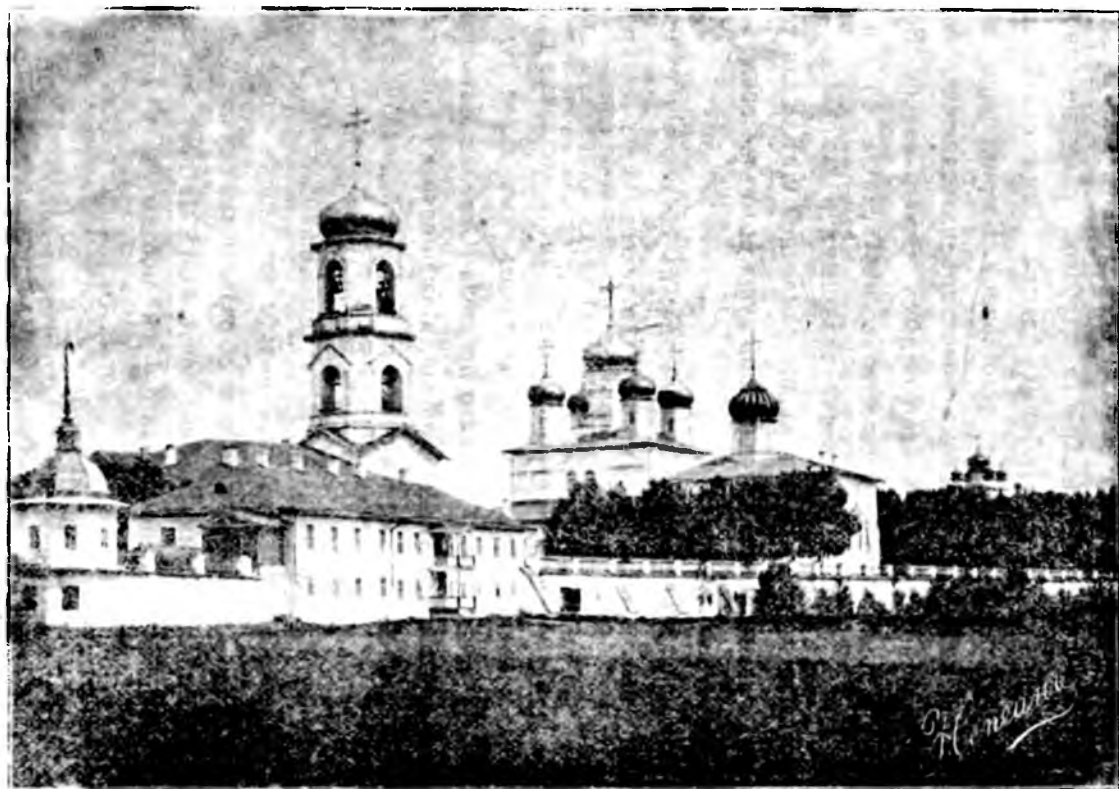
Въ 1895 г. Серафимо-Дивѣвскій монастырь издалъ «Лѣтопись» свою, повторенную изданіемъ въ 1903 г., принадлежащую перу священника Леонида Чичагова, нынѣ архіепископа Кишиневскаго Серафима, которая при всѣхъ ея несомнѣнныхъ прекрасныхъ достоинствахъ имѣетъ и свои, весьма важные недостатки, обрисовывая степень участія почившаго старца въ судьбахъ Дивѣва не только односторонне, но и враждебно. Изданіе Лѣтописи было бы весьма цѣннымъ подаркомъ православному чадамъ Церкви Христовой, горячо чтущимъ свѣтлую и лучезарную память Преподобнаго Серафима Саровскаго, если бы изъ нея исключены были далеко не назидательныя подробности извѣстной «Дивѣвской смуты», которыя, будучи освѣщены весьма односторонне по отношенію къ почившему старцу, на людей недостаточно опытныхъ въ духовной жизни дѣйствуютъ охлаждающимъ образомъ, а почитателямъ памяти схи-игумена Серафима приносятъ немалую скорбь. Между тѣмъ, если разсматривать этотъ отдѣлъ лѣтописи безпристрастно, сопоставляя его съ болѣе позднѣйшими обнародованными данными, то уже степень участія о. Іоасафа въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ представляется далеко не такою, какою угодно было изобразить ее автору Лѣтописи. Не вдаваясь въ детальный разборъ фактовъ, сообщаемыхъ ею, мы, въ своемъ мѣстѣ, коснемся ея лишь постольку, поскольку это окажется неизбѣжнымъ, памятуя изреченіе древней народной мудрости, гласящей, что «если говорить хочешь о умершихъ, то говори лишь одно хорошее».

А о. Иоасафъ, въ схимѣ Серафимъ, своимъ высокимъ благочестіемъ, строгою иноческою жизнью, кротостью, смиреніемъ и всегдашнюю готовностью утѣшить и наставить словомъ Божиимъ богача и бѣднаго, больныхъ духомъ, своимъ необыкновеннымъ трудолюбіемъ, своимъ безропотнымъ крестоношеніемъ и прочими высокими добродѣтелями, приобрѣлъ великую любовь, совершенное довѣріе и глубокое уваженіе многихъ тысячъ благочестивыхъ и христіанскихъ людей. Само свидѣтельство Небесной Истины, въ прославленіи чудотворной Богоматерней иконы Знаменія, въ Серафимо-Понетаевскомъ монастырѣ находящейся, воочію всѣхъ явило богатство духовныхъ благодатныхъ даровъ старца Божія, признававшееся и признаваемое множествомъ вѣрующихъ, во дни его жизни стремившихся къ нему съ своими тѣлесными и духовными нуждами, не перестающихъ притекать и къ его смиренной могилѣ для усердной молитвы о упокоеніи многострадальной души его въ небесныхъ обителяхъ Отца Небеснаго.

Всѣ эти вышеизложенныя обстоятельства, въ соединеніи съ многочисленными просьбами, обращаемыми къ намъ искренними почитателями свято-почившаго старца Божія, принять на себя трудъ составленія жизнеописанія его, положили конецъ нашимъ колебаніямъ и заставили взяться за перо, чтобы, исполняя ихъ желаніе, доставить имъ нѣкое духовное утѣшеніе, ибо, по слову одного древняго писателя (Симеона Метафраста): «равно есть зло и еже глаголати неподобная, и еже молчати о полезныхъ».

Полагаемъ, что задачу жизнеописателя добродѣтельнаго мужа составляетъ не обязанность только обрисовать въ общихъ чертахъ прекрасную фигуру его нравственнаго величія, часто недостижимаго для простыхъ смертныхъ, а изобразить для духовной пользы читающихъ его *вѣрность въ маломъ* (Лук. 16, 10), выразившуюся въ различныхъ случаяхъ жизни, и то, какъ онъ, при помощи Божіей, чрезъ этотъ подвигъ въ маломъ достигалъ постепенно духовно-великаго—той побѣды надъ страстями души и тѣла, того очищенія сердца, которыя составляютъ цѣль внутренней жизни и дѣятельности христіанина.

Алексій Воскресенскій.

Павло-Обнорский монастырь.

МНОГОСКОРБНЫЙ

ученикъ Преподобнаго Серафима Саровскаго — игуменъ Павло-Обнорскаго монастыря Іоасафъ, въ схимѣ Серафимъ

(† 20 ноября 1884 г.).

I.

Отъ рожденія—до 1833 г., кончины Преп. Серафима Саровскаго.

Приснопамятный подвижникъ родился въ 1802 г. въ губернскомъ г. Тамбовѣ, въ семьѣ купца средней руки Тихона Толстошеева, и во св. крещеніи названъ былъ Іоанномъ. Къ сожалѣнію, весьма мало свѣдѣній имѣемъ мы въ своемъ распоряженіи о первоначальныхъ годахъ жизни того, которому суждено было впослѣдствіи понести на раменахъ своихъ крестъ скорбей и папастей. Знаемъ только, что въ семействѣ его отца были и еще братья Іоанна—старшій и младшій, такъ что Іоаннъ являлся среднимъ. Первые дѣтскіе годы его протекли подъ благотельнымъ и благотворнымъ вліяніемъ матери его, женщины въ высшей степени религіозной и искренно благочестивой. А кому неизвѣстно, какое громадное и рѣшающее значеніе на всю послѣдующую жизнь извѣстнаго лица имѣетъ мать ребенка, когда съ молокомъ своимъ, при первыхъ проблескахъ самосознанія младенца, передаетъ ему и свои убѣжденія, свои вѣрованія, свои духовныя свойства?!. Все семейство отца Іоаннова было благочестиво, живя по Божьи и храня неразсуждающее послушаніе всѣмъ велѣніямъ церкви. Въ тихой атмосферѣ этого семейства и росъ будущій подвижникъ.

Насталъ школьный возрастъ. И вотъ отрокъ Іоаннъ переступаетъ порогъ тамбовскаго приходскаго училища. Извѣстно, что тогда, какъ самое обученіе, такъ и дальнѣйшее развитіе грамоты, было строго религіознымъ. Учились по Часослову и Псалтири, читали больше слово Божіе и книги религіознаго содержанія. Божественное сѣмя пало на добрую почву и принесло обильный плодъ. Свѣтъ Божественнаго ученія проникъ въ душу юнаго Іоанна и зародилъ въ ней стремленіе ко спасенію, къ жизни для Бога. Окончивъ училище, отрокъ вынесъ изъ него немного научныхъ познаній, но большую любовь къ книгѣ. Его дѣтскою, чистой, воспримчивой душѣ разумная книга была лучшимъ, незамѣнимымъ товарищемъ, отрадою, утѣшеніемъ. Блаженъ, кто во дни

золотой юности получили прочные начатки добра; блаженъ, кто подъ бдительнымъ, разумнымъ наблюденіемъ своихъ воспитателей не вкусилъ растлѣвающего ума и сердца вліянія современной намъ литературы, живописующей пороки и страсти человѣческія такими яркими, заманчивыми красками. И невольно воспоминается при этомъ авторитетное замѣчаніе Часослова: «чему тонкое дѣтство обучено бываетъ, того дряхлая старость неудобъ оставляетъ». Разумное и душеполезное чтеніе открыло умному взору отрока обширные горизонты, на фонѣ которыхъ виднѣлся вдали Египеть съ его Озвaidою и Ливією, толпа великихъ пустынножителей—отцовъ иночества, этихъ земныхъ ангеловъ и небесныхъ человѣковъ, жившихъ на землѣ, но внѣ условій обыкновенной человѣческой жизни; онъ благоговѣлъ предъ величіемъ ихъ духовныхъ дарованій, внималъ всею душою глаголамъ ихъ Богоносныхъ ученій, съ каждымъ днемъ уразумѣвая давно извѣстную непреложную истину, что внѣ жизни по Богѣ все остальное не болѣе, какъ *суета суетъ*, подобно паутинѣ исчезающая съ приближеніемъ неизбежной смерти.

Нимало удивительно, что съ такимъ міросозерцаніемъ воспримчивый отрокъ и юноша не видѣлъ ничего заманчиваго и привлекательнаго въ мірской жизни, слишкомъ далекой отъ возвышенныхъ запросовъ его духа, звавшаго его къ иного рода дѣятельности—пути своего духовнаго созиданія, побуждавшаго юношу въ собственную жизнь проводить тѣ же начала, о которыхъ повѣствовали изучаемыя имъ житія святыхъ. Что страннаго въ томъ, что подъ вліяніемъ прочтенныхъ имъ книгъ въ сердцѣ Іоанна зародилось пламенное желаніе оставить домъ отчий и удалиться въ одну изъ иноческихъ обителей? Что страннаго въ томъ, что въ такомъ состояніи духа онъ не имѣлъ мѣста на веселомъ пиру мірской жизни, что онъ помышлялъ о бѣгствѣ изъ міра, чтобы пріобрѣсти Христа?!.. Помимо великихъ отцовъ священной христіанской древности предъ очами юноши благочестиваго всегда находился благодатный свѣтильникъ, горѣвшій и свѣтившій въ Тамбовѣ.—святитель его Птириямъ, своею жизнію и благодатными цѣленіями недуговъ человѣческихъ, источаемыми имъ отъ священной его раки, показывавшій неизмѣримыя преимущества вѣчнаго надъ временнымъ и земнаго надъ небеснымъ. Кромѣ того слава о подвигахъ смиренныхъ обитателей благословеннаго Сарова, какъ бы воплотившаго въ себѣ духъ древняго иночества, какъ бы унаслѣдовавшаго добродѣтели и высоту древнихъ великихъ отцовъ и плодопринесшаго Христу цѣлый многочисленный сонмъ великихъ подвижниковъ, блиставшихъ озареніемъ Духа Божія: Іоанна, Димитрія, Ефрема, Пахомія, Іосифа, Назарія, Птириима, оканчивавшаго подвигъ своего теченія чуднаго Марка и иныхъ многихъ, между которыми какъ свѣтлое солнце изъ своего затвора сіялъ міру Божию великій Серафимъ, неудержимо влекла благочестиваго юношу подъ сѣнь дремучихъ многолѣтнихъ лѣсовъ Саровскихъ. Но иное дѣло имѣть благое намѣреніе, другое—гораздо болѣе трудное—осуществить его са-

мимъ дѣломъ Родителя Іоаннова уже не было въ живыхъ, когда онъ рѣшился заявить своимъ братьямъ о своемъ намѣреніи удалиться въ монастырь, да и мать его уже покоилась въ могилѣ. Іоаннъ тяготился жизнію въ мірѣ; ему несносны были мірскія занятія и уединеніе монастырской келліи казалось ему землей обѣтованною. Но братья его—старшій и младшій, по позднѣйшему чистосердечному признанію перваго изъ нихъ, «весьма много старались препятствовать брату (Іоанну) въ его стремленіи къ иноческому пути»¹⁾ Быть можетъ, въ этомъ отношеніи они удерживались опасеніемъ, чтобы братъ ихъ, вступивъ въ обитель, не охладѣлъ къ иноческому подвигу, встрѣтивъ здѣсь совершенно не то, что ожидалъ видѣть; ибо и въ монастыряхъ встрѣчаются худые братья, подобно тому, какъ и въ мірѣ среди хорошихъ людей существуютъ и худые представители человѣческаго рода, чтобы онъ не пожалѣлъ о сдѣланномъ имъ шагѣ. Но естественнѣе всего предположить, что причиною противодѣйствія ихъ осуществленію намѣренія Іоанна было обычное нерасположеніе міра къ монастырямъ и иночеству вообще.

Міръ, относящійся всегда съ нерасположеніемъ къ монастырямъ, слѣдящій за монашествующими и охотно осуждающій иноческія обители, вопрошаетъ настойчиво: «для чего существуютъ обители? Если для постоянной молитвы Богу, для нравственнаго совершенствованія души, для утвержденія жизни въ христіанской чистотѣ, то это все и въ мірѣ возможно, и тамъ есть примѣры высокихъ христіанскихъ добродѣтелей. Если же обители пополняются иноками для огражденія себя отъ мірскихъ соблазновъ, для подвиговъ высшей духовной жизни, то оправдываютъ-ли обители такое назначеніе?—Гдѣ ваше иночество? вопрошаетъ міръ. Покажите его міру! Ваше черное одѣяніе не отвѣтъ; ваша многочисленность—не отвѣтъ; устройство монастырей—не отвѣтъ; ваши долгія богослуженія—не доказательство; ваше уединеніе, ваши посты, ваша наружная обстановка и соблюденіе уставовъ не отвѣтъ. Ваши обѣты? Но это только основаніе иночества, а еще не дѣйствительное иночество. Покажите ваше иночество изъ глубины душъ вашихъ, изъ существа вашей жизни, изъ вашихъ дѣлъ, общихъ и личныхъ. Покажите всю красоту и высоту иночества въ его дѣйствительности, въ полномъ осуществленіи его идей и характера, въ высшихъ нравственныхъ совершенствахъ. Тогда міръ пойметъ, для чего существуетъ монашество. Явись ты, инокъ, предъ глазами міра во всей чистотѣ цѣломудрія, во всемъ безстрастіи евангельскаго нестяжанія, во всей глубинѣ самоотреченнаго смиренія, во всемъ величій тяжелаго, но съ любовію и радостію носимаго креста во слѣдъ Спасителя міра: покажи міру, что ты дѣйствительно въ духѣ и жизни далеко отъ міра, выше его, спокойнѣе и счастливѣе въ душѣ, что ты обладаешь такими совершенствами, какихъ въ мірѣ и съ міромъ нельзя имѣть христіанину, тогда мы увидѣли бы

¹⁾ Сказанія о подвигахъ и событіяхъ жизни старца Серафима, іером., пустынника затворника Саровской пустыни; изд. 3-е; Спб. 1877 г., стр. 295.

такое сокровище иночества; тогда міръ волею или неволею самъ преклонился бы предъ достоинствомъ монашества» ¹⁾.

О, ослѣпленный и маловѣрный міръ! Гдѣ ты былъ и чѣмъ былъ занятъ, если не замѣтилъ даже такихъ великихъ и совершенныхъ иноковъ, явленныхъ тебѣ, какъ Великіе: Антоній, Макарій, Пахомій, Василій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Лѣствичникъ, Ефремъ и Исаакъ Сирияны и многіе-многіе другіе? Неужели неизвѣстна тебѣ исторія просвѣщенія Россіи, труды свв. Кирилла и Меѳодія, Антонія и Θεодосія и многочисленныхъ святыхъ Кіево-Печерской Лавры? Ты не усмотрѣлъ правственныя совершенства въ Преп. Сергіи и его ученикахъ; ты не уразумѣлъ или точнѣе не хотѣлъ видѣть величія Преп. Серафима, и понынѣ съ непонятнымъ трудомъ и равнодушіемъ относишься къ бѣднымъ обителямъ, основаннымъ многими этими великими иноками, которые почиваютъ въ нихъ св. своими мощами, благоухаютъ, творятъ чудеса, какъ истинно живые, и порождаютъ Духомъ собирающихся боголюбивыхъ иноковъ на ихъ могилахъ. Такъ цѣнилъ міръ сокровище иночества тогда и такъ продолжаетъ цѣнить теперь. Или міръ особенно озлобляется только противъ современныхъ иноковъ? Зачѣмъ же онъ тогда не чтитъ память прежнихъ, забрасываетъ ихъ святыхъ гробницы?! Пусть этотъ міръ самъ достигнетъ того совершенства, чтобы понять, что и нынѣ нѣтъ обители безъ праведника. «Сѣтуютъ, что нынѣ нѣтъ святыхъ, говоритъ святитель Филаретъ,—но не можетъ быть, чтобы ихъ совсѣмъ не было; ибо безъ святыхъ міръ не былъ бы достоинъ храненія Божія и не могъ бы стоять. Мы можемъ говорить, что нѣтъ нынѣ въ мірѣ святыхъ, подобно какъ отецъ Алексія, человѣка Божія, сказалъ бы, что у него въ домѣ нѣтъ сына и нѣтъ святого, тогда какъ сынъ его жилъ у него въ домѣ и былъ мужъ святой, но закрыть былъ и отъ отца и отъ другихъ образомъ нищаго» ²⁾. Таинственно иночество; оно есть дѣло—совѣсти. Мы можемъ отвѣтить міру словами св. Апостола: кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ? Такъ и Божіяго никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія. Душевный или мірской человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. Но духовный судить о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ; ибо кто позналъ умъ Господень, чтобы могъ судить Его (1 Коринто. 2, 11, 16)?

Высоту иночествования о Господѣ Іоаннъ ощущалъ сердцемъ, если вполне еще постигалъ умомъ, и стремился къ нему душою, подобно тому, какъ растение тянется къ лучамъ и теплу оживотворяющаго его солнца. И если для братьевъ Іоанновыхъ желаніе его представлялось пустою затѣею, то самъ онъ считалъ осуществленіе этого сердечнаго желанія цѣлью и смысломъ своей жизни. Ему было уже тѣсно, душно,

¹⁾ Епископъ Іоаннъ Смоленскій. Слова, 221 стр.

²⁾ Слова и рѣчи митрополита Филарета IV, 50.

невыносимо въ мірѣ, въ его атмосферѣ, проитанной суетными заботами объ удовлетвореніи лишь своихъ естественныхъ потребностей, въ достиженіи павозможно лучшаго матеріальнаго своего обезпеченія полагающимъ все свое земное блаженство, съ полнѣйшимъ забвеніемъ о радостяхъ неба, къ которому онъ почти никогда и не возводитъ душевныхъ очей своихъ. Но противодѣйствіе братьевъ не могло измѣнить рѣшимости Іоанна удалиться въ Саровъ. И если онъ не высказывался объ этомъ ранѣе при жизни родителей, то дѣлалъ это по нежеланію причинять имъ преждевременныя огорченія и вмѣстѣ съ тѣмъ испытывалъ твердость своего произволенія. Такимъ образомъ стремленіе къ иночеству не было у Іоанна лишь временнымъ порывомъ религіознаго чувства, а строго и долговременно провѣреннымъ имъ дѣломъ, послѣ котораго тогда, когда въ душѣ и сердцѣ его сложилось твердое убѣжденіе, что единственный для него путь въ жизни ясенъ, какъ Божій день, и что путь этотъ—только монастырь, внѣ котораго нѣтъ для него никакого другаго пути на землѣ, онъ рѣшительно приступилъ къ осуществленію своего завѣтнаго намѣренія. Отказавшись отъ какой-либо доли въ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ родителей, исходатайствовавъ увольненіе себѣ отъ общества для поступленія въ иночество, съ твердою вѣрою и упованіемъ на всесильную Божию благодать, ищущихъ спасенія къ Нему управляющую, съ молитвою на устахъ и въ сердцѣ, юный искатель монашескаго подвига, горячо помолившись на гробѣ родителей своихъ и испросивъ ихъ загробнаго благословенія на предлагаемое ему дѣланіе, простившись также съ наиболѣе близкими ему по плоти и по духу людьми, оставилъ г. Тамбовъ.

Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ, что отрекающійся отъ міра, или въ данномъ случаѣ удаляющійся изъ него, и вступающій въ обитель, руководится тремя побужденіями: 1) желаніемъ достигнуть небеснаго блаженства, 2) избѣжать вѣчныхъ мученій и, наконецъ—3) любовію къ Богу (Слово 1. Лѣстницы). Несомнѣнно, что и въ душѣ Іоанна жили всѣ три эти побужденія. Ради нихъ онъ оставилъ родной городъ, отрекся отъ своей части имѣнія, разстался съ близкими родственниками и знакомыми, безъ сожалѣнія отвернулся отъ открывавшихся предъ нимъ радостей жизни и всецѣло предалъ себя въ волю Божию, ввѣривъ себя всего въ незримое, но дѣйствительное водительство Его Божественнаго Промысла. Не минутной только вспышкѣ религіознаго чувства слѣдуя, а тщательно и долговременно испытывъ твердость своего намѣренія, пришелъ онъ въ обитель. Не нужда или другія обстоятельства извели его изъ міра, а искреннее желаніе *работать Господеву* своему; не достиженіе честолюбивыхъ стремленій—прибило челнъ его къ берегамъ Саровскимъ, а жажда духовнаго совершенства, жажда Бога. Напитанный млекою святоотеческихъ твореній, хорошо знакомый съ жизнеописаніями многихъ святыхъ Божіихъ, изъ которыхъ ему ясно были видны и тѣ скорби, которыя должны были неизбѣжно встрѣтиться

ему на избранномъ пути, Іоаннъ пришелъ въ Саровъ, отнюдь не допуская въ себѣ даже тѣни мысли, что здѣсь ожидаетъ его тихое и безпечальное житіе. Нѣтъ, онъ сердцемъ вѣровалъ и усты псповѣдывалъ, что многими скорбями подобаетъ ему внити въ царствіе Божіе, къ которому одинъ путь—крестоношеніе, и что взявъ на рамена свои добровольно крестъ Христовъ, крестъ скорбей и напастей, необходимо пронести его чрезъ всю жизнь до могилы. Посему-то, приближаясь къ Саровской обители, юный Іоаннъ не могъ не предчувствовать, что за видимою тишиною обители скрываются незримыя духовныя бури, почему и не могъ не знать, что впереди ожидаютъ его такія обстоятельства, которыя неизбѣжно потребуютъ отъ него величайшаго терпѣнія, смиренія и глубочайшаго послушанія, питаемаго совершеннѣйшимъ смиренно-мудріемъ.

Въ Саровѣ, когда въ началѣ 1820 года явился сюда Іоаннъ, настоятельствомъ строгій подвижникъ игумень Нифонтъ. Пришедшій 18-лѣтній юноша падаетъ къ ногамъ игумена, смиренно прося о принятіи въ обитель. Такъ нѣкогда и въ такомъ же точно возрастѣ падалъ и самъ Нифонтъ къ стопамъ блаженнаго старца—строителя Пахомія. И вспомнился ему, конечно, этотъ, далекій теперь моментъ собственной жизни, и онъ принялъ просителя, не преминувъ, конечно, преподать ему при семъ случаѣ и необходимое назиданіе для начинаемой имъ новой жизни. Неизвѣстно, что именно говорилъ при этомъ игумень юношѣ, но убѣждены, что смыслъ его назиданія долженъ былъ быть таковымъ: «всѣ науки и искусства имѣютъ свою цѣль и свой конецъ, учать свв. отцы. Земледѣлецъ терпитъ зной и холодъ, неутомимо трудится, распахиваетъ землю, имѣя цѣлю—очистить ее отъ всякаго сторонняго сора и сдѣлать плодородною: онъ убѣжденъ, что иначе не достигнетъ конца, т. е. полученія обильной жатвы для содержанія себя и умноженія своего достоянія. Такъ и подвижничество наше имѣетъ свою цѣль и свой конецъ, ради котораго мы неутомимо и съ удовольствіемъ трудимся: насъ не тяготятъ посты, веселятъ долгія бдѣнія, не страшатъ недостатки во всемъ, ни даже ужасы пустынножительства. Конецъ нашей подвижнической жизни—есть царство Божіе, а цѣль—чистота сердца, безъ которой невозможно достигнуть того конца. Такъ св. Апостоль Павелъ учитъ: *плодъ вашъ есть святость, а конецъ—жизнь вѣчная* (Рим. 6, 22). Этимъ онъ сказалъ какъ бы: цѣль ваша—въ чистотѣ сердца, а конецъ—жизнь вѣчная. Итакъ, что можетъ насъ направить къ сей цѣли, т. е. къ чистотѣ сердца, тому мы должны слѣдовать всею силою, что отвлекаетъ отъ него,—того избѣгать, какъ гибельнаго и вреднаго. Для этой цѣли иногда приходится оставлять родителей, отечество, богатство, утѣхи міра сего и всѣ удовольствія; для этой цѣли удаляемся въ пустыни, держимъ посты, занимаемся бдѣніемъ, тѣлесною нищетою, чтеніемъ и прочими добродѣтелями (Доброт. II, 7—8). Но главное—что требуется отъ новоначальнаго брата—это безпреко-

словное, неразсуждающее послушаніе, питаемое истиннымъ смиренномудріемъ».

Не увлекаясь стремленіемъ къ мнимому высокому жителству, не ища прежде времени великихъ дарованій Божіихъ, Іоаннъ, 15 апрѣля 1820 г. зачисленный въ число штатныхъ послушниковъ Саровской пустыни, шелъ безопаснымъ путемъ смиренія и послушанія, повѣряя духовное свое состояніе писаніями богомудрыхъ наставниковъ монашества, которые учатъ, что новонаначальному христіанскому подвижнику прежде всего должно заботиться о познаніи себя и объ укрощеніи своихъ страстей, всемѣрно противоборствовать имъ, прежде всего не оправдывая ихъ и не приводя имъ извиненій, познавая свою душевную немощь; къ благимъ начинаніямъ не примѣшивать тщеславія, челоуѣкоудодія или другого какого-либо нечистаго побужденія, а искренно и съ чистымъ произволеніемъ, нелукавою простотою и беззлобіемъ служить единому Господу. Впрочемъ, мирное устроеніе его души, питаемое назидательною жизнью и подвигами современныхъ ему иноковъ саровскихъ, не могло быть еще вполне полнымъ. Іоаннъ вседушевно желалъ видѣть прославленнаго подвижника—старца Серафима, въ это время проходившаго предъ Богомъ затворническое свое сокровенное дѣланіе. Но двери его затвора еще были заключены для всѣхъ; еще великій свѣтильникъ церкви приготовлялся къ необъятному подвигу всероссійскаго пастырствованія душъ челоуѣческихъ, и такимъ образомъ Іоаннъ лишенъ былъ возможности пасть къ ногамъ Преподобнаго, получить его благословеніе раскрыть предъ нимъ свою душу и сердце и въ его мудромъ, облагодатствованномъ словѣ почерпнуть руководственныя и незамѣнимыя указанія для всей своей послѣдующей иноческой жизни. Но близокъ былъ тотъ день, когда Владычица міра христіанскаго, явившись рабу Своему въ сопровожденіи преподобныхъ пустынножителей Онуфрія Великаго и Петра Аѳонскаго, повелѣла открыть двери затворнической келліи и назидать всѣхъ приходившихъ къ нему спасительными своими ученіями. Впрочемъ, юному послушнику Господь судилъ увидѣть затворника еще за долго до того дня, когда двери его келліи отверзлись для желавшихъ его видѣть. И вотъ какъ самъ онъ рассказывалъ о семъ впоследствии.

«При поступленіи моемъ въ Саровскую обитель,—пишетъ онъ,—я проходилъ послушаніе будильщика. По обычаю, я долженъ былъ вставать за полчаса до утрени и вмѣстѣ съ другимъ братомъ за четверть часа до благовѣста находиться въ снѣгахъ у настоятеля, чтобы при первомъ ударѣ въ колоколъ получить отъ настоятеля благословеніе и отправиться на послушаніе—будить братію: я—на одну сторону обители, а братъ—на другую,—по правиламъ обительскимъ. Однажды, изволеніемъ Божиимъ, я всталъ часа за два до благовѣста и отправился къ памятникамъ, близъ собора находящимся, гдѣ почиваютъ извѣстные боголюбивые старцы. Находясь между ними, вдругъ примѣтилъ я, что у

келліи о. Серафима какъ будто что-то движется взадъ и впередъ. Съ молитвою сталъ я всматриваться и увидѣлъ, что это былъ самъ подвижникъ, который тихо, по одному полѣнцу, переносилъ съ одного мѣста на другое, ближайшее, и почти въ незамѣтномъ разстояніи, небольшую полѣнницу дровъ, лежавшую у его келліи, и чуть слышно творилъ молитву Иисусову. Вѣроятно старецъ каждую ночь освѣждался такимъ образомъ чистымъ ночнымъ воздухомъ, послѣ дневного затворничества и бдѣнія въ келліи; а въ то же время совершалъ и полунощный свой подвигъ и среди общественнаго успокоенія бодрствовалъ духовно. Я притаился между памятниками и долго не зналъ что мнѣ дѣлать: наконецъ въ страхѣ и радости бросился старцу въ ноги и, цѣлуя ихъ, просилъ у него благословенія. Старецъ поднялъ меня съ отеческою любовію и, благословивъ трижды, повторилъ тихо: «благодари Господа за то, что ты видѣлъ; огради себя молчаніемъ, и внимай себѣ!» (Сказанія о подв. и соб. 59, 60).

Случайно-ли произошла эта первая встрѣча благоговѣйнаго юноши съ прославленнымъ подвижникомъ, въ безмолвіи затвора проходившимъ предъ Богомъ свое высокое, сокровенное отъ людей, дѣланіе и восходившимъ отъ силу въ силу по ступенямъ нравственнаго совершенства? Но случайностей въ жизни глубоко-вѣрующаго христіанина не бываетъ. По непреложному слову Христа Спасителя даже волосъ съ головы нашей не можетъ пасть безъ воли Божіей, тѣмъ болѣе произойти событіе, имѣвшее громаднѣйшія послѣдствія для всей дальнѣйшей жизни новоначальнаго послушника. Не знаемъ, что можетъ быть безсмысленнѣе, какъ приписывать какое нибудь явленіе или событіе случаю, какъ какой-то дѣйствующей причинѣ. А между тѣмъ, какъ мы часто слышимъ: «это дѣло случая», и чуть ли подобная безсмыслица не становится господствующею среди тѣхъ, которые воспользовались лишь только верхушками образованія и никогда не углублялись въ предметы высшихъ знаній, какова безграничная вѣра въ Высшее Существо и въ Его Промыслъ. Что касается насъ, то мы твердо вѣруемъ, что встрѣча Іоанна съ Преп. Серафимомъ промыслительно уготована была Богомъ, всѣмъ хотящимъ спастися. Въ самомъ дѣлѣ: юный послушникъ, только что вступившій на путь иноческаго подвига и нуждавшійся въ особомъ благодатномъ утвержденіи на избранномъ имъ поприщѣ, въ борьбѣ съ естественною склонностью ко сну, выходить на монастырь и направляется къ гробамъ старцевъ-подвижниковъ обители, чтобы здѣсь, въ этомъ безмолвномъ, но краснорѣчивомъ училищѣ иноческаго подвижничества, почерпнуть для себя и назиданіе и подкрѣпленіе для предлежащаго ему дѣланія. Въ сумракѣ ночи видитъ онъ славнаго подвижника, труждающагося и творящаго спасительную молитву Иисусову. Какой живой и дѣйственный урокъ, не могшій быть забытымъ до гробовой доски тѣмъ, которому онъ былъ преподаанъ! Іоаннъ палъ въ ноги старца, лобызалъ ихъ, а Преподобный, поднявъ его и трижды благословивъ, сказалъ:

огради себя молчаніемъ и внимай себѣ. Какъ мало здѣсь словъ, и какой глубокой смыслъ заключается въ этомъ краткомъ пазиданіи!

Когда съ соизволенія Божія Преп. Серафимъ отверзъ двери своей келліи и разрѣшилъ молчаніе устъ своихъ, то новоначальный послушникъ Іоаннъ сталъ однимъ изъ наиболѣе частыхъ его посѣтителей: къ сему духоносному мужу влекла его глубокая вѣра и любовь; въ его совѣтахъ и указаніяхъ черпалъ онъ незамѣнимые уроки облагодатствованной духовной жизни. Преподобный Серафимъ сталъ по отношенію Іоанна духовнымъ руководителемъ-старцемъ. Отклонимся на минуту отъ нити нашего повѣствованія и постараемся въ краткихъ словахъ дать изложеніе необходимости и смысла духовнаго «старчествованія или окормленія».—Великій подвижникъ—Святитель Ѳеофанъ пишетъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: «какъ новорожденному дитяти, говоритъ онъ, нельзя жить безъ матери, которая печется о немъ, лелѣетъ его и пѣстунствуетъ, такъ новорожденному въ духѣ и обратившемуся существенно нужны на первый разъ пѣступъ и пѣстунство, руководитель и руководство. Необходимость въ руководителѣ-отцѣ очевидна сама собою. Всякому, начинающему искать спасенія, нельзя браться за это дѣло самому или содѣвать свое спасеніе по своему разумѣнію и хотѣнію; но съ перваго же раза надо отдать себя кому-нибудь подъ науку въ семь. Вступилъ онъ на новый, совершенно безвѣстный ему путь; пусть же пользуется вѣрнымъ указаніемъ, а не останавливается на однѣхъ своихъ догадочностяхъ. Ходитъ онъ сначала, какъ въ туманѣ, или въ лѣсу какомъ мрачномъ, и посреди сѣтей; пусть же подастъ руку тому, кто можетъ вывести его оттуда и поставить на прострапнѣ нозѣ его. Онъ больной: какъ же можно рѣшиться лечить самого себя въ духовныхъ болѣзняхъ тончайшихъ, когда и тѣла своего не только обыкновенные больные, но и врачи сами не лечатъ? Тому только, къ чему естественно рождены, можемъ мы и не учась навикнуть; искусствамъ же и мастерствамъ обыкновенно обучаемся, напр. писать, рисовать, пѣть и проч. А дѣло спасенія есть искусство искусствъ и наука наукъ; какъ же можно обойтись тутъ безъ учителя? Кто поступаетъ такимъ образомъ, тотъ въ самомъ началѣ пути спасительнаго допускаетъ въ себѣ расположеніе самое пагубное, именно: самонадѣянность и самоувѣренность».

«Правда, единъ есть нашъ учитель Господь (Мѡ. 23, 8), и Духъ Божій всегда пособствуетъ въ немощахъ нашихъ (Римл. 8, 26), и помазаніе Его учитъ насъ всему (Іоанн. 2, 27); но начавшій нисколько еще не способенъ къ такому внутреннему непосредственному Божественному водительство. Бываютъ случаи, когда приходится неизбѣжно оставаться при немъ одномъ,—и уповающаго Господь не посрамляетъ; но случаи такого рода должны относить уже къ числу чрезвычайныхъ, чудесныхъ; чаятъ же себѣ чудесности при обыкновенномъ порядкѣ вещей, значить искушать Бога. Господь, явившись апостолу Павлу, сначала послалъ его къ Ананіи (Дѣян. 9, 6), а потомъ уже и Самъ непосред-

ственно научилъ его (Гал. 2, 2); и апостоль сей, уже наученный Богомъ, вступивъ на поприще проповѣданія, притекаетъ къ совѣту другихъ апостоловъ, *да не вотще*, говоритъ, *теку* или *текохъ* (Гал. 2, 2)».

«Можетъ Господь воспитывать и чрезъ ангеловъ, какъ это въ древнія времена бывало нерѣдко, такъ что и наставленіе, и пищу, и причащеніе приносили ангелы, какъ видно изъ повѣствованія Св. Пафнутія о четырехъ отрокахъ; но все это суть пути ко спасенію, руководства и воспитаніе необыкновенные, которыхъ ожидать и благочестно и опасно по той причинѣ, что и врагъ нашъ можетъ принимать образъ свѣтлаго ангела (2 Кор. 11, 14). Слѣдовательно, надобно держаться смиреннѣйшей части и покоряться человѣку—ради Бога. Путь этотъ оправданъ опытами всѣхъ святыхъ, просіявшихъ, яко свѣтила, на тверди христіанской. Величайшіе угодники Божіи всегда пользовались совѣтомъ и руководствомъ. Антоній Великій, Макарій Египетскій, Пахомій, Иларіонъ, Евломій, Савва,—всѣ начало содѣванія своего спасенія полагали покореніемъ себя отцу своему духовному и обучались подвижничеству подъ его поставленіемъ. Зато скоро созрѣвали и усовершенались безъ уклоненій и опасныхъ преткновеній. Напротивъ, другой путь своеобразный, по своему уму и сердцу, всегда былъ почитаемъ путемъ заблуднымъ и гибельнымъ. Сколько было разительнѣйшихъ опытовъ, что подвизающійся лишь только уклонялся отъ руководства, тотчасъ падалъ въ прелесть, былъ опутываемъ сатаною и погибалъ».

Родоначальникъ иночества Преп. Антоній Великій говоритъ: «твердо знайте, что не преуспѣть, или возрасти и сдѣлаться совершеннымъ вы не можете, но умѣть вѣрно различать добро отъ зла вы не будете, если не будете повиноваться отцамъ вашимъ. Отцы наши сами такъ поступали: повиновались отцамъ своимъ и ихъ наставленія слушали; оттого преуспѣли, возрасли и сдѣлались сами учителями, какъ написано въ Премудрости сына Сирахова: *«не отступай отъ повѣсти старцевъ, ибо тѣмъ навывоша отъ отцовъ своихъ: яко отъ нихъ навывкнеша разуму и во время потребно дати отвѣтъ»* (Сир. 8, 11—12). Итакъ, вы должны подражать тѣмъ, кои покорны были отцамъ своимъ и ихъ во всемъ слушались, и которыхъ отцы, при помощи Божіей, научили всему, чему сами научились у отцовъ своихъ и что предали сынамъ своимъ покорнымъ. Такъ Исаакъ слушался Авраама, Іаковъ—Исаака, Іосифъ—Іакова, Елисей—Илію, Павелъ—Ананіи, Тимошей—Павла. Сіи всѣ и подобные имъ слушались отцевъ своихъ, исполняли волю ихъ и слѣдовали ихъ совѣтамъ; оттого познали истину, научились правдѣ и, наконецъ, сподобились Духа Святаго,—стали, такимъ образомъ, провозвѣстниками истины во всемъ, какъ написано у Іезекіиля пророка: *стража дахъ ты дому Израилеву, да слышиши слово отъ устъ Моихъ, и воспретиши имъ отъ Мене* (3, 17). Итакъ, если желаете преуспѣть и полнѣе возрасти, сдѣлаться невозмутимыми въ сердцѣ своемъ и ни въ чемъ не быть посмѣянными отъ діавола, повинуйтесь отцамъ своимъ и во всемъ слу-

шайтесь—и не падете во вѣки» (Добротол. I т. Наставл. св. Антонія, В. 56 стр.). „Человѣкъ, безъ совѣта дѣлающій дѣла свои, говоритъ св. Антоній, походить на городъ неогражденный, въ который, кто ни захочетъ, входитъ и расхищаетъ его сокровища (тамъ же изреч. св. Антонія 17). Спрашивать другихъ св. Антоній считалъ столь спасительнымъ дѣломъ, что даже самъ, учитель всѣхъ, обращался съ вопросомъ къ ученику своему, преуспѣвшему однакожъ, и какъ тотъ однажды сказалъ, такъ и поступилъ, ибо повѣствуютъ, что когда авва Антоній получилъ отъ императора Констанція письменное приглашеніе прибыть въ Константинополь, онъ обратился къ Павлу Препростому съ вопросомъ: «должно-ли мнѣ идти?» И когда тотъ сказалъ «если пойдешь, будешь Антоній, а если не пойдешь, то будешь авва Антоній»—(чьмъ не одобрялось это путешествіе), то онъ спокойно остался на мѣстѣ (тамъ-же. Изр. св. Антонія Вел. 18).

О необходимости старчества говорить и великій устроитель иноческаго жительствова—св. Василій Великій.—«Когда при Божіемъ содѣйствіи, учитъ онъ,—побѣдишь врага своего въ этой первой борьбѣ (при обращеніи отъ грѣха), не бросай себя, подобно какому-нибудь негодному сосуду, ибо отреченіемъ отъ земныхъ вещей ты украсилъ уже себя Христу, но съ великою заботливостью и внимательностью постарайся найти мужа, который бы непогрѣшительно предшествовалъ тебѣ въ образъ жизни и хорошо умѣлъ руководить шествующихъ Богу» (Древн. иноч. уставы—Василія Вел. объ отреч. отъ міра). А великій наставникъ монашества Варсануфій Великій на вопросъ одного ученика, который желалъ спастись, но пути спасенія не зналъ, отвѣчалъ слѣдующее: «брате! Богъ чрезъ Божественное писаніе и чрезъ отцовъ указалъ намъ путь спасенія, сказавъ: *вопроси отца твоего, и возвьститъ тебѣ, старцы твоя, и рекутъ тебѣ*» (Второз. 32). Итакъ, если хочешь не заблудиться въ дѣлѣ спасенія, то не дѣлай ничего безъ вопроса у отцовъ духовныхъ и не заблудишься благодатью Бога, всѣмъ хотящаго спастися и въ разумъ истины пріити (Добротол. т. II, настав. Варсануф. и Иоанна Гл. 71). Преподобный же авва Дорофей разсуждаетъ объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: «Премудрый Соломонъ говоритъ въ притчахъ: *имъ же нѣтъ управленія, падаютъ, яко же листвіе; спасеніе же есть во мнозѣ совѣтъ*» (Притч. 11, 14). Видите ли, братія, силу сего изреченія? Видите-ли, чему учитъ насъ Святое Писаніе? Оно увѣщаетъ насъ не полагаться на самихъ себя, не считать себя разумными, не вѣрить тому, что можемъ сами управлять собою, ибо мы имѣемъ нужду въ помощи, нуждаемся въ наставляющихъ насъ по Богъ. Нѣтъ несчастнѣе и ближе къ погибели людей, не имѣющихъ на пути Божіемъ. Ибо что значить сказанное: *имъ же нѣтъ управленія, падаютъ яко же листвіе?* Листъ сначала всегда бываетъ зеленъ, цвѣтуещъ и красивъ; потомъ постепенно засыхаетъ, падаетъ и, наконецъ, имъ пренебрегаютъ и попираютъ его; такъ и человѣкъ, пи-

кѣмъ не управляемый, сначала всегда имѣеть усердіе къ посту, къ бдѣнію, безмолвію, послушанію и къ другимъ добрымъ дѣламъ; потомъ усердіе это мало-по-малу охладѣваетъ; и онъ, не имѣя никого, кто бы наставлялъ его, поддерживалъ и воспалялъ въ немъ это усердіе, подобно листу нечувствительно иссыхаетъ, падаетъ и становится, наконецъ, подвластнымъ и рабомъ враговъ, и они дѣлають съ нимъ что хотятъ» (Ав. Дорооеа поученіе 5-е). — «Сынъ мой, говорилъ преп. Маркъ подвижникъ, — паче всего надлежитъ пецись о вѣдѣніи и разумѣ тому, кто хочетъ взять крестъ и послѣдовать Христу, съ непрестаннымъ испытаніемъ своихъ помысловъ, многимъ попеченіемъ о спасеніи и великою приверженностію къ Богу, при вопрошеніи единокорныхъ и единомысленныхъ рабовъ Божіихъ, тѣмъ же подвигомъ подвизающихся, чтобъ не зная, куда и какъ направлять шествіе, не иди во тьмѣ безъ свѣтлаго свѣтильника» (Доброт. т. I, Марк. подв. посл. къ ин. Николаю 10).

Множество свидѣтельствъ Святыхъ Отець можно было бы привести въ доказательство необходимости и спасительности старчества; но, полагая, что и приведенныхъ достаточно для этой цѣли, мы не можемъ не замѣтить, какъ счастливъ былъ юный послушникъ, въ Преподобномъ встрѣтивъ такого благонадежнаго руководителя! Смиреніе молодого ученика расположило къ нему старца Божія; онъ видѣлъ мягкую, воспримчивую къ добру, его душу и питалъ къ нему особое довѣріе, уча его иноческой жизни и предостерегая отъ чрезмѣрныхъ подвиговъ, которые могли возбудить въ недостаточно еще опытномъ подвижникѣ чувство грѣховной духовной гордости. Богоносный отецъ усердно снабдѣвалъ душу ученика своего, а сердце сего послѣдняго представляло собою добрую почву для воспріятія сѣмянъ спасительнаго ученія, ученія старческаго. И необходимо привести здѣсь сохранившіяся до нашего времени *духовныя наставленія Преп. Серафима*, которыми великій свѣтильникъ нашей церкви назидалъ своихъ учениковъ и въ томъ числѣ Іоанна.

1) I. «По совѣту-ли, или по власти другихъ, или какимъ бы то ни было образомъ пришелъ ты въ сію обитель, не унывай: посѣщеніе Божіе есть. Аще соблюдеши, яже тебѣ сказую, спасеши самъ и присныя твои, о которыхъ заботишься: *не видѣхъ*, глаголетъ пророкъ, *праведника оставлена, ниже стѣмене его* (Псал. 36, 25). Живя же въ сей обители, сіе соблюдай: стоя въ церкви, внимай всему безъ упущенія; узнай весь церковный порядокъ, то есть: вечерню, повечеріе, полунощницу, утреню, часы выучись содержать въ разумѣ. Если находишься въ кельѣ, не имѣя руководлія, всячески прилежи чтенію, а наипаче псалтири; старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все въ разумѣ. Если есть руководліе, — занимайся онымъ; если зовуть на послушаніе, — иди на оное. За руководліемъ, или будучи гдѣ либо на послушаніи, твори безпрестанно молитву: *Господи, Иису-*

1) Повоначальному иноку.

се, Христе, Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго Въ молитвѣ внемли себѣ, т. е. умъ собери и соединяй съ душою. Сначала день, два и множае твори молитву сію однимъ умомъ, внимая каждому слову особо. Потомъ, когда согрѣетъ сердце твое теплота благодати и соединить въ тебѣ оную въ единъ духъ, тогда потечетъ въ тебѣ молитва огня безпрестанно, и всегда будетъ съ тобою наслаждая и питая тебя. Сіе то самое есть реченное пророкомъ Исаіею: *роса бо, яже отъ Тебе, исцѣленіе или есть* (Исаи 26, 19). Когда же будешь содержать въ себѣ сію нищу духовную, т. е. бесѣду съ Самимъ Господомъ, то зачѣмъ ходить по келліямъ братіи, хотя кѣмъ и будешь призываемъ? Истинно сказую тебѣ, что празднословіе, сіе есть и празднолюбіе. Аще себя не понимаешь, то можешь ли разсуждать о чемъ и другихъ учить. Молчи, безпрестанно молчи, помня всегда присутствіе Божіе и имя Его. Ни съ кѣмъ не вступай въ разговоръ, но всячески блюдишь осуждать много разговаривающихъ, или смѣющихся. Будь въ семь случаѣ глухъ и нѣмъ; что бы о тебѣ ни говорили, пропускай все мимо ушей. Въ примѣръ себѣ взять можешь Стефана Новаго (Четьи Мин. 28 нояб.), котораго молитва была непрестанна, нравъ кротокъ, уста молчаливы, сердце смиренно, духъ умиленъ, тѣло съ душою чисто, дѣвство непорочно, нищета истинная и нестяжаніе пустыническое, повиненіе тщательное, дѣланіе терпѣливо и трудъ усерденъ».

Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ѣстъ, но внимай себѣ, питая душу молитвою. Въ среду и пятокъ, аще можешь, вкушай по однажды. Каждый день непремѣнно въ нощи спи четыре часа: 10, 11, 12 и часть за полунощъ; аще изнеможешь, можно въ добавокъ днемъ спать. Сіе держи несомнѣнно до кончины жизни; ибо оно нужно для успокоенья головы твоей. И я съ молодыхъ лѣтъ держалъ таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просимъ о упокоеніи себя въ ночное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныль, но здоровъ и весель».

«Сказую тебѣ истинно, аще тако будешь вести себя, то неисходно пребудешь въ обители до скончанія твоего. Смиряйся, и Господь поможетъ тебѣ, и *изведетъ яко свѣтъ правду твою, и судьбу твою, яко полудне* (Псал. 36.6) *и просвѣтитъ свѣтъ твой предъ чловѣки*» (Мѡ. 5, 16).

1) П. «Когда злой недугъ печали овладѣетъ душой, тогда, наполнивъ ее горестью и непріятностью, не даетъ ей совершать молитву съ должнымъ усердіемъ, мѣшаетъ заниматься чтеніемъ Писаній съ надлежащимъ вниманіемъ, лишаетъ ее кротости и благодущія въ обращеніи съ братіями и рождаетъ отвращеніе отъ всякаго собесѣдованія».

«Ибо душа, исполненная печали, дѣлаясь какъ бы безумною и изступленною, не можетъ спокойно ни принимать благого совѣта, ни

1) О скукѣ и уныніи.

кратко отвѣчать на предлагаемые вопросы. Она убѣгаетъ людей, какъ бы виновниковъ ея смущенія, не понимая, что причина болѣзни внутри ея. Печаль есть червь сердца, грызущій рождающую его мать. Печальный монахъ не движеть ума къ созерцанію и никогда не можетъ совершать чистой молитвы. Кто побѣдилъ страсти, тотъ побѣдилъ и печаль, а побѣжденный страстями не избѣжитъ оковъ печали. Какъ больной видитъ по цвѣту лица, такъ обладаемый страстью обличается отъ печали. Кто любитъ міръ, тому невозможно не печалиться, а презрѣвшій міръ всегда веселъ; какъ огонь очищаетъ золото, такъ печаль по Бозѣ очищаетъ грѣховное сердце (Ант. слов. 25)».

1) III. Съ духомъ печали неразлучно дѣйствуетъ и скука. Она, по замѣчанію отцевъ, нападаетъ на монаха около полудня и производитъ въ немъ такое страшное безвокойство, что не сносны ему становятся и мѣсто жительства и живущіе съ нимъ братія, а при чтеніи возбуждается какое-то отвращеніе, частая зѣвота и сильная алчба. По насыщеніи чрева демонъ внушаетъ монаху помыслы выйти изъ кельи, и съ кѣмъ нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться отъ скуки, какъ непременно бесѣдуя съ другими. И монахъ одолѣваемый скукою, подобенъ пустышному хворосту, который то немного остановится, то опять несется по вѣтру. Онъ какъ безводное облако гонится вѣтромъ. Сей демонъ, если не можетъ извлечь монаха изъ кельи, то начинаетъ развлекать умъ его во время молитвы и чтенія.— «Это,—говоритъ ему помысль,—лежитъ не такъ, а это не тутъ», и это все дѣлаетъ для того, чтобы умъ сдѣлать празднымъ и безплоднымъ».

«Болѣзнь сія врачуетъ молитвою, воздержаніемъ отъ празднословія, посильнымъ рукодѣліемъ, чтеніемъ Слова Божія и терпѣніемъ; потому, что и рождается она отъ малодушія, праздности и празднословія» (Ант. сл. 26. Ис. Сир. 212).

«Трудно избѣжать сей болѣзни начинающему жизнь монашескую; ибо она первая нападаетъ на него. Потому прежде всего и должно предупредить ее посредствомъ строгаго и непрекословнаго исполненія всѣхъ возлагаемыхъ на послушника обязанностей. Когда занятія твои придуть въ настоящій порядокъ, тогда скука не найдетъ мѣста въ сердцѣ твоемъ. Скучаютъ только тѣ, у кого дѣла не въ порядкѣ. Итакъ, послушаніе—есть лучшее врачевство противъ сей ужасной болѣзни. Когда одолѣваетъ тебя скука, то говори себѣ по наставленію преподобнаго Исаака Сирина: «ты опять желаешь нечистоты и постыдной жизни». И если помысль скажетъ тебѣ: «великій грѣхъ убивать себя»,—ты скажи ему: «убиваю себя потому, что не могу жить нечисто. Умру здѣсь, чтобы не увидѣть истинной смерти души моей въ отношеніи къ Богу. Лучше мнѣ умереть здѣсь за чистоту, нежели жить жизнью злою. Я предпочелъ смерть сію грѣхамъ моимъ. Убью плотскія мои страсти,

1) () печали.

потому что я согрѣшилъ Господу, и не буду болѣе прогнѣвлять Его. Что Богу въ моей жизни, если я буду жить худо и прогнѣвлять Его?»¹⁾ Иное скука, иное томленіе духа, называемое уныніемъ. Бываетъ иногда человѣкъ въ такомъ состояніи духа, что кажется легче бы было ему уничтожиться, или быть безъ всякаго чувства и сознанья, нежели долѣе оставаться въ этомъ безмѣрно мучительномъ состояніи. Надобно спѣшить выйти изъ него. Влудись отъ духа унынія, ибо отъ него рождается всякое зло. (Варсон. отв. 73,500).

«Есть уныніе естественное,—учить св. Варсануфій,—отъ безсилія, и есть уныніе отъ бѣса. Хочешь ли знать его? Испытай такъ его: бѣсовское приходитъ прежде того времени, въ которое должно дать себѣ отдохновеніе. Ибо когда кто предположитъ себѣ сдѣлать что-нибудь, оно, прежде чѣмъ исполнена будетъ треть, или четверть дѣла, нудитъ его оставить дѣло и встать. Тогда не надобно слушать его, но надобно совершать молитву и сидѣть за дѣломъ съ терпѣніемъ. И врагъ, видя, что онъ поэтому творитъ молитву, удаляется, потому что не хочетъ давать повода къ молитвѣ (Варсон. отв. 562—565)».

«Когда Богу угодно, говоритъ Исаакъ Сиринъ, повергнуть человѣка въ большія скорби, попускаетъ ему власть въ руки малодушія. Оно рождаетъ въ немъ крѣпкую силу унынія, въ которомъ онъ испытываетъ душевную тѣсноту, и это есть предвкушеніе геенны; вслѣдствіе же сего находятъ духъ изступленія, отъ котораго происходятъ тысячи искушеній: смущеніе, ярость, хула, жалоба на свою участь, развращенные помыслы, переселеніе изъ мѣста въ мѣсто, и тому подобное. Если спросишь: «какая тому причина?» то скажу: «твое нерадѣніе; потому что ты не позаботился поискать у врачеванія ихъ». Ибо врачеваніе для всего этого одно, при помощи котораго человѣкъ скоро находить утѣшеніе въ душѣ своей. И что жъ это за врачевство?—Смиренномудріе сердца. Ничѣмъ, кромѣ его, человѣкъ не можетъ разрушить оплотъ сихъ пороковъ, а напротивъ того, находятъ, что сіи превозмогаютъ надъ нимъ (Ис. Сир. л. 156 на обор.). Уныніе у Св. Отцевъ иногда называется праздноствіемъ, лѣнностію и развлеченіемъ».

1) IV. Отчаяніе, по ученію св. Іоанна Лѣствичника, рождается отъ сознанія множества грѣховъ, отягченія совѣсти и несносной печали, когда душа, множествомъ язвъ покрытая, отъ невыносимой боли погружается въ глубину отчаянія, или отъ гордости и надменія, кто почитаетъ себя не заслуживающимъ того грѣха, въ который впалъ. Перваго рода отчаяніе влечетъ человѣка во всѣ пороки, безъ разбора; а при отчаяніи втораго рода человѣкъ держится еще своего подвига, что, по словамъ Іоанна Лѣствичника, и не совмѣстно разуму. Первое врачуетъ воздержаніемъ и благою надеждою, а второе—смиреніемъ и неосужденіемъ ближняго (Лѣств., ст. 26)».

1) Объ отчаяніи.

«Господь печется о нашем спасеніи; но челоуѣкоубійца діаволь старается привести челоуѣка въ отчаяніе. Душа высокая и твердая не отчаявается при несчастіяхъ, каковы бы они ни были. Іуда предатель былъ малодушенъ и неискусенъ въ брани, а потому врагъ, видя его отчаяніе, напалъ на него и обольстилъ его удавиться; но Петръ, твердый камень, когда впалъ въ грѣхъ, какъ искусный въ брани, не отчаялся и не потерялъ духа, но пролилъ горькія слезы отъ горячаго сердца, и врагъ, увидя ихъ, какъ огнемъ палимый въ глаза, далеко убѣжалъ отъ него съ болѣзненнымъ воплемъ».

«Итакъ, братія, учить Препод. Антіохъ, когда отчаяніе будетъ падать на насъ—не покоримся ему; но, ограждаясь и укрѣпляясь свѣтомъ вѣры, съ великимъ мужествомъ скажемъ лукавому духу: «что намъ и тебѣ, отчужденный отъ Бога, бѣглець съ небесъ и рабъ лукавый? Ты не смѣешь сдѣлать намъ ничего; Христось, Сынъ Божій, власть имѣеть и надъ нами и надъ всѣмъ. Ему согрѣшили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались отъ насъ. Укрѣпляемые честнымъ Его крестомъ, мы попираемъ твою зміную главу (Ант. сл. 27)».

¹⁾ V. «Желающему спастися всегда должно имѣть сердце къ покаянію расположенное и сокрушенное, по Псаломнику: *жертва Богу—духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. 50,19)».

«Въ такомъ сокрушеніи духа челоуѣкъ удобно можетъ безбѣдно проходить сквозъ хитрыя козни гордаго діавола, коего все тщаніе состоитъ въ томъ, чтобъ возмутить духъ челоуѣческой и въ возмущеніи посяять свои плевелы, по слову Евангельскому: *Господи, не доброе ли стѣмя стѣялъ еси на селѣ твоемъ, откуда убо имать плевелы? Онъ же рече имъ: врагъ челоуѣкъ сіе сотвори* (Мт. 13, 27—28). Когда же челоуѣкъ старается въ себѣ имѣть сердце смиренное и мысль не возмущенную, но мирную, тогда всѣ козни вражіи бывають бездѣйственны; ибо гдѣ миръ помысловъ, тамъ почиваетъ Самъ Господь—*въ мирѣ мѣсто Его* (Пс. 75,3)».

«Начало покаянія происходитъ отъ страха Божія и вниманія, какъ говорятъ св. мученикъ Вонифатій (Чет.—мин. 19 дек.). Страхъ Божій—есть отецъ вниманія, а вниманіе—матерь внутренняго покоя; тойже раждаетъ совѣсть, которая сіе творить, да душа, яко же въ нѣкоей водѣ чистой и невозмущенной, свою зреть некрасоту, и тако рождаются начатки и коренія покаянія».

«Мы во всю жизнь свою грѣхопаденіями своими много или мало оскорбляемъ величіе Божіе, а потому и должны всегда смиряться предъ Нимъ, прося оставленія долговъ нашихъ».

«Можно-ли облагодатствованному челоуѣку по паденіи возстать»? Можно, по Псаломнику: *превратихся пасты, и Господь пріятъ мя*

¹⁾ О покаяніи

(Ис. 117,13). Ибо, когда Нааанъ пророкъ обличалъ Давида во грѣхѣ его, то онъ, покаявшись, тутъ же получилъ прощенье (2 Царст. 12,13). Къ сему примѣромъ служить и пустынный оный, который, пошедши за водою на источникъ, налъ въ грѣхъ съ женою и, возвратясь въ келью, созналъ свое согрѣшеніе, паки началъ проводить жизнь подвижническую, какъ и прежде, не внявъ совѣтамъ врага, представлявшаго ему тяжесть грѣха и отводившаго его отъ подвижнической жизни. О семъ случаѣ Богъ открылъ нѣкоему старцу и велѣлъ падшаго въ грѣхъ брата ублажить за такую побѣду надъ діаволомъ».

«Когда мы искренно каемся во грѣхахъ нашихъ и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всѣмъ сердцемъ нашимъ, Онъ радуется намъ, учреждаетъ праздникъ и созываетъ любезныя Ему силы, показывая имъ драхму, которую. Онъ обрѣлъ паки, т. е. Царскій Образъ Свой и подобіе. Возложивъ на рамена заблуждшую овцу, Онъ приводитъ ее ко Отцу Своему. Въ жилище всѣхъ веселящихся Богъ водворяетъ и душу покаявшагося вмѣстѣ съ тѣми, которые не отбѣгли отъ Него».

«Итакъ, не вознерадимъ обращаться къ благоутробному Владыкѣ нашему скоро, и не предадимся безпечности и отчаянію ради тяжкихъ и безчисленныхъ грѣховъ нашихъ. Отчаяніе есть совершеннѣйшая радость діаволу. Оно *есть путь къ смерти*, какъ гласитъ Писаніе (I Иоанн. 5, 16; Ант. сл. 77). Аще не предаешься унынію и нерадѣнію, говорить Варсануфій, то имаша почудитися и прославити Бога, какъ Онъ премѣняетъ тя отъ еже не быти во еже быти (то есть изъ грѣшника въ праведника) (Отв. 114).

«Покаяніе во грѣхѣ, между прочимъ, состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать его опять. Какъ всякой болѣзни есть врачеваніе, такъ и всякому грѣху есть покаяніе. Итакъ, несомнѣнно приступай къ покаянію и оно будетъ ходатайствовать за тебя предъ Богомъ».

1) VI. «Мы должны стараться быть свободными отъ помысловъ нечистыхъ, особенно когда приносимъ молитву Богу; ибо вѣтъ единенія между смрадомъ и благовоніемъ. Для сего нужно отражать первое нападеніе грѣховныхъ помысловъ и движеній и разсѣивать ихъ отъ земли сердца нашего. Пока дѣти вавилонскія, т. е. движенія и помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать ихъ и сокрушать о камень, который есть Христосъ. Особенно же нужно сокрушать слѣдующія три страсти: чревоугодіе, сребролюбіе и тщеславіе, которыми ухищрялся діаволь искутить даже Самого Господа Иисуса Христа въ концѣ подвиговъ Его въ пустынѣ. Діаволь, какъ левъ, скрываясь въ оградѣ своей (Пс. 9, 30), тайно разставляетъ намъ сѣти нечистыхъ и нечестивыхъ помысловъ. Итакъ, немедленно, какъ только увидимъ, надобно расторгать ихъ посредствомъ благочестиваго размышленія и молитвы».

«Требуется подвигъ и великая бдительность, чтобы во время псалмопѣнія умъ нашъ согласовался съ сердцемъ и устами, дабы въ мо-

1) О помыслахъ и плотскихъ движеніяхъ.

литвѣ нашей къ ѡміаму не примѣшивалось зловоніе, ибо Господь гнушается сердцемъ съ нечистыми помыслами. Законъ говорить: *не ори ющею и ослатемъ* (Второзак. 22, 10), т. е. съ помысломъ чистымъ и нечистымъ не приноси молитвы. Будемъ подражать Давиду, который говорить: *воутрѣя избивахъ вся грѣшныя земли, еже потребити отъ града Господня вся дѣлающія беззаконіе* (Псал. 100, 8). Закономъ запрещено было нечистому входить въ домъ Господа. Домъ сей—мы. Іерусалимъ внутри насъ. Грѣшныя земли—суть кроющіеся въ сердцѣ нашемъ змѣвидные помыслы. Будемъ и мы съ нимъ взывать ко Господу: *устрой душу мою отъ злодѣйства ихъ* (Псал. 34, 17), *расточи языки, хотящіе бранемъ* (Псал. 67, 31), дабы и намъ услышать: *въ скорби призвалъ Мя еси. и избавихъ тя* (Псал. 80, 8).

«Будемъ непрестанно день и ночь со слезами повергать себя предъ лицемъ благодати Божіей, да очиститъ Онъ сердца наши отъ всякаго злаго помышленія, чтобы мы достойно могли проходить путь званія нашего и чистыми руками приносить ему дары служенія нашего. Ежели мы не согласны со влагаемыми отъ діавола злыми помышленіями, то мы добро творимъ».

«Нечистый духъ только на страстныхъ имѣеть сильное вліяніе, а къ очистившимся отъ страстей приражается лишь со стороны, или вѣшно. Человѣку въ молодыхъ лѣтахъ можно ли не горѣть и не возмущаться отъ плотскихъ помысловъ? Но должно молиться Господу Богу, да потухнетъ искра порочныхъ страстей при самомъ началѣ. Тогда не усилятся въ человѣкѣ пламень страстей.

1) VII. «Постъ состоитъ не въ томъ только, чтобы ѣсть мало, и не въ томъ, чтобы ѣсть однажды; но въ томъ, чтобы не ѣсть много. Неразуменъ тотъ постникъ, который дожидается опредѣленнаго часа, а въ часъ трапезы весь предается ненасытному вкушенію и тѣломъ и умомъ».

«Въ разсужденіи пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между сѣдьями вкусными и невкусными. Это дѣло, свойственное животнымъ, въ разумномъ человѣкѣ не достойно похвалъ; отказываемся же мы отъ пріятной пищи для того, чтобы усмирить воюющіе члены плоти и дать свободу дѣйствіямъ духа».

«Истинный постъ состоитъ не въ одномъ изнуреніи плоти; но въ томъ, чтобы ту часть хлѣба, которую ты самъ хотѣлъ бы съѣсть, отдать алчущему. *Блаженни алчущіи, яко тѣи насытятся* (Мѡ. 5, 6). Подвигоположникъ и Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ, предъ выступленіемъ на подвигъ искупленія рода человѣческаго, укрѣпилъ Себя продолжительнымъ постомъ. И всѣ подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постомъ, и не иначе вступали на путь крестный, какъ въ подвигѣ поста. Самые успѣхи въ подвижничествѣ измѣряли они успѣхами въ постѣ».

1) О постѣ.

«Къ строгому посту люди приступали не вдругъ, дѣлаясь постепенно и мало-по-малу способными довольствоваться самою скудною пищею. Преподобный Дорофей, приучая ученика своего Досифея къ посту, постепенно отнималъ отъ стола его по малой части, такъ что отъ четырехъ фунтовъ, — мѣру его ежедневной пици, — низвелъ наконецъ до осми лотовъ хлѣба. При всемъ томъ святые постники, къ удивленію другихъ, не знали расслабленія, но всегда были бодры, сильны и готовы къ дѣлу. Болѣзни между ними были рѣдки и жизнь ихъ текла чрезвычайно продолжительно».

«Въ той мѣрѣ, какъ плоть постящагося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходитъ въ совершенство и открываетъ себя чудными явленіями. Тогда Духъ совершаетъ Свои дѣйствія какъ бы въ безтѣлесномъ тѣлѣ. Вышнія чувства точно закрываются и умъ отрѣшается отъ земли, возносится къ небу и всецѣло погружается въ созерцаніе міра духовнаго. Однако не всякій сможетъ наложить на себя строгое правило воздержанія во всемъ, или лишить себя всего, что можетъ служить къ облегченію немощей. *Мойй же влѣстити, да влѣститъ* (Мо. 19, 12)».

«Пици должно употреблять каждый день столько, чтобы тѣло, укрѣпясь, было другомъ и помощникомъ души въ совершеніи добродѣтели; иначе можетъ быть и то, что при изнеможеніи тѣла и душа ослабѣетъ. Но пятницамъ и средамъ, особенно же въ четыре поста, пишу, по примѣру отцевъ, употребляй одинъ разъ въ день, — и ангелъ Господень прилѣпится къ тебѣ».

1) VIII. Истинно рѣшившіеся служить Господу Богу должны упражняться въ памяти Божіей и непрестанной молитвѣ ко Иисусу Христу, говоря умомъ: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго». Въ часы послѣобѣденныя можно говорить сію молитву такъ: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, молитвами Богородицы помилуй мя грѣшнаго»; или же прибѣгать собственно ко Пресвятой Богородицѣ, моляся: «Пресвятая Богородице, спаси насъ»; или говори поздравленіе ангельское: «Богородице, Дѣво, радуйся». Таковымъ упражненіемъ при охраненіи себя отъ разсѣянія и при соблюденіи мира совѣсти можно приблизиться къ Богу и соединиться съ Нимъ; ибо, по словамъ св. Исаака Сирина, «кромя непрестанной молитвы мы приблизиться къ Богу не можемъ (Ис. Сир. сл. 69)».

«Образъ молитвы весьма хорошо расположилъ св. Симеонъ, новый Богословъ (Доброт. т. 1, слов. о трехъ образ. мол.). достоинство же оной очень хорошо изобразилъ св. Златоустъ: «веліе, говоритъ онъ, оружіе молитва: сокровище неоскудно, богатство никогда же изживаемо, пристанище безмолвенно, тишины вина и тьмамъ благихъ корень, источникъ и мати есть (Марг. сл. 5 о непостижимомъ)».

1) О молитвѣ.

«Въ церкви на молитвѣ полезно стоять съ закрытыми глазами во внутреннемъ вниманіи, открывать же очи развѣ тогда, когда унынешь, или сонъ будетъ отягощать тебя и склонять къ дреманію; тогда очи обращать нужно на образъ и на горящую предъ нимъ свѣщу».

«Если въ молитвѣ случится плѣниться умомъ въ расхищеніе мыслей, тогда должно смириться предъ Господомъ Богомъ и просить прощенія, говоря: «согрѣшихъ, Господи, словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, и всѣми моими чувствами». Почему всегда должно стараться, чтобъ не предавать себя разсѣянію мыслей, ибо чрезъ сіе уклоняется душа отъ памяти Божіей и любви Его, по дѣйствию діавола, какъ св. Макарій говоритъ: «все супостата нашего тщаніе есть, да мысль нашу отъ памятованія о Бозѣ и страха отвратитъ (Сл. 2, гл. 15)». Когда же умъ и сердце будутъ соединены въ молитвѣ и помыслы души неразсѣянны, тогда сердце согрѣвается теплотою духовною, въ которой возсіяваетъ свѣтъ Христовъ, исполняя мира и радости всего внутренняго человѣка».

«О всемъ мы должны благодарить Господа и предавать себя Его волѣ; должны также представлять Ему всѣ свои мысли, слова и дѣянія, и стараться, чтобы все служило только къ Его благоугожденію».

1) IX. Всѣ святые и отречшіеся міра иноки во всю жизнь свою плакали въ чаяніи вѣчнаго утѣшенія, по увѣренію Спасителя міра: *блаженни плачущи, яко тѣи утѣшатся* (Мѡ. 5, 4). Такъ и мы должны плакать объ оставленіи грѣховъ нашихъ. Къ сему да убѣдятъ насъ слова порфироснаго: *ходящии хождаху и плакахуся метаяще стѣмена своя: грядуще же приидуть радостью, вземлюше рукояти своя* (Псал. 125, 6). И слова Исаака Сирина: «омочи ланиты своя плачемъ очію твоею, да почиетъ на тебѣ Св. Духъ, и омыеъ ты отъ скверны злобы твоея. Умилистави Господа твоего слезами, да приидеть къ тебѣ (Ис. Сир. сл. объ отреч. міра). Когда мы плачемъ въ молитвѣ, и тутъ же вмѣшивается смѣхъ, то сіе есть отъ дьявольскія хитрости. Трудно постичь врага нашего тайныя и тонкія дѣйствія. У кого текутъ слезы умиленія, такового сердце озаряютъ лучи Солнца правды—Христа Бога».

2) X. «Надобно все терпѣть что-нибудь Бога ради съ благодарностію. Наша жизнь одна минута въ сравненіи съ вѣчностію, и потому *недостойны*, по апостолу, *страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ* (Рим. 8, 18).

«Въ молчаніи перенеси, когда оскорбляетъ врагъ, и Господу открой сердце свое. Когда твою честь кто уничижаетъ или отнимаетъ, то всѣми мѣрами старайся, чтобы простить ему, по слову Евангелія: *отъ взимающаго твоя не истязуй* (Л. 6, 30). Когда насъ люди поносятъ, то мы должны считать себя недостойными похвалы. Ежели бы были достойны, то всѣ бы кланялись намъ. Мы всегда и предъ всѣми должны

1) О слезахъ.

2) О терпѣнн и смиренн.

уничижать себя, слѣдуя ученію св. Исаака Сирива: «уничжи себе, и узришь славу Божию въ себѣ» (гл. 57), почему возлюбимъ смиреніе, и узримъ славу Божию: идѣ же бо истекаетъ смиреніе, тамо слава Божія источается. Не сущу свѣту, вся мрачна. Такъ и безъ смиренія ничего нѣтъ въ человѣкѣ, какъ только одна тьма».

«Какъ воскъ неразогрѣтый и неразмягченный не можетъ принять налагаемой на него печати, такъ и душа, не искушенная трудами и немощами, не можетъ принять на себя печати добродѣтели Божіей. Когда діаволъ оставилъ Господа, тогда приступили ангелы и служили Ему (Мѡ. 4, 11). Такъ, если во время искушеній нѣсколько отходятъ отъ насъ ангелы Божіи, то не далеко и скоро приступаютъ и служатъ намъ божественными помышленіями, умиленіемъ, услажденіемъ, терпѣніемъ. Душа, потрудившись, стяжетъ и прочія совершенства, почему св. пророкъ Исаія говоритъ: *терпящии Господа измѣнятъ кротость, окрылатъютъ, аки орли, потекутъ и не утрудятся, пойдутъ и не взалчутъ* (Ис. 40, 31). Такъ терпѣль и кротчайшій Давидъ; ибо когда Семей поносилъ его и металъ на него камни, говоря: *изыди, мужу беззаконный*,—онъ не сердился, и когда Авесса, вознегодовавъ на сіе, сказалъ ему: *почто проклинаетъ пещь умершій сей господина моего*, онъ запретилъ ему, говоря: *оставите его, и тако да проклинаетъ мя, ибо Господь увидитъ и воздастъ ми благое* (2 Пар. 16, 7, 10, 12). Почему послѣ и воспѣлъ: *терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39, 2).

«Какъ чадолюбивый отецъ видитъ, что сынъ его живетъ безпорядочно, наказываетъ его а когда увидитъ, что онъ малодушенъ, и наказаніе сносить съ трудомъ, тогда утѣшаетъ: такъ поступаетъ съ нами и Благій Господь и Отецъ нашъ, употребляя все для нашей пользы, какъ утѣшенія, такъ и наказанія, по Своему человѣколюбію. И потому мы, находясь въ скорбяхъ, какъ дѣти благопокорливыя, должны благодарить Бога. Ибо если станемъ благодарить Его только въ благополучіи, то подобны будемъ неблагодарнымъ іудеямъ, которые, насытившись чудной трапезы въ пустынѣ, говорили, что Христосъ воистину есть Пророкъ, хотѣли взять Его и сдѣлать Царемъ, а когда Онъ сказалъ имъ: *дѣлайте не брашно яблющее, но брашно пребывающее въ животѣ вѣчный*,—тогда говорили Ему: *кое убо Ты твориши знаменіе? Отцы наши ядоша манну въ пустыни* (Іоан. 6, 27, 30, 31). Прямо на такихъ падаетъ слово: *исповѣйся Тебѣ, егда благосотвориши ему*,—и таковой даже до вѣка не узритъ свѣта (Пс. 48, 19—20). Посему апостоль Іаковъ учитъ насъ: *всяку радость имѣйте, братіе моя, егда во искушенія впадаете различна, вѣдаяще, яко искушеніе вашеetry содѣловаетъ терпѣніе, терпѣніе же дѣло совершенно да имать, и прибавляетъ: блаженъ мужъ. иже претерпитъ искушеніе, зане искусенъ бывъ, прииметъ вѣнецъ жизни* (Іак. 1, 2—4, 12).

1) XI Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, и потому и путь жизни его долженъ состоять изъ дѣйствій тѣлесныхъ и душевныхъ— изъ дѣянія и умосозерцанія. Путь дѣятельной жизни составляютъ: постъ, воздержаніе, бдѣніе, колѣнопреклоненіе и прочіе тѣлесныя подвиги, составляющіе *тѣсный путь* и прискорбный, который, по слову Божію, *сводитъ въ животъ вѣчный* (Мо. 7, 14). Путь умосозерцательной жизни состоитъ въ возпошеніи ума къ Господу Богу, въ сердечномъ вниманіи, умной молитвѣ и созерцаніи чрезъ таковыя упражненія вещей духовныхъ. Всякому желающему проходить жизнь духовную должно начинать отъ дѣятельной жизни, а потомъ уже приходитъ въ умосозерцательную; ибо безъ дѣятельной жизни въ умосозерцательную прійти невозможно. Дѣятельная жизнь служитъ къ очищенію насъ отъ страстей, возводитъ насъ на степень дѣятельнаго совершенства и тѣмъ самымъ пролагаетъ намъ путь къ умосозерцательной жизни; ибо одни токмо очистившіеся отъ страстей и совершенные къ оной жизни приступить могутъ, какъ сіе видѣть можно изъ словъ Св. Писанія: *блаженн чисти сердцемъ, яко ти Бога узрятъ* (Мо. 5, 8): къ созерцанію могутъ приступать только совершеннѣйшіе по своей опытности. Такъ и Церковь, ублажая Св. Николая, воспѣваетъ: *молчанми прежде и бореньми съ помысли дѣянью богомыслие приложилъ еси, богомыслиемъ же разумъ совершенно стяжалъ еси, имже дерзновенно съ Богомъ и ангелы бесѣдовалъ еси* (акао. Св. Николаю. конд. 10). Къ умосозерцательной жизни приступать должно со страхомъ и трепетомъ, съ сокрушеніемъ сердца и смиреніемъ, со многими испытаніемъ Св. Писанія, и если можно пайти— подъ руководствомъ какого-либо искуснаго старца, а не съ дерзостію и самочиніемъ: «дерзый бо и презорливый, по словамъ Григорія Синаита (о прелести и иныхъ многихъ предлогахъ Добротолуб. ч. I. л. 95 и на обор.), паче достоинства своего взыскавъ, съ киченіемъ понуждается до того прежде времени досиѣти». И паки: «аще мечтаетъ кто мнѣніемъ высокая достигнути, желаніе сатанино, а не истину стяжавъ,— сего диаволь мрежами удобъ уловляетъ, яко своего слугу». Если же не можно найти наставника, могущаго руководствовать къ умосозерцательной жизни, то въ такомъ случаѣ должно руководствоваться Свящ. Писаніемъ, ибо Самъ Господь повелѣваетъ намъ учиться отъ Священнаго Писанія. глаголя: *испытайте Писанія, яко вы мните въ нихъ имати животъ вѣчный* (Іоан. 5, 39). Также должно тщательно прочитывать отеческія писанія и стараться, сколько можно, по силѣ исполнять то, чему научаютъ оныя, и такимъ образомъ, мало-по-малу отъ дѣятельной жизни восходить къ совершенству умосозерцательной; ибо, по словамъ св. Григорія Богослова (Слово на Св. Пасху), самое лучшее дѣло, когда мы каждый самъ собою достигаемъ совершенства и приносимъ призывающему насъ Богу жертву живую, святую и всегда и во всемъ освящаемую. Не должно оставлять дѣятельной жизни и тогда, когда бы въ

1) О жизни дѣятельной и умозрительной.

ней человѣкъ имѣлъ преслѣпаніе и пришелъ бы уже въ умосозерцательную; ибо она содѣйствуетъ умосозерцательной жизни и ее возвышаетъ. Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабѣвать и оставлять онаго потому, что люди, прильбившіеся ко внѣшности, поражаютъ насъ противностію своихъ мнѣній въ самое чувство сердечное, и всячески стараются отвлечь насъ отъ прохожденія внутренняго пути, поставляя намъ на ономъ различныя препятствія; ибо, по мнѣнію учителей церковныхъ (блаж. Оеодорита толк. на Пѣснь пѣсней), умосозерцаніе вещей духовныхъ предпочитается познанію вещей чувственныхъ. А потому никакими противностями въ прохожденіи сего пути колебаться не должно, утверждаясь въ семъ случаѣ на словѣ Божіемъ: *страха же ѣхъ не убоимся, ниже смутимся, яко съ нами Богъ, Господа Бога нашего освятимъ* въ сердечной памяти Его Божественнаго имени, *и Той будетъ намъ въ страхъ* (Ис. 8, 12—13).

1) XII. Человѣкъ по тѣлу подобенъ зажженной свѣчѣ. Свѣча должна сгорѣть, и человѣкъ долженъ умереть. Но душа его безсмертна, потому и попеченіе наше должно относиться болѣе къ душѣ, нежели къ тѣлу: *какая бо польза человеку, аще міръ весь приобрящетъ, душу же свою отщепитъ? или что дастъ человекъ измѣнѣ за душу свою* (Мт. 16, 26), за которую, какъ извѣстно, ничто въ мірѣ не можетъ быть выкупомъ? Если одна душа сама по себѣ драгоцѣннѣе всего міра и царства мірскаго, то несравненно дороже Царство Небесное. Душу же почитаемъ драгоцѣннѣе всего по той причинѣ, говоритъ Макарій Великій, что Богъ ни съ чѣмъ не благоволялъ сообщаться и соединиться Своимъ духовнымъ естествомъ, ни съ какимъ видимымъ созданіемъ, но съ однимъ человѣкомъ, котораго возлюбилъ болѣе всѣхъ тварей Своихъ (Макар. Вел. сл. о свободѣ ума. Гл. 32).

Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Кириллъ Александрійскій, Амвросій Медиоланскій и прочіе отъ юности до конца жизни были дѣвственники: вся ихъ жизнь была обращена на попеченіе о душѣ, а не о тѣлѣ. Такъ и намъ все стараніе должно имѣть о душѣ, тѣло же подкрѣплять для того только, чтобъ оно способствовало къ подкрѣвленію духа. Если самовольно изнуримъ свое тѣло до того, что изнурится и духъ, то таковое удрученіе будетъ безразсудное, хотя бы сіе дѣлалось для снисканія добродѣтели. Буде же Господу Богу угодно будетъ, чтобы человѣкъ испыталъ на себѣ болѣзни, то Онъ же подаетъ ему и силу терпѣнія. И такъ, пусть будутъ болѣзни не отъ насъ самихъ, но отъ Бога.

2) XIII. Если хочешь устроить домъ души своей, говоритъ преподобный Варсонофій, то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы художнику оставалось придти и устроить. Потребное для такового зданія суть твердая вѣра для устроения стѣнъ; деревянныя окон-

1) О попеченіи о душѣ.

2) Чѣмъ должно снабждать душу?

чины, вводяція свѣтъ солнечный, который бы освѣщаль домъ, чтобы не было въ немъ ни малѣйшей темноты. Оконца деревянныя суть пять чувствъ, честнымъ Крестомъ Христовымъ утвержденныя, вводяція свѣтъ мысленнаго солнца правды и не позволяющія оставаться въ дому твоёмъ ни малѣйшей темнотѣ врага и доброненавистника твоего. Потомъ требуется покровъ, да *ни во дни солнце не ожжетъ тебе, ниже луна ночью* (Ис. 120, 6). Покровъ скрѣпляется любовію къ Богу, которая бы, покрывая домъ, никогда не падала и не позволяла *заходить солнцу во тьму твою*, дабы не увидѣть его обличающимъ тебя въ день судный и жгущимъ въ огнѣ геенскомъ, и луну, свидѣтельствующую о ночномъ нашемъ уныніи и лѣности. Наконецъ, требуется дверь, вводящая въ домъ и хранящая живущаго въ немъ Разумѣй мысленную дверь—Сына Божія, который говоритъ: *Азъ есмь дверь*. Если такъ устроить домъ души своей и въ немъ не будетъ ничего неприличнаго и негоднаго Богу, то Онъ придетъ съ благословеннымъ Отцемъ и Духомъ Святымъ, и обитель у тебя сотворитъ и научитъ тебя, что такое миръ души, просвѣтитъ сердце твое радостію неизглаголанною (Варс. отв. 171).

Душу снабждать надобно словомъ Божиимъ, ибо слово Божіе, какъ говоритъ Григорій Богословъ, есть хлѣбъ ангельскій, имъ же питаются души, Бога алчущія. Всего же болѣе должно упражняться въ чтеніи Новаго Завета и Псалтири; Евангеліе и Посланія Апостоловъ *стоя* предъ св. иконами, а псалмы можно читать *сидя*. Отъ чтенія Св. Писанія бываетъ просвѣщеніе въ разумѣ, который оттого измѣняется измѣненіемъ Божественнымъ. Надобно такъ обучить себя, чтобы умъ какъ бы плавалъ въ Законѣ Господнемъ, по руководству котораго должно устроить и жизнь свою. Очень полезно заниматься чтеніемъ слова Божія въ уединеніи и прочесть всю Библію разумно. За одно такое упражненіе, кромѣ другихъ добрыхъ дѣлъ, Господь не оставитъ человѣка Своею милостію, но исполнитъ его дара разумнія. Когда человѣкъ снабдитъ душу свою словомъ Божиимъ, тогда исполняется разумніемъ того, что есть добро, и что есть зло. Чтеніе слова Божія должно быть производимо въ уединеніи для того, чтобы весь умъ читающаго углубленъ былъ въ истины Священнаго Писанія, и принималъ отъ Бога въ себя теплоту, которая въ уединеніи производитъ слезы; отъ нихъ человѣкъ согрѣвается весь и исполняется духовныхъ дарованій, услаждающихъ умъ и сердце паче всякаго слова. Тѣлесный трудъ и упражненіе въ Божественныхъ Писаніяхъ, учить преподобный Исаакъ Сиринъ, охраняють чистоту, а трудъ подкрѣпляется надеждою и страхомъ. Надежду же и страхъ производять въ умъ удаленіе отъ людей и непрестанная молитва. Пока не приметъ Утѣшителя, человѣкъ имѣетъ нужду въ божественныхъ Писаніяхъ, чтобы воспоминаніе о благахъ напечатлѣвалось въ умѣ его и отъ непрестаннаго чтенія обновлялось въ немъ стремленіе ко благу и охраняло душу его отъ тонкихъ путей грѣха; имѣетъ нужду потому, что не пріобрѣлъ еще силы Духа, кото-

рая удаляет заблужденіе, беретъ въ плѣнь душеполезныя припоминанія и приближается къ той холодности, какая бываетъ при разсѣянности ума. Ибо когда сила Духа низойдетъ на душевную силу, дѣйствующую въ немъ, тогда вмѣсто закона Писаній укореняются въ сердцѣ заповѣди Духа; и тогда онъ въ тайнѣ бываетъ наставляемъ Духомъ и не имѣетъ нужды въ помощи чего-либо чувственнаго. А пока сердце учится чрезъ вещественное, вслѣдъ за ученіемъ идетъ заблужденіе и забвеніе. А когда ученіе будетъ отъ Духа, тогда память соблюдется невредимою (Исаак. Сир. Ст. 58). Слѣдуетъ также снабждать душу и познаніями о Церкви, какъ она отъ начала и доселѣ сохраняется, и что терпѣла она въ то или другое время,—знать же сіе не для того, чтобы желать управлять людьми, но на случай могущихъ встрѣтиться вопрошеній, также—для убѣжденія и утѣшенія своего духа. Болѣе же всего дѣлать это должно собственно для себя, чтобъ приобрести миръ душевный, по ученію Псаломника: *миръ многи любящимъ законъ Твой, Господи* (Пс. 118, 165).

1) XIV. Миръ душевный приобретается скорбями. Писаніе говоритъ: *приидохомъ сквозь отъ и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Пс. 65, 12). Хотящимъ угодить Богу путь лежитъ сквозь многія скорби. Какъ ублажать намъ святыхъ мучениковъ за страданія, которыя претерпѣли они ради Бога, когда мы не можемъ стерпѣть и огневицы? Ничто такъ не содѣйствуетъ стяжанію внутренняго мира, какъ молчаніе и, сколько возможно, непрестанная бесѣда съ собою и рѣдкая—съ другими. Ничто же лучше есть во Христвѣ мира, въ немъ же разрушается всякая брань воздушныхъ и земныхъ духовъ. Ибо *гнѣвъ наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы въка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. 6, 12). Признакъ духовной жизни есть погруженіе человѣка внутрь себя и сокровенное дѣланіе въ сердцѣ своемъ. Благодать Божія пріосѣняетъ такого человѣка, и онъ бываетъ сперва въ мирномъ устроеніи, а путемъ сего переходитъ и въ премирное: въ мирномъ, то есть съ совѣстію благою; въ премирномъ же, когда его умъ созерцаетъ въ себѣ благодать Св. Духа, по слову Божію: *въ миръ гнѣсто Его* (Пс. 75, 3). Можно ли видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостиѣ бываетъ, когда умъ видитъ внутреннимъ окомъ Солнце правды—Христа? Тогда во истину радуется онъ радостію ангельскою. О семъ-то и Апостоль сказалъ: *наше житіе на небесѣхъ есть* (Филип. 3, 20). Кто въ мирномъ устроеніи неуклонно ходитъ, тотъ, какъ бы лжицею, черпаетъ духовные дары. Святые отцы, имѣя мирное устроеніе и будучи осѣняемы благодатію Божіею, жили долго. Когда человѣкъ придетъ въ мирное устроеніе, тогда онъ можетъ отъ себя и на другихъ изливать свѣтъ просвѣщенія разума. Прежде сего человѣку надобно повторить сіи слова Анны

1) О мирѣ душевномъ.

пророчицы: *да не избытѣ вѣлѣрчїе изъ устъ вашихъ* (1 Цар. 2, 3). и слова Господни: *лицемѣре, изми первыя брови изъ очесе твоего, и тогда узрши изъяти сущецъ изъ очесе брата твоего* (Мо. 7, 5). Сей миръ, какъ нѣкое безцѣнное сокровище, оставилъ Господь нашъ Иисусъ Хрѣстосъ ученикамъ Своимъ предъ смертію Своею, глаголя: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. 14, 27). О немъ также говорить и Апостоль: *и миръ Божїи превосходяй всякъ умъ, да соблюдеть сердца ваша и разумїя ваша о Христѣ Иисусѣ* (Филип. 4, 7); *миръ имѣйте и святыню со всѣми, и гдѣже кромѣ никто же узрїтъ Господа* (Евр. 12, 14). Итакъ, мы должны всѣ свои мысли, желанїя и дѣйствїя сосредоточивать къ тому, чтобы получить миръ Божїи, и съ Церковно всегда звать: *Господи, Боже нашъ, миръ даждь намъ* (Пс. 28, 12).

¹⁾ XV. Надобно всѣми мѣрами стараться, чтобы охранить душевный миръ и не возмущаться оскорбленїями отъ другихъ; для сего нужно всячески удерживаться отъ гнѣва и посредствомъ вниманїя оберегать умъ и сердце отъ нечистойныхъ колебанїи. Оскорбленїя отъ другихъ должно переносить равнодушно и прїобучаться къ такому расположенїю, какъ бы они не до насъ касались. Такое упражненїе можетъ доставить нашему сердцу тишину и содѣлать его обителїю Самого Бога. Образъ такого незлобїя мы видимъ въ жизни св. Григорїя Чудотворца, отъ котораго нѣкая жена блудница всенародно требовала мзды, аки бы за грѣхъ съ нею содѣянный; а онъ, ни мало не разгнѣвавшись на нее, кротко сказалъ нѣкому другу своему: *даждь скоро ей цѣну, колико требуетъ*. Жена, только что прїяла неправедную мзду, подверглась нападенїю бѣса. Святитель же изгналъ изъ нея и бѣса молитвою (Чет. Мин. нояб. 17). Если же невозможно, чтобы не возмутиться, то, по крайней мѣрѣ, надобно удерживать языкъ, по глаголу Псалмопѣвца: *смятохся и не глаголахъ* (76, 5). Въ семь случаѣ мы можемъ взять въ образецъ себя св. Спиридона Триміоунтскаго и преп. Ефрема Сирина. Первый (Чет. Мин. 12 дек.) такъ перенесъ оскорбленїе: когда, по требованїю греческаго царя, входилъ онъ во дворецъ, то одинъ изъ слугъ, бывшихъ въ палатѣ царской, сочтя его за нищаго, смѣялся надъ нимъ, не пускалъ въ палату и даже ударилъ его въ ланиту. Св. Спиридонъ, будучи незлобивъ, обратилъ ему, по слову Господню, и другую (Мо. 5, 39). Преподобный Ефремъ (Чет. Мин. янв. 28), постясь въ пустынѣ, разъ лишенъ былъ пища такимъ образомъ: ученикъ его, неся пищу, нечаянно разбилъ по дорогѣ сосудъ. Преподобный, увидѣвъ ученика печальнымъ, сказалъ ему: «не скорби, брате: аще бо не восхотѣ прїити къ намъ пища, то мы найдемъ къ ней». И такъ преподобный пошелъ, сѣлъ при сокрушенномъ сосудѣ и, собирая снѣдь, вкушалъ ее. Такъ-то онъ былъ безгнѣвенъ. А какъ побѣждать гнѣвъ, сему можно поучиться

¹⁾ О храненїи мира душевнаго.

изъ житія Паисія Великаго (Чет. Мин. іюн. 19), который просилъ Господа Іисуса Христа, явившагося ему, чтобы Онъ освободилъ его отъ гнѣва. И Спаситель сказалъ ему: *аще хочещи побѣдѣти гнѣвъ и ярость купно, ничесоуже возжелай, ни возненавиди кого, не уничижи.* Чтобы сохранить душевный миръ, должно отгонять отъ себя уныніе и стараться имѣть духъ радостный, по слову премудраго Сираха: *многи печаль уби, и тѣсть пользы въ ней* (Сир. 30, 25). Для сохраненія мира душевнаго также всячески должно избѣгать осужденія другихъ. Снисхожденіемъ къ брату и молчаніемъ сохраняется миръ душевный. Когда въ такомъ устроеніи бываетъ человѣкъ, то получаетъ божественныя откровенія. Чтобы не впадать въ осужденія ближнихъ должно внимать себѣ, ни отъ кого не принимать худыхъ вѣстей и быть ко всему мертвымъ. Къ сохраненію душевнаго мира надобно чаще входить въ себя и спрашивать: гдѣ я? При семъ должно наблюдать, чтобы тѣлесныя чувства, особенно зрѣніе, служили внутреннему человѣку, и не развлекали душу чувственными предметами; ибо благодатныя дарованія получаютъ только тѣ, которые имѣютъ внутреннее дѣланіе и бдѣть о душахъ своихъ.

1) XVI. Не должно предпринимать подвиговъ сверхъ мѣры, а стараться, чтобы другъ — плоть наша былъ вѣренъ и способенъ къ творенію добродѣтелей. Надобно идти среднимъ путемъ, *не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27); духу давать духовное, а тѣлу тѣлесное потребное для поддержанія временной жизни. Не должно также и общественной жизни отказывать въ томъ, чего она законно требуетъ отъ насъ, по словамъ Писанія: *воздадите Кесарева Кесареви, и Божія Богови* (Мѣ. 22, 21). Должно снисходить и душѣ своей въ ея немощахъ и несовершенствахъ, и терпѣть свои недостатки, какъ терпимъ недостатки ближнихъ, но не сблѣниться и непрестанно побуждать себя къ лучшему. Употребилъ ли ты много пищи, или сдѣлалъ другое что сродное слабости человѣческой, не возмущайся, не прибавляй вреда ко вреду, но, мужественно подвигнувъ себя къ исправленію, старайся сохранить миръ душевный, по слову апостола: *блаженъ не осуждаяй себе, о немъ же искушается* (Римл. 14, 22). Тотъ же смыслъ заключають въ себѣ и слова Спасителя: *аще не обратитесь, и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное* (Мѣ. 18, 3). Тѣло, изможденное трудомъ или болѣзнями, должно подкрѣплять умѣреннымъ сномъ, пищею и питаніемъ, не наблюдая даже и времени. Іисусъ Христосъ тотчасъ по воскресеніи дщери Іаировой отъ смерти повелѣлъ *дати ей ясти* (Лук. 8, 55). Всякій успѣхъ въ чемъ-либо мы должны относить ко Господу и говорить съ Пророкомъ: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9). Лѣтъ до тридцати пяти, то есть до преполовенія земной жизни, великъ подвигъ человѣку въ сохраненіи себя,

1) О подвигахъ.

и многіе въ сіи дѣла не устаиваютъ въ добродѣтели, но совращаются съ праваго пути къ собственнымъ пожеланіямъ, какъ о семъ св. Василій Великій свидѣтельствуеть (Бесѣд. на нач. прит. стр. 305): многіе много собрали въ юности, но посредѣ житія бывши, возставшимъ на нихъ искушеніямъ отъ духовъ лукавствія, не стерпѣли водненія и всего того лишились. Чтобы не искутить такого превращенія, надобно поставить себя какъ на мѣрилѣ искутія и внимательно наблюдать всю жизнь за собою, по ученію св. Исаака Сирина: якоже на мѣрилѣ приличествуеть извѣсити коемуждо жителство свое (Сл. 40).

1) XVII. Человѣкъ, рѣшившійся проходить путь внутренняго вниманія, прежде всего долженъ имѣть страхъ Божій, который есть начало премудрости. Пусть будутъ въ умѣ его всегда напечатлѣны сіи пророческія слова: *работайте Господеву со страхомъ, и радуйтесь Ему съ трепетомъ* (Ис. 2, 11). Онъ долженъ проходить путь свой съ крайнею осторожностію и благоговѣніемъ ко всему священному, а не небрежно. Въ противномъ случаѣ нужно опасаться, чтобы не отнеслось къ нему сіе страшное опредѣленіе Божіе: *проклятъ человекъ, творяій отълю Господне съ небреженіемъ* (Перем. 48, 10) Благоговѣйная осторожность здѣсь пужна потому, что сіе море (т. е. сердце съ своими помыслами и желаніями, которое должно очистить посредствомъ вниманія) велико и пространно: *тамо гады, имже нѣсть числа*, т. е. въ немъ гнѣздятся многіе помыслы суетные, неправые и нечистые,—порежденія злыхъ духовъ. *Бойся Бога*, говоритъ Премудрый, *и заповѣди Его храни* (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповѣди, ты будешь силенъ во всякомъ дѣлѣ, и дѣло твое будетъ всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты изъ любви къ Нему все будешь дѣлать хорошо. А діавола не бойся: кто боится Бога, тотъ одолѣеть діавола; для того діаволь безсиленъ. Два вида страха: если не хочешь дѣлать зла, то бойся Господа, и не дѣлай; а если хочешь дѣлать добро, то бойся Господа и дѣлай. Но никто не можетъ стяжать страха Божія, доколѣ не освободится отъ всѣхъ заботъ житейскихъ. Когда умъ будетъ безпопечителевъ, тогда движеть его страхъ Божій и влечетъ къ любви благодати Божіей.

2) XVIII. Проходящій путь вниманія не долженъ вѣрить одному только сердцу своему, но сердечныя свои дѣйствія и самую жизнь повѣрять съ закономъ Божіимъ и съ дѣятельною жизнію подвижниковъ благочестія, такой же подвигъ проходившихъ. Симъ средствомъ удобнѣе можно и отъ лукаваго избавиться и истину узрѣть яснѣе. Умъ внимательнаго человѣка есть какъ бы поставленный стражъ или неусыпный хранитель внутренняго Иерусалима. Стоя на высотѣ духовнаго созерцанія, онъ смотритъ окомъ чистоты на обходящія и приражающіяся въ душѣ его противныя силы, по словамъ Псалмопѣвца: *и на врати моя воззрѣ око мое* (53, 9). Отъ ока его не скрытъ діаволь, *яко левъ рыкающій, ис-*

1) О страхѣ Божіемъ.

2) О вниманіи къ самому себѣ.

кій кого поглоти (I Петр. 5, 8), и тѣ которые напрягаютъ *луку свой сострѣляти во мракъ правды сердцемъ* (Ис. 10, 2). По ученію свв. отцевъ, при каждомъ человѣкѣ находятся два ангела: одинъ добрый, другой злой. Ангель добрый тихъ, кротокъ и безмолвенъ. Когда онъ войдетъ въ сердце человѣка, то говоритъ съ нимъ о правдѣ, чистотѣ, честности, спокойствіи, о всякомъ благомъ дѣлѣ и о всякой добродѣтели. Когда почувствуешь это въ сердцѣ твоёмъ, очевидно, въ тебѣ находится ангель правды. А духъ лукавый острожелченъ, жестокъ и безуменъ. Когда онъ войдетъ въ сердце твое, то узнавай это по дѣламъ его (Ант. Сл. 61). Внимай себѣ, возлюбленный, говоритъ Исаакъ Сиринъ, и при непрестанномъ дѣланіи имѣй предъ глазами и приключаящія тебѣ скорби, и мѣсто пустыни, въ которой живешь, и тонкость ума своего вмѣстѣ съ грубостію своего познанія, и продолжительность безмолвія вмѣстѣ со многими врачевствами, т. е. искушеніями, какія наводятся на тебя то истиннымъ Врачемъ ко здравію внутренняго человѣка, то иногда и бѣсами, и состоятъ иногда въ болѣзняхъ и трудахъ тѣлесныхъ, иногда въ ужасающихъ помышленіяхъ души твоей, и въ страшныхъ напоминаніяхъ о томъ, что будетъ при концѣ; иногда прививаются и обвязываются благодатная теплота и сладкія слезы, и духовная радость, и подобное. И теперь, во всѣхъ ли этихъ обстоятельствахъ совершенно видишь, что язва твоя начала подживать и закрываться, т. е. страсти стали ослабѣвать? Положи примѣту и непрестанно входи самъ въ себя, и смотри, какія страсти, по твоему замѣчанію, изнемогли предъ тобой, какія истребились и совершенно оставили тебя, какія начали умолкать вслѣдствіе выздоравливанія души твоей, а не удаленія только того, что возбуждало ихъ, и какія научился одолѣвать разумомъ своимъ, а не однимъ лишеніемъ себя причинъ страсти. И еще вникай, совершенно ли видишь, что въ гнѣющей язвѣ твоей начала наростать живая плоть, т. е. миръ душевный, и какія страсти преслѣдуютъ тебя одна за другою послѣдовательно и стремительно, и чрезъ какой промежутокъ времени: тѣлесныя ли или душевныя это страсти, или сложныя и смѣшанныя, и проходятъ ли въ памяти только, какъ слабыя, или сильно возстаютъ на душу—и какъ возстаютъ! властительно или яко тать; какъ смотреть на нихъ царь-умъ, этотъ властитель чувствъ: вступаетъ ли съ ними въ брань, когда выступаютъ впередъ и объявятъ войну, и доводитъ ли ихъ до безсилія своею крѣпостію, или, и видя, не видитъ ихъ и вовсе—и не занимается ими; и какія остались изъ старыхъ страстей, и какія вновь образовались; при томъ, возникаютъ ли страсти въ живыхъ образахъ, или въ чувствѣ—безъ живыхъ образовъ, и въ памяти—безъ страстнаго движенія, безъ размышленія о нихъ и безъ раздраженія. И по этому можно узнавать мѣру душевнаго здравія (Исаакъ Сир. сл. 45). А потомъ таковой человѣкъ, слѣдуя ученію божественнаго Павла, *принимаетъ вся оружія Божія, да возможетъ противитися въ день гонѣ* (Ефес. 6, 13), и сими ору-

жїями, при содѣйствїи благодати Божїей, отражаетъ видимыя прираженїя и побѣждаетъ невидимыхъ ратниковъ. Мы видимъ примѣръ такового духовнаго бодрствованїя въ Іовѣ многострадальномъ, о коемъ св. Церковь воспѣваетъ такъ: *богатство видѣвъ добродѣтелей Іовлихъ, украсти козиствоваше праведныхъ врагъ и, растерзавъ столы тѣлесе, сокровище не украде духа: обрѣте бо вооруженну непорочнаго душу* (тропарь мая 6). Проходящїй путь сей не долженъ внимать постороннимъ слухамъ. отъ которыхъ голова можетъ быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминанїями; по долженъ быть внимателенъ къ себѣ. Особенно на семъ пути наблюдать должно, чтобъ не обращаться на чужїя дѣла, не мыслить и не говорить о нихъ, по Псаломнику: *не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ* (16, 4); а молить Господа: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждыхъ пощади раба твоего* (Пс. 18, 13—14). Чтобъ сохранить вниманїе, надобно уединяться въ себя, по глаголу Господню: *никого же на пути цѣлуйте* (Лук. 10, 4), т. е. безъ нужды не говорить, развѣ бѣжить кто за тобою, чтобъ услышать полезное. Встрѣчающихся старцевъ или братїй поклонами почитать должно, имѣя очи всегда заключенными.

1) XIX. Когда человѣкъ прїиметь что-либо божественное, то радуется въ сердцѣ; а когда діавольское, то входитъ въ смущенїе. Сердце христіанское, принявъ что-либо божественное, не требуетъ сторонняго убѣжденїя въ томъ, что сіе отъ Господа, но самымъ тѣмъ дѣйствїемъ убѣждается, что воспрїятїе его есть небесное; ибо ощущаетъ въ себѣ плоды духовные: *любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣру, кротость, воздержанїе* (Гал. 5, 22—23). А діаволь, хотя бы преобразился и *въ ангела свѣтла* (2 Кор. 11, 14), или представлялъ мысли самыя благовидныя, сердце все будетъ чувствовать какую-то неясность, волненїе въ мысляхъ и смятенїе чувствъ. Объясняя сіе, св. Макарій Египетскїй говоритъ: «хотя-бы (сатана) и свѣтлыя видѣнїя представлялъ, благаго обаче дѣйствїя подати отнюдь не возможетъ: чрезъ что и извѣстный знакъ его дѣлъ бываетъ» (Сл. 4, гл. 13). Итакъ, по разнообразнымъ дѣйствїямъ сердечнымъ человѣкъ можетъ познать, что есть божественное и что діавольское, какъ о семъ пишетъ св. Григорїй Синаитъ: «отъ дѣйства убо возможешъ познать возсіявый свѣтъ въ душѣ твоей, Божїй ли есть, или сатанинъ (Добр. ч. I. Григор. Син. О безмолвїи).

2) XX. Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видѣлъ кого согрѣшающимъ или коснѣющимъ въ преступленїи заповѣдей Божїихъ, по слову Божїю: *не судите, да не судимы будете* (Мѡ. 7, 1). *Ты кто еси, судяй чуждему рабу? своему Господеву стоитъ или падаетъ, станетъ же: силенъ бо есть Богъ поставити его* (Рим. 14, 4). Гораздо лучше всегда приводить себѣ на память сіи апостольскїя слова:

1) О распознаванїи дѣйствїй сердечныхъ.

2) О неосужденїи ближняго и о прошенїи обидъ.

мняйся стояти, да блюдется, да не падеть (1 Кор. 10, 12); ибо неизвѣстно сколько времени мы можемъ пребывать въ добродѣтели, какъ говорить пророкъ, опытомъ сіе дознавшій: *рѣкъ во обилии моемъ: не подвижуся во вѣкъ. Отвратилъ же еси лице Твое, и быхъ смущенъ* (Ис. 29, 7—8). За обиду, какова бы она ни была, не должно отомщать, но напротивъ прощать обидчика отъ сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убѣжденіемъ слова Божія: *еще не отпущаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшенія вашихъ* (Мѡ. 6, 15); *молитесь за творящихъ вамъ напасть* (Мѡ. 5, 44). Не должно питать въ сердцѣ злобы или ненависти къ ближнему враждующему, не должно любить его и, сколько можно, творить ему добро, слѣдуя ученію Господа нашего Іисуса Христа: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ* (Мѡ. 5, 44). Итакъ, если мы будемъ, сколько есть силъ стараться все сіе исполнять, то можемъ надѣяться, что въ сердцахъ нашихъ возсіяетъ свѣтъ божественный, озаряющій намъ путь къ горнему Іерусалиму. Поревнуемъ возлюбленнымъ Божиимъ: поревнуемъ кротости Давида, о которомъ преблагій и любоблагій Господь сказалъ: *нашелъ Я мужа по сердцу Моему, который исполнитъ всѣ хотѣнія Мои*. Такъ Онъ говоритъ о Давидѣ непамятозлбномъ и добромъ ко врагамъ своимъ. И мы не будемъ дѣлать ничего въ отмщеніе брату нашему, дабы, какъ говоритъ преп. Антіохъ, не было остановки во время молитвы. Законъ велитъ заботиться объ ослѣ врага (Исх. 23, 5). Объ Іовѣ свидѣтельствовалъ Богъ, какъ о челоуѣкѣ незлобивомъ (Іов. 2, 3); Іосифъ не мстилъ братіямъ, которые умыслили на него зло; Авель въ простотѣ и безъ подозрѣнія пошелъ съ братомъ своимъ Каиномъ. По свидѣтельству слова Божія, святые всѣ жили въ незлобіи. Іеремія, бесѣдуя съ Богомъ (Іерем. 18, 20), говоритъ о гнавшемъ его Израилѣ: *егда воздаются злая за благая? Помяни стоящаго мя предъ Тобою, еже глаголати за нихъ благая* (Ант. сл. 52). Богъ заповѣдалъ намъ вражду только противъ змія, т. е. противъ того, кто изначала обольстил челоуѣка и изгналъ изъ рая—противъ челоуѣкоубійцы—дѣвола. Повелѣно намъ враждовать и противъ Маліанитянъ, т. е. противъ нечистыхъ духовъ и блуда и студодѣянія, которые сѣютъ въ сердцѣ нечистые и скверные помыслы. Предѣлъ добродѣтели и мудрости есть безхитростное дѣйствованіе съ разумомъ. Отчего мы осуждаемъ братій своихъ? Оттого, что не стараемся познать самимъ себя. Кто занятъ познаніемъ самого себя, тому некогда замѣчать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать другихъ. Осуждай дурное дѣло, а самого дѣлающаго не осуждай. Самихъ себя должно намъ считать грѣшнѣйшими всѣхъ, и всякое дурное дѣло прощать ближнему, а ненавидѣть только дѣвола, который прельстилъ его. Случается же, что намъ кажется, другой дѣлаетъ худо, а въ самомъ дѣлѣ, по благому намѣренію дѣлающаго, это хорошо. При томъ дверь покаянія всѣмъ отверзта, и неизвѣстно, кто прежде войдетъ въ нее—

ты лѣ осуждающій, или осуждаемый тобою. Если осуждаешь ближняго, учить преп. Антіохъ, то вмѣстѣ съ нимъ и ты осуждаешься въ томъ же, въ чемъ его осуждаешь. Судить или осуждать не намъ надлежитъ, но единому Богу и Великому Судіи, вѣдущему сердца наша и сокровенныя страсти естества (Ант. Сл. 49). Итакъ, возлюбленные, не будемъ наблюдать за чужими грѣхами и осуждать другихъ, чтобы не услышать *сынове челоувчестіи, зубы ихъ оружія и стрѣлы, и языкъ ихъ мечъ остръ* (Пс. 56.5); ибо когда Господь оставитъ челоувка самому себѣ, тогда діаволь готовъ стереть его, яко мельничный жерновъ зерно пшеничное.

¹⁾ XXI. Паче всего должно украшать себя молчаніемъ, ибо Амвросій Медиоланскій говоритъ: «молчаніемъ многихъ я видѣлъ спасающихся, многоглаголаніемъ же ни одного». И наки нѣкто изъ отцовъ говоритъ, что «молчаніе есть таинство будущаго вѣка, словеса же орудіе суща міра сего» (Доброт. Ин. Калл. и Игн., гл. 6, ч. II). Ты только сиди въ кельѣ во вниманіи и молчаніи и всѣми мѣрами старайся приблизить себя ко Господу, а Господь готовъ сдѣлать тебя изъ челоувка ангеломъ: *на кого бо, говоритъ, воззрю? токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. 66,2). Когда мы въ молчаніи пребываемъ, тогда врагъ-діаволь ничего не успѣетъ относительно къ потаенному сердца челоувку: сіе же должно разумѣть о молчаніи въ разумѣ. Проходящій таковой подвигъ долженъ все упованіе свое возложить на Господа Бога, по ученію апостола: *всю печаль вашу возверзите Нань, яко Той печется о васъ* (1 Петр. 5,7). Оный долженъ быть постояненъ въ семъ подвигѣ, послѣдуя въ семъ случаѣ примѣру св. Іоанна молчальника и пустытника (Ч. мин. дек. 3), который въ прохожденіи сего утверждался сими божественными словами: *не имамъ Тебе оставити, ниже имамъ отъ тебе отступити*. (Евр. 13,5). Ежели не всегда можно пребывать въ уединеніи и молчаніи, живя въ монастырѣ и занимаясь возложенными отъ настоятеля послушаніями, то хотя нѣкоторое время, оставшееся отъ послушанія, должно посвящать на уединеніе и молчаніе, и за сіе малое не оставитъ Господь Богъ ниспослать богатую Свою милость. Отъ уединенія и молчанія рождаются умиленіе и кротость. Дѣйствіе сей послѣдней можно уподобить водѣ оной тихой Силоамской, которая течетъ безъ шума и звука, какъ говоритъ о ней пророкъ Исаія: *воды Силоамли, текущія тисть* (8,6). Пребываніе въ кельѣ въ молчаніи, упражненіи, молитвѣ и поученіи день и ночь Закону Божию дѣлаетъ челоувка благочестивымъ, ибо, по словамъ св. отецъ, келья инока есть пещь вавилонская, въ ней же тріе отроцы Сына Божія обрѣтоша (Доброт. ч. III, Петр. Дамаск., кн. I). Монахъ, по словамъ Ефрема Сирина, не останется долго на одномъ мѣстѣ, если не возлюбитъ прежде молчанія и воздер-

¹⁾ Объ уединеніи и молчаніи.

жанія; ибо молчаніе учить постоянной молитвѣ, а воздержаніе—дѣлаетъ помысль неразвлекаемымъ. Наконецъ, приобрѣтшаго сіе, ожидаетъ мирное состояніе (Доброт. т. II).

1) XXII. Съ ближними надобно обходиться ласково, не дѣлая даже и видовъ оскорбленія. Когда мы отвращаемся отъ человѣка, или оскорбляемъ его, тогда на сердцѣ нашемъ какъ бы камень ложится. Духъ смущеннаго или унывающаго человѣка надобно стараться ободрить словомъ любви. Брату грѣшачу, покрой его, какъ совѣтуетъ св. Исаакъ Сиринъ (сл. 89): «простри ризу твою надъ согрѣшающимъ и покрой его». Всѣ мы требуемъ милости Божіей, какъ церковь поетъ: *еще не Господь бы былъ въ насъ, кто доволенъ цѣлѣ сохраненъ быти отъ врага, кунно и челоукоубійцы?* Мы, въ отношеніи къ ближнимъ должны быть, какъ словомъ, такъ и мыслию, чисты и ко всѣмъ равны; иначе жизнь нашу сдѣлаемъ бесполезною. Мы должны любить ближняго не менѣе, какъ самихъ себя, по заповѣди Господней: *возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе* (Лук. 10,27), но не такъ, чтобы любовь къ ближнимъ, выходя изъ границъ умѣренности, отвлекала насъ отъ исполненія первой и главной заповѣди, т. е. любви Божіей, какъ о семъ поучаетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ *иже любитъ отца или матеръ паче Мене, нѣсть Мене достоинъ; и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мф. 10,37). О семъ предметѣ весьма хорошо рассуждаетъ св. Димитрій Ростовскій (ч. 2, поуч. 2): «тамъ видна неправдивая къ Богу въ христіанскомъ человѣкѣ любовь, гдѣ тварь съ Творцемъ сравнивается; а тамъ видна правдивая любовь, гдѣ одинъ Создатель паче всего созданія любитъ и предпочитается».

2) XXIII. Не должно безъ нужды другому открывать сердца своего: изъ тысячи можно найти только одного, который бы сохранилъ твою тайну. Когда мы сами не сохраняемъ ее въ себѣ, то какъ можемъ надѣяться, что она можетъ быть сохранена другимъ? Съ человѣкомъ душевнымъ надобно говорить о человѣческихъ вещахъ, съ человѣкомъ же, имѣющимъ разумъ духовный, надобно говорить о небесныхъ. Исполненные духовною мудростію люди рассуждаютъ о духѣ какого-либо человѣка по Священному Писанію, смотря сообразны-ли слова его съ волею Божіею, и по тому дѣлаютъ о немъ заключеніе. Когда случится быть среди людей въ мірѣ, о духовныхъ вещахъ говорить не должно, особенно когда въ нихъ не примѣчается и желанія къ слушанію. Надобно въ семъ случаѣ слѣдовать ученію св. Діонисія Ареопагита (О небесн. Іерарх., гл. 2): «содѣлавшись самъ Божественъ Божественныхъ вещей познаніемъ, и въ тайнѣ ума святая сокрывъ отъ неосвященнаго народа, яко единообразная храни. Не бо праведно есть, якоже Писаніе глаголетъ, повергнути въ свинія умныхъ маргаритовъ чистое, свѣ-

1) О должностяхъ и любви къ ближнимъ.

2) О храненіи познанныхъ истинъ.

товидное и драгоценное благоуукрашеніе». Надобно содержать въ памяти слово Господне: *не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, да не поперутъ ихъ ногами своими и вращиешя расторгнутъ вы* (Мѳ. 7, 6). А потому всѣми мѣрами должно стараться скрывать въ себѣ сокровище дарованій: въ противномъ случаѣ потеряемъ и не найдемъ; ибо, по опытному ученію св. Исаака Сирина, «лучше есть помощь, яже отъ охраненія, паче помощи, яже отъ дѣлъ» (сл. 89). Когда же надобность потребуеть, или дѣло дойдетъ, то откровенно, въ славу Божию, дѣйствовать должно, по глаголу: *Азъ прославляющія Мя прославлю* (1 Цар. 2,30), потому что путь уже открылся.

¹⁾ XXIII. Мы неусыпно должны хранить сердце свое отъ непристойныхъ помысловъ и впечатлѣній, по слову Приточника: *всяцѣмъ храненіемъ блюди сердце твое: отъ сихъ бо исходища живота* (Притч. 4,23). Отъ бдительнаго храненія сердца рождается въ немъ чистота, для которой доступно видѣніе Господа, по увѣренію вѣчной Истины: *блаженни чистіи сердцемъ, яко тии Бога узрятъ* (Мѳ. 5,8). Что есть лучшаго въ сердцѣ, того мы безъ надобности не должны обнаруживать; ибо тогда только собранное остается въ безопасности отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, когда оно какъ сокровище хранится во внутренности сердца. Не всѣмъ открывай тайны сердца твоего. Сердце тогда только кипитъ, будучи возжигаемо огнемъ Божественнымъ, когда есть въ немъ вода живая; когда же сія выльется, то оно хладѣетъ и чело-вѣкъ замерзаетъ.

²⁾ XXIV. Одного многоглаголанія съ тѣми, которые противныхъ съ нами нравовъ, довольно разстроить внутренность внимательнаго чело-вѣка. Но всего жалостнѣе то, что отъ сего можетъ погаснуть тотъ огонь, который Господь нашъ Иисусъ Христосъ пришелъ воврещи на землю сердцець человѣческихъ; ибо ничто же тако уступааетъ огню, отъ Св. Духа вдыханный въ сердце инока къ освященію души, якоже соображеніе и многословіе и собесѣдованіе, кромѣ онаго, еже со чады таинъ Божіихъ, еже къ возвращенію разума Его и приближенію (Ис. Сир. Сл. 8). Особенно же должно хранить себя отъ обращенія съ женскимъ поломъ; ибо, какъ восковая свѣча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными, растаеваешь, такъ и сердце инока отъ бесѣдованія съ женскимъ поломъ непримѣтно разслабѣваетъ,—о чемъ и Св. Исидоръ Пелусіотъ говорить такъ: аще (глаголющу Писанію) кія бесѣды злыя тлятъ обычаи благи, то бесѣда съ женами, аще и добра будетъ, обаче сильна есть растлѣти внутренняго чело-вѣка тайно помыслы скверными, и чисту сущу тѣлу, пребудеть душа осквернена: что бо твердѣе есть камене; что же воды мягчае? Обаче всегдашнее прилежаніе и естество побѣждаетъ: аще убо естество, едва подвижимое, подвизается и отъ тоя вещи, юже имать пивочтоже, страждетъ и умалается, то како воля чело-вѣче-

¹⁾ О храненіи сердца.

²⁾ О многословіи.

ская, еже есть удобь колеблема, отъ обыкновенія долгаго не будетъ побѣждена и превращена (Исид. Пелус. пис. 284, и Чет.-Мин. въ жит. его февр. 4 дня)? А потому для сохраненія внутренняго челоуѣка надобно удержатъ языкъ отъ многоглаголанія: *мужъ бо мудръ безмолвіе водитъ* (Притч. 11, 12), *а иже хранитъ своя уста, соблюдаетъ свою душу* (13. 3), и помнитъ слова Іова: *завѣтъ положихъ очима моима, да не помышлю на дѣвицу* (31, 1), и слова Господа Іисуса Христа: *всякъ иже воззритъ на жену, ко еже вождельти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердце свое* (Мѡ. 5, 28). Не выслушавъ прежде другаго, отвѣчать не должно: *иже бо отвѣщаетъ слово прежде слышанія, безуміе ему есть и поношеніе* (Притч. 18, 13).

1) XXV. Стяжи смиреніе, послушаніе, повиновеніе—и спасешися, говоритъ преподобный Варсонофій. И отнюдь не говори вопреки: что это, и для чего это? Но будь благопокорливъ, наипаче аввѣ твоему, который ради Бога печется о тебѣ, и которому вѣрена душа твоя (Варс. отв. 242). Кто по истинѣ хочетъ быть ученикомъ Христовымъ, тотъ никакой не имѣетъ власти надъ собою, чтобы дѣлать что-нибудь самому по себѣ, говорить тотъ же учитель. Ибо что дѣлается по своему помыслу, то не угодно Богу, хотя бы казалось и хорошо. Если кто лучше знаетъ полезное для себя, нежели авва, то зачѣмъ и называть себя ученикомъ его? Повинующійся повинуется во всемъ и не печется о спасеніи своемъ, потому что о немъ печется другой, кому онъ подчинился и вѣрился. Кто въ одномъ отсѣкѣ волю свою, а въ другомъ не отсѣкѣ, то имѣетъ свою волю и въ томъ, въ чемъ отсѣкѣ. Кто хочетъ узнать путь совершенно и нейдетъ съ знающимъ сей путь, никогда не достигнетъ града (совершеннаго безмолвія). Отвергни волю свою назадъ, и блюди смиреніе во всемъ житіи твоёмъ, и тогда спасешися. Смиреніе и послушаніе суть искоренители всѣхъ страстей и насадители всѣхъ добродѣтелей (Варс. отв. 309, 357, 551, 618, 68, 226) Подчиненный долженъ умертвить свои страсти для жизни временной, чтобы имѣть жизнь вѣчную. Онъ долженъ быть какъ сукно на сукновальнѣ, по словамъ препод. Антіоха; ибо, какъ сукно бѣлильникъ колотитъ, топчетъ, чешетъ, такъ и послушникъ, терпя униженія, оскорбленія, поношенія, очищается и дѣлается какъ серебро чистое, блестящее, огнемъ разженное (Ант. сл. 113). Не должно входить въ дѣла начальническія и судить оныя: *свѣтъ оскорбляется величествомъ Божіе, отъ Коего власти поставляются: ибо нѣсть власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. 13, 1). Не должно противиться власти во благое, чтобы не согрѣшить предъ Богомъ и не подвергнуться Его праведному наказанію: *противляйся власти, Божію повелѣнію противляется, противляющійся же себѣ грѣхъ приемлетъ* (Рим. 13, 2). Послушливый много къ созиданію души преуспѣваетъ кромѣ того, что онъ пріобрѣтаетъ чрезъ сіе понятіе о вещахъ и приходитъ въ умиленіе.

1) О должности подчиненныхъ къ начальникамъ.

1) XXVI. Богъ есть огонь, согрѣвающій и воспламеняющій сердца и утробы. Итакъ, если мы ощутимъ въ сердцахъ своихъ холодъ, который отъ діавола,—ибо діаволъ хладенъ,—то призовемъ Господа: Онъ, пришедъ, согрѣетъ наше сердце совершенною любовію не только къ Нему, но и къ ближнимъ. И отъ лица теплоты убѣжить хладъ поброненавистника. Отцы написали, когда ихъ спрашивала: ищи Господа, но не испытуй, гдѣ Онъ живетъ. Гдѣ Богъ, тамъ нѣтъ зла. Все происходящее отъ Бога мирно и полезно и приводитъ человѣка къ самоосужденію и смиренію. Богъ являетъ намъ Свое человѣколюбіе не только въ тѣхъ случаяхъ, когда мы добро дѣлаемъ, но и тогда, когда оскорбляемъ грѣхами и прогнѣваемъ Его. Какъ долготерпѣливо сносить Онъ наши беззаконія! И когда наказываетъ, какъ милостиво наказываетъ! «Не называй Бога правосуднымъ, говоритъ преподобный Исаакъ; ибо въ дѣлахъ твоихъ не видно Его правосудія. Правда, Давидъ называлъ Его и правосуднымъ, и правымъ; но сынъ его показалъ намъ, что Богъ болѣе благъ и милостивъ. Гдѣ Его правосудіе? Мы были грѣшники, и Христосъ умеръ за насъ» (Исаак. Сир. сл. 90). Поколику человѣкъ совершенствуется здѣсь предъ Богомъ, потомулику ходитъ вслѣдъ Его; въ истинномъ же вѣкѣ Богъ явитъ ему лицо Свое. Ибо праведные, входя здѣсь на землѣ въ созерпаніе Его, видятъ образъ Его какъ въ зеркалѣ, а тамъ удостоятся зрѣть явленіе истины. Если ты не знаешь Бога, то невозможно, чтобы явилась въ тебѣ и любовь къ Нему. Ты не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видѣніе же Бога бываетъ отъ познанія Его: ибо созерпаніе не предшествуетъ Богопознанію. О дѣлахъ Божіихъ не разсуждай по насыщеніи своего чрева: при наполненномъ чревѣ какое можетъ быть вѣдѣніе тайнъ Божіихъ?

2) XXVII. Причины пришествія въ міръ Іисуса Христа Сына Божія суть: 1) любовь Божія къ роду человѣческому: *такъ бо возлюбилъ Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть* (Іоан. 3, 16); 2) возстановленіе въ падшемъ человѣкѣ образа и подобія Божія, какъ о семъ воспѣваетъ Св. Церковь (1-й канонъ на Рожд. Христ. пѣснь 1-я): *истлѣвши преступленіемъ, по образу Божію бывшаго, всего тлѣнаго суща, лучшія отпадна Божественныя жизни, накі обновляетъ мудрый Содѣтель*; 3) спасеніе душъ человѣческихъ: *не посла бо Богъ Сына Своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасетъ Имъ міръ* (Іоан. 3, 17). Итакъ, мы, слѣдуя пѣли Искупителя нашего Господа Іисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно Его Божественному ученію, дабы чрезъ сіе получить спасеніе душамъ нашимъ.

3) XXVIII. Дабы привяты и ощутиты въ сердцѣ своемъ свѣтъ Христовъ, надобно, сколько можно, отвлечь себя отъ видимыхъ предметовъ. Предочистивъ душу покаяніемъ и добрыми дѣлами, при искренней вѣрѣ въ

1) О Богѣ.

2) О причинахъ пришествія въ міръ Іисуса Христа.

3) О свѣтѣ Христовомъ.

Распятого, закрывъ тѣлесныя очи, должно погрузить умъ внутрь сердца и вопіять, непрестанно призывая имя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда по мѣрѣ усердія и горячности духа къ Возлюбленному (Лук. 3, 22), человекъ въ призываемомъ имени находятъ услажденіе, которое возбуждаетъ желаніе искать высшаго просвѣщенія. Когда умъ съ такимъ упражненіемъ долго пребудетъ, укоснитъ сердце, тогда возсіяетъ свѣтъ Христовъ, освѣщая храмину души божественнымъ сіяніемъ, какъ говорить отъ лица Бога св. пророкъ Малахія: *и возсіяетъ валъ. боящимся имени Моего, солнце правды* (4, 2). Сей свѣтъ есть крѣпко и жизнь, по евангельскому слову: *въ Томъ животъ бж. и животъ бж свѣтъ чело-вѣкомъ* (Іоан. 1, 4). Когда человекъ созерцаетъ внутренно свѣтъ вѣчный, тогда умъ его бываетъ чистъ и не имѣетъ въ себѣ никакихъ чувственныхъ представленій, но, весь будучи углубленъ въ созерцаніе не-созданной доброты, забываетъ все чувственное, не хочетъ зрѣть и себя, но жаждетъ скрыться въ сердцѣ земли, только бы не лишиться сего истиннаго блага — Бога.

1) XXIX. Прежде всего должно вѣровать въ Бога, *яко есть. и възскающимъ Его мздовоздаятель бываетъ* (Евр. 11. 6). Вѣра, по ученію преподобнаго Антіоха, есть начало нашего соединенія съ Богомъ: истинно вѣрующій есть камень храма Божія, уготованный для зданія Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, т. е. крестомъ, помощію вервія, т. е. благодати Духа Святаго. *Вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. 2, 26); а дѣла вѣры суть: любовь, миръ, долготерпѣніе, милость, смиреніе, несеніе креста и жизнь по духу. Лишь такая вѣра вмѣняется въ правду. Истинная вѣра не можетъ оставаться безъ дѣлъ: кто истинно вѣруетъ, тотъ непремѣнно творитъ и добрыя дѣла.

2) XXX. Всѣ, имѣющіе твердую надежду на Бога, возводятся къ Нему и просвѣщаются сіяніемъ вѣчнаго свѣта. Если человекъ не имѣетъ излишняго попеченія о себѣ изъ любви къ Богу и для дѣлъ добродѣтели, зная, что Богъ печется о немъ: то такая надежда есть истинная и мудрая. А если человекъ все упованіе свое возлагаетъ на свои дѣла, къ Богу же обращается съ молитвою лишь тогда, когда его постигаютъ непредвидѣнныя бѣды, и онъ, не видя въ собственныхъ силахъ средствъ къ отвращенію ихъ, начинаетъ надѣяться на помощь Божію,—то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищетъ единаго Царствія Божія и увѣрена, что все земное, потребное для жизни временной, несомнѣнно дано будетъ. Сердце не можетъ имѣть и мира, пока не пріобрѣтетъ такой надежды. Она-то вполне вмировворяетъ его и вноситъ радость въ него. О сей-то надеждѣ сказали святѣйшія уста Спасителя: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мо. 11, 28), т. е. надѣйся на Меня и угѣшишься отъ труда и страха. Въ Евангеліи св. Луки сказано о Сумеонѣ: *и бж ему обѣщанно Духомъ*

1) О вѣрѣ.

2) О надеждѣ.

Святѣмъ не видѣти смерти прежде даже не видѣтъ Христа Господня (Л. 2, 26). И Сумеонъ праведный не умертвилъ надежды своей, но ждалъ вождѣннаго Спасителя міра и, съ радостію принявъ Его на свои руки, сказалъ: теперь Ты отпускаешь меня, Владыко, въ Твое вождѣнное для меня царство: ибо я увидѣлъ надежду мою—Христа Господня.

¹⁾ XXXI. Стяжавшій совершенную любовь къ Богу существуетъ въ жизни сей такъ, какъ бы не существовалъ, ибо считаетъ себя чужимъ для видимаго, съ терпѣніемъ ожидая невидимаго. Онъ весь измѣнился въ любовь къ Богу и оставилъ всѣ другія привязанности. Кто себя любить, тотъ любить Бога не можетъ. А кто не любить себя, ради любви къ Богу, тотъ любить Бога. Истинно любящій Бога считаетъ себя странникомъ и пришельцемъ на землѣ сей; ибо въ своемъ стремленіи къ Богу душою и умомъ созерцаетъ только Его одного. Душа, исполненная любви къ Богу, и во время исхода своего изъ тѣла, не убоится князя воздушнаго, но съ ангелами возлетитъ, какъ бы отъ чужой страны, на родину.

²⁾ XXXII. Должно быть милостиву къ убогимъ и страннымъ. О семъ много пеклись великіе свѣтильники и Отцы Церкви. Въ отношеніи къ сей добродѣтели мы должны всѣми мѣрами стараться исполнять слѣдующую заповѣдь Божию: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть* (Л. 6, 36) и также: *милости хоцѣ, а не жертвы* (Мѣ. 9, 13). Снмъ спасительнымъ словамъ мудрые внимаютъ, а неразумные не внимаютъ, оттого и награда будетъ не одинакова, какъ сказано: *стѣющіи скудостію, скудостію и пожнутъ, стѣющіи же о благословеніи, о благословеніи и пожнутъ* (2 Кор. 9, 6). Примѣръ Петра хлѣбодара (Чет. Мин. сент. 22), который за кусокъ хлѣба, поданный нищему, получилъ прощеніе во всѣхъ его грѣхахъ, какъ это было показано ему въ видѣніи, да подвигнетъ насъ къ тому, чтобы и мы были милостивы къ ближнимъ; ибо и малая милостыня много способствуетъ къ полученію царствія небеснаго. Творить милостыню мы должны съ душевнымъ благорасположеніемъ, по ученію св. Исаака Сирина: «аще даси что требующему, да предваритъ даяніе твое веселіе лица твоего, и словесы благими утѣшай скорбь его» (Сл. 89).

³⁾ XXXIII. Тѣло есть рабъ души, а душа—царица; а потому часто милосердіемъ Божиимъ бываетъ и то, когда тѣло изнуряется болѣзнями, отъ сего ослабѣваютъ страсти и человѣкъ приходитъ въ себя, да и самая болѣзнь тѣлесная рождается иногда отъ страстей. Отними грѣхъ, и болѣзней не будетъ; ибо онѣ бываютъ въ насъ отъ грѣха, какъ сіе утверждаетъ св. Василій Великій: «откуда недуги, откуда поврежденія тѣлесныя? Господь создалъ тѣло, а не недугъ; душу, а не грѣхъ. Что же

¹⁾ О любви къ Богу.

²⁾ О милостыни.

³⁾ О болѣзняхъ.

паче всего полезно и нужно? Соединеніе съ Богомъ и общеніе съ Нимъ посредствомъ любви. Теряя любовь сію, мы отпадаемъ отъ Него, а отпадая, подвергаемъ различнымъ и многообразнымъ недугамъ» (О томъ, что Богъ не есть причина зла). Кто переноситъ болѣзнь съ терпѣніемъ и благодареніемъ, тому вмѣняется она вмѣсто подвига, или даже болѣе. Одинъ старецъ, страдавшій водяною болѣзнію, говорилъ братіямъ, которые приходили къ нему съ желаніемъ лечить его: «отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болѣзни мой внутренній человѣкъ; а что касается до настоящей болѣзни, то я прошу Бога о томъ, чтобы Онъ не вдругъ освободилъ меня отъ нея; ибо по колику *внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, потолику внутренній обновляется* (2 Кор. 4, 16).

¹⁾ XXXIV. Излишнее попеченіе о вещахъ житейскихъ свойственно человѣку невѣрующему и малодушному. И горе намъ, если мы, заботясь сами о себѣ, не утверждаемся надеждою нашею въ Богъ, пекущемся о насъ! Если видимыхъ благъ, которыми въ настоящемъ вѣкѣ пользуемся, не относимъ къ Нему, то какъ можешь ожидать отъ Него тѣхъ благъ, которыя обѣщаны въ будущемъ? Не будемъ такими маловѣрными, а лучше будемъ *искать прежде царствія Божія, и сія вся приложатся намъ*, по слову Спасителя (Мѡ, 6, 33). Лучше для насъ презирать то, что не наше, т. е. временное и преходящее, и желать нашего, т. е. нетлѣнна и безсмертія. Ибо когда будемъ нетлѣнны и безсмертны, тогда удостоимся видимаго Богосозерцанія, подобно апостоламъ при божественнѣйшемъ Преображеніи, и приобщимся превышеумнаго единенія съ Богомъ подобно небеснымъ умамъ, ибо *будемъ подобны ангеламъ, и сынами Божіими, воскресенія сынове суще* (Л. 20, 36). *Есть недугъ, говорить Екклесіастъ, егоче видѣтъхъ подъ солнцемъ, богатство хранимо отъ стяжателя въ зло ему: и погибнетъ богатство оно въ попеченіи лукавнѣ: вси днѣ его во тлѣ, и плачи, и въ ярости мнозѣ, и въ недугѣ, и въ тлѣвѣ* (Екклес. 5, 12, 16).

Мы намѣренно привели здѣсь наставленія Преподобнаго Серафима во всей полнотѣ ихъ объема, во-первыхъ, чтобы показать чему учили своихъ учениковъ и послѣдователей великій благодатный свѣтильникъ нашей Церкви; во-вторыхъ, дабы явить читателямъ всю высоту и облагодатствованность его слова, не смотря на его простоту и естественность. Замѣчено, что, чѣмъ болѣе искрененъ бываетъ человѣкъ въ передачѣ своихъ мыслей и чувствъ, чѣмъ болѣе эти чувства его опредѣленны и ясны для него самого, тѣмъ проще, безыскусственнѣе, но въ то же время и свободнѣе, непринужденнѣе бываетъ его рѣчь, и тѣмъ болѣе въ этой рѣчи заключается силы и красоты. Можно сказать, что, чѣмъ менѣе человѣкъ заботится о своемъ словѣ, тѣмъ болѣе это слово достигаетъ цѣли. Каждому проповѣднику надобно зацѣпиться богатствомъ Духа Божія. Его слово—огонь и свѣтъ, а для этого надобно, чтобы у него самого прежде всего сердце горѣло любовію къ Богу, къ людямъ, къ Божіей

¹⁾ Противъ излишней попечительности.

правдѣ. Чего нѣтъ въ себѣ, того нельзя дать другимъ. Сердцу можно говорить только сердцемъ. Постоянно приходится наблюдать, что человѣкъ всегда особенно живо и увлекательно говоритъ о тѣхъ вещахъ, которыя составляютъ предметъ его личной любви и интереса, которыми наиболѣе занята его мысль.

Есть три рода жизни: жизнь плотская, жизнь душевная и жизнь духовная. Первая состоитъ въ стремленіи только къ чувственнымъ наслажденіямъ, вторая состоитъ въ развитіи душевныхъ способностей, приводящемъ къ болѣе утонченнымъ наслажденіямъ—умственнымъ, эстетическимъ; наконецъ, третья возвышается надъ всѣмъ временнымъ, случайнымъ, даже и надъ тѣми интересами, которыми руководится «душевный» человѣкъ въ своихъ благороднѣйшихъ стремленіяхъ, въ созиданіи цѣнностей научныхъ, художественныхъ; она—эта духовная жизнь—состоитъ въ служеніи чистѣйшему надмірному Добру, въ приближеніи къ Богу. И самымъ вѣрнымъ признакомъ, отличающимъ всякаго человѣка, который возвышается до этой жизни, служитъ смиреніе. Глубокое чувство собственнаго недостойнства проникаетъ всю его душу, становится его основнымъ жизненнымъ настроеніемъ. Даже доброе, незапятнанное дурною славою, имя—ничто въ глазахъ того, кто отрѣшился отъ всего земного, чья душа вся поглощена однимъ святымъ желаніемъ,—желаніемъ небесной правды. Возведутъ на него неправильное обвиненіе—онъ самъ готовъ вмѣнить себѣ навязанное преступленіе; чувство своей вины, чувство своего недостойнства предъ очами небеснаго Судьи такъ проникаетъ все существо его, и кажется ему, что нѣтъ такого тяжкаго грѣха, которымъ онъ уже не согрѣшилъ бы. Отсюда рождается добродѣтель смиренія. Смиреніе—врата добродѣтелей. Всѣ великіе подвижники Церкви, шедшіе по стопамъ Божественнаго Подвигоположника, входили этими вратами въ область мира и духовнаго преуспѣянія. Только сбросивъ и оставивъ позади себя весь грузъ гордыни, самолюбивыхъ стремленій и неразрывно связанныхъ съ ними житейскихъ попеченій, могли они съ живымъ и спокойнымъ сознаніемъ приступить къ совершенію своихъ подвиговъ.

Отсюда въ душѣ человѣка-подвижника является чувство *хожденія предъ Богомъ*. Хожденіе предъ Богомъ—это то-же, что на языкѣ Апостоловъ непрестанная молитва, молитвенно-сосредоточенное состояніе души, непрерывный полетъ ея къ Богу и вѣчности; это—непрестанное памятованіе о Призвавшемъ насъ въ чудный Свой свѣтъ, памятованіе на всякомъ мѣстѣ и на всякое время. Состояніе естественное для обыкновенныхъ, только серьезно и искренно вѣрующихъ людей,—находящихъ высшимъ для себя блаженствомъ—припаданіе на перси Иисусовы и даже болѣе—соединеніе съ Нимъ въ таинствѣ Причащенія. И какія чудныя примѣры представляетъ намъ священная древность этого хожденія предъ Богомъ! Вотъ предъ нами преподобный Памво. Это былъ великій подвижникъ Нитрійской пустыни въ Египтѣ, и вотъ что говорилъ онъ,

готовясь отойти въ вѣчность: «съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ этой пустынѣ, не было дня, въ который бы я не работалъ до утомленія; не помню также, чтобы произнесъ я какое-нибудь слово, въ которомъ долженъ былъ бы каяться и стыдиться его въ этотъ часъ; но все-таки я чувствую, что отхожу къ Богу, какъ бы не начавъ еще служить Ему». (Память—18 июля). Прежде всего мысль невольно останавливается на первыхъ его словахъ. Какимъ подвигомъ духовнаго бодрствованія, упорнаго труда надъ собой должна была быть жизнь этого человѣка, который имѣлъ дерзновеніе предъ лицомъ смерти такъ говорить о себѣ: «Не помню потеряннаго дня.... Не помню празднаго слова!».... Его житіе показываетъ намъ, какими условіями достигъ онъ такой нравственной высоты. Неграмотнымъ юношею придя въ безмолвную пустыню, онъ нашель инока и, какъ евнухъ, о которомъ говорить книга Дѣяній Апостоловъ (8, 27—39), сталъ просить того научить его закону Господню. Они вмѣстѣ стали читать псалмы Давида и когда дошли до словъ 88 псалма *положихъ устомъ моимъ хранило, еже не согрѣшахъ ми языкомъ моимъ*, Памво попросилъ прекратить чтеніе и ушелъ отъ старца. И только придя къ нему снова чрезъ 19 лѣтъ, онъ сказалъ со смиреніемъ: «девятнадцать лѣтъ твержу я этотъ урокъ и едва привыкъ выполнять его на дѣлѣ». Единичный фактъ изъ жизни св. Памво, онъ является вообще символомъ того, какъ истинные иноки умѣли и умѣютъ отдаваться усвоенію заповѣди Христа. Но что-же именно толкаетъ ихъ на этотъ подвигъ; что заставляетъ такъ работать надъ собой? Заставляетъ, конечно, безпредѣльная любовь къ Богу, стремленіе уподобиться Ему: *будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть*. Непрестанное хожденіе предъ Богомъ, болѣзнь оскорбить Его самую тѣнь грѣха. Но это «хожденіе», налагая на человѣка такой подвигъ, даетъ ему и силы для его выполненія, ему одному вѣдомыя наслажденія.

Руководимый преподобнымъ Серафимомъ на пути къ небесному Иерусалиму, Іоаннъ, въ цѣляхъ тѣснѣйшаго единенія и слитія съ своимъ Спасителемъ, съ его благословенія, во всѣ дванадесятые праздники приступалъ къ Чашѣ Христовой, въ таинствѣ св. покаянія очищая сокровенная души своей, и наканунѣ пріобщенія вкушая пищу только однажды въ день, да и то съ крайнею умѣренностію и воздержаніемъ. И вотъ что разсказывалъ онъ впоследствии, будучи уже старцемъ, объ одномъ случаѣ, неразрывно связанномъ съ этимъ его благочестивымъ обычаемъ: «однажды, говорить онъ, наканунѣ дванадесятаго праздника, отпѣвъ раннюю литургію, я пришелъ въ свою келью и для подкрѣпленія истощенныхъ силъ напился чаю и съѣлъ просфору. Этимъ бы и надлежало мнѣ довольствоваться до принятія Пречистыхъ Таинъ; но когда ударили въ обѣденное время къ трапезѣ, то и я, по обычаю, пошелъ туда же вмѣстѣ съ братією и вкусилъ тамъ пищи. Послѣ же вечерни посѣтилъ меня одинъ боголюбивый мужъ изъ дальняго мѣста, который питалъ

большую вѣру и любовь къ о. Серафиму и пользовался его наставленіями, а также и ко мнѣ, грѣшному, питалъ доброе расположеніе. Угощая гостя братскою пищею, я также вкусилъ ее съ нимъ вмѣстѣ. Послѣ сего мнѣ вдругъ припомнилось, что настоящій день—быль канувъ дванадесятаго праздника, и что я, по завѣту старца, долженъ завтра пріобщаться Св. Тайнъ и поэтому вкушать пищу только одинъ разъ. Раздумывая о своемъ невниманіи и о несоблюденіи старческой заповѣди, я началъ падать духомъ, и чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ болѣе смущался. Тѣмъ ужасающихъ мыслей, одна за другою, такъ и тѣснились въ мою голову. Одна мысль говорила, что если я не соблюлъ заповѣди старца, то недостойнъ пріобщаться Пречистыхъ Тайнъ; другая напротивъ, что если я не приступлю къ пріобщенію, тогда о. Серафимъ спроситъ меня о причинѣ—и какъ я буду отвѣчать ему? Третья мысль еще страшнѣйшая, твердила, что если я дерзну приступить къ этой священной трапезѣ, не смотря на свое неостойство, то непременно Господь поразитъ меня смертію. Не смотря однакожъ на эту мысленную борьбу, я всячески преодолевалъ ее, чтобы не лишиться себя святыни и не оскорбить старца, и, готовясь, прочиталъ вечернее правило и потомъ исповѣдался. Но хотя отецъ духовный и разрѣшилъ меня, сказавъ, чтобы я приступалъ къ Св. Тайнамъ безъ всякаго смущенія, ибо по вѣрѣ и покаянію нашему благодать Господа нашего Иисуса Христа разрѣшаетъ всѣ грѣхи наши, однако же я не внялъ этому разрѣшенію. Врагъ не хотѣлъ оставить видимую добычу и всячески старался удалить мою душу отъ соединенія съ Сладчайшимъ Иисусомъ. На другой день, во время литургіи, онъ напалъ на меня съ тѣми же убійственными мыслями, только въ гораздо сильнѣйшей степени. А когда я надѣлъ, по благословенію служащаго іерея, стихарь, въ которомъ обыкновенно пріобщался Св. Тайнъ, мои мученія дошли до самой крайности. Вмѣсто упованія на благодать Христа Спасителя, покрывающаго всѣ согрѣшенія, мнѣ представлялось, что по суду Божію, за мое неостойство и презрѣніе заповѣди старческой, я буду или сожженъ огнемъ, или живой поглощенъ землею, въ виду всѣхъ предстоящихъ, какъ только приступлю къ Св. Чашѣ. Уже я весь горѣлъ адскимъ огнемъ и видимо погибалъ въ отчаяніи. Въ этотъ самый мигъ какое-то неизяснимое влеченіе повало меня въ священный алтарь, и я безъ всякаго разсужденія послѣдовалъ туда, какъ бы на призывъ моего ангела-хранителя, по молитвамъ о. Серафима. Это была та самая минута, когда о. Серафимъ только что пріобщился Св. Тайнъ, а служащій іерей, оканчивая священное таинство, готовился отверзать царскія врата. Я взглянулъ на о. Серафима и увидѣлъ, что онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою. Со страхомъ и благоговѣніемъ обошелъ я священный престолъ и палъ въ ноги о. Серафиму. Старецъ поднялъ меня, благословилъ и сказалъ мнѣ эти сладкія слова, которыхъ никогда не забуду: «если бы мы и весь океанъ наполнили нашими слезами, то и тогда не могли бы удовлетворить

Господа за то, что Онъ изливаетъ на насъ туне и питаетъ насъ Пречистою Своею Кровію и Тѣломъ, которыя насъ омывають, очищаютъ, оживотворяють и воскрешаютъ. Итакъ, приступи безъ сомнѣнія и не смущайся, но вѣруй только, что это—есть истинное Тѣло и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, которая дается намъ во исцѣленіе всѣхъ нашихъ грѣховныхъ струповъ». Я снова палъ въ ноги старцу, облобызалъ ихъ и руки его и вышелъ изъ священнаго алтаря въ восторгѣ отъ неизреченной милости Господней, показавшей мнѣ въ о. Серафимѣ такой даръ прозорливости и духа премудрости. И по молитвамъ его и я сподобился въ этотъ разъ приобщиться Пречистыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой въ такой радости и восторгѣ, и съ такою вѣрою и любовію, съ какими я, по мнѣнію моему, никогда въ жизни не приобщался»¹⁾.

Такъ подъ богомудрымъ водительствомъ великаго старца духовно возрасталъ послушникъ Іоаннъ. Богоносный отецъ усердно снабждалъ душу ученика своего, а сердце сего послѣдняго представляло собою добрую почву для воспріятія сѣмянъ спасительнаго ученія, ученія старческаго. Начальство Саровской пустыни, видя его усердіе и примѣрную для братіи жизнь, исходатайствовало посвященіе его въ стихарь (14 февр. 1827 г.) Еще ряѣе облеченный въ рясофоръ, и такимъ образомъ принявъ на себя предобрученіе великаго ангельскаго образа, послушникъ Іоаннъ вошелъ въ чинъ рясофорныхъ монаховъ и сталъ называться о. Іоанномъ. За это время прошелъ онъ не одно послушаніе: былъ пономаремъ, головщикомъ и канонархомъ, вездѣ проявляя свои способности и ревность къ поручаемымъ ему дѣламъ. Неудивительно, что старцы Сарова цѣнили способнаго послушника, но выше ихъ расположенія и любви ставилъ о. Іоаннъ отеческія къ нему милости преподобнаго. По склонности своего духа, подъ благодатнымъ вліяніемъ и руководствомъ своего Великаго Старца, въ свободное отъ богослуженія и послушаній время, о. Іоаннъ заполнялъ келейный досугъ свой усерднымъ чтеніемъ Св. Писанія, твореній свято-отеческихъ, переписывалъ синодики монастырскіе такъ называемымъ «полууставомъ», обладая твердымъ и красивымъ почеркомъ, по порученію Преподобнаго, писалъ отъ его имени письма къ нѣкоторымъ особамъ и упражнялся въ искусствѣ живописи, въ послѣднемъ отношеніи достигнувъ значительной степени совершенства. А извѣстна истина, что искусство—родная сестра религіи. Между этими двумя великими областями человѣческаго духа существуетъ тѣсная внутренняя связь. И въ той и въ другой духъ человѣческой отрывается отъ временнаго и тлѣннаго, отъ всего, что приковываетъ его къ суетнымъ заботамъ міра сего, и приобщается къ вѣчному Источнику всякаго добра, жизни и красоты. Но всѣ эти занятія занимали лишь второсте-

¹⁾ «Сказанія о подвигахъ и событіяхъ жизни старца Серафима іеромонаха, пустычника и ватворника Саровской пустыни»; Слб. 1877 г. ч. III: «О приобщеніи Св. Таинъ», стр. 151—154.

пенное мѣсто въ жизни о. Іоанна; главная же его забота была лишь *о единомъ на потребу*—спасеніи души и достиженіи возможнаго для челоѣка предѣла нравственнаго совершенства. Аскетически настроенный духъ его увлекалъ его иногда за грань духовной осторожности, гдѣ въ особенности многоцѣннымъ было для него облагодатствованное слово св. старца.

Объ одномъ изъ такихъ религіозныхъ порывовъ онъ рассказываетъ въ своей книгѣ: «на стѣнкѣ кельи о. Серафима, пишетъ онъ,—дѣйстви-тельно всегда висѣли желѣзные вериги; но я не слыхалъ отъ него, чтобы онъ носилъ ихъ когда-нибудь. Знаю только, что всѣмъ неопыт-нымъ еще въ духовныхъ подвигахъ онъ не совѣтовалъ дѣлать этого. Для примѣра, вотъ случай, бывший со мною. Я поступилъ въ Саровскую пустыню 18 лѣтъ и сверхъ возложеннаго на меня послушанія находилъ еще время читать житія св. отецъ. Начитавшись, какъ святые, по любви своей къ Богу, возлагали на себя вериги и власяницы, рѣшился и я непременно, Господа ради, возложить на себя что-нибудь для умерщ-вления тѣла. Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ со времени моего поступленія въ монастырь домогался я всѣми силами получить чрезъ какихъ-либо духовныхъ особъ желаемаыя вериги или власяницу. Говорю это не изъ тщеславія или гордости, но для открытія моей, еще младен-ческой тогда, слѣпоты и неопытности въ духовной жизни, а равно и для открытія благодатной мудрости и прозорливости о. Серафима, ко-торый показалъ мнѣ, что ревность моя была не по разуму, и что она вела меня къ одной гордости. Получивъ желаемаыя вещи, я восхитился тщеславною мыслию, которая непримѣтно закралась въ глубину моего сердца, и рѣшился нарочно идти къ о. Серафиму и получить отъ него благословеніе на новый подвигъ, полагая, что мое желаніе и ревность будутъ также и ему пріятны. Когда я пришелъ къ его кельѣ и сотво-рилъ, по обычаю, молитву, старецъ отворилъ мнѣ дверь и, благословивъ меня, посадилъ милостиво на деревянный отрубочекъ; самъ же, заклю-чивъ дверь на крючекъ, сѣлъ противъ меня, тихо улыбаясь. Въ это самое время я хотѣлъ испросить у него благословенія на новый свой подвигъ; но только что открылъ ротъ, какъ онъ загородилъ его своею ручкою и самъ началъ говорить мнѣ, продолжая улыбаться: «вотъ, что я скажу тебѣ: приходятъ ко мнѣ дивѣвскіе младенцы и просятъ моего совѣта и благословенія, одни—носить вериги, а другіи—власяницы; то какъ ты думаешь: по дорогѣ-ли ихъ дорога-то? скажи мнѣ». Я же, какъ слѣпецъ, не понимая, что онъ говоритъ это стороною прямо обо мнѣ, и не зная, кто таковы дивѣвскіе младенцы, отвѣчалъ ему: «я, батюшка, не знаю». Тогда онъ еще съ большею улыбкою повторилъ: «да какъ же ты этого не понимаешь? Вотъ я тебѣ говорю о дивѣв-скихъ-то младенцахъ, что онѣ приходятъ ко мнѣ и просятъ моего совѣта и благословенія надѣтъ на себя вериги и власяницы; то какъ ты ду-маешь объ этомъ?» Я вторично отвѣчалъ ему: «я, батюшка, не знаю,

полезно-ли имъ это будетъ, или нѣтъ». Но вдругъ, вспомнивъ, что, вѣдь, и самъ я пришелъ къ нему за тѣмъ же совѣтомъ и благословеніемъ, сказалъ ему: «батюшка, и я пришелъ къ вамъ за тѣмъ же, чтобы вы благословили меня носить власяницу и вериги». И рассказалъ ему при этомъ все, какъ я желалъ, и какъ досталъ эти вещи. Старецъ выслушалъ меня и потомъ съ прежнею улыбкою сказалъ: «какъ же ты не понимаешь? вѣдь я тебѣ объ этомъ-то и говорю». Тогда внезапно какъ будто спала моя слѣпота, и я съ ужасомъ увидѣлъ силу дѣйствующей въ немъ благодати, потому что понялъ совершенно ясно, зачѣмъ онъ заградилъ мои уста въ началѣ, и о какихъ веригахъ и власяницѣ говорилъ потомъ. Между тѣмъ какъ я пребывалъ въ безмолвіи отъ этого ужаса, старецъ вдругъ замахнулся на меня правою своею ручкою, какъ бы желая изо всей силы ударить меня по щекѣ. Но онъ не ударилъ меня, а только прикоснулся къ моему уху, и сказалъ: «вотъ, кто тебя такимъ образомъ заушить,—это духовная и самая тяжелая верига». Потомъ, набравъ во рту слюны, и какъ бы желая совершенно ослѣпить меня ею, сказалъ: «а если кто нибудь заплачетъ тебѣ такимъ образомъ глаза—вотъ это духовная и самая спасительная власяница. Надобно только носить ихъ съ благодарностію; и знай, что эти духовныя вериги и власяница выше всѣхъ тѣхъ, о которыхъ ты думаешь и которыя носить желаешь. Правда, что многіе изъ св. отцевъ носили вериги и власяницу, но они были мужи мудрые и совершенные, и все это дѣлали изъ любви Божіей, для совершеннаго умерщвленія плоти и страстей, и для покоренія ихъ духу, какъ на примѣръ: Θεодосій Печерскій, Θεодосій Тотемскій, Василій блаженный и другіе святые. А мы съ тобой еще младенцы, страсти все еще царствуютъ въ нашемъ тѣлѣ и противятся волѣ и закону Божію. Такъ что-же будетъ въ томъ, что мы надѣнемъ вериги и власяницу, а будемъ спать, и пить и ѣсть столько, сколько намъ хочется? При томъ мы не можемъ и самонадѣшаго оскорбленія отъ брата перенести великодушно, отъ начальническаго же слова и выговора впадаемъ въ уныніе, даже въ отчаяніе, такъ что и въ другой монастырь выходимъ мыслию, и съ завистію указывая на другихъ собратій, которые въ милости и довѣренности у начальника, принимаемъ всѣ его распоряженія за обиду, за невниманіе и недоброжелательство къ себѣ. Изъ этого разсуди самъ: какъ мало, или вовсе нѣтъ въ насъ никакого фундамента къ монашеской жизни, а все это оттого, что мы мало о ней разсуждаемъ и внимаемъ ей»¹⁾.

Жизнь иноческая, требующая не минутныхъ порывовъ души, не кратковременнаго пробужденія религіознаго чувства, но постояннаго, неуклоннаго шествія по пути самоотверженія, особенно нуждается въ великихъ руководителяхъ, которые бы утверждали колеблющуюся волю на тѣсномъ пути спасенія. Таковымъ для Іоанна и былъ Преподобный

¹⁾ Сказанія. Спб. 1877 г. ч. I, стр. 63—65.

Серафимъ. Иоаннъ не могъ не видѣть въ Преподобномъ проводника божественной благодати, такой духовной красоты и силы, что прель этимъ дивнымъ образомъ въ просвѣтленныхъ его очахъ поблѣднѣли и ступевались всѣ обманчивыя прелести міра и людей. Благодатные дары чудной прозорливости, исцѣленія, могучая, безпредѣльная сила молитвы Преподобнаго, этого ангела во плоти, влекли его духъ къ христіанскому совершенствованію, и Иоаннъ привязался къ Преподобному всѣмъ своимъ пылкимъ сердцемъ, весь отдался его руководительству, наслаждаясь его богомудрыми бесѣдами. Эти постоянныя бесѣды съ великимъ старцемъ сдѣлались наконецъ потребностью духа Иоаннова. И старецъ, проникнувъ въ глубь его душевную и видя способность его пламеннаго сердца загорѣться неугасимымъ огнемъ великой любви къ Богу, все ближе, все тѣснѣе принималъ его въ свое общеніе, свое сотайничество. Въ одинъ разъ онъ «открылъ ему о себѣ дивную тайну, именно какъ онъ узналъ однажды, впрочемъ не объясняя, по откровенію-ли, или ему сказалъ кто-нибудь, что одна, совершенно несчастная, потерянная душа была какъ бы въ когтяхъ у самого сатаны; но чѣмъ она согрѣшила, старецъ также не объяснилъ, и какъ онъ простеръ за нее моленіе къ Спасителю и Божіей Матери, и какъ потомъ видѣлъ, по милости Божіей, летяшею изъ когтей сатаны, уже совершенно чистою голубицею, и наконецъ, какъ полчище сатанинское, не стерпя потери своей, излило на него всю свою злобу и поразило его. При этомъ старецъ, какъ бы въ удостовѣреніе, разстегнулъ свою свитку и, взявши мою руку, далъ мнѣ осязать нанесенную ему язву, уже, по его словамъ, исцѣленную. Я осязалъ и видѣлъ ее: она была на его спинѣ, между лопатками, совершенно мягкая, и походила на отвислый кусокъ мяса, величиною съ гусиное яйцо. Съ этою язвою или струпомъ его и похоронили. Давши мнѣ видѣть и осязать ее, старецъ еще прибавилъ, что боль отъ этой язвы была такъ жестока, какъ бываетъ пальцу, когда его положишь на горящую свѣщу, и при томъ, если бы онъ горѣлъ, но не сгоралъ. «И если бы не Господь и Матерь Божія, говорилъ старецъ, исцѣлили меня, то никто не могъ бы уже исцѣлить». Но дивной тайны своего исцѣленія старецъ также не объяснилъ ¹⁾. О благодатномъ и утѣшительномъ видѣніи ему въ литургію Великаго Четвертка Господа нашего Іисуса Христа, въ числѣ весьма немногихъ лицъ, св. старецъ повѣдалъ, между прочимъ, и Иоанну ²⁾. Но наше вниманіе должно остановиться съ особеннымъ благоговѣніемъ на разказѣ его о восхищеніи его (Преп. Серафима) въ небесныя обители, о чемъ достойный ученикъ, со словъ своего великаго учителя, повѣствуетъ такъ:

«Однажды, говоритъ онъ, — носѣтилъ меня одинъ боголюбивый братъ, съ которымъ мы обыкновенно дѣлились всякою радостью и утѣшительнымъ словомъ, слышаннымъ отъ о. Серафима, въ общее наше

¹⁾ Сказанія, ч. I, стр. 34.

²⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 22—24.

назиданіе. Между прочими разговорами, вдругъ онъ спросилъ меня: открылъ ли мнѣ о. Серафимъ о той великой тайнѣ, какъ онъ сподобился быть восхищеннымъ въ небесныя обители? Я отвѣчалъ ему, что ничего не слыхалъ объ этой великой милости Божіей, а самъ между тѣмъ недоумѣвалъ и скорбѣлъ сердечно: отчего и мнѣ старецъ не открылъ объ этой великой тайнѣ, потому что я зналъ, что онъ любилъ меня. Сколько я ни спрашивалъ брата, чтобы онъ рассказалъ мнѣ что-нибудь изъ слышаннаго отъ о. Серафима; но при всемъ его желаніи, онъ ничего не могъ сообщить вразумительно моему понятію. Итакъ, проводивши брата и съ нетерпѣніемъ дождавшись вечерняго времени, я отправился по обыкновенію, часу въ шестомъ, къ о. Серафиму, съ намѣреніемъ—младенчески припасть къ нему и умолить его о томъ, чтобы онъ самъ усладилъ мою душу разговоромъ о полученной имъ великой милости Божіей. Старецъ, при моемъ приходѣ, встрѣтилъ меня, какъ отецъ чадолюбивый и, вслѣдъ за мною, заперъ на крючокъ двери. Я уже заранѣе утѣшался мыслію, что услышу отъ старца объ его дивномъ восхищеніи, ни мало не думая, достоинъ-ли я это слышать, или нѣтъ? Когда мы сѣли другъ противъ друга, и я уже хотѣлъ молить его о томъ, чтобы онъ повѣдалъ мнѣ свою великую тайну, какъ онъ въ ту же минуту заградилъ мои уста своею рукою, и первое его слово было: «огради себя молчаніемъ». И тутъ же онъ началъ раскрывать предо мною исторію пророковъ, апостоловъ, свв. отецъ и мучениковъ со свойственною ему одному простотою. Онъ описывалъ ихъ подвиги и страданія, твердую вѣру и пламенную любовь къ Спасителю, по стезямъ Котораго они неуклонно шли, неся каждый крестъ свой для полученія спасенія; вспоминалъ и различныя ихъ чудотворенія, которыя они совершали благодатію Божіею, къ славѣ Господа. Описывалъ также многихъ подвижниковъ, въ иночествѣ прославившихся своими подвигами въ терпѣніи, злостраданіи и непрестанномъ блѣдніи. Онъ говорилъ, что всѣ святые, которыхъ прославляетъ Церковь Христова, оставили намъ, по своему успеніи, жизнь свою, какъ примѣръ для подражанія, и что всѣ они были намъ подобострастны; но исполненіемъ въ точности, отъ всей души, заповѣдей Христовыхъ достигли совершенства и спасенія, обрѣли благодать и сподобились даровъ Духа Святаго. Исполненіе же заповѣдей Христовыхъ для каждаго христіанина есть *бремя легкое*, какъ сказалъ Спаситель нашъ; только нужно всегда имѣть въ умѣ и на устахъ молитву Исусову, а предъ очами представлять жизнь и страданія Господа нашего Иисуса Христа, Который изъ любви къ роду человѣческому пострадалъ до смерти крестныя. Въ тоже время нужно очищать совѣсть исповѣданіемъ грѣховъ своихъ и приобщеніемъ Пречистыхъ Тайнъ Тѣла и Крови Христовой. Такою умилительною бесѣдою старецъ непримѣтно приготавливалъ меня къ чему-то высокому. И послѣ всего сказаннаго, онъ отечески обнялъ меня, и сказалъ: «*радость моя, молю тя, стяжи мирный духъ!*» И тутъ же началъ объяснять стяжаніе мирнаго духа.

По словамъ его, это значить привести себя въ такое состояніе, чтобы духъ нашъ ничѣмъ не возмущался. Налобно быть подобно мертвому или совершенно глухому и слѣпому при всѣхъ скорбяхъ, клеветахъ, поношеніяхъ и гоненіяхъ, которыя неминуемо приходятъ ко всѣмъ, желающимъ идти по спасительнымъ стезямъ Христовымъ, ибо *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царство небесное*. Такъ спаслись всѣ праведники и наслѣдовали царство небесное, а предъ нимъ вся слава міра сего, какъ ничто, всѣ наслажденія мірскія и тѣни не имѣютъ того, что уготовано любящимъ Бога въ небесныхъ обителяхъ: тамъ вѣчная радость и торжество. Для того-же, чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться отъ сладчайшей бесѣды съ Господомъ, нужно смирять себя непрестаннымъ бдѣніемъ, молитвою и памятованіемъ Господа. «Вотъ я, убогій Серафимъ, для сего прохожу Евангеліе ежедневно. Въ понедѣльникъ читаю отъ Маттея, отъ начала до конца; во вторникъ—отъ Марка; въ среду—отъ Луки; въ четвертокъ—отъ Іоанна; въ послѣдніе же дни раздѣляю Дѣянія и Посланія Апостольскія, и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочитатъ Евангелія и Апостола дневного и святому. Черезъ это не только душа моя, но и самое тѣло услаждается и оживотворяется отъ того, что я бесѣдую съ Господомъ, содержу въ памяти моей жизнь и страданія Его, и день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Искупителя моего за всѣ Его милости, изливаемыя къ роду человѣческому и ко мнѣ недостойному».

«И послѣ этого старецъ снова сказалъ мнѣ: *«радость моя, молю тебя: стяжи мирный духъ, и тогда тысячи душъ спасутся около тебя!»* Я же, недостойный, всѣмъ желаніемъ души моей хотѣлъ приобрѣсти тотъ мирный духъ, о которомъ уже дважды онъ напоминалъ мнѣ. Я упалъ ему въ ноги и, лобызая его стопы, полы одежды и руки, со слезами просилъ его, какъ отпа и наставника, чтобы онъ излилъ свои молитвы предъ Господомъ и Царицею Небесною о спасеніи грѣшной души моей. Въ эти минуты я всего себя поручилъ старцу. Онъ же, видя мою преданность, еще повторилъ мнѣ какъ бы во всегдашнее напоминаніе: *«радость моя, молю тебя: стяжи мирный духъ!»* И потомъ уже прямо открылъ мнѣ, для чего я пришелъ къ нему, и что именно желаю отъ него слышать. Когда же ужасъ и удивленіе объяли меня, старецъ, въ предуготовленіе къ наступающей бесѣдѣ, еще разъ повторилъ: *«радость моя, молю тебя: стяжи мирный духъ!»* И вслѣдъ за этимъ, въ невообразимой радости, съ умиленіемъ голоса сказалъ: «вотъ, я тебѣ скажу объ убогомъ Серафимѣ» и, потомъ, понизя свой голосъ, продолжалъ: «я услаждался словомъ Господа моего Іисуса Христа, гдѣ Онъ говоритъ: *«въ дому Отца Моего обители мнози суть»*, т. е. для тѣхъ, которые служатъ Ему и прославляютъ Его святое имя. На этихъ словахъ Христа Спасителя я, убогій, остановился и возжелалъ видѣть оныя небесныя обители, и Господь не лишилъ меня, убогаго, Своей милости. Онъ исполнилъ мое желаніе и прошеніе: вотъ, я и былъ вос-

хищенъ въ эти небесныя обители; только не знаю, съ тѣломъ или кромѣ тѣла, Богъ вѣсть,—это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я тамъ вкушалъ, сказать тебѣ невозможно». И съ этими словами о. Серафимъ замолчалъ. Въ это время онъ склонился нѣсколько впередъ; голова его съ закрытыми взорами попикла долу, и простертою дланью руки онъ совершенно тихо и одинаково водилъ противъ сердца. Лицо его постепенно измѣнялось и издавало чудный свѣтъ, и наконецъ до того просвѣтилось, что невозможно было смотрѣть на него; на устахъ же и во всемъ выраженіи его была такая радость и восторгъ небесный, что поистинѣ можно было назвать его въ это время земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ. Во все время таинственнаго своего молчанія онъ какъ будто созерцалъ что-то съ умиленіемъ. Но чѣмъ именно восхищалась душа праведника, — знаетъ одинъ Богъ. Я же, недостойный, сподобясь видѣть о. Серафима въ такомъ благодатномъ состояніи, и самъ совершенно забылъ бранный составъ свой въ эти блаженныя минуты. Душа моя отъ одного созерцанія таинственнаго молчанія праведника и отъ чуднаго свѣта, исходившаго отъ лица его, а равно и отъ всей благоговѣйной непрерываемой тишины была въ такой радости и такомъ восторгѣ, какихъ я не ощущалъ въ продолженіе всей своей жизни. Праведникъ Божій, по немощи человѣческаго языка, не могъ словами объяснить дивнаго восхищенія своего въ небесныя обители, зато показалъ мнѣ чуднымъ свѣтомъ своего лица и таинственнымъ своимъ молчаніемъ. А я хотя и былъ самовидцемъ этого, но всегда скажу одно и то-же, что Богъ вѣсть, какъ все это совершилось. До сихъ поръ отъ одного только воспоминанія о немъ, я чувствую въ душѣ такую необыкновенную сладость и утѣшеніе, которыхъ невозможно выразить словами».

«Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, около получаса по моему мнѣнію, о. Серафимъ снова заговорилъ и въ самыхъ радостныхъ чувствахъ вздохнувъ, съ умиленіемъ голоса сказалъ: «ахъ, еслибы ты зналъ, возлюбленнѣйшій мой о. Іоаннъ, какая радость, какая сладость ожидаютъ душу праведнаго на небеси, то ты рѣшился бы во временной жизни переносить всякія скорби, гоненія и клевету съ благодареніемъ, и еслибы самая эта келья наша (при этомъ онъ указалъ на свою келью) была полна червей, и еслибы эти черви ѣли плоть нашу во всю временную жизнь, то со всякимъ желаніемъ надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую *утовоалъ Богъ любящимъ Его*. Тамъ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни въздыханія; тамъ сладость и радость неизглаголанная; тамъ праведники просвѣтятся, какъ солнце. Но если той небесной славы и радости не могъ изъяснить и самъ батюшка апостоль Павелъ (2 Кориню. 12, 4), то какой же другой языкъ человѣческій можетъ изъяснить красоту горняго селенія, въ которомъ водворяются праведныхъ души?» Помолчавши еще немного, началъ онъ говорить о вѣчныхъ мученіяхъ грѣшни-

ковъ. «Страшно читать слова Спасителя, гдѣ Онъ творять праведный судъ Свой нераскаяннымъ грѣшникамъ: *идутъ сѣи въ муку вѣчную* (Мѡ. 25, 46), *идтъже червь ихъ не умираетъ и огонь не угасаетъ* (Марк. 9, 46—48): *ту будетъ плачь и скрежетъ зубовъ* (Мѡ. 8, 12). Если этихъ мученій боится и трепещетъ самъ сатана, то въ какомъ состояніи, въ какомъ ужасѣ будутъ нераскаянные грѣшники? *И аще праведникъ едва спасетъ, нечестивый и грѣшный идтъ явится* (1 Петр. 4, 18)? «Тѣмъ, которые заслужили совѣсть свою и ходили въ похотяхъ сердце своихъ, тамъ, въ ожидающемъ ихъ адѣ, нѣтъ никакого помилованія. Нѣтъ тамъ милости, не сотворшимъ здѣсь милости. Они услышатъ тогда евангельскія слова: *помяни, чадо, яко воспріялъ еси благая въ животъ твоимъ* (Лук. 16, 25). Въ здѣшней, временной жизни, еще можетъ виновникъ какъ нибудь отговориться отъ наказанія черезъ случай или друзей, а тамъ одно изъ двухъ—или *приидите*, или—*отыдите!* Уста Божія, какъ мечъ обоюдоострый, въ тотъ страшный мигъ рѣшатъ все, и уже не будетъ возврата. Праведники наслѣдуютъ обители небесныя, а *грѣшники идутъ въ огонь вѣчный, уготованный диаволу и ангеломъ его*».

«Въ заключеніе своей бесѣды старецъ говорилъ о томъ, какъ необходимо теперь тщательнѣйшимъ образомъ заботиться о своемъ спасеніи, пока не прошло еще благопріятное время купли для вѣчности, и напоминалъ слова апостола Павла: *се, нынѣ время благопріятно, се, нынѣ день спасенія* (2 Коринѡ. 6, 2), когда мы можемъ еще принести покаяніе и возлюбить нашего Спасителя. При концѣ бесѣды старецъ какъ бы совсѣмъ забылъ о томъ невыразимо сладкомъ состояніи своего духа, когда онъ говорилъ о восхищеніи въ небесныя обители. Онъ сознавалъ теперь только слабость естества своего и называлъ себя первымъ грѣшникомъ. Наконецъ, давши мнѣ отеческое благословеніе, онъ отпустилъ меня въ мою келью съ миромъ и утѣшеніемъ несказанными»¹⁾.

И могли-ли быть когда-либо забыты о. Іоанномъ эти чудныя, неподражаемыя бесѣды его св. старца? Но во всѣхъ своихъ бесѣдахъ съ нимъ Преподобный Серафимъ весьма часто говорилъ о необходимости и спасительности терпѣнія, очищающаго всѣ душевныя и сердечныя язвы человѣческія, какъ бы заблаговременно приготавливая своего слушателя къ тому горнилу бѣды и напастей, которыя ожидали его впереди, и которыя красною нитью тянутся на пространствѣ всей его жизни. Но и эти бѣды и напасти, и эти искушенія ожидали о. Іоанна еще впереди, въ будущемъ,—тогда же онъ жилъ, охраняемый любовью Преподобнаго старца, и не желалъ ничего для себя лучшаго, какъ *прислѣдтъ у ногъ* его, и внимать спасительнымъ глаголамъ, струившимся изъ священныхъ устъ его. Впрочемъ, начало скорбямъ, трудамъ и болѣзнямъ для о. Іоанна было положено еще въ 1825 г., когда св.

¹⁾ Сказанія, ч. I, стр. 47—53.

старецъ, какъ онъ говорить, «возложилъ на меня, не смотря на мою юность (ему было только 23 года) и неопытность, по благословенію о. игумена (Нифонта) Саровскаго, послушаніе—выучить сиротъ (дивѣвскихъ) чтенію, пѣнію и порядку церковнаго устава, для того, чтобы онѣ сами, безъ помощи причетниковъ, съ однимъ служащимъ іереемъ могли отпавлять всѣ церковныя службы. Въ то время сироты не имѣли еще и своего храма, а отправляли службу въ приходской церкви Казанской иконы Божіей Матери, въ двухъ придѣлахъ: 1) въ честь Рождества Христова—въ верхнемъ этажѣ и 2) въ честь Рождества Богородицы—въ нижнемъ, пристроенныхъ къ ней въ 1828 г. попеченіемъ о. Серафима и усердіемъ сестры дивѣвской—Елены Васильевны Мантуровой». Какъ ни усиливается почтеннѣйшій авторъ «Лѣтописи Серафимо-Дивѣвскаго монастыря» обрисовать первоначальныя сношенія о. Іоанна, въ послѣдствіи Іоасафа, съ этою обителью самовольнымъ вторженіемъ его въ ограду ея, но такія сношенія, въ виду дѣйствительно безотлагательной нужды, вполне естественны. Даже самъ строгій саровскій игумень Нифонтъ никогда бы не далъ своего благословенія на отлучки своего рясофорнаго монаха въ возникающую женскую общину, еслибы достовѣрно не зналъ, что такъ угодно о. Серафиму, старцу, уважаемому всѣми подвижнику. Ссылка на поселившуюся въ Дивѣвѣ родственницу Іоаннову никакъ не могла служить побужденіемъ къ болѣе или менѣе частымъ его отлучкамъ сюда изъ строгаго Сарова. «Съ помощію Царяцы Небесной и по молитвамъ старца, сироты мало-по-малу успѣли въ исполненіи возложеннаго на меня послушанія. Потомъ старецъ возлагалъ на меня и другія послушанія касательно устройства этой обители». Это было всего естественнѣе, такъ какъ извѣстно, что лично въ Дивѣвѣ Преподобный былъ только одинъ разъ. «Для исполненія ихъ я долженъ былъ всякій разъ отлучаться въ обитель, испросивши благословеніе о. игумена саровскаго Нифонта, или казначея Исаи, на двои сутки». Еслибы о. Іоаннъ вмѣшивался въ непорученное ему старцемъ дѣло, это не могло бы остаться неизвѣстнымъ саровскому начальству, которое сумѣло бы призвать своего инока къ надлежащему порядку. Наконецъ самъ св. старецъ не умолчалъ бы предъ игуменомъ, что въ дѣла Дивѣва самовольно вторгается извѣстное, непризванное къ тому лицо. И если сего не было сдѣлано, безъ сомнѣнія, должно утверждать, что о. Іоаннъ дѣйствовалъ по благословенію своего св. старца, который въ теченіе семилѣтняго времени, остававшагося ему до кончины, могъ бы остановить дѣйствія о. Іоанна, еслибы они были самовольными. Наконецъ, сами сестры общины могли бы еще при жизни Преподобнаго заявить ему свой горячій протестъ противъ вмѣшательства въ ихъ жизнь лица посторонняго. Такимъ образомъ неправдоподобное обвиненіе о. Іоанна во вторженіи въ судьбу Дивѣва падаетъ само собою, не имѣя другихъ подтвержденій, кромѣ архива Серафимо-Дивѣвскаго монастыря, хранящаго нѣсколько рукописныхъ тетрадокъ сестеръ о былыхъ дняхъ обители.

Составленные послѣ 1862 г., послѣ такъ называемой «Дивѣвской смуты», когда во игуменію, съ именемъ Маріи, возведена была не переносившая Іоасафа Елисавета Алексѣевна Ушакова, рукописи эти заставляютъ сомнѣваться въ ихъ безпристрастности, такъ какъ факты говорятъ противъ нихъ. Сестры могли писать свои показанія, относили ихъ къ Маріи, которая перечитывала ихъ, сдавая прочтенныя въ архивъ. Этимъ и объясняются рассказы ихъ, въ большинствѣ дышація лицепріятіемъ къ своей настоятельницѣ и бросающія грязью въ человѣка, если и повяннаго въ чемъ, такъ только развѣ въ пламенной любви и безграничномъ послушаніи волѣ его великаго и св. старца. Но продолжимъ рассказъ о дальнѣйшихъ событіяхъ словами лица, котораго они самымъ главнымъ образомъ касаются.

«За такое участіе мое въ отеческомъ попеченіи о. Серафима о Дивѣвской обители, говорить о. Іоаннъ, врагъ-діавольъ воздвигаль на старца и на меня, грѣшнаго, такія скорби и гоненія, что я нѣсколько разъ собирался выйти изъ Саровской пустыни въ другой монастырь, чтобы избѣжать всякой злобы и зависти, которыми врагъ повергаль меня въ уныніе и отчаяніе. Однажды, послѣ одного, сильнѣйшаго изъ подобныхъ оскорбленій я пошелъ къ старцу Серафиму въ ближнюю его пустыню, что при источникѣ Богословскомъ, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдній разъ испросить у него благословеніе на переходъ въ другой монастырь. Я нашель старца въ обыкновенныхъ пустынныхъ трудахъ и, павши ему въ ноги, облобызалъ его стопы, священныя уста и руки, которыми онъ благословилъ меня милостиво, какъ отецъ, и въ то-же время спѣшилъ излить предъ нимъ всѣ свои скорби и смущенія. Но онъ вдругъ заградилъ мои уста своею рукою и сказалъ: *«огради себя молчаніемъ и выслушай убогаго Серафима. Св. апостолъ Іаковъ говорить: вѣдущему добро творити, и не творящему, грѣхъ ему есть: такъ-то и намъ съ тобой никакой нѣтъ дороги хромать, смущаться и малодушествовать, и слушать тѣхъ, которые научены духомъ злобы. Вотъ, сколько я, убогій Серафимъ, просилъ тебя; а ты все хромаешь и доселѣ, какъ младенецъ; а дороги-то нѣтъ никакой намъ хромать, если мы все творимъ къ славѣ Божіей и Пречистой Его Матери и печемся о сиротахъ дивѣвскихъ, за которыхъ насъ укоряють, поносятъ, клеветуютъ и осыпаютъ хульными словами. Но мы все будемъ терпѣть съ благодарностію, по апостолу: укоряемъ—благословляемъ; гонимъ—терпимъ; хулимъ—утишаемся (1 Коринѣ. 4, 12) за имя Христова.—Потомъ, какъ бы скорбя на мое малодушіе, онъ началъ говорить мнѣ такъ: «впрочемъ, посмотримъ, не справедливо ли насъ отцы-то гонятъ; по дорогѣ-ли мы путь-то гонимъ? Ибо всѣ святые отцы велятъ женѣ-то бѣгать; а онѣ всегда прѣ насъ трудятся, и къ намъ прибѣгаютъ въ своихъ нуждахъ. Такъ, скажи мнѣ, угодно ли это Господу, чтобы мы ихъ не оставляли и пеклись о нихъ; и по Бозѣ-ли этотъ путь нашъ, докажи мнѣ?»*»

Ведя разговоръ во множественномъ (двойственномъ) числѣ, требуя отъ своего собесѣдника доказательствъ богоугодности благопопеченія о сиротахъ дивѣевскихъ, Преподобный, конечно, не нуждался въ этихъ доказательствахъ, получивъ личное повелѣніе Матери Божіей пещись о нихъ. И если теперь требоваль отъ о. Іоанна положительныхъ доказательствъ, то дѣлалъ это съ тѣмъ намѣреніемъ, съ тою цѣлью, чтобы укоренить возможно глубже въ сердцѣ его вѣру въ служеніе этому дѣлу, какъ дѣлу Божьему. Когда вопрошаемый выразилъ предъ нимъ твердую увѣренность, что служеніе св. старца нуждамъ дивѣевскихъ сиротъ благопріятно предъ Господомъ; когда въ подтвержденіе своей мысли о спасительности такого служенія и попеченія о душевной пользѣ женъ, явленныхъ св. мужами, привелъ въ примѣръ св. Николая, Пахомія Великаго, Θεодосія Великаго и Θεодосія Печерскаго, то заключилъ эти доказательства слѣдующими словами: «вы одѣваете сиротъ дивѣевскихъ въ брачную одежду чистоты и цѣломудрія, и чрезъ то обручаете ихъ Жениху Небесному, Нетлѣнному и Вѣчному, Сладчайшему Іисусу Христу. Неся крестъ свой, по вашему наставленію, онѣ идутъ спасительнымъ путемъ къ вѣчности и, сохраняя дѣвственную чистоту, борются со страстями, міромъ и діаволомъ, зажигаютъ свои сердечныя свѣтильники любовію божественною и бдятъ въ часъ полунощи, ожидая съ мудрыми дѣвами пришествія Жениха. Если Спаситель обѣщаетъ дать мзду и за чашу воды студеной, то какая награда будетъ вамъ, батюшка, за то, что вы спасете столько душъ отъ потопа мірской суеты и соблазновъ, и приведете въ этомъ спасительномъ ковчегѣ подъ покровъ Божіей Матери». Когда говорившій кончилъ, о. Серафимъ, державшій во все это время его за руку и слушавшій со вниманіемъ, сдѣлался какъ ангель Божій и, взглянувъ на него, сказалъ: «во, во, радость моя! а мы съ тобой все хромаемъ, какъ младенцы; а дороги-то намъ нѣтъ никакой хромать, если мы все творимъ къ славі Божіей?».

«Потомъ онъ обратился къ западу, обративъ и меня и, поднявъ правую руку, указательнымъ пальцемъ показалъ на одно огромное еловое дерево, которое во всей силѣ росло, на открытомъ отдѣльно отъ другихъ, мѣстѣ, и сказалъ: «видишь-ли ты это дерево?»—Я отвѣчалъ ему: «вижу, батюшка!»—«Мню, сказалъ о. Серафимъ, что оно 50 лѣтъ растеть; такъ мы помолимъ Господа, чтобъ Онъ намъ показалъ чрезъ это дерево знаменіе, угодно-ли Его благости, чтобы мы попеклись о сиротахъ дивѣевскихъ. Если это будетъ угодно Господу, тогда оно и преклонится вотъ сюда»; и онъ показалъ перстомъ на западную сторону,— «а если негодно будетъ Господу, чтобы мы пеклись о нихъ, тогда оно и будетъ стоять въ своемъ видѣ, и *Богъ волю боящихся Его творитъ и молитву ихъ слушаетъ*. А ужъ мы сотворимъ, о чемъ говорили. Ты и убогій Серафимъ преклонимъ колѣна предъ Господомъ; оно вотъ сюда и преклонится», и опять показалъ на ту же западную сторону. Если оно будетъ стоять, то мы должны въ томъ увѣриться совершенно, что

неудобно Господу, чтобы мы съ тобой пеклись о нихъ; и тогда мы во всемъ оставимъ ихъ на волю Божию въ конецъ». Затѣмъ онъ благословилъ меня и далъ мнѣ приложиться къ мѣдному своему Распятію, которое всегда носилъ на себѣ до гроба. Я палъ ему въ ноги и просилъ его св. молитвъ въ укрѣпленіе грѣшной моей душѣ, чтобы всегда мнѣ быть въ мирномъ духѣ и не смущаться отъ скорбей. Онъ еще разъ благословилъ меня въ путь и, отпуская, сказалъ: «гряди съ миромъ; и ужь о чемъ говорили, то сотворимъ, сотворимъ», и это повторилъ нѣсколько разъ, указывая на дерево и на западъ: «оно вотъ сюда и преклонится». Когда я уходилъ, онъ кланялся мнѣ вслѣдъ и, благословляя мой путь, въ то же время не переставалъ показывать перстомъ на дерево и на западную сторону. Возвратясь въ келью, я заснулъ и провелъ ночь во всякой безпечности. По утру же, послѣ ранней обѣдни, гдѣ я исправлялъ должность головщика праваго клироса—вдругъ родилось во мнѣ сильное желаніе быть въ пустынѣ о. Серафима. Не найдя его тамъ, я обошелъ всѣ мѣста, на которыхъ старецъ обыкновенно трудился, но нигдѣ не могъ найти его. Тогда рѣшился я пойти на то самое мѣсто, гдѣ наканунѣ прощался со старцемъ. Подхожу и—вижу дивное чудо. То самое дерево, на которое указывалъ мнѣ наканунѣ о. Серафимъ, уже упало и именно въ ту сторону, на которую онъ указывалъ, такъ что вершина его лежала на западѣ, а огромный корень, весь наружу, на востокѣ, и самъ старецъ, какъ бы окрилатѣвшій, суетился около этого дерева. Онъ уже обрубилъ его вѣтви и вершину, сложивъ отъ корня по лѣвую сторону въ особой кучѣ. Старецъ, встрѣтивъ меня, благословилъ и, подведя къ самому дереву, съ восторгомъ сказалъ: «вотъ, батюшка, Павелъ апостоль говоритъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ*: мы же съ тобой не Павлы, а Богъ насъ слушаетъ. Такъ вотъ, о чемъ молили мы Господа, Онъ прошеніе наше исполнилъ. Но не ради насъ сотворилъ Господь такое знаменіе и чудо, а ради сиротъ дивѣвскихъ; почему и нѣтъ никакой дороги хромать, малодушествовать и оставлять ихъ, когда Самъ Господь и Пречистая Его Матерь вручили ихъ намъ, и Господь удостовѣрилъ насъ въ томъ чрезъ такое дивное знаменіе». Впослѣдствіи, уже по кончинѣ старца, я передалъ объ этомъ преосвященному Арсенію (скончался въ санѣ митрополита Кіевскаго), который отправился на мѣсто чудеснаго событія, взявъ и меня съ собою. Послѣ освидѣтельствованія преосвященнымъ дерева, я распилилъ его на нѣсколько частей, а часть корня его перевезъ въ Дивѣвскую обитель, гдѣ оно хранится и понынѣ» ¹⁾. Повторимъ, что знаменіе это для св. старца было совершенно ненужнымъ; но оно было ниспослано Господомъ ради Іоанна, да не оскудѣетъ въра его.

Преподобный Серафимъ близился уже къ закату дней своихъ. Еще за годъ до блаженной кончины своей угодникъ Божій со многими пре-

¹⁾ Сказанія, ч. III, стр. 169—179.

данными ему лицами и при личныхъ съ ними свиданіяхъ и письменно говорилъ о близости своего исхода. Своею любящею душею и преданнымъ сердцемъ о. Іоаннъ заранѣ болѣлъ при мысли о неизбѣжной разлукѣ, а Преподобный Серафимъ еще усерднѣе воздѣлывалъ его душу. Для любящаго ученика страшна и нестерпима была даже одна мысль: какъ онъ останется безъ своего великаго учителя; къ кому пойдетъ съ открытыми душею и сердцемъ и въ минуты радости, а еще болѣе того, въ минуты неизбѣжныхъ вообще въ жизни человѣческой, тѣмъ паче иноческой, скорбей кто разсѣтъ его недоумѣнія; участливымъ и дышавшимъ помазаніемъ Св. Духа словомъ укажетъ и освѣтитъ ему путь къ небесному отечеству?!... Наступили послѣдніе дни жизни св. старца. Посредствомъ съ каждымъ разомъ уменьшаемаго количества даваемыхъ имъ ученику свѣчей (въ первый 11, въ 6-й половину свѣчи) старецъ Божій ясно показывалъ, что свѣтильникъ его уже догораетъ и скоро погаснетъ: «а жизнь моя, говорилъ онъ Іоанну, сокращается: Духомъ я какъ бы сейчасъ родился, а тѣломъ по всему мертвъ». Когда въ 7-й и послѣдній разъ о. Іоаннъ пришелъ къ Преподобному, послѣдній, заповѣдавъ ему заботу о Дивѣвѣ, «посмотрѣвъ на меня, рассказываетъ ученикъ, съ особеннымъ чувствомъ и покачавъ головою, прибавилъ: «много тебѣ будетъ скорбей, но претерпи ихъ, Господа ради, съ благодареніемъ; и гдѣ бы ты ни былъ, не оставляй сиротъ моихъ отечески. Матерь Божія не оставитъ васъ, и я духомъ буду всегда съ вами. Многіе приближаются къ нимъ, но дороги имъ нѣтъ никакой. *Мнози пѣстунны, но не мнози отцы* (1 Коринѣ. 4, 15); терпѣть-то имъ многіе совѣтуютъ; но за нихъ и съ ними терпѣть не хотятъ» ¹⁾.

О блаженной кончинѣ великаго благодатнаго свѣтильника нашей отечественной Христовой Церкви считаемъ за лучшее передать рассказъ ученика его, о. Іоанна. «1 января 1833 г., въ день воскресный, говорить онъ, о. Серафимъ пришелъ въ послѣдній разъ къ ранней обѣднѣ въ больничную церковь во имя Преподобныхъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ, въ которой онъ обыкновенно пріобщался Св. Таинъ. Я былъ въ то время голосовщикомъ (начинающій пѣніе) на правомъ клиросѣ, и обыкновенно въ воскресный день и праздникъ старался выйти изъ собора послѣ всенощной службы (совершаемой утру глубоко) немного ранѣе конца, чтобы заблаговременно воспользоваться прежде начатія службы божественной литургіи благословеніемъ и спасительными назиданіями о. Серафима. Старецъ также имѣлъ обычай за полчаса приходиться къ литургіи и садился всегда на правомъ клиросѣ, на откладной лавочкѣ. Когда я пришелъ въ этотъ день, по обычаю, заблаговременно въ больничную церковь и поклонился батюшкѣ въ ноги, прося его благословенія, онъ спросилъ: «кто это?» потому что было темно. Я отвѣчалъ, какъ и всегда: «Тамбовскій убогій Іоаннъ». Тогда

¹⁾ Скаванія, ч. I, стр. 80.

онъ всталъ, благословилъ меня и, поцѣловавъ отечески, посадилъ подлѣ себя, а самъ глубоко вздохнулъ и этимъ вздохомъ предсказалъ уже мнѣ что-то страшное. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сказалъ: «ну, возлюбленнѣйшій ¹⁾ о. Іоаннъ, прости;—я съ тобою ужъ больше не увижусь!»

«Пораженный совершенно словами этими, я упалъ на колѣни о. Серафима и весь залился слезами: «какъ же это, батюшка?» я могъ только ему выговорить. Тогда онъ отвѣчалъ мнѣ: «я говорю это тебѣ по Бозѣ, мы уже съ тобою больше не увидимся; *только ты всѣ слова убогаго Серафима постарайся запечатлѣть на сердце твоёмъ; съ ними всегда и ходи*, и помни, что вси своихъ си ищутъ, а не яже ближнихъ». И это послѣднее онъ повторилъ нѣсколько разъ, а потомъ еще прибавилъ: «и не будь чуждъ посѣтитель» (въ смыслѣ безучастности, какъ человѣка совершенно посторонняго, чуждаго; попеченій о Дивѣевскомъ общежитіи). И затѣмъ снова началъ говорить: «такъ-то я говорю тебѣ, что я въ послѣдній разъ съ тобою вижусь; уже пришли минуты моего отшествія». Послѣ этихъ словъ о. Серафима мною овладѣла такая скорбь безутѣшная, какой и выразить теперь невозможно. Въ старцѣ я терялъ друга, наставника, нѣжнѣйшаго отца,—словомъ все. На мое же попеченіе онъ оставлялъ сиротъ дивѣевскихъ, и мнѣ казалось, что онѣ разбредутся всѣ. Въ эти полчаса, которые я провелъ при ногахъ незабвеннаго старца, я пролилъ столько слезъ, сколько никогда въ жизни. Я обнялъ его колѣна и, рыдая, кричалъ ему: «батюшка, какъ же я безъ васъ-то останусь? Проведите меня сквозь страшныя мытарства!» На это старецъ, обнявъ меня, какъ отецъ чадолюбивый, отвѣчалъ: «я молю за тебя Господа и Пречистую Его Матерь; только ты всѣ слова убогаго Серафима постарайся запечатлѣть въ сердце своемъ». Когда же я продолжалъ рыдать и проливать источники слезъ, старецъ всталъ и, съ сокрушеніемъ воздвѣвъ горѣ руки свои, сказалъ, взирая на священныя иконы: «и буду за тебя молить Господа и Пречистую Божію Матерь!» Сказавъ это, онъ сѣлъ и поникъ главою; потомъ опять всталъ, и въ томъ же самомъ положеніи, съ тѣмъ же сокрушеннымъ духомъ повторилъ снова: «и буду за тебя молить Господа и Пречистую Божію Матерь!» И это онъ повторилъ нѣсколько разъ. Я былъ вполне убѣжденъ, что произнесть столь дивныя и, повидимому, дерзновенныя слова могла только душа чистая, святая, каковою и была душа праведнаго человѣка, блаженнаго старца Серафима. Я принялъ со всею вѣрою слова праведника и до сихъ поръ врачуюсь ими во всякой скорби.

«Въ продолженіе священной литургіи я не слыхалъ ничего, что читалось и пѣлось, а только лилъ горячія слезы, такъ что слезы эти видѣли всѣ, хотя никто не понималъ ихъ, кромѣ одного тутъ бывшаго саровскаго послушника Іоанна Степанова, впоследствии іеродіакона

¹⁾ Преподобный авторъ «Лѣтописи» пронизываетъ надъ этимъ придаточнымъ названіемъ. Отчего-же тогда не пронизывать и вообще надъ иривѣтствіемъ Преподобнаго, которымъ онъ встрѣчалъ каждаго, приходившаго къ нему: „радость моя“.

Уфимскаго Успенскаго монастыря Θεоктиста ¹⁾. По окончаніи проскомидіи старецъ еще разъ обратился ко мнѣ съ словами: «ну, прости же, возлюбленнѣйшій мой о. Іоаннъ, и благослови меня уйти въ алтарь». Тамъ онъ обыкновенно стоялъ во время литургіи, когда пріобщался Пречистыхъ Таинъ Христовыхъ. При концѣ священной литургіи я поручилъ другому брату допѣть окончаніе, а самъ поспѣшилъ въ алтарь, чтобы еще въ послѣдній разъ удостоиться благословенія о. Серафима и попросить его св. молитвъ. Когда я подошелъ къ нему, онъ снималъ въ это время эпитрахиль и поручи и, увидавъ меня, предварилъ мой поклонъ своимъ поклономъ и потомъ облобызалъ меня своими священными устами. Уходя, онъ еще разъ обнялъ мою голову своими преподобными руками и сказалъ: «ну, прости же, возлюбленнѣйшій мой о. Іоаннъ, и помни всѣ слова убогаго Серафима; запечатлѣй ихъ въ сердцѣ твоёмъ: съ ними всегда и ходи». Послѣ того о. Серафимъ простился и со всѣми тутъ бывшими братьями; всѣхъ благословилъ, облобызалъ и, утѣшая, всѣмъ говорилъ: «спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: намъ вѣнцы готовятся». Простившись со всѣми, онъ приложился ко кресту и къ образу Царицы Небесной, сдѣлалъ обычное поклоненіе и вышелъ въ сѣверныя двери, чего прежде никогда не дѣлалъ, какъ бы назнаменуя этимъ, что каждый человѣкъ входитъ въ жизнь однѣми дверьми, т. е. рожденіемъ, а отходить отъ жизни другими, т. е. смертію. Вечеромъ того-же дня келейный о. Серафима слышалъ, какъ онъ пѣлъ въ своей келліи пасхальныя и другія духовныя пѣсни.

На другой день, по обычаю, я пѣлъ за раннею обѣдней, и только-что кончилъ «Достойно», какъ вдругъ увидѣлъ въ дверяхъ мальчика лѣтъ шестнадцати, ангеловиднаго, котораго я счелъ тогда за живописца, но послѣ нигдѣ не могъ отыскать его. Онъ спрашивалъ келейника о. Серафима и на-скоро сказалъ что-то о пожарѣ и о смерти. Меня такъ поразили эти слова, что я уже не могъ допѣть конца обѣдни, а попросилъ другихъ; самъ же тотчасъ поспѣшилъ въ келлію о. Серафима и

¹⁾ Иеродіаконъ Θεоктистъ пишетъ о семъ: «я былъ самовидцемъ послѣдняго прощанія о. Серафима съ послушникомъ Саровской пустыни Іоанномъ Тихоновымъ Тамбовскимъ, о чемъ по долгу самовида и свидѣтельствую. Въ самый новыи 1833 г. я пришелъ къ ранней обѣднѣ въ больничную церковь до благовѣста. О. Серафимъ былъ уже въ церкви и самъ ставилъ свѣчи ко всѣмъ иконамъ, цѣлуя каждую изъ нихъ. Этотъ поступокъ его показался мнѣ страннымъ, и непонятнымъ, потому что онъ никогда не дѣлалъ этого прежде. Не много спустя пришелъ въ церковь и о. Іоаннъ и подошелъ къ старцу по обычаю, чтобы получить отъ него благословеніе. О. Серафимъ сидѣлъ уже въ это время на откидной скамеечкѣ, на клиросѣ. Благословивъ его, старецъ началъ говорить ему такъ: „ну, возлюбленнѣйшій о. Іоаннъ, прости. Жизнь моя уже кратка, и я съ тобою болѣе не увижусь“. При этихъ словахъ о. Іоаннъ зарыдалъ и упалъ старцу въ ноги, а онъ продолжалъ говорить ему: „помни же, что нынѣ всѣ ищутъ своего, и что я оставляю тебя по Божѣ попечителемъ сиротъ дивнѣскихъ“. Потомъ онъ всталъ и, поднявъ руки, трижды повторилъ: „я молился за тебя, молюсь и буду молить Господа и Пречистую Божію Матерь“. И послѣ всякаго раза садился, вѣроятно отъ тѣлесной слабости. Когда же о. Іоаннъ продолжалъ рыдать въ погахъ старца, онъ еще началъ говорить ему: „не смотри на оскорбленія и поношенія, но стяжи духъ миренъ, Господа ради, прошу тебя. Ты чрезъ это себя не потеряешь; твое не увидеть“. Сказаніи, изд. 4-е; СПб. 1885 г., стр. 146—147.

нашелъ тамъ въ сѣняхъ большое замѣшательство. Въ дверяхъ келліи о. Серафима затлѣлась книга,—вѣроятно, отъ упавшей свѣчи съ подсвѣчника, близъ дверей поставленнаго. Надо замѣтить, что этотъ подсвѣчникъ никогда не стоялъ прежде у дверей келліи, и потому, вѣроятно, тлѣніемъ книги старецъ хотѣлъ, по волѣ Божіей извѣстить братію о своемъ отшествіи. При томъ же и самая дверь, прежде всегда запертая, на этотъ разъ была недотворена, такъ что, пока тлѣлась книга, дымъ постоянно вытягивался въ сѣни и наполнялъ ихъ. На этотъ дымъ пришелъ келейникъ о. Серафима съ другимъ братомъ, и какъ только отворили они двери сѣней, тотчасъ весь дымъ и повалилъ вонъ. Перепугавшись, они бросились за снѣгомъ, принесли его на лопатѣ и набросали на тлѣвшую книгу. Отъ этого произошелъ паръ, который вмѣстѣ съ дымомъ потянулся изъ сѣней. Въ эту минуту приближалъ я и тотчасъ спросилъ: «гдѣ батюшка?» но они ничего не могли сказать мнѣ навѣрное, потому что совершенно занялись дымомъ. Тогда я вошелъ съ молитвою въ келлію о. Серафима и увидѣлъ, что онъ стоялъ на колѣняхъ въ обычномъ своемъ бѣломъ балахончикѣ, съ мѣднымъ распятіемъ на груди, съ открытою головою и съ крестообразно сложенными на груди руками предъ образомъ Божіей Матери «Умиленія». Глаза его были закрыты; но лицо оживлено богомысліемъ. Въ келліи же было совершенно чисто и ясно, и я подумалъ, что старецъ находится въ молитвенномъ подвигѣ. Подождавши немного, я сказалъ ему: «батюшка! развѣ вы не видите, что у васъ книжка горитъ?» Но онъ не далъ мнѣ отвѣта. Черезъ нѣсколько минутъ я снова повторилъ мой вопросъ, но старецъ такъ же безмолвствовалъ. Тогда мнѣ вдругъ припомнилось все, что старецъ наканунѣ говорилъ мнѣ предъ священною литургіею: какія давалъ наставленія и сладкіе обѣты молиться за меня, и какъ потомъ простился со мною и со всѣми тутъ бывшими братіями. Я бросился къ старцу, и только что хотѣлъ припасть къ нему, какъ онъ самъ палъ на мою грудь еще совершенно теплый, какъ будто духъ его въ это самое мгновеніе оставлялъ тлѣнную свою оболочку».

«Я не описываю здѣсь моей скорби, безъ сравненія сильнѣйшей той, которая поразила меня наканунѣ, потому что описывать эти минуты невозможно. Довольно сказать только то, что я желалъ и порывался тогда быть самъ зарытымъ вмѣстѣ съ моимъ старцемъ. Вѣсть о кончинѣ о. Серафима быстро разнеслась повсюду, и тогда всѣ окрестные жители сбѣжались въ Саровскую пустыню. Мало сказать, что всѣ скорбѣли и плачь былъ общій о разлукѣ съ подвижникомъ, котораго жизнь была примѣромъ братіи и украшеніемъ Православной Церкви; всѣ чувствовали тогда и пересказывали потомъ, что какъ будто пустота какая или тьма внезапная послѣ сильнаго свѣта ощутительно покрыли души и самыя жилища ихъ. Тѣло праведника лежало восемь сутокъ въ Успенскомъ соборѣ и въ это время вся Саровская обитель, наполнен-

ная тысячами народа изъ окрестныхъ мѣстъ и соседнихъ губерній, представляла только слезы и рыданія. Всѣ наперерывъ спѣшили облобызать въ послѣдній разъ великаго старца» ¹⁾).

II.

Отъ кончины Преподобнаго Серафима—до удаленія отъ настоятельства въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ и до отбытія въ Высокогорскую пустыню (1833—1877 гг.).

Съ кончиною Преподобнаго Серафима о. Іоаннъ вступилъ во второй періодъ своей жизни, насколько многоскорбный для него, настолько многоплодный для другихъ. Отходя ко Господу, Преподобный, какъ мы видѣли, возложилъ на о. Іоанна попеченіе о Дивѣвской общинѣ. Какъ велико, значить, было довѣріе Преподобнаго мужа къ своему ученику, если, не смотря на его цвѣтущую юность, онъ находилъ возможнымъ давать ему порученія, въ ту пору возраста для него, съ обыкновенной точки зрѣнія, небезопасныя. Въ дневныхъ сказаніяхъ о подвижничествѣ древнихъ отцовъ иночества разсказывается, какъ молитвы старцевъ ограждали учениковъ ихъ отъ возможныхъ при другихъ обстоятельствахъ грѣхопаденій. Дерзнемъ-ли утверждать, что молитвы Преподобнаго Серафима лишены были той же благодатной чудодѣйственной силы?!... Что Іоаннъ былъ незамѣнимымъ хозяйственнымъ и энергичнымъ человѣкомъ въ жизни юной обители (въ этомъ отношеніи проявивъ во всей своей широтѣ необыкновенныя строительныя свои способности уже впоследствии въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ), этого отрицать никакъ нельзя. Не духовное руководство и поручено ему здѣсь было Преподобнымъ Серафимомъ, а именно только хозяйственная часть вишней жизни общины. И вотъ, вмѣсто успокоенія въ Саровской обители отъ житейскихъ заботъ и тревоженій, вмѣсто всецѣлаго упражненія въ трудахъ и подвигахъ исключительно духовныхъ, къ чему онъ стремился всей душою, Господь судилъ ему принять этотъ трудъ, трудъ тяжелый, безпокойный, сопряженный съ неприятностями всякаго рода, бросавшій тѣнь на всю его жизнь, и создавшій даже по смерти его разнорѣчивыя о немъ мнѣнія различныхъ лицъ, обрисовывающихъ его съ различныхъ сторонъ, большею частію невыгодныхъ и крайне оскорбительныхъ для его свѣтлой памяти. То, что находилъ Преподобный Серафимъ возможнымъ поручать молодому иноку, возбуждало и въ средѣ братіи саровской различныя неблагопріятныя для него сужденія. И если по отношенію къ самому великому Преподобному, прозорливцу и чудотворцу, люди относились подозрительно, то что же они могли думать о молодомъ инокѣ, полномъ силъ и здоровья, видя его близкія отношенія къ женской общинѣ? И дѣйствительно—и думали, и говорили много худого,

¹⁾ Сказанія; изд. 4-е, СПб. 1885 г., стр. 101—107.

такъ что Іоаннъ многократно рѣшался даже оставить Саровъ, но всегда былъ удерживаемъ Преподобнымъ. За нѣсколько дней до своей блаженной кончины онъ говорилъ ему: «много тебѣ будетъ скорбей; но потерпи ихъ, Господа ради, съ благодареніемъ, и гдѣ бы ты ни былъ, не оставляй спротивъ моихъ отечески». Если тяжело вообще было положеніе о. Іоанна при жизни Преподобнаго Серафима, то по блаженной кончинѣ его оно сдѣлалось еще невыносимѣе. Тотъ, кто знаетъ какъ трудно бороться съ клеветою и завистию человѣческою, тотъ стчаси пойметъ какой тяжелый крестъ онъ долженъ былъ нести на раменахъ своихъ въ это время. Къ довершенію безотрадности его собственнаго положенія, о. Іоаннъ не имѣлъ близъ себя человѣка, къ которому съ такимъ же довѣріемъ, какъ къ своему Преподобному старцу, могъ бы обратиться, который могъ бы поддержать и успокоить его.

И вотъ онъ вспомнилъ въ это время о другомъ свѣтильникѣ нашей Церкви, мужѣ благодатномъ и прозорливомъ—преосвященномъ Антоніи, архіепископѣ Воронежскомъ († 20 дек. 1846 г.). О. Серафимъ питалъ къ нему особенную любовь, называя его всегда великимъ архіереемъ Божиимъ, хотя не видалъ его никогда. Съ своей стороны и преосвященный часто присылалъ ему подарки, какъ наприм. св. образа, при полученіи которыхъ о. Серафимъ часто говаривалъ: «вотъ какія особы показываютъ путь къ вѣчности». Съ этимъ-то святителемъ и захотѣлъ видѣться о. Іоаннъ — «По смерти старца, говорилъ онъ, — я, по благословенію настоятеля, отправился изъ Саровской пустыни въ Воронежъ, какъ для поклоненія св. мощамъ угодника Божія Митрофана, такъ и для того, чтобы видѣться съ высокопреосвященнымъ Антоніемъ и утѣшиться его бесѣдою. Когда я вошелъ къ нему, по его благословенію, онъ встрѣтилъ меня съ истинно-отеческою любовью, говоря: «я тебя давно ожидалъ; я слышалъ, что ты пріѣдешь». Этимъ архипастырскимъ вниманіемъ я былъ совершенно оживотворенъ и благодарилъ его за милостивое вниманіе. Тогда онъ вдругъ началъ говорить мнѣ: «а объ отцѣ-то Серафимѣ я тебѣ что скажу: у насъ еще ничего не было слышно объ угодникѣ Божіемъ Митрофанѣ; еще не было никакихъ откровеній, ни явленій, а о. Серафимъ вдругъ пишетъ мнѣ не письмо, а нѣсколько строкъ собственною своею рукою, и пророческимъ духомъ поздравляетъ меня съ открытіемъ св. мощей угодника Божія Митрофана». Послѣ такого сладкаго привѣтствія, сдѣланнаго мнѣ архипастыремъ, я видѣлся съ нимъ ежедневно въ продолженіе пѣлой недѣли. Лишь только ударялъ колоколъ къ вечернѣ, какъ онъ посылалъ за мною для бесѣдованія и, въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ сряду, спрашивалъ меня въ подробности объ о. Серафимѣ, завлекая своею любовью и часто повторяя эти слова: «хотя мы и не видались другъ съ другомъ; но по духу я его знаю» ¹⁾. Когда же я, между прочимъ, просилъ его, какъ великаго архипа-

¹⁾ Преосвященный авторъ „Дивлевской Летописи“ сомнѣвается, чтобы архіеп. Антоній могъ встрѣтить Іоанна словами: „я слышалъ, что ты пріѣдешь“; но въ этомъ ни

стыря, разрѣшить мое недоумѣніе относительно того великаго и тяжелаго послушанія, которое завѣщаль мнѣ о. Серафимъ въ устроеніи Дивѣвской обители, такъ какъ съ этимъ нелегкимъ послушаніемъ сопряжено было для меня много скорбей и огорченій, высокопреосвященнѣйшій отвѣчалъ мнѣ на это: «не только ничего не могу измѣнить изъ назначеннаго тебѣ о. Серафимомъ, но еще и самъ прошу тебя—до послѣднихъ минутъ твоей жизни не оставлять сиротъ дивѣвскихъ твоимъ попеченіемъ. Мы, какъ копѣчныя свѣчи, а онъ, какъ пудовая свѣча, всегда предъ Господомъ, какъ прошедшею своею жизнію на землѣ, такъ и настоящимъ дерзновеніемъ предъ Святою Троицею». Послѣ этихъ бесѣдъ со мною онъ излилъ на сиротъ дивѣвскихъ свое архинастырское благословеніе и милости, какъ на присныхъ дѣтей своихъ. Во первыхъ, пожертвовалъ имъ большой образъ угодника Митрофана. самой лучшей живописи, — снимокъ съ подлинника, и маленькихъ кипарисныхъ образовъ слишкомъ 100. того-же угодника Божія, желая, чтобы въ каждой келліи у сестеръ былъ этотъ образъ; и еще 300 финифтяныхъ образовъ въ благословеніе каждой сестрѣ; во-вторыхъ, подарилъ имъ весь годъ «Прологовъ» и наконецъ вручилъ мнѣ для нихъ же Четью-Минею, въ богатѣйшемъ зеленомъ сафьянномъ переплетѣ, только что присланную ему изъ Петербурга ²⁾).

Изъ Воронежа въ Саровъ о. Іоаннъ возвратился значительно успокоеннымъ и умиротвореннымъ, вступивъ въ отправление своихъ скромныхъ обязанностей канонарха и раздѣляя заботы о Дивѣвѣ. Въ чемъ состояли эти заботы и труды его, теперь сказать, конечно, трудно; но замѣчательно то, что въ то время никому изъ сестеръ дивѣвскихъ не приходило на мысль обвинять его въ самозванномъ, самовольномъ вмѣшательствѣ въ дѣла общины. А это могло бы случиться, и случилось бы непременно, если бы кто-либо другой, изъ лицъ не настолько близкихъ къ святопочившему старцу, дерзнулъ предложить свои услуги сиротамъ. Токъ благодатныхъ цѣленій недуговъ человѣческихъ, начавшій истекать отъ присночтимой могилы Преподобнаго Серафима, утѣшалъ боголюбивую душу о. Іоанна; но въ особенности утѣшена она была видѣніемъ его св. старца, о чемъ онъ рассказываетъ слѣдующее: «въ 1844 г. 28 мая было очень удивительное явленіе на источникѣ о. Серафима многимъ посѣтителямъ, а именно: были въ это время пензенскій купецъ съ супругою, и еще инсарскій купецъ съ супругою и съ дѣтьми, старца княгиня и княжна Евлокія Николаевна Еникѣва съ племянницею дѣвицею Софією, 10-ти лѣтъ. Всѣ сіи означенныя личности (имена ихъ не припомню) по прибытіи въ монастырь единогласно рассказали мнѣ, что видѣли о. Серафима въ водахъ источника. Съ начала его видѣли

чего особаго нѣтъ: онъ могъ и дѣйствительно отъ кого-либо слышать о его намѣреніи быть въ Воронежѣ; могъ, наконецъ, знать и по данному ему благодатному дару прозрѣнія. Равнымъ образомъ вопліи естественныя ежедневныя бесѣды (вятители объ уважаемомъ имъ почившемъ подвижникѣ съ человѣкомъ, близко къ нему стоявшимъ.

²⁾ Сказанія; изд. 4-е, 1885 г. стр. 107—109.

въ рясѣ и клобукѣ, но только въ полуростъ; потомъ онъ представился въ одно и тоже время нѣкоторымъ особамъ въ двухъ различныхъ видахъ: въ одномъ мѣстѣ явился сидящимъ на отрубкѣ дерева, положивши правую руку свою на правое колѣно, а въ другомъ мѣстѣ представился во весь ростъ и какъ бы спѣшно идущимъ къ монастырю. Эготъ разсказъ очень удивилъ меня, и я не зналъ на чемъ основать свои мысли; но на другой день совершенно убѣдился, когда самъ увидѣлъ подобное же явленіе на ономъ источникѣ. Все это общество упросило меня идти туда, и когда мы подходили къ пустыночкѣ о. Серафима, княжна оставила меня, потому что ей нужно было что-то передать мнѣ, а тѣ семейства отправились къ источнику. Не успѣли мы съѣсть съ княжною, какъ кто-то изъ нихъ бѣжитъ ко мнѣ и съ восторгомъ разсказываетъ, что батюшка Серафимъ въ источникѣ. Мы сейчасъ поспѣшили туда и дѣйствительно увидѣли изображеніе о. Серафима въ водѣ, какъ онъ пишется на портретахъ, въ эпитрахили, а въ рукахъ у него: въ одной— книга, а въ другой—образъ. Когда же мы смотрѣли на это чудесное явленіе старца, тогда племянница княжны Еяковичевой вздумала бросить камушекъ въ источникъ, прямо въ о. Серафима; отъ сего вода заколебалась, и вышло еще утѣшительнѣе видѣніе: портретъ о. Серафима тоже заколебался и сдѣлался какъ-бы живой! И могли-ли ¹⁾ такія явленія не проливать особенной отрады и утѣшенія до безпредѣльности любившаго его ученика въ его смиренную душу? И они были тѣмъ необходимѣе для него, что впереди о. Іоанна ожидало горнило бѣдъ и искушеній, выйти изъ которыхъ невредимымъ помогла ему единственно только одна благодать Господня, сохраняющая своихъ избранныхъ на всѣхъ путяхъ ихъ жизни!

Преосвященный авторъ «Лѣтописи Серафимо-Дивѣвскаго монастыря», составленной имъ подъ весьма сильнымъ вліяніемъ покойной дивѣвской игуменьи Маріи (Ушаковой), въ XXIII главѣ своего труда, говоря о соединеніи Дивѣвской и Мельничной общинокъ въ одну, происшедшее въ 1842 г., приписываетъ это единственно провскамъ о. Іоанна, называя это «горестнымъ, никѣмъ неожиданнымъ событіемъ, доставившимъ велие ликованіе Ивану Тихонову съ избранными его» (Изд. второе. С.П.Б. 1903 г., стр. 554). А мы вмѣемъ противоположное и при томъ документальное свѣдѣніе въ статьѣ покойнаго профессора Московской духовной академіи, Н. И. Субботина («Подъ впечатлѣніемъ свѣтлыхъ Саровскихъ праздниковъ»: прибавл. къ Церк. Вѣдом. 1903 г., № 43), совершенно ниспровергающее это показаніе «Лѣтописи» и показывающее какъ вообще осторожно должны мы относиться къ ея словамъ, въ особенности тамъ, гдѣ они касаются дѣятельности о. Іоанна—Іоасафа. Считаемъ, въ виду возстановленія истины, необходимымъ привести это мѣсто названной статьи съ буквальной точностію.

¹⁾ Сказанія, 1885 г., стр. 305—307.

Вотъ что читаемъ мы здѣсь: «Дивѣвская община, основанная Преподобнымъ Серафимомъ и бывшая его любимымъ дѣтищемъ, осталась по его кончинѣ безъ всякаго обезпеченія и, что было всего печальнѣе, не имѣла правительственнаго утвержденія на существованіе, такъ что и самая земля, па которой устроилась и которою пользовалась она, не значилась ей принадлежащею. Все это дѣлало сомнительнымъ и ненадежнымъ ея дальнѣйшее существованіе. При жизни великаго старца, огражденныя его заботами и молитвенною помощію, сестры и не помышляли о будущемъ, о дальнѣйшей ихъ судьбѣ; когда же не стало старца и въ Саровѣ не нашлось усердныхъ радѣтелей о Дивѣвѣ, находившемся притомъ въ другой епархіи, онѣ оказались въ положеніи весьма затруднительномъ. Нужно было позаботиться объ обезпеченіи дальнѣйшаго существованія общины. Что было дѣлать? Къ кому обратиться? Не безъ ваушенія, конечно, отъ своего покровителя, въ Бозѣ почившаго старца, онѣ рѣшились обратиться за помощію къ митрополиту Филарету. Для объясненія нуждъ Дивѣвскаго общежитія въ началѣ 1835 г. прибыла въ Петербургъ и явилась къ митрополиту одна изъ сестеръ съ полномочіемъ отъ другихъ. Старецъ Серафимъ и Дивѣво тогда уже близки были сердцу митрополита Филарета по рассказамъ о нихъ архимандрита Антонія (намѣстника Троице-Сергіевой лавры): дивѣвскую ходатаицу онъ принялъ поэтому съ великимъ вниманіемъ; но она «по простотѣ» не могла объяснить ему всего, что нужно было знать, чтобы помочь общинѣ. Нужныя свѣдѣнія могъ сообщить ему только о. Антоній: къ нему, въ лавру, владыка и отправилъ просительницу, снабдивъ ее письмомъ, въ которомъ писалъ:

«Письмо сіе представитъ вамъ, о. намѣстникъ, сестра общежитія, о которомъ пекся о. Серафимъ. Она прислана искать способа, чтобы существованіе общежитія было утверждено правительствомъ. Но по простотѣ ея отъ нея трудно узнать обстоятельства общежитія, которыя нужно знать для разсужденія о семъ дѣлѣ. Посему я обращаю ее къ вамъ. Вы скажете мнѣ, во-первыхъ, надобно-ли просить утвержденія, или *жить, какъ жили въ надеждѣ на Бога*. Есть опасность, что безъ утвержденія могутъ разогнать. Есть опасность, что не утвердятъ, и такимъ образомъ разрушатъ то, что стояло бы, не бывъ примѣчаемо правительствомъ. Если думаете, что надобно просить, то, во-вторыхъ, скажите мнѣ, кто основалъ общежитіе, кто далъ 30 десятинъ земли, на чье имя, кто дозволилъ построить для общежитія особую церковь при приходской и на какомъ основаніи. Если братья за дѣло, то, по прежнимъ примѣрамъ, лучше начать оное въ епархіи; но на бѣду новопроведенный епископъ, ¹⁾ хотя и былъ нѣкогда моимъ ученикомъ, совершенно пересталъ быть мнѣ знакомымъ, и не знаю, будетъ ли въ пользу

¹⁾ Іоаннъ (Доброзраковъ) воспитаникъ С.-Петербургской академіи 2-го курса, изъ епископовъ Пензенскихъ назначенный въ Нижній Новгородъ 19-го января 1835 г.

мое ходатайство, если напишу ему о семь дѣлѣ. Осмотрите сіе дѣло получше, и скажите мнѣ, что дѣлать. ¹⁾

«Архимандритъ Антоній отнесся къ дѣлу со всеѣмъ усердіемъ,—немедленно отвѣтилъ митрополиту Филарету на его вопросы, сообщилъ ему все, что зналъ о Дивѣевѣ, и обѣщаль собрать и доставить дальнѣйшія необходимыя свѣдѣнія. 2-го марта митрополитъ Филаретъ писалъ ему: «свѣдѣній о Дивѣевской пустынѣ буду ожидать отъ васъ и мнѣнія, какъ повести дѣло» ²⁾). Дѣло это не скоро удалось начать, и тянулось оно долго, за неимѣніемъ документовъ официальнаго характера и другихъ данныхъ для успѣшнаго веденія его и окончанія. Черезъ годъ, именно 30 апрѣля 1836 г., митрополитъ писалъ о. намѣстнику изъ Петербурга: «дивѣевская старица пришла сюда и сказала, что къ вамъ были посланы бумаги о ихъ обществѣ, что не дошли до васъ и что должны быть скоро получены вами вновь. Я ждалъ, что вы мнѣ что-нибудь о семь напишете; но промедлилъ до того, что теперь и спрашивать васъ о семь уже поздно, потому что, вѣроятно, не пробуду въ Петербургѣ долѣе половины мая, хотя, впрочемъ, разрѣшенія о семь не имѣю. Считайте однако, что вы получили отъ меня о семь дѣлѣ вопросъ, и что вамъ надобно сказать мнѣ что-нибудь, если не сказали между тѣмъ, какъ идетъ письмо сіе къ вамъ» ³⁾). Начатое послѣ этого дѣло объ утвержденіи Дивѣевской общины далеко не было еще доведено до окончанія, какъ ее постигло новое горе. Въ 1840 г., вслѣдствіе бывшаго тогда неурожая, сильно поднялись цѣны на хлѣбъ, и въ общинѣ, по недостатку средствъ, нечѣмъ было кормиться. Въ этой нуждѣ дивѣевскія сестры обратились къ тѣмъ же покровителямъ, которые замѣнили имъ старца Серафима по его порученію. 16-го августа митрополитъ Филаретъ писалъ архимандриту Антонію: «сіе доставятъ вамъ, о. намѣстникъ, дивѣевскія. Ихъ полтора ста человекъ терпятъ голодъ и спрашиваютъ меня, что дѣлать. Гдѣ собрать столько пособія, чтобы пропитать столько? Я предложилъ имъ на время разойтись туда, откуда кто пришелъ. *Надоумьте ихъ и меня*» ⁴⁾). Къ предложенію владыки, что сестрамъ на время слѣдуетъ разойтись, о. намѣстникъ отнесся съ огорченіемъ,—находилъ такой совѣтъ несоотвѣтствующимъ ни обѣтамъ сестеръ и завѣтамъ старца Серафима, ни упованію на помощь свыше. Сообщая это свое мнѣніе владыкѣ, онъ указывалъ на примѣръ одной обители, иноки которой хотѣли разойтись по случаю голода, но были удержаны явившимися святыми мучениками, и не потерпѣли отъ голода. Съ своей стороны, онъ просилъ дозволенія у владыки—послать въ Дивѣево часть денегъ, кѣмъ-то ему завѣщанныхъ. Архимандритомъ Антоніемъ было написано, очевидно, обширное и смѣлое письмо, внушенное ему особенно заботливостью о

¹⁾ Письма м. Филарета къ архим. Антонію; письмо отъ 30 января 1835 г. (т. I стр. 138—139).

²⁾ Письма, т. I, стр. 113.

³⁾ Тамъ же, стр. 205.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 370.

сиротахъ старца Серафима. Митрополитъ не оставилъ его безъ нѣкоторыхъ возраженій, но тѣмъ не менѣе согласился, что голодающимъ дивѣвскимъ сестрамъ необходимо оказать матеріальную помощь, и немедленно, не допуская ихъ до выхода изъ обители. Вотъ что именно писалъ онъ въ отвѣтъ:

«Простите меня, о. намѣстникъ, я думаю, что перемѣна мѣста на время, по причинѣ голода, можетъ быть сдѣлана безъ невѣрности предъ Богомъ. Но вѣрѣ можетъ человѣкъ остаться среди бѣдствія, и по смиренію можетъ удалиться, чтобы искать естественной помощи, не удостоивая себя просить отъ Бога помощи чрезвычайной. И, напротивъ, можетъ удалиться отъ трудности по маловѣрію и малодушію, и можетъ, оставаясь среди бѣдствія непреодолимаго, искушать Бога требованіемъ чрезвычайной помощи, когда могъ бы обратиться къ средствамъ естественнымъ. То и другое дѣло можетъ быть право, и неправо. Надобно управлять оное разсужденіемъ и добрымъ намѣреніемъ. Братія обители, которыхъ святые мученики явленіемъ своимъ остановили отъ бѣгства по причинѣ глада и снабдили потребнымъ, потому, думаю, и получили сію помощь, что хотѣли удалиться *по смиренію, а не по невѣрію*. Итакъ, велику достойны были, то получили чудесную помощь; а еслибы ея не получали, безъ грѣха прибѣгли бы къ средствамъ естественнымъ. Еслибы и дивѣвскимъ подано было какое знаменіе остаться, то ясно было бы, что должно остаться. Впрочемъ, я сказалъ имъ, чтобы до послѣдней возможности претерпѣли, а при стѣсняющей крайности отпустили, кого можно, съ надеждою и безъ опасности. Помочь же имъ изъ того, что вѣрено вамъ покойною, властны вы, если сіе находите согласнымъ съ ея волею. Конечно, это будетъ непогрѣшительное благотвореніе самой достойной бѣдности. Только, поелику дивѣвскія обратились ко мнѣ, то пошлите имъ триста рублей моихъ, въ составъ того, что вы назначаете. Послать же, точно, надобно по почтѣ, для безопасности. Въ руки далъ я имъ на дорогу 100 руб., а болѣе опасался. Они назвали мнѣ Саровскаго іеромонаха Иларіона, чтобы послать на его. Впрочемъ, вы сами знаете, какъ лучше. Саровское пачальство къ нимъ не снисходительно ¹⁾.

«Этимъ письмомъ митрополита Филарета и его согласіемъ выдать пособіе дивѣвскимъ сиротамъ о. Серафима архимандритъ Антоній былъ вполне удовлетворенъ; а послать пособіе намелъ за лучшее чрезъ Саровскаго игумена, въ томъ предположеніи, что этимъ и его подвигнетъ—прійти на помощь голодающимъ въ Дивѣвѣ. Извѣщенный объ этомъ, митрополитъ Филаретъ немедленно отвѣчалъ архимандриту Антонію: «благодарю, о. намѣстникъ, за посланное пособіе дивѣвскимъ и за мысль послать чрезъ игумена въ надеждѣ, что онъ тѣмъ возбудится къ чело-
вѣколюбивому къ нимъ участію» ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 371—373.

²⁾ Тамъ же, стр. 373—374.

«Среди тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствъ въ самомъ обществѣ дивѣевскихъ сестеръ явилась у нѣкоторыхъ мысль открыть особое отъ Дивѣева общежитіе. Объ этомъ сообщили митрополиту Филарету пріѣхавшія изъ Дивѣева въ Петербургъ сторонницы такого раздѣленія. И самъ предлагавшій прежде, по случаю голода, временное удаленіе нѣкоторыхъ сестеръ изъ общежитія, митрополитъ Филаретъ рѣшительно высказался теперь противъ раздѣленія Дивѣевской общины о. Серафима на двѣ, независимыя одна отъ другой, и далъ совѣтъ не дѣлать этого, но не надѣялся, чтобы совѣтъ его былъ принятъ. «Дивѣевскимъ я говорилъ, что раздѣленіе ихъ неумѣстно,—писалъ онъ о. намѣстнику 14-го октября 1840 года.—Но это, думаю, не принесетъ пользы. Говорить это надлежало бы той сестрѣ, которая была здѣсь прежде, которая есть одна изъ немпогихъ, поддерживающихъ мысль раздѣленія, но которая здѣсь о семъ не открывала ничего»¹⁾. Архимандритъ Антоній, съ своей стороны, былъ весьма озабоченъ могущимъ возникнуть раздѣленіемъ Дивѣевской общины о. Серафима. Онъ понималъ, что мысль о такомъ раздѣленія возбуждена и поддерживалась, между прочимъ, и даже болѣе всего, необезпеченностью общины, такъ какъ ея существованіе все еще не было признано и утверждено правительствомъ, и потому просилъ митрополита Филарета написать нижегородскому преосвященному, чтобы началъ, или возобновилъ дѣло объ утвержденіи Дивѣевскаго общежитія правительствомъ. 21 го апрѣля 1841 года митрополитъ отвѣчалъ ему: «о дивѣевскихъ писать преосвященному не отрекаюсь. Но не знаю, будетъ ли польза. Теперь спѣшить симъ нѣтъ пользы. Если бы и поступило дѣло дѣломъ въ Святѣйшій Синодъ, пролежить до осени. И такъ: напомните о семъ на мѣстѣ»²⁾ (т. е. въ Москвѣ, или въ лаврѣ, по возвращеніи его изъ Петербурга). Въ маѣ мѣсяцѣ явилась въ Москву къ митрополиту Филарету и послана имъ въ лавру еще дивѣевская «посланица». Она привезла митрополиту письмо, извѣщавшее, что есть земля, которую можно пріобрѣсти для общины, но за нее нужно будетъ заплатить 10.000 р. Объ этомъ владыка писалъ о. намѣстнику: «что дѣлать съ дивѣевскими? Вы остановили здѣсь ихъ посланицу, слѣдовательно, думали, что можно что-нибудь дѣлать въ пользу ихъ. Скажите же мнѣ ваши мысли. А вотъ недоумѣнія, которыя представляетъ содержаніе письма ихъ, при семъ прилагаемаго. Легко ли собрать 10.000 руб.! И еслибы сіе могло состояться, на чье имя купить землю, когда общество не утверждено? И что если и послѣ сего общество не утвердится? Вкладчики будутъ какъ бы обмануты... Мнѣ кажется, благо-разуміе требуетъ не отваживаться теперь ни на что для дивѣевскихъ... *Такъ думается мнѣ; скажите: какъ вамъ?*»³⁾ Неизвѣстно, что отвѣчалъ о. намѣстникъ, но деньги на покупку земли для Дивѣева были найдены

¹⁾ Тамъ же, стр. 378.

²⁾ Тамъ же, стр. 402.

³⁾ Тамъ же, стр. 409.

и земля пріобрѣтена, хотя и не совсѣмъ удачно. Между тѣмъ явилась вліятельная благотворительница Дивѣву, обѣщавшая сильную поддержку въ дѣлѣ объ утвержденіи общины. 12-го ноября того-же 1841 года митрополить Филареть писалъ изъ Петербурга о. намѣстнику: «теперь забота мнѣ о чужомъ дѣлѣ. У меня была княгиня Шаховская, изъявила желаніе помогать дивѣвскимъ и для сего даже ѣхать къ нимъ; просила моего совѣта, и между прочимъ сказала, что землю купили они не праздную, а съ небольшимъ числомъ крестьянъ. Сіе обстоятельство можетъ сдѣлать затрудненіе. Общинѣ владѣть ими нельзя. Надобно ихъ освободить. Освободить нельзя безъ земли. При такихъ обстоятельствахъ я не зналъ, какой дать совѣтъ. Что могла бы она сдѣлать, еслибы поѣхала? Подѣйствовала бы на начальство къ скорому и правильному окончанію дѣла?—Сомнѣваюсь. А причина медленія готова: зямою нельзя межевать. *Напишите мнѣ скорѣе, что вы о дѣлахъ дивѣвскихъ знаете и что могъ бы я съ пользою совѣтовать благодѣющей.* Если не имѣете близкихъ свѣдѣній, напишите (т. е. въ Дивѣво) и доставьте мнѣ¹⁾. Митрополить Филареть видимо озабоченъ былъ этимъ дѣломъ. 9 января 1842 г. онъ снова писалъ о. Антонію: «писалъ я вамъ, что княгиня Шаховская хочетъ помогать дивѣвскимъ и даже не отреклась бы для сего ѣхать къ нимъ; но какъ трудно представить, какую дѣйствительную пользу принесло бы ея присутствіе, то надобно знать, въ какомъ положеніи дѣло ихъ и что имъ нужно. Пора бы имѣть отъ васъ отвѣтъ; но его нѣтъ. Между тѣмъ слышу, что межеваніе купленной ими земли не произведено и что лѣсъ на ней рубятъ. Нельзя ли кого, знающаго въ губерніи, попросить, чтобы остановили истребленіе лѣса, чѣмъ побудили бы и къ скорѣйшему размежеванію»²⁾). Послѣ этого вскорѣ получено было митрополитомъ Филаретомъ извѣстіе изъ Дивѣва, что для заключенія акта на купленную землю встрѣтилось затрудненіе именно въ томъ, что существованіе общины еще не признано законнымъ порядкомъ. Надобно было поэтому ускорить дѣло объ этомъ ея признаніи. А дѣло по порядку слѣдовало начать не изъ Москвы, или Петербурга, а изъ Нижняго, тамошнему духовному, или гражданскому начальству. По совѣту о. намѣстника, митрополить Филареть уже писалъ объ этомъ нижегородскому епископу Іоанну, своему «бывшему ученику»; но, чего и опасался онъ, письмо не было принято съ должнымъ вниманіемъ. А какъ близко было дивѣвское дѣло сердцу митрополита Филарета, можно видѣть изъ письма, которое по этому случаю написалъ онъ архимандриту Антонію, въ томъ же январѣ 20-го числа.

«*Дивѣвскіе озабочиваютъ меня, о. намѣстникъ.* Прочитайте прилагаемое письмо. Пишутъ, что акта не заключаютъ на землю безъ утвержденія общежитія. Но, скоро ли представить преосвященный объ утвержденіи? И какъ представить? Надлежало бы актъ на землю сдѣ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 427.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 1.

латъ на имя которой-либо изъ общежитія. Такое представленіе было бы въ порядкѣ и показало бы, что общежитіе имѣеть способъ существовать. Не обработавъ такимъ образомъ дѣло на мѣстѣ, хотятъ идти въ Петербургъ. Какая польза? Въ Петербургъ вельзя сдѣлать того, что должно быть сдѣлано въ Нижнемѣ, и особенно при такихъ обстоятельствахъ, когда формальный порядокъ дѣла требуется не меньше сущности. Писаль я вамъ и повторяю, нельзя ли чрезъ кого въ Нижнемѣ пріобрѣсти покровительство тамошняго начальства сему дѣлу, и устроить въ порядкѣ и неукоснительно заключеніе акта и размежеваніе земли. Мое письмо къ преосвященному Іоанну, видно, не много произвело дѣйствія. Слѣдственно, бесполезно было бы писать другое. Не дадите ли посему наставленія дивѣвскимъ. А если съ такимъ положеніемъ дѣла прійти въ Петербургъ: не вижу, что можно сдѣлать».

«Однако, благопріятный исходъ дѣла былъ уже недалеко. Оно было наконецъ возбуждено въ Святѣйшемъ Синодѣ, и по представленію не отъ епископа нижегородскаго, какъ бы слѣдовало, а отъ гражданской власти. 12-го марта митрополитъ Филаретъ извѣщаль о. намѣстника: «о Дивѣвской и прочихъ общинахъ нижегородской епархіи дѣло дошло до Святѣйшаго Синода по движенію, данному министромъ внутреннихъ дѣлъ, а не преосвященнымъ. Полагается утвердить общину; но еще не знаю, какъ сіе совершится. Потребно Высочайшее соизволеніе.» И утвержденіе отъ Святѣйшаго Синода и соизволеніе на него Государя Императора не замедлили воснослѣдовать. Итакъ, съ 1842 года, спустя девять лѣтъ по преставленіи старца Серафима, его любимое дивѣвское общежитіе получило твердую опору для дальнѣйшаго существованія»¹⁾. Такимъ образомъ свидѣтельство «Лѣтописи», якобы соединеніе друхъ общинокъ въ одну и правительственное признаніе общежитія общиною— было дѣломъ одного только Ивана Тихонсва является чистѣйшимъ вымысломъ.—тѣмъ комомъ грязи, которою людемъ зачѣмъ-то понадобилось бросить въ него, уже умершаго за 13 лѣтъ до перваго изданія «Лѣтописи.» И хотя въ настоящее время уже не существуетъ несомнѣнныхъ данныхъ для этого, но можно съ безошибочностію утверждать, что мысль объ обращеніи сестеръ дивѣвскихъ къ митрополиту Филарету принадлежала именно о. Іоанну. Самъ онъ, будучи скромнымъ рясофорнымъ монахомъ, не могъ принять непосредственнаго, личнаго участія въ дѣлѣ, потому что ему могли сказать, что онъ мѣшается не въ свое дѣло, но руководить сиротами, въ силу завѣщанія Преподобнаго, онъ считаль своею нравственною и священною обязанностію, и мы видимъ, что возрѣнія его на этотъ предметъ раздѣлялись приснопамятнымъ святителемъ Филаретомъ и достойнымъ его намѣстникомъ—о. архимандритомъ Антоніемъ. Отсюда видно, что обвиненіе о. Іоанна не только голословно, но и завѣдомо ложно.

¹⁾ «Подъ впечатлѣніемъ свѣтлыхъ Саровскихъ торжествъ. *Н. Субботина*. Прибавл. къ «Церкви. Вѣд.» 1903 г., № 43, стр. 1648—1653.

Не менѣе живо же и другое свидѣтельство «Лѣтописи», что «со смертью о. Серафима послушникъ Иванъ Тихоновъ *почти* переѣхалъ на жительство въ общинку матери Александры, подѣ предлогомъ заботы и попеченія о Серафимовскихъ сиротахъ и постепенно завладѣлъ ею» (гл. XXIII, стр. 550) Ни на одну минуту не слѣдовало забывать, что о. Іоаннъ жилъ въ Саровѣ, которымъ управлялъ тогда неумолимо требовательный въ смыслѣ буквальнаго исполненія предписаній монастырскаго устава игуменъ Нифонтъ, который никакъ бы не потерпѣлъ, чтобы его рясофорный монахъ жилъ по волѣ сердца своего и, считаясь саровскимъ инокомъ, *почти* постоянно пребывалъ въ женской общинѣ. Онъ бывалъ тамъ не чаще и не болѣе, какъ и при жизни своего св. старца. Благодаря близости Дивѣева отъ Сарова (12 верстъ) всѣ его дѣйствія и распоряженія въ первомъ отлично были извѣстны и въ послѣднемъ и, если по кончинѣ Преподобнаго Серафима о. Іоаннъ еще въ продолженіе 14 лѣтъ оставался въ составѣ саровской братіи, *оставивъ Саровъ по собственному желанію*, то это служить лучшимъ и неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что ни въ его поведеніи, ни въ его отношеніяхъ къ Дивѣеву саровское начальство не усматривало ничего, бросавшаго бы на него тѣнь, а вмѣстѣ и на обитель Саровскую, почему и не препятствовало ему проходить послушаніе, возложенное на него св. старцемъ, хотя лично даже не сочувствовало ему. Когда, по официалъномъ признанія общины, Св. Синодомъ разрѣшено было приступить къ постройкѣ каменнаго соборнаго храма въ честь иконы Богоматери «Умиленія» и когда о. Іоаннъ, въ виду неимѣнія у общины достаточныхъ для этого средствъ, *отложивъ на время* созиданіе каменнаго соборнаго храма, ходатайствовалъ о разрѣшеніи устройства храма деревяннаго, на каменномъ фундаментѣ, подѣ именемъ *больничнаго*, преосвященный авторъ обвиняетъ его во лжи, указывая, что община имѣла своихъ два храма уже, и новый долженъ былъ быть уже третьимъ (гл. XXIII, стр. 566). Совершенная правда, что община имѣла два храма, пристроенныхъ, однако, къ Казанской приходской церкви, но, какъ тогда, такъ даже и понынѣ остающихся за чертою монастырской ограды; въ оградѣ же не было ни одного. Необходимость въ немъ была ощутительная. Соборъ предполагался лишь въ будущемъ, по созданіи котораго Тихвинскій храмъ долженъ былъ быть обращеннымъ въ больничный, почему и здѣсь со стороны о. Іоанна никакой лжи не было, какъ это представляется преосвященному Серафиму. Такимъ образомъ, какъ безошибочно слѣдуетъ предполагать, уже и тогда въ средѣ дивѣевскихъ сестеръ были лица, совершенно враждебно настроенныя противъ о. Іоанна и во всѣхъ его дѣйствіяхъ старавшіяся выискивать такія побужденія, которыхъ онъ въ дѣйствительности не имѣлъ, вознаграждаемый за попеченія о Дивѣевѣ богатствомъ однихъ только скорбей. Впрочемъ, въ то время недоброжелатели его, чувствуя, что имѣютъ слишкомъ слабую почву подѣ ногами для обвиненій его въ какихъ-либо злоупо-

требленіяхъ, молчали, скрывая свои настоящія чувства до поры—до времени, которое настало лишь спустя пятнадцать лѣтъ послѣ официального признанія общины, когда злоба человѣческая со всею своею бѣшеною яростью излилась на бѣдную голову какъ бы обреченнаго бѣдамъ и скорбямъ этого ученика Серафимова въ благодарность за попеченія о его дѣтищѣ—Дивѣевѣ.

Принимая посильное участіе въ благоустройствѣ Дивѣева, о. Іоаннъ, какъ человѣкъ, обладавшій обширными строительными способностями, наблюдалъ за созиданіемъ келлій и другихъ зданій, воздвигавшихся въ Дивѣевѣ, давая сестрамъ свои многоопытныя и цѣнныя указанія. Саровское же начальство, по выраженію святителя московскаго Филарета, бывшее къ дивѣевскимъ сестрамъ «неснисходительнымъ», еще менѣе имѣло поводовъ благосклонно смотрѣть на участіе въ ихъ дѣлахъ своего рясофорнаго монаха; но о. Іоаннъ, не смотря на эти косые взгляды, а, быть можетъ, и болѣе серьезныя внушенія, старался дѣлать для Дивѣева все, что могъ и что было въ его силахъ. При его посредствѣ въ Дивѣевъ перенесены были изъ ближней и дальней пустыней Преподобнаго его келлій; туда же переданы были убогія вещи его келейнаго обихода, не представляющія для благоустроенной Саровской обители никакой цѣнности, но съ благоговѣніемъ принятыя дивѣевскими сиротами и нынѣ составляющія самыя драгоценныя святыни его. Бывали для о. Іоанна приступы такой мучительной скорби, что онъ въ тысячный разъ рѣшалъ навсегда порвать съ Дивѣевомъ всякую связь. Тяжела была эта борьба: съ одной стороны—невыносимыя скорби своею безмѣрною тяжестію угнетали душу его, съ другой—въ сердцѣ глубоко запечатлѣлся завѣтъ дорогого св. старца, невыполненіемъ котораго онъ боялся оскорбить его свѣтлую и святую память. А напасти дѣлались все чаще и тяжелѣе. Проживая съ 1820 г. въ Саровской пустыни, всегда неизмѣнно ревностный и исполнительный къ своимъ обязанностямъ, достигшій свыше сорокалѣтняго возраста, о. Іоаннъ все еще оставался только рясофорнымъ монахомъ, въ то время, когда лица, пришедшія въ обитель гораздо позднѣе его, уже давно были пострижены и занимали въ Саровѣ извѣстное положеніе. Не тщеславіе, не честолюбіе страдали въ данномъ случаѣ въ о. Іоаннѣ. Нѣтъ. Это было одно изъ искушеній, которыми Промыслъ Божій промыслительно очищалъ внутреннее состояніе раба Своего отъ прираженія къ сердцу его грѣховныхъ помышленій и дѣяній. Покорно и благодушно перенося клеветы и поношенія и видя съ каждымъ днемъ усиливавшееся къ нему за его сношенія съ Дивѣевомъ нерасположеніе лицъ, имѣвшихъ для него немаловажное значеніе, о. Іоаннъ рѣшился наконецъ оставить Саровскую обитель. Грустно и больно было для него оставлять Саровъ, въ которомъ онъ прожилъ болѣе 27 лѣтъ; еще тяжелѣе было разставаться съ дорогою могилою Преподобнаго старца; но онъ твердо рѣшилъ порвать всякія непосредственно-личныя сношенія съ Дивѣевомъ, ради котораго

терѣлъ такіа скорби и напасти и, горячо помолившись у дорогого гроба, оставилъ Саровъ навсегда, 26 ноября 1847 г. перемѣщенный въ Нижегородскій Печерскій монастырь ¹⁾.

Печерскій Вознесенскій, мужской, 1-го класса (съ 1764 г.) монастырь находится близъ самаго Нижняго-Новгорода, на правомъ берегу Волги, между городомъ и слободою «Старыми Печерами». До 1597 г. находился на горной крутизнѣ Волги, въ 2 верстахъ далѣе къ востоку отъ теперешняго монастыря, тамъ, гдѣ нынѣ приходская церковь слободы Старыхъ Печеръ, и основанъ въ 1330 г. св. Діонисіемъ, который изъ Кіево-Печерской лавры удалился сюда на уединеніе, ископалъ здѣсь пещеру и по собраніи около него отшельниковъ построилъ церковь Вознесенія. Въ 1364 г. св. Діонисій оставилъ свою обитель, будучи поставленъ во епископа Суздальской епархіи св. Алексіемъ митрополитомъ. Въ 1597 г. гора, на которой находился монастырь, сползла въ Волгу, при чемъ были разрушены всѣ церкви и монастырскія зданія. По освидѣтельствованіи мѣстности, рѣшено перенести монастырь на другое мѣсто, ближе къ Нижнему, а на прежнемъ мѣстѣ поставлена церковь для поминовенія усопшей братіи, впоследствии обращенная въ приходскую. Нынѣшняя приходская церковь построена въ 1794 г. и въ ней подъ спудомъ покоятся мощи схимонаха Іоасафа, обрѣтенныя въ 1597 г. при разрушеніи монастыря. Новоустроенный монастырь отличался богатствомъ и благоустройствомъ. Въ соборномъ храмѣ во имя Вознесенія находится Печерская чудотворная икона Божіей Матери, принесенная св. Діонисіемъ изъ Кіева ²⁾. Не смотря на близкое сосѣдство съ многошумнымъ Нижнимъ-Новгородомъ, Печерскій монастырь представлялъ собою тихій пріютъ для любителей иноческой жизни. Во главѣ этого монастыря стоялъ благостный настоятель его—святитель-аскетъ преосвященный архіепископъ Іаковъ (Вечерковъ, † 20 мая 1850 г.); въ средѣ братства горѣлъ тихимъ и кроткимъ благодатнымъ свѣтомъ старецъ-подвижникъ іеро-схимонахъ Мардарій. И какъ ни глубока была скорбь о. Іоанна объ оставленномъ имъ Саровѣ, по здѣсь онъ нашелъ миръ душѣ своей, взволнованной прираженіемъ бѣдъ и напастей. Тихо и безмятежно текла здѣсь его жизнь. Исполненіе клироснаго послушанія, усердная молитва въ тишинѣ и безмолвіи келліи, чтеніе святоотеческихъ твореній и занятія живописью—вотъ занятія о. Іоанна, въ которыхъ протекали его дни. Благочестная жизнь его здѣсь обратила на него вниманіе преосв. Іакова и, спустя годъ послѣ своего прибытія, 21 ноября 1848 года, Іоаннъ былъ постриженъ имъ въ монашество съ именемъ Іоасафа. Нарекая его этимъ именемъ древняго досточтимаго печерскаго

¹⁾ Легенду о воспрещеніи Преподобнымъ Іоанну выхода изъ Сарова поды угрозою лишенія „видѣнія лица его и въ сей вѣкъ, и въ будущій“ (Летоис., гл. XIII, стр. 310—311) признаемъ вымысломъ нерасположенныхъ къ нему въ Дивѣвѣ лицъ, которому преосв. Серафимъ далъ слишкомъ большую вѣру.

²⁾ Матеріалы для историко-топограф. изслѣдованія о православн. монастыряхъ въ Россійской Имперіи, В. В. Зарринкаго; СПб., 1892 г., II, № 1055.

подвижника, преосв. Іаковъ какъ бы хотѣлъ выразить мысль, что и въ немъ онъ уповаетъ видѣть раба Господня, усердно ходящаго въ дѣланіи заповѣдей Его. Принимая иноческое постриженіе, о. Іоасафъ былъ уже не юношею, а человѣкомъ, достигшимъ полнаго развитія своихъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ,—человѣкомъ, имѣвшимъ уже 46 лѣтъ отъ рожденія; иноческая жизнь проходима имъ была уже цѣлыхъ 28 лѣтъ; къ ней онъ приготовленъ былъ цѣлымъ рядомъ обрушивавшихся на его голову скорбей и напастей: поэтому новопостригаемый съ особенною твердостью произнесъ обѣтъ, при помощи укрѣпляющей благодати Божіей «претерпѣть всѣ скорби иноческаго житія», что и оправдалъ своею жизнію. Впрочемъ, въ званіи простаго рядового монаха ему пришлось пробыть очень короткое время, такъ какъ 25 декабря того же года преосв. Іаковъ рукоположилъ его въ іеродіакона, а 4 февраля 1849 г. и во іеромонаха. Съ возведеніемъ въ священный санъ о. Іоасафъ увеличилъ вниманіе къ себѣ, духовное трезвѣніе: въ совершеніи богослуженій являясь неутомимымъ, онъ какъ бы желалъ тѣснѣйшимъ образомъ соединяться со Христомъ въ Его Пречистыхъ Тайнахъ и всегда жить въ Немъ.

Благоговѣйная настроенность, привлекательность внѣшняго благообразнаго вида и внутреннее богатое содержаніе, долговременный опытъ духовной жизни не остались въ немъ незамѣченными нижегородцами. Достаточно было побывать въ его скромной иноческой келліи нѣсколькимъ человѣкамъ, побесѣдовать съ нимъ, въ таинствѣ покаянія исповѣдать предъ нимъ грѣхи свои и взамѣнъ получить соответствующее ихъ грѣховнымъ язвамъ врачеваніе, чтобы вслѣдъ за ними появились здѣсь и иные посѣтители съ тѣми же духовными нуждами своими. Напрасно клевета старалась набросить тѣнь на его предшествовавшую жизнь: онъ высоко всталъ въ общественномъ мнѣніи. Къ нему, какъ возлюбленному ученику Преподобнаго Серафима, перешла вся любовь, все довѣріе всѣхъ почитателей свѣтлой памяти хорошо памятнаго Нижнему-Новгороду великаго подвижника Саровскаго. Въ числѣ посѣщавшихъ о. Іоасафа были и лица, занимавшія высокое общественное положеніе и обладавшія достаточными матеріальными средствами. И вспомнились ему тогда слова завѣта Преподобнаго Серафима о неоставленіи сиротъ дивѣевскихъ: теперь наступило время, когда онъ могъ принести имъ значительно большую пользу, нежели когда былъ такъ близко отъ нихъ, располагая своихъ духовныхъ чадъ къ вещественнымъ приношеніямъ на все еще великія нужды обители, о которой такъ заботился его великій старецъ. И приношенія эти, проходившія чрезъ его руки, не были скудными. Для себя же лично онъ ничего не искалъ, довольствуясь скромною долею смиреннаго янока. Мало того: имъ были составлены и въ 1849 г. изданы въ пользу Серафимо-Дивѣевской общины: «Сказанія о подвигахъ и событіяхъ жизни старца Серафима іеромонаха, пустытника и затворника Саровской пустыни», повторенное

изданіемъ въ 1857 году. Святитель-аскетъ, преосв. Іаковъ относился къ нему съ довѣріемъ, любовію и уваженіемъ. Преемникъ преосвященнаго Іакова по нижегородской кавалрѣ—преосвященный Іеремія (Соловьевъ, † 6 дек. 1884 г.), самъ строгій аскетъ и любитель иночествующихъ о Господѣ, довольно благосклонно смотрѣлъ на участіе о. Іоасафа въ дѣлахъ дивѣевскихъ и, по его ходатайству, благословилъ обратить въ алтарь строившейся въ Дивѣевѣ кладбищенской Преображенской церкви деревянную келію Преподобнаго Серафима, вѣкогда перенесенную сюда при его-же ближайшемъ участіи. А сношенія о. Іоасафа съ Дивѣевомъ въ это время были по большей части письменныя, изрѣдка чрезъ прѣзжавшихъ въ Нижній сестеръ и еще рѣже онъ предпринималъ туда личныя путешествія, не безъ вѣдома и благословенія, конечно, своего епархіальнаго владыки. Видя въ о. Іоасафѣ инока добраго и убѣдившись въ его строительныхъ способностяхъ послѣ личнаго посѣщенія Дивѣева, владыка, 19 декабря 1850 г. поручилъ ему въ управленіе, на правахъ настоятеля Высокогорскую пустыню, въ которой о. Іоасафу впоследствии и суждено было окончить дни своей богатой скорбями жизни.

Высокогорская Вознесенская мужская пустыня находится въ 4 вер. къ сѣв.-зап. отъ г. Арзамаса, нижегородской губ., среди высокой, обширной и кругообразной горы, господствующей надъ окрестностью и покрытой вѣковымъ лѣсомъ; съ южной стороны, надъ горою, живописно извиается р. Теша. Возникла въ періодъ 1716—1719 г.г. по желанію арзамасскихъ гражданъ; въ 1734 году иноки покинули пустыню вслѣдствіе безпрестанныхъ грабежей воровъ и разбойниковъ и основали въ самомъ городѣ особый Троицкій монастырь. Указомъ 1743 г. пустыню разрѣшено снова возобновить съ закрытіемъ Троицкаго монастыря; въ 1764 г. приписана къ Саровской пустынѣ; въ 1798 г. она сдѣлана самостоятельною, на собственномъ иждивеніи. Въ теплой церкви Покрова Богородицы, построенной въ 1845 году, находятся иконы: чудотворная Божіей Матери, Всѣхъ скорбящихъ Радости, и Божіей Матери же Иверская, точный списокъ съ Аѳонской, которая лѣтомъ переносятся въ соборный храмъ Вознесенія, существующій съ 1759 года ¹⁾. Впрочемъ, на этотъ разъ о. Іоасафъ пробылъ здѣсь очень не долго: 5 сентября 1851 г. онъ возвратился снова въ Печерскій монастырь. Здѣсь, 1 мая 1853 года, тѣмъ же преосвященнымъ онъ награждается набедренникомъ и 13 января 1855 г. назначается благочиннымъ монастыря. Мирно жилъ здѣсь о. Іоасафъ, имѣя устныя и письменныя сношенія со всѣми, кто желалъ пользоваться его совѣтами и наставленіями, изрѣдка, съ благословенія владыки, посѣщая и Дивѣевъ и одновременно дорогой Саровъ, для молитвы пламенной на гробѣ приснопамятнаго и дорогаго ему Преподобнаго старца Серафима, цока, 2 марта

¹⁾ Матер. для историко-топогр. изслѣд. о православл. мон. въ Россійской Имперіи; В. В. Златинскаго; СПб. 1890 г., ч. I, 150.

1857 г., не былъ назначенъ управляющимъ съ настоятельными полномочіями Оранскою Богородицкою пустынею.

Оранская Богородицкая, мужская, заштатная (съ 1764 года) пустыня, Нижегородской губ. и уѣзда, въ 50 вер. отъ Нижняго, близъ д. Ораны (Поляны), при р. Русѣ. Мѣсто, на коемъ устроена пустыня, называлось до ея устройства «Словенова гора», а послѣ, когда расчищенъ былъ мѣсъ, а земля распахана, названо «орано поле». Пустыня основана въ 1634 г. дворяниномъ Петромъ Андреевичемъ Глятковымъ, принесшамъ сюда по чудному видѣнію во свѣ имѣвшуюся у него точную копию Владимірской иконы Божіей Матери, находящейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Всѣ каменные зданія и храмъ пустыни построены въ XIX столѣтіи. Во Владимірскомъ соборѣ находится чудотворная Владимірская икона Божіей Матери, которая носится съ крестнымъ ходомъ въ Нижній, Арзамасъ, Павлово и по другимъ мѣстамъ, такъ что въ обители она остается непродолжительное время ¹⁾. Но и здѣсь о. Иоасафъ оставался также не долго. 8 февраля 1868 г. онъ, по собственному прошенію, изъ Оранской пустыни перемѣненъ былъ въ Феодоровскій Городецкій монастырь, изъ котораго, впрочемъ, скоро былъ вызванъ въ Нижегородскій архіерейскій домъ и опредѣленъ здѣсь, какъ духовникомъ самого мѣстнаго епископа, такъ равно и ставленниковъ, являвшихся сюда для посвященія. Но, вотъ, уже наступало для него время новыхъ и чрезвычайно трудныхъ испытаній, искушеніе его терпѣнія. Въ Дивѣвѣ произошло распаденіе сестеръ на двѣ партіи—70 расположенныхъ и большинства—нерасположенныхъ къ о. Иоасафу. Не таковъ былъ преосвященный Іеремія, чтобы допустить что-либо предосудительное въ отношеніяхъ его къ Дивѣву и потерпѣть безпорядокъ въ юной обители. Назначая его въ Высокогорскую и Оранскую пустыни преосвященный былъ твердо увѣренъ въ о. Иоасафѣ, какъ въ инокъ добромъ, какъ въ сынѣ мира. А тутъ поднимались противъ него волны неприязненныя, возводились на него небывалыя преступленія; росли обвиненія его въ самовольномъ вмѣшателствѣ во внутреннюю и внѣшнюю жизнь обители, говорилось о вредномъ его вліяніи на сестеръ и т. п. Со вступленіемъ Елисаветы Алексѣевны Ушаковой въ должность настоятельницы общины сестры раздѣлились дѣйствительно на двѣ партіи. Во главѣ партіи, враждебной о. Иоасафу, стояла начальница съ большинствомъ сестеръ, во главѣ же противоположной ей партіи, за о. Иоасафа, находилась много потрудившаяся для общины и лично извѣстная членамъ Царствующаго Дома Гликерія Васильевна Занятова. Словомъ, начиналась здѣсь смута. Не таковъ, повторяемъ, былъ приснопамятный святитель Іеремія, чтобы не положить конецъ этимъ нестроеніямъ: оставивъ о. Иоасафа въ должности управляющаго Оранскою пустынею, онъ удалился на покой, предъ своимъ удаленіемъ сдѣлавъ распоряженіе объ устраненіи о. Иоасафа отъ завѣдыванія Ди-

¹⁾ Тамъ же, т. II, 1027.

вѣвскою общиною. Одно оставленіе о. Іоасафа при прежнихъ обязанностяхъ уже показываетъ, что преосвященный Іеремія отнюдь не считалъ его главнымъ виновникомъ дивѣвскихъ нестроений и, устраняя отъ дѣлъ общегитія, ограждалъ его только отъ могущихъ возникнуть для него серьезныхъ неприяностей. И осторожность владыки имѣла для себя глубокое основаніе, тѣмъ болѣе, что походъ противъ Іоасафа начался еще подъ предводительствомъ бывшей начальницы Дивѣвской общины Екатерины Ладыженской, усилившись затѣмъ при преемницѣ ея, Елисаветѣ Ушаковой.

Выдающійся духовными достоинствами изъ общей массы людей человѣкъ, овладѣвая умами и сердцами этой массы чрезъ свои Богомъ дарованныя достоинства, всегда вызываетъ къ себѣ въ кучкахъ мелкихъ людей, стремящихся пріобрѣсти въ окружающей средѣ какое либо значеніе для достиженія своихъ личныхъ цѣлей,—зависть, злобу и ненависть. Особливо низкія эти чувства проявлялись во всѣ времена по отношенію къ добрымъ дѣятелямъ на нивѣ Господней. Этой ихъ великой работы не прощаютъ имъ завистники ихъ, всячески стараясь подорвать значеніе ихъ въ глазахъ другихъ. И въ этомъ стараніи не брезгаетъ животная природа завистниковъ никакими средствами. Первымъ же такимъ средствомъ всегда является у нихъ клевета, то есть—лживое приписаніе лицу, возбуждающему зависть, какого-либо обстоятельства, которое можетъ поколебать уваженіе, вѣру и любовь къ этому лицу. Пользуясь попеченіемъ митрополита Филарета о Дивѣвѣ, Екатерина Ладыженская обращалась къ нему съ своими и личными и письменными слезницами, жалуясь на якобы чинимыя ей отъ него стѣсненія, хотя извѣстенъ случай, когда она однажды не пустила о. Іоасафа даже въ монастырь, запретивъ сестрамъ даже посѣщать его и на гостинницѣ¹⁾. Вовлеченный въ это дѣло, первосвятитель Московскій, къ сожалѣнію, на слово довѣрившій поступавшимъ къ нему изъ Дивѣва донесеніямъ, употребивъ свое вліяніе, устроилъ такъ, что о. Іоасафъ, какъ мы видѣли, по давленію, очевидно, синодальнаго оберъ-прокурора графа А. П. Толстого, преосвященныхъ Іеремію былъ устраненъ отъ участія въ дѣлахъ общегитія, съ воспрещеніемъ ему дѣлать что-либо въ немъ до прибытія въ Нижній новаго епархіальнаго епископа²⁾.

Когда вновь назначенный въ Нижній-Новгородъ епископъ Антоній (Павлинскій) проѣздомъ чрезъ Москву былъ у митрополита Филарета, послѣдній не постѣснился завести съ гостемъ рѣчь объ о. Іоасафѣ, котораго совершенно не зналъ и никогда не видалъ, и свѣдѣнія о которомъ почерпалъ изъ враждебнаго ему лагеря. Первосвятитель предостерегалъ епископа отъ Іоасафа, рисуя его, какъ обладающаго способностью «изображать изъ себя старца и подвижника», каковымъ онъ и дѣйствительно былъ на самомъ дѣлѣ,—и ведомаго въ своихъ

¹⁾ Летопись, гл. XXVII, стр. 688.

²⁾ Письма, т. IV, стр. 55.

дѣйствіяхъ по Дивѣву своекорыстными побужденіями. Но, когда преосв. Антоній, прибывъ въ Нижній и узнавъ ближе о. Іоасафа, увѣрился, что аттестація митрополита далеко не соответствуетъ дѣйствительности, онъ напротивъ расположился къ о. Іоасафу, даря его полнымъ своимъ довѣріемъ, что митрополитъ объясняетъ характернымъ и далеко несоответствующимъ истинѣ выраженіемъ: «подкрался къ нему», т. е. къ преосв. Антонію, въ чемъ не имѣлъ совершенно никакой надобности, во всю свою жизнь оставаясь тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Оскорбленный тѣмъ, что его предостереженіе преосв. Антонію относительно Іоасафа не достигло своей цѣли, 12 марта 1858 г. митрополитъ писалъ графу А. П. Толстому:

«На добромъ основаніи созданное Дивѣвское общежитіе колеблется. Преосвященный Іеремія устранилъ отъ него извѣстнаго іеромонаха Іоасафа. И преемнику его говорилъ я, что *Іоасафъ, пользуясь довѣріемъ, слишкомъ расширилъ произволъ своего дѣйствованія и едва ли можетъ быть далѣе полезнымъ обителю*. Но Іоасафъ подкрался къ нему и получилъ вліяніе на общежитіе. *Противъ воли настоятельницы беретъ сестеръ и посылаетъ за сборомъ, или учиться живописи*. Въ обители раздѣленіе, а въ раздѣленіи можетъ-ли быть польза? Кажется, настоятельница, стѣсненная, помышляетъ уже о томъ, чтобы удалиться отъ своего мѣста, чтобы не пріобщаться чужимъ грѣхамъ. Мнѣ представляется вопросъ: *не хорошо ли было бы оторвать Іоасафа отъ сего эксцентрическаго дѣйствованія, назначеніемъ его въ другую епархію, идъ онъ, можетъ быть, и пользу принесетъ?* Вы можете быть ближе къ рѣшенію сего вопроса, нежели я» ¹⁾.

Приведенное письмо знаменательно во многихъ отношеніяхъ. Митрополитъ Филаретъ признаетъ а) что Іоасафъ пользуется довѣріемъ мѣстнаго епископа Антонія. Къ этому должно присовокупить, что и предшественники его—преосвященные: Іаковъ и Іеремія, а затѣмъ и преемникъ—Нектарій относились къ нему съ тѣмъ-же неизмѣннымъ и постояннымъ довѣріемъ. Какъ объяснить это необъяснимое, казалось бы, обстоятельство? Если допустить, что одинъ изъ нихъ не разсмотрѣлъ что въ дѣйствительности представлялъ собою о. Іоасафъ, другіе могли исправить его ошибку; но *чтобы всѣ четыре архипастыря ошиблись—недопустимо*. А отсюда вполне естественный и логическій выводъ: если пользовался довѣріемъ четырехъ, съ присоединеніемъ къ нимъ еще и пятого архипастыря—архіепископа Іоанна, въ 1844 г. находившаго возможнымъ допустить его содѣйствіе обители по внѣшней хозяйственной части ²⁾, значить—былъ того вполне достоинъ. б) Выраженіемъ: *едва ли можетъ быть далѣе полезнымъ обителю*—митрополитъ Филаретъ какъ бы невольно признаетъ, что предшествующая его дѣятель-

¹⁾ Собр. мн. и отзыв. митроп. Филарета, т. IV, стр. 308.

²⁾ Лѣтопись. гл. XXVII, стр. 687.

ность по Дивѣву была для него дѣйствительно благотворна. в) Замѣчаніе митрополита, что Іоасафъ противъ воли настоятельницы беретъ сестеръ и посылаетъ за сборомъ или учиться живописи,—справедливо только отчасти въ первомъ случаѣ. Но не должно забывать, что Дивѣвская община въ то время и жила и благоустроилась только добротными жертвами вѣрующихъ и что дѣло сбора, благодаря Гликеріи Васильевнѣ Заятовой, поставлено было, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, на прочную ногу, такъ что она имѣла доступъ даже въ Императорскій дворецъ и, какъ опытная въ дѣлѣ сбора, могла указывать на способныхъ и желательныхъ для нея сотрудницъ. Сборъ былъ неизбеженъ для общины безотносительно къ лицу, сборщицъ посылавшему: безъ него община существовать еще не могла. Что же касается обученія сестеръ живописи, то онѣ (нѣкоторыя изъ нихъ) брали уроки ея у профессоровъ Академіи Художествъ по желанію Великой Княгини Маріи Николаевны, съ тѣмъ, дабы «выборъ сестеръ предоставленъ былъ о. Іоасафу, такъ какъ ему знакомо искусство живописи и онъ имѣетъ вкусъ»¹⁾. Памятникомъ его дѣятельности въ этомъ отношеніи служить до нынѣ существующія, какъ въ Серафимо-Дивѣвскомъ, такъ и Серафимо-Понетаевскомъ монастыряхъ прекрасныя живописныя мастерскія. г) Наконецъ, своимъ выраженіемъ: *не хорошо-ли было-бы назначить іером. Іоасафа въ другую епархію, идѣ онъ, можетъ быть, и пользу принесетъ?* митрополитъ почти за два года впередъ предрѣшилъ судьбу его дальнѣйшую, настойчиво и неуклонно идя къ намѣченной себѣ цѣли. Послѣдствіемъ этого письма митрополита Филарета было синодальное опредѣленіе объ устраниеніи о. Іоасафа отъ завѣдыванія Дивѣвскимъ общежитіемъ, но удаленія его изъ Нижегородской епархіи не послѣдовало, потому, безъ сомнѣнія, что не было достаточныхъ причинъ къ этому и твердо обоснованныхъ доказательствъ, удостоверяющихъ въ злобредности пребыванія его здѣсь.

Но митрополитъ Филаретъ не былъ доволенъ такою, по его мнѣнію, снисходительностію къ іеромонаху Іоасафу; а недоброжелательницы его сообщали владыкѣ свои вымыслы, принимаемая имъ за чистую истину. По поводу одного такого достигшаго до него слуха, владыка даже писалъ графу Толстому:

«Іеромонахъ Іоасафъ, управлявшій Дивѣвскимъ общежитіемъ, по устраниеннй отъ сего Святѣйшимъ Синодомъ, принятъ въ особую довѣренность преосвященнаго Нижегородскаго, вновь распоряжаетъ Дивѣвскимъ общежитіемъ и приготовленный на построеніе церкви матеріалъ обращаетъ на возстановленіе скита, въ которомъ онъ прежде поселилъ было своихъ родственниковъ и который былъ упраздненъ. *Но не это важнѣйшій предметъ заботы, а слухъ, повидимому не несомнѣтельный, что Іоасафъ содѣлалъ проектъ—перечислить Саровскую пустынь въ Нижегородскую епархію.*»

¹⁾ Лѣтопись, гл. XXV, стр. 615.

городскую епархію и сдѣлаться настоятелемъ ея. Онъ надѣется найти для сего сильное покровительство. Но если-бы сіе, по несчастію, сдѣлалось, то было бы сколько несправедливо, столько же и вредно. Саровская пустынь и Дивѣевское общежитіе находятся въ разстояніи немногихъ верстъ одна отъ другой. Хорошо, что они въ разныхъ епархіяхъ, у разныхъ начальствъ, изъ которыхъ каждое охраняетъ свою сторону отъ неправильнаго, и могущаго подвергнуться нареканіямъ, сближенія съ другою. Это дѣло не моего вѣдомства; но оно касается благоустройства, или нестроенія монашества и епархій, и потому нужно, чтобы вы заблаговременно знали возникающій замыселъ и могли остановить его, прежде нежели нашло добрыя подпоры недоброе начинаніе»¹⁾. Удивительна злоба и богатство вымысла женскаго: въ 1848 г. они утверждали, что о. Іоасафъ, желая перевести общину на другое мѣсто, имѣетъ намѣреніе назвать ее «Ивановскою»²⁾; теперь утверждали, что онъ имѣетъ намѣреніе сдѣлаться настоятелемъ Саровской пустыни. Но удивительнѣе всего, что всѣмъ этимъ баснямъ владыка Филаретъ вѣрилъ безусловно. И странно: онъ всецѣло былъ на сторонѣ дивѣевскихъ недоброжелательницъ іеромонаха Іоасафа и, какъ бы отступивъ на сей разъ отъ свойственнаго ему строгаго безпристрастія въ дѣлахъ, не далъ себѣ труда провѣрить степень достовѣрности достигавшихъ до него извѣстій, обратившись для этого къ нижегородскимъ преосвященнымъ: Іакову, Іереміи, Антонію и Нектарію, которые Іоасафа звали лучше, нежели онъ, никогда его не выдавшій; взводя на о. Іоасафа всевозможныя обвиненія, вооружая противъ него синодальнаго оберъ-прокурора, митрополитъ не счелъ нужнымъ дать дѣлу такой ходъ, чтобы обвиняемый *хотя одинъ разъ былъ допрошенъ*, какъ будто дѣло шло не о живомъ человѣкѣ, а о бездушнѣйшей вещи, которую во что бы то ни стало необходимо нужно было уничтожить. И какъ, повидимому, ни голословны были обвиненія, взводимыя на іеромонаха, но исходя отъ такого авторитетнаго лица, каковымъ былъ митрополитъ Филаретъ, они не могли не возымѣть своего дѣйствія. И когда, въ концѣ 1860 г., община возведена была на степень монастыря, когда необходимо было избрать настоятельницу для него, когда этотъ актъ ознаменовался печальными послѣдствіями, извѣстными въ исторіи его подъ именемъ «Дивѣевской смуты», когда Гликерія Васильевна Занятова и съ нею 70 другихъ сестеръ были высланы изъ обители и вскорѣ основали новый Серафимо-Понетаевскій монастырь, о. Іоасафа постарались заблаговременно удалить подалѣе отъ Дивѣева, 3 марта 1861 г. перемѣстивъ его въ Вологодскую епархію.

Поразительными представляются терпѣливость и выносливость достойнаго инока среди этой разженной печи искушеній, бѣдъ и напастей того скорбнаго времени. Такъ сильна была его любовь къ Преподобному Серафиму, такъ свято чтить онъ его завѣты. «Помни всѣ за-

¹⁾ Собран. мн. и отзыв., т. V, стр. 41—42.

²⁾ Лѣтон., гл. XXIV, стр. 500.

вѣты убогаго Серафима, занечатлѣй ихъ въ сердцѣ твоємъ; съ нимъ всегда и ходи»,— вотъ мѣрило всей его жизни и дѣятельности, ограждаемый которымъ онъ не опускалъ головы предъ напоромъ бѣдствій. Говоря такъ, мы далеки отъ мысли утверждать, что о. Іоасафъ былъ безусловно выше и совершеннѣе другихъ: ему также были свойственны ошибки, какъ и всякому другому, по самому несовершенству природы человѣческой: только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ: кто же святъ и совершенъ всегда, кромѣ Одного Всесовершеннаго Бога?.. Одинъ изъ писателей (Е. Поселянинъ), не неизвѣстный читающей благочестивой Руси, въ статьѣ своей, посвященной памяти старца — схигумена Серафима ¹⁾, говорить о немъ слѣдующее: «Какъ могъ и умѣлъ, о. Іоасафъ исполнялъ возложенное на него послушаніе (попеченіе о Дивѣвѣ). Можетъ быть, въ его характерѣ была нѣкоторая излишняя настойчивость; можетъ быть, эта настойчивость вела его такъ далеко, что онъ не отказывался отъ своихъ распоряженій по Дивѣвской общинѣ даже и тогда, когда другія лица, помнившія старца, говорили ему, что о. Серафимъ имѣлъ относительно даннаго обстоятельства другія намѣренія (могли быть ошибки такой живой, пылкой, увлекающейся натуры, какою былъ о. Іоасафъ). У него въ жизни, какъ у всякаго человѣка, могли быть ошибки; пусть время изгладитъ память о нихъ, и пусть живетъ память лишь о его добродѣтельной жизни, его трудолюбіи, его ревности къ тому, въ чемъ видѣлъ онъ, по крайнему разумнію своему, пользу духовную. Вѣдь должно же было быть что нибудь особенное въ человѣкѣ, которому великій старецъ Серафимъ предпочтительно предъ другими открылъ столько тайнъ, оказалъ столько довѣрія! Во всякомъ случаѣ онъ горячо любилъ своего старца и, какъ умѣлъ поминалъ, служилъ ему». Другой почитатель о. Іоасафа пишетъ: «*вси хотящии благочестно жити о Христѣ Исустѣ, по слову апостола, гоними будутъ* (2 Тим. 4, 12). И въ печальной судьбѣ о. Іоасафа не сбывается ли сіе слово апостола Павла? Не отъ искры-ли недовольства нѣкоторыхъ строго благочестивою жизнью о. Іоасафа возгорѣлся пожаръ смуты въ Дивѣвской обители, потребовавшій продолжительнаго и усерднаго тушенія, и истинная причина возникновенія коего, какъ нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, осталась неизвѣстною? Кому невѣдомы козни главнаго виновника сего пожара—дѣвола, этого исконнаго клеветника? Онъ всѣ силы ада обращалъ на Преподобнаго Серафима; почему и во всей оной смутѣ не видѣтъ козней его и противъ любимаго ученика Серафима—о. Іоасафа?» ²⁾. Уже съ первыхъ шаговъ его на поприщѣ служенія Дивѣву начались на него и нападенія вражи. Сила этихъ нападеній была такъ велика, что, не имѣй мы свидѣтельства объ искушеніяхъ такого рода въ житіяхъ святыхъ угодниковъ Божиихъ,

¹⁾ „Штенцы старца Серафима“ („Русскій Паломникъ“ 1903 г., № 18).

²⁾ Къ статьѣ: «Подъ впечатлѣніемъ свѣтлыхъ Саровскихъ праздниковъ, Н. И. Субботина», Г. К. М. «Церковн. Вѣдом.» 1903 г., № 18.

казалось, трудно было бы повѣрить, что такая сила предоставлена Богомъ врагу нашего спасенія. Когда разбушуется надъ нами горе, когда со всѣхъ сторонъ наступятъ на насъ всякія бѣды, когда онѣ окружаютъ насъ, какъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ застигнутый бурей челнъ страшная, бушующая вода, — тогда намъ хочется протянуть руки къ кому нибудь могучему, кто бы могъ поднять насъ на свои руки и унести отъ этихъ бѣдъ въ тихую пристань мира и покоя. Такъ было и съ напастуемымъ о. Іоасафомъ. Преподобный отецъ нашъ Серафимъ Саровскій—вотъ та св. рука, препоясавшая его божественною благодатію, вотъ та опора, не давшая ему сокрушиться о камень величайшихъ скорбей и бѣдствій, отсюду устремлявшихся на него.

Нѣсколько какъ бы странными представляются отношенія Московскаго святителя Филарета къ о. Іоасафу. Но исторія житія мужей святыхъ представляетъ тысячи такихъ примѣровъ, по Божію попущенію, для усовершенія искушаемыхъ въ терпѣніи, братолюбіи и самоотверженіи,—что мужи праведные, при чудномъ стеченіи обстоятельствъ и недоразумѣній, при вмѣшательствѣ чужихъ нечистыхъ страстей и наговоровъ, одушевляемые любовію, безусловнымъ послушаніемъ волѣ Божіей, безкорыстнымъ служеніемъ славѣ Божіей и благу своихъ ближнихъ,—по немощи человѣческой охлаждаются одинъ къ другому въ любви, не выходя изъ своего незлобія, и расходятся, на общей чредѣ своего служенія, въ разныя стороны, сгорая въ крайней обоюдной скорби и печали, какъ бы въ огнѣ очистительномъ. Это одинъ изъ высшихъ крестныхъ подвиговъ мужей высокой святости, недоступный плотскому суду и разумѣнію человѣческому.

Путемъ такихъ суровыхъ испытаній вель Господь Своего избранника! Чѣмъ глубже въ человѣкѣ стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію, чѣмъ болѣе ему суждено Господомъ послужить спасенію ближнихъ—тѣмъ суровѣе школа очистительныхъ страданій. Всякій человѣкъ, даже самый нравственно-высокій, не лишень недостатковъ и грѣховныхъ предрасположеній и никто не можетъ избѣжать ихъ въ той или другой формѣ: то въ видѣ недостатковъ характера, то въ видѣ неумѣнья жить осторожно и т. д. Эти обнаруженія человѣческихъ слабостей нерѣдко задѣваютъ слабыя стороны другихъ людей, больно дѣйствуютъ на нихъ, раздражаютъ. Врагъ же рода человѣческаго пользуется этимъ раздраженіемъ противъ праведника и поднимаетъ бурю гоненія на него. Господь попускаетъ разразиться этой бурѣ и въ горнилѣ страданія духъ праведника какъ бы перегораетъ и очищается отъ своихъ грѣховныхъ немощей. Въ скорби душа человѣка глубже сосредоточивается въ себѣ, тѣснѣе соединяется съ Господомъ и просвѣщаемая Имъ, путемъ молитвы, она ясно начинаетъ видѣть свои черты, лучше понимаетъ тотъ путь, какой она прошла, и приходитъ къ ясному сознанію, что сама была поводомъ разразившихся скорбей. Когда же праведникъ сознаетъ свою *причинность* въ постигшихъ его скорбяхъ, онъ познаетъ

и свою *виновность* въ этомъ, какъ человѣка, который не съумѣлъ поберечь немощнаго брата или сестру. Изъ сознанія своей виновной причинности истекаетъ и извиненіе врага, соединенное съ молитвою за него. Когда же человѣкъ пойметъ все это, душа его исполняется всепрощеніемъ и благодатнымъ миромъ. Опытъ уже полученъ и оттолѣ душа та впредь становится осмотрительною, сострадательною, твердою, чистою и несокрушенною въ своемъ святомъ стремленіи ко Христу! Тогда отнимается и страданіе, чаша скорбей, отъемлется потому, что такой человѣкъ уже спострадалъ Христу, сораспялся Ему, распявъ свою плоть со страстями и похотьми. И такой человѣкъ уже становится подобенъ апостолу, который говорилъ: я сораспялся Христу и умеръ для міра. Борьба у такого человѣка, конечно, не прекращается до его кончины, но *переломъ* нравственный въ немъ уже совершился и послѣ такого перелома человѣкъ и можетъ стать избраннымъ орудіемъ Промысла Божія въ дѣлѣ спасенія людей, способнымъ къ служенію чистому, совершенному и твердому. Чаша страданій относится ангеломъ, а на такого раба Божія изливаются дары благодати Божіей! Такой путь неизбѣженъ каждому. Различіе только въ степени и времени. Чѣмъ большій жребій дарованъ отъ Господа кому, и чѣмъ болѣе и дольше кто долженъ послужить ближнимъ, тѣмъ суровѣе испытаніе, тѣмъ ранѣе въ жизни приходится тому испить чашу очистительныхъ скорбей! Иоасафу Господь назначилъ великій жребій, ибо видѣлъ его сердце, пламенѣвшее любовію къ своему Господу, а потому и крестъ скорбей послалъ великій. Избранникъ Божій несъ крестъ терпѣливо; обливаясь слезами отъ туги сердца, онъ весь отдавался молитвѣ и послѣ молитвы находилъ себѣ утѣшеніе въ словѣ Божіемъ. Часто страдалецъ перечитывалъ Евангельскія страницы о крестныхъ страданіяхъ Спасителя, укрѣпляясь духомъ въ терпѣніи. И удивительно, и назидательно было его незлобіе: никогда, во всю свою послѣдующую жизнь, онъ никому ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, что онъ перенесъ въ это воистинну тяжелое для него время, и какъ отблагодарила его обитель Дивѣвская за всѣ его о ней заботы и хлопоты, о неимѣнни никакихъ сношеній съ которою онъ, вслѣдствіе синодальнаго распоряженія, обязанъ былъ даже подпискою, до которой считалъ себя въ силу нравственнаго долга обязаннымъ выполнять завѣтъ своего св. старца, послѣ же запрещенія всякихъ съ общиною сношеній, почтя себя разрѣшеннымъ Св. Синодомъ отъ этого многоскорбнаго, возложеннаго на него послушанія, предалъ судьбу ея дальнѣйшую волѣ Божіей и огражденію небесныхъ молитвъ Преподобнаго Серафима—своего отца и учителя!

Печальное дивѣвское дѣло закончилось тѣмъ, что цѣлыхъ 70 сестеръ, во главѣ съ рисофорною инокинею Гликерію Занятову (впослѣдствіи игуменія Евпраксія), по синодальному распоряженію, были уволены изъ Дивѣва и вскорѣ стали основательницами новаго Серафимо-Понетаевского женскаго монастыря, а о. Иоасафъ неизмѣнно послѣ того,

изъ года въ годъ, до самой своей кончины, въ своемъ послужномъ формулярномъ спискѣ добавлялъ слѣдующее: «*по благословенію въ Бозѣ почившаго пустытника и затворника Саровской пустыни іеромонаха Серафима и съ дозволенія епархіальнаго начальства* поручено было ему устроить женскую Дивѣвскую общину. Здѣсь, при его трудахъ и дѣятельности, пріобрѣтено сначала болѣе 700 дес. земли, на которой вновь устроено для жительства и другихъ монастырскихъ потребностей болѣе 40 деревянныхъ и каменныхъ корпусовъ, въ коихъ помѣщается до 500 сестеръ; каковое устройство продолжалось съ 1825 по 1855 г.г. ¹⁾ Этимъ о. Іоасафъ открыто свидѣтельствовалъ, что попеченія о Дивѣвѣ совершаемы имъ были именно какъ *послушаніе* волѣ Преподобнаго, а отнюдь не по своему личному желанію и вмѣшательству. Онъ ни мало не стѣснялся свидѣтельствовать о семъ предъ лицомъ всѣхъ, ни мало не заботясь о томъ, какъ это будетъ принято и истолковано другими подъ еще совершенно свѣжимъ впечатлѣніемъ только что закончившейся печальной «Дивѣвской смуты»? И напротивъ, никогда въ частномъ разговорѣ ни однимъ словомъ нигдѣ и никому не обмолвился ни однимъ словомъ о своей дѣйствительно изумительно-плодотворнѣйшей дѣятельности. Такъ высоко цѣнилъ онъ многоскорбное послушаніе, возложенное на него Преподобнымъ Серафимомъ и принесшее ему столько величайшихъ огорченій!

Мы не будемъ долѣе останавливаться на подробностяхъ «Дивѣвской смуты», вскорѣ закончившейся, потому что и говорить и писать о ней чрезвычайно тяжело. Итакъ, смута дивѣвская окончилась, но не окончились послѣдствія ея для о. Іоасафа: 3 марта 1861 г. состоялось опредѣленіе Св. Синода (№ 797) о перемѣщеніи настоятеля Павло-Обнорскаго монастыря, Вологодской епархіи, игумена Анатолія настоятелемъ же Введенскаго Сольвычегодскаго монастыря, съ возведеніемъ его въ санъ архимандрита, и о назначеніи настоятелемъ Павло-Обнорскаго монастыря состоящаго при Нижегородскомъ архіерейскомъ домѣ іеромонаха Θεодоровскаго монастыря Іоасафа Тихонова, съ возведеніемъ его въ санъ игумена ²⁾. 19 марта возведенный во архимандрита, Анатолій прошеніемъ ходатайствовалъ объ оставленіи его, за весеннюю распутицу, въ обители Преподобнаго Павла до 1-го мая. Вологодскій епископъ Христофоръ далъ на прошеніи слѣдующую резолюцію: «такъ какъ по причинѣ наступившей въ настоящее время распутицы архимандриту Анатолію дѣйствительно нѣтъ возможности отправиться въ городъ Сольвычегодскъ, отстоящій отсель на 555 верстъ, къ новому мѣсту назначенія его, да по той же причинѣ прибытія назначеннаго въ Павло-Обнорскій монастырь новаго настоятеля едва-ли скоро можно ожидать, то поручается архимандриту Анатолію управлять сею послѣднею обите-

¹⁾ Послужн. списки его отъ 1861—1877 г. въ архивѣ Павло-Обнорскаго монастыря.

²⁾ Указъ Вологод. дух. консист. отъ 15 март. 1861 г., № 1563.

лію доколѣ можно и нужно будетъ ¹⁾, о чемъ давалось знать указомъ и братія ея ²⁾. Такимъ образомъ новопровозведенный архимандритъ остался здѣсь еще на полтора мѣсяца. Это пребываніе его было крайне вредно для Павло-Обнорскаго монастыря въ экономическомъ отношеніи, не смотря на то, что о благоустроеніи монастыря, хотя и слишкомъ поверхностномъ, Анатолій заботился въ свое время. Тенерь же, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточный запасъ времени и усвоивъ совершенно ложный взглядъ на то, что всему пріобрѣтенному за время своего здѣсь настоятельства, онъ является безконтрольнымъ собственникомъ. Анатолій постарался прибрать къ своимъ рукамъ все то, что можно было присвоить себѣ безнаказанно, отправивъ весь свой багажъ въ сосѣднюю деревню ██████████ откуда обратно уже не получилъ ничего, а въ настоятельскомъ домѣ послѣ него не осталось даже ни одной столовой вилки, не говоря о болѣе значительныхъ и цѣнныхъ предметахъ, и своему преемнику оставивъ всего лишь 22 копѣйки наличной суммы. Такъ закончилось здѣсь почти 15-лѣтнее пребываніе Анатолія, несомнѣнно принесшаго Павловой обители свою долю пользы, но послѣднимъ своимъ поступкомъ поставившаго новаго настоятеля его въ крайне тяжелыя условія, который, впрочемъ, послѣдующимъ своимъ управленіемъ создалъ новую эпоху въ исторіи монастыря. Значеніе личности о. Іоасафа въ пятилѣтней исторіи обители не только огромно, но прямо-таки необъятно, и имя его, такъ много потрудившагося для нея и такъ много сдѣлавшаго здѣсь, должно быть поставлено вслѣдъ за именами Преподобнаго Первоначальника ея и перваго здѣшняго игумена Алексія. Въ концѣ апрѣля 1861 г. новый настоятель прибылъ въ монастырь и принялъ его въ свое управленіе, а 8 мая въ храмѣ Вологодской духовной семинаріи преосвященнымъ Христофоромъ возведенъ во игумена ³⁾. Прежде чѣмъ, однако, говорить о жизни и дѣятельности здѣсь новаго игумена, считаемъ неизлишнимъ предварительно сообщить кратчайшія историческія свѣдѣнія объ обители, во главѣ которой суждено было встать о. Іоасафу.

Св. обитель, носящая имя Преподобнаго Павла, въ тоже время именуемая еще и Троицкою, по главному своему соборному храму, находится въ 15 верстахъ отъ уѣзднаго г. Грязовца и въ 60 отъ г. Вологды. Она расположена въ живописной тихой долинѣ, сжатой со всѣхъ сторонъ отлогими возвышенностями, омываемыми р. Нурмою. Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, въ древней Обнорской трети, здѣсь была непроходимая лѣсная дебрь, въ которой, около 1389 г., поселился старецъ—пустынножитель Павель, постническое имѣвшій житіе, и которому Промысломъ Божиимъ предназначено стать основателемъ новой иноческой обители. Родившись въ 1317 г. въ Москвѣ отъ благородныхъ, благо-

¹⁾ Тоже, отъ 21 марта 1861 г., № 1725.

²⁾ Тоже, отъ 30 марта 1861 г., № 2932.

³⁾ Ук. Вологод. дух. консист. отъ 10 мая 1861 г., № 2932.

честивыхъ и богатыхъ родителей, съ самыхъ раннихъ лѣтъ возраста будущей подвижникъ отличался необыкновеннымъ милосердіемъ, побуждавшимъ его отдавать неимущимъ даже собственную одежду. Принуждаемый родителями къ браку, на 22-мъ году своей жизни, скрывшись изъ Москвы, въ одной приволжской обители онъ принялъ иноческое постриженіе съ именемъ Павла. Проведя здѣсь нѣсколько лѣтъ въ подвигахъ строгаго поста и непрестанной молитвы и слыша о Преподобномъ Сергіи Радонежскомъ, онъ пришелъ въ его Троицкую обитель для наибольшихъ подвиговъ. Принятый Сергіемъ, онъ продолжительное время трудился въ низшихъ монастырскихъ послушаніяхъ, «отъ поварни до трапезы». Влекомый желаніемъ безмолвія, съ благословенія своего наставника, на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ онъ заключился въ отшельнической келліи въ окрестностяхъ лавры. По истеченіи этого времени, съ новаго благословенія своего св. учителя, онъ навсегда простился съ лаврою, ушелъ изъ нея, унося данный ему св. Сергіемъ въ напутствіе малый мѣдный крестъ. Послѣ долговременнаго странствованія и подвижничества, въ различныхъ уединенныхъ мѣстахъ тогдашней Руси, Павелъ пришелъ въ Комельскій лѣсъ и поселился въ дуплѣ старой лины, гдѣ и прожилъ три года. По особому таинственному откровенію перейдя на правый берегъ р. Нурмы, онъ выстроилъ себѣ хижину-шалашъ изъ прутьевъ и ископалъ колодезь. Здѣсь Преподобный рѣшилъ провести остальную свою жизнь.

Первымъ человѣкомъ, проникнувшимъ въ Павлову пустыню и нарушившимъ его уединеніе, былъ Преподобный Сергіи, также ученикъ и собесѣдникъ св. Сергія Радонежскаго, въ четырехъ верстахъ отъ Павла, по теченію р. Нурмы, основавшій свою обитель Всемиловитаго Спаса. Придя къ Павлу, Сергіи увидѣлъ его окруженнымъ звѣрами и птицами, ожидавшими корма изъ рукъ пустытника: птицы летали вокругъ, сидѣли на плечахъ и головѣ его; звѣри стояли кротко, не проявляя своихъ кровожадныхъ инстинктовъ. Съ тѣхъ поръ Сергіи сталъ духовнымъ отцомъ Павла. Для причащенія Св. Тайнъ Павелъ приходилъ въ обитель Спасскую; св. Сергіи и самъ посѣщалъ нерѣдко своего духовнаго сына въ его пустынѣ. По нѣкоемъ времени около хижины Павловой поселилось нѣсколько человѣкъ его учениковъ; но храма здѣсь еще не было, такъ какъ старецъ, любившій безмолвіе, долго не соглашался на устроеніе его, предвидя, что безмолвіе пустыни тогда уже будетъ нарушено. Звонъ невидимыхъ колоколовъ, осіяніе небснаго свѣта и предсмертное слово отходящаго къ Богу Преподобнаго Сергія ¹⁾ положили конецъ колебаніямъ Павла. Въ 1414 г., съ благословенія всероссійскаго митрополита Св. Фотія, въ Павловой пустынѣ освященъ деревянный храмъ Св. Троицы. я первымъ игуменомъ здѣшнихъ инокъ, по желанію Преподобнаго, поставленъ былъ ученикъ его Алексій,

¹⁾ Преподобный Сергіи скончался 7 октября 1412 г.; обитель его съ 1764 г. обращена въ приходскую церковь.

а старецъ, по смиренномудрію, предпочелъ остаться до кончины простымъ инокомъ. Удостоенный отъ Господа дара прозрѣнія будущаго и необычайнаго долготѣія, Преподобный Павелъ скончался о Господѣ 10 января 1429 года, имѣя 112 лѣтъ отъ рожденія, изъ которыхъ 22 года прожилъ онъ въ домѣ родителей, 50—въ различныхъ монастыряхъ и пустыняхъ, 40—по прибытіи въ Комельскій лѣтъ и 15—по основаніи монастыря. Многочисленныя чудеса, совершавшіяся у гроба Преподобнаго, вызывали къ нему народное благоговѣніе и почитаніе. Въ 1546 г. обрѣтены были его св. мощи; въ 1547 г. Преподобный Павелъ соборомъ русскихъ архипастырей былъ причисленъ къ лику Святыхъ, а въ 1548 г. составлена была ему и особая служба.

Служа мѣстомъ посмертнаго покоя Преподобнаго Павла, монастырь его издревле былъ любимъ православнымъ русскимъ народомъ, во множествѣ притекавшимъ сюда на поклоненіе его. Самы вѣнценосцы Русской земли благодѣтели ему ради Преподобнаго, и въ числѣ своихъ царственныхъ благодѣтелей монастырь считаетъ: великаго князя Іоанна III, Іоанна Грознаго, Бориса Годунова, Василя Шуйскаго. Михаила Ѳедоровича, Алексія Михайловича, Ѳедора, Іоанна и Петра Алексіевичей, и патріарха Филарета, надѣлившихъ его 8 селами и 22 деревнями, въ которыхъ считалось 1793 души жителей. Но особеннымъ благорасположеніемъ къ монастырю отличался великій князь Василій Іоанновичъ, на средства котораго здѣсь была устроена (1505—1516 г.г.) соборная, каменная Троицкая церковь, существующая до настоящихъ дней, и въ стѣнахъ своихъ сохранившая даръ его благочестиваго усердія—мѣдно-посребренное паникадило, съ 45 шандалами для свѣчей и государственнымъ гербомъ. Зимомъ 1529 г. этотъ великій князь со второю супругою своею Еленю Глинскою по пути въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь заѣзжалъ въ обитель Преподобнаго Павла для молитвъ предъ гробомъ ея св. основателя о дарованіи имъ наследника. Въ 1545 г. здѣсь же былъ для поклоненія Преподобному Павлу и царь Іоанвъ Грозный. При благотворительныхъ жертвахъ вѣнценосныхъ государей и на лепты богомольцевъ, монастырь, въ XVI вѣкѣ, своимъ иждивеніемъ, кромѣ Троицкаго храма, создалъ еще двѣ и другихъ каменныхъ церкви: одну въ честь Успенія Богородицы (1536 г.) и другую—въ память Преподобнаго Павла Обнорскаго, а въ XVII вѣкѣ къ нимъ присоединилась и еще каменная церковь Рождества Іоанна Предтечи, съ общемою для нихъ каменною звонницею и на ней боевыми часами. Особеннымъ внутреннимъ благолѣпіемъ отличался Троицкій соборъ, до 1767 г. имѣвшій пятирусный древній иконостасъ, съ серебropозлащенными ризами своихъ св. иконъ.

Живя общемою со всѣмъ остальнымъ государствомъ жизнью, дѣля съ нимъ его горя и радости, обитель Преподобнаго Павла перенесла не мало и бѣдствій. Въ 1538 г. казанскіе татары, напавъ на нее, сожгли ее и разорили, убивъ нѣсколькихъ иноковъ, и оставивъ здѣсь

только пустыя стѣны каменныхъ храмовъ и груды щепа и развалинъ. Во время лихолѣтя бродячія шайки литовцевъ и русскихъ измѣнниковъ учинили на нее воровскій набѣгъ. Въ 1767 г. сильнѣйшій пожаръ опустошилъ всѣ обительскія храмы и постройки; въ 1777 г., шайка разбойниковъ, напавъ на монастырь, унесла отсюда все, что ей нравилось и что можно было унести съ собою. Съ самаго дня основанія обители и до конца XVII вѣка обителью управляли игумены; съ 1694 г. здѣсь учреждена была архимандрія, а съ 1764 г., по учрежденіи духовныхъ штатовъ, настоятелями ея стали вновь игумены же. Братство Павловой обители никогда не бывало чрезвычайно многолюднымъ, въ количественномъ отношеніи не доходя даже и до 100 человекъ; но замѣчательно то, что въ средѣ его воспитывались подвижники вѣры и благочестія. Такъ здѣсь подвизались преподобные: Логгинъ Коряжемскій и Адріанъ Монзенскій. Отсюда же, въ 1695 г., былъ взятъ сначала на архимандрію чудовскую, а потомъ возведенъ въ митрополита сарскаго и подонскаго благоговѣйный старецъ Пафнутіи. Не мало, конечно, было здѣсь и другихъ сокровенныхъ рабовъ Божиихъ, имена и подвиги которыхъ извѣстны только Богу Всевѣдущему ¹⁾. Въ XIX столѣтіи, къ концу первой половины его и началу второй, отъ различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, Павло-Обнорскій монастырь пришелъ было въ совершенный упадокъ и крайне нуждался въ добромъ и предприимчивомъ хозяинѣ-реставраторѣ, каковъ и былъ данъ ему Господомъ въ лицѣ о. Іоасафа.

Обратимся къ официальнымъ даннымъ и, на основаніи ихъ, выяснимъ себѣ хотя отчасти то печальное состояніе, въ которомъ въ это время находилась Павлова обитель. При вступленіи о. Іоасафа въ управленіе своихъ настоятельскихъ обязанностей, монастырь имѣлъ всего 18 человекъ братіи и штатныхъ служителей съ ихъ мужскимъ потомствомъ 17, женскимъ— 16 человекъ. Кромѣ церквей, крайне запущенныхъ и почти разрушающихся, съ настоятельскимъ при одной изъ нихъ (Успенской) корпусомъ, въ немъ были еще слѣдующія зданія: 1) каменный корпусъ братскихъ келлій, 2) каменный корпусъ для пріѣзжающихъ и богомольцевъ и 3) каменный же корпусъ, въ которомъ находились разныя службы. Въ монастыря были: 4) три ветхихъ и полуразрушенныхъ деревянныхъ часовни; 5) деревянный скотный дворъ, съ гостинницею при немъ для приходящихъ; 6) кирпичный заводъ, при коемъ изба для рабочихъ; 7) водяная мукомольная мельница на р. Нурмѣ и при ней изба для работника; 8) деревянный овинъ, съ крытымъ соломою гумномъ и 9) на поляхъ четыре деревянныхъ сарая. Всѣ эти зданія были ветхи, неблагоустроены и требовали или безотлагательнаго капитальнѣйшаго ремонта или же замѣны ихъ новыми. Во владѣніи монастыря состояло: пахотной земли 14 дес. 1850 саж., покосу— 14 дес.

¹⁾ «Троицкій Павло-Обнорскій монастырь» А. Воскресенскаго: Пошехонье 1912 г.

411 саж. Сѣялись: рожь, пшеница, ячмень и горохъ. Прибыли бывало отъ нихъ отъ 4—7⁰/₀, а сѣна получалось до 30 возовъ¹⁾. Средства содержанія обители были также ничтожны: ей отпускалось изъ казны 466 руб. 62 коп. въ годъ, получаемы были ⁰/₀ съ капитала въ 8480 руб. 28 коп., да полуразрушенная мельница близъ монастыря, на р. Нурмѣ, давала арендной платы до 70 руб. въ годъ. Вотъ и всѣ способы содержанія обители Преподобнаго Павла. У всякаго другого на мѣстѣ о. Иоасафа опустились бы руки; исчезла бы всякая энергія, но онъ былъ глубоко вѣрующимъ въ помощь Божію инокомъ. На одномъ древнемъ образѣ Преподобный Павелъ изображенъ съ распущеннымъ свиткомъ въ рукахъ, на которомъ начертаны глубокознаменательныя слова: «не скорбите убо, братіе моя; внимайте: аще обрящу благодать предъ Богомъ и любовь будетъ между вами,---не оскудѣтъ обитель моя, но вельми распространится». Далѣе: въ житіи Преподобнаго Павла, при описаніи его предсмертной прощальной бесѣды съ братією, читаемъ, что угодникъ Божій, отходя къ вѣчному блаженству, говорилъ: «если кто потрудится и потерпитъ въ семь пустынномъ мѣстѣ, то хотя бы и грѣшнень былъ, получить отъ Живоначальныя Троицы оставленіе и милость, только бы не ослабѣвалъ въ своемъ подвигѣ и претерпѣлъ до конца²⁾. Основываясь на этихъ общаніяхъ св. первоначальника, призывая помощь Божію и молитвы его и своего великаго старца Серафима, о. Иоасафъ не упалъ духомъ и рѣшилъ всѣми силами своими служить благу ввѣренной ему обители. Чтобы справиться съ этою задачею, для этого, кромѣ вѣры, нужны еще были: свѣтлый умъ, твердая воля, непоколебимая энергія. Всѣми этими качествами въ болѣе чѣмъ достаточной для Павло-Обнорскаго монастыря мѣрѣ обладалъ его новый настоятель, въ теченіе слѣдующихъ шестнадцати лѣтъ неустанно трудившійся для подъема экономическаго значенія и матеріальнаго благосостоянія его. И все, что есть въ стѣнахъ и близъ стѣнъ Павловой обители лучшаго, благолѣпнаго, устроено этимъ неутомимымъ труженикомъ—о. игуменомъ Иоасафомъ. Утѣшительнымъ также предзнаменованіемъ для него здѣсь служило и то обстоятельство, что при самомъ вступленіи его въ подвигъ настоятельскаго служенія обнародовано было во всеобщее извѣстіе синодальное дѣяніе объ открытіи мощей св. Тихона Задонскаго, котораго горячо призывалъ себѣ на помощь новый игуменъ и подъ стѣнью храмъ котораго онъ отдалъ Богу душу свою.

Но еще только всматриваясь во ввѣренную ему обитель, еще не приступая ни къ какому дѣлу, о. Иоасафъ прежде всего вознамѣрился побывать въ Саровѣ, и отъ гроба Преподобнаго своего старца, какъ бы отъ него самого, взять отеческое его благословеніе на предстоящее ему настоятельское дѣланіе.—«Радѣя о пользѣ ввѣренной моему управленію

1) Рапортъ архим. Анатолия Вологодск. духовн. консист. отъ 1 мая 1861 г., № 45 кн. XIV; архивъ Павло-Обнорскаго монастыря.

2) «Препод. Павелъ Обнорскій», свщ. І. Верхожскаго; Вологда, 1879 г., стр. 23.

обители, — писалъ онъ преосвященному Христофору, — въ послѣднихъ числахъ іюля, или же въ первыхъ числахъ августа сего 1861 года, желаю я отправиться на нижегородскую ярмарку, какъ для того, чтобы отъ извѣстныхъ мнѣ благотворительныхъ особъ исходатайствовать какія-либо пожертванія въ пользу обители, такъ и для того, чтобы закупить необходимыя для обители вещи, такъ какъ на этой ярмаркѣ всякій товаръ продается гораздо сходственнѣе съ Вологодской губерніею и, сверхъ того, *главнымъ образомъ побывать въ Саровской обители, для воздаянія по состоянію моего здоровья и настоящему мѣсту моего жительства, можетъ быть, послѣдняго дома признательности незабвенному моему наставнику и благодѣтелю отцу Серафиму совершеніемъ надъ гробомъ его панихиды*, такъ какъ эта поѣздка въ Саровскую пустынь для меня ничего не будетъ стоить, потому что знакомцы мои, бывающіе на нижегородской ярмаркѣ и чтущіе память о Серафима, и сами заѣзжаютъ въ Саровскую обитель изъ уваженія къ его памяти, и съ удовольствіемъ возьмутъ меня туда и препроводятъ обратно, почему прошу, по благоусмотрѣнію вашего преосвященства, или снабдить меня пашпортомъ на означенную отлучку или только словеснымъ благословеніемъ». Въ отвѣтъ на эту свою просьбу о. Іоасафъ получилъ мѣсячный отпускъ ¹⁾. По неимѣнію данныхъ для этого, мы не можемъ сказать здѣсь, какъ именно совершилъ онъ это путешествіе въ Саровъ; но, кажется, можемъ судить, хотя только отчасти, о глубинѣ тѣхъ чувствъ, которыя переполняли все существо преданнаго ученика у гроба его великаго и благодатнаго учителя, а въ душѣ его невольно раздавался голосъ его ученія о свойствахъ истиннаго и добраго настоятеля, о чемъ, при жизни, Преподобный Серафимъ училъ такъ:

«Настоятель, говорилъ онъ, долженъ быть совершенъ во всякой добродѣтели и душевныя свои чувства имѣть обученными долгимъ ученіемъ въ разсужденіи добра и зла (Евр. 5, 16). Настоятель долженъ быть искусенъ въ Священномъ Писаніи. Онъ день и ночь долженъ изучаться въ Законѣ Господнемъ. Черезъ таковыя упражненія можетъ онъ снискать себѣ даръ разсужденія добра и зла. Истинное же познаніе добра и зла можно имѣть только тогда, когда подвижникъ благочестія придетъ въ чувство будущаго осужденія и предвкушеніе вѣчнаго блаженства, что совершается въ душѣ благочестивой еще въ земной жизни таинственнымъ и духовнымъ образомъ. Прежде разсужденія добра и зла человекъ не способенъ пасти словесныхъ овецъ, но развѣ безсловесныхъ, потому что безъ познанія добра и зла мы дѣйствій лукаваго постигать не можемъ. А потому настоятель, яко пастырь словесныхъ овецъ, и долженъ имѣть даръ разсужденія, дабы во всякомъ случаѣ могъ подавать полезныя совѣты каждому требующему его паставленія; ибо, какъ говоритъ Петръ Дамаскинъ (въ Добротол. о назиданіи души

¹⁾ Ук. Вологод. дух. консист. отъ 18 іюля 1861 г., № 4796.

добродѣтелями, ч. III), «нѣсть всякій челоуѣкъ вѣренъ дати совѣтъ ищущимъ; но кто отъ Бога пріемъ даръ разсужденія и отъ многого пребыванія въ подвижничествѣ стяжа умъ прозрителенъ». Настоятелю должно также имѣть даръ пронизательности, дабы изъ соображенія вещей настоящихъ и прошедшихъ могъ онъ предусматривать и будущія, и проразумѣвать козни вражіи. Отличительнымъ характеромъ настоятеля должна быть любовь его къ подчиненнымъ: «истиннаго бо пастыря, по словамъ Іоанна Лѣствичника, показываетъ любовь его къ своему стаду, ибо любовь принудила распяться на крестѣ Верховнаго Пастыря» (въ книгѣ «Къ Пастырю», гл. 5). Всякій настоятель да сдѣлается и пребудетъ всегда въ отношеніи къ подчиненнымъ благоразумною матерью. Чадолубивая мать не въ свое угожденіе живетъ, но въ угожденіе дѣтей. Немоги немощныхъ чада сносить съ любовью; въ нечистоту внадшихъ очищаетъ, омываетъ тихомирно, облачаетъ въ ризы бѣды и новыя, согрѣваетъ, питаетъ, промышляетъ, утѣшаетъ и со всѣхъ сторонъ старается духъ ихъ покоить такъ, чтобы никогда не слышать ей малѣйшаго ихъ вопля; и таковыя чада бываютъ благорасположены къ матери своей. Такъ всякій настоятель долженъ жить не въ свое угожденіе, но въ угожденіе подчиненныхъ; долженъ къ слабостямъ ихъ быть снисходителенъ, немощныхъ несть съ любовью; болѣзни грѣховныя врачевать пластыремъ милосердія; падшихъ преступленіями подымать съ кротостію, замаравшихся скверностію какого-либо порока очищать тихо и омыватъ ихъ возложеніемъ на нихъ поста и молитвъ, сверхъ опредѣленныхъ обще для всѣхъ, одѣвать ученіемъ и примѣрною жизнію своею въ одежды добродѣтелей, непрестанно бдѣть о нихъ; всѣми способами утѣшать ихъ, и со всѣхъ сторонъ ограждать миръ ихъ и покой такъ, чтобы никогда не было слышно ни малѣйшаго ихъ вопля, ниже ропота; и тогда они будутъ съ ревностію стремиться, чтобы доставить миръ и покой настоятелю ¹⁾).

Невольню вспоминалось о Іоасафу здѣсь у дорогой могилы ученіе покоившагося въ ней св. его старца. И, воскресая предъ умственнымъ взоромъ души своей нравственный и внѣшній обликъ дорогаго своего учителя, съ глубокою думою стоялъ здѣсь теперь пришелецъ далекой страны Вологодской и вереницею тѣснились въ его умѣ и сердцѣ глубокія мысли о томъ, каковъ долженъ быть монастырь вообще и братія его по ученію святоотеческому? И вотъ что думалось ему: «монастырь, какъ учрежденіе, въ которомъ нѣсколько лицъ, удалившихся отъ мірскихъ соблазновъ, всецѣло посвящаютъ себя, при взаимной помощи, подвигамъ благочестія, въ ясныхъ и живыхъ чертахъ представленъ намъ въ твореніяхъ Преподобнаго Ефрема Сирина, по которымъ жизнью извѣстнаго монастыря руководить настоятель. Такимъ лицомъ всего приличнѣе быть челоуѣку духовно опытному и «свѣдущему» въ добродѣтели.

¹⁾ Связанія, третье изд., Сиб. 1877 г., ч. II, стр. 137—139.

Ибо «кто уиравлялъ прежде собою, тотъ способенъ править и другими»¹⁾. Извѣстно также, что «ничто не приводитъ такъ душу ко спасенію и не дѣлаеть ее столько бодрою къ трудамъ, какъ если найдется учитель, который проповѣдуетъ добродѣтель самымъ дѣломъ»²⁾. Посему на па-
стоятелѣ монастыря лежатъ прежде всего обязанности духовнаго води-
тельства братіи. Вслѣдствіе этого онъ долженъ быть весьма бдительнымъ
стражемъ своихъ младшихъ братій. «Ему надлежитъ, по словамъ Ефрема
Сирина, у каждаго наблюдать его походку, тѣлодвиженія и одежду,
неприличное обличать, руководить же къ лучшему... Настоятель долженъ
внушать братіямъ даже до малости все, относящееся ко спасенію, и
обязанъ указывать на ожидающія лѣтнихъ наказанія»³⁾. При руковод-
ствѣ же подначальными подвижниками пусть не будетъ у настоятеля
иныхъ побужденій, кромѣ заботы объ ихъ спасеніи⁴⁾. А посему тамъ,
гдѣ представляется больше поводовъ къ паденіямъ, настоятель не дол-
женъ смущаться и сострадательностію⁵⁾; ибо, говоритъ Преподобный
Ефремъ Сиринъ, кто не хочетъ оправдать умъ свой страхомъ Божиимъ,
тому не нуженъ человѣческій страхъ, чтобы имъ удерживался онъ отъ
безполезнаго, подобно тому, какъ рабъ бываетъ цѣломудреннымъ при
строгости господина⁶⁾. Храня къ братіи живую любовь⁷⁾, настоятель
въ случаѣ оскорбленія къмъ-либо изъ братіи долженъ терпѣливо снести
это огорченіе, «чтобы, какъ выражается Ефремъ Сиринъ, чрезъ этотъ
трудъ соблюсти труды прошедшаго времени»⁸⁾. «Вы подвижники и па-
стоятели братства въявь соблюдайте санъ настоятеля; втайнѣ же
мысленно почитайте себя рабами недостойными всякаго изъ братіи»⁹⁾,
замѣчаетъ между прочимъ Ефремъ Сиринъ въ своемъ наставленіи мона-
хамъ. На попечительную заботливость настоятеля о спасеніи вѣрннхъ
ему подвижниковъ послѣднимъ остается отвѣчать только безпрекослов-
нымъ повиновеніемъ, «неся по приказанію бремя заботъ объ обители,
всегда почитая себя обязанными услуживать братіямъ съ любовью и
простотою»¹⁰⁾. Въ безусловномъ подчиненіи волѣ настоятеля Ефремъ
Сиринъ видитъ для подвижника ручательство отъ паденій среди иску-
шеній. «Хочешь-ли же, говоритъ онъ въ четвертомъ поученіи къ еги-
петскимъ монахамъ, чтобы не преодолѣло тебя искушеніе? Отсѣки всякую
волю свою. Если дѣло кажется тебѣ и хорошимъ, но настоятель о Го-
сподѣ не признаеть онаго хорошимъ то покорись ему о Господѣ.
Входить въ споры, слѣдовать собственному своему намѣренію есть уже
признакъ совращенія»¹¹⁾. Ко вѣдшему упрядоченію жизни въ мона-
стырѣ должно вести точное соблюденіе братіями «общежительныхъ
правилъ». Согласно съ требованіемъ послѣднихъ, каждый подвижникъ-
монахъ долженъ вмѣстѣ съ братіями собираться на Божию службу, на

¹⁾ Твор. Преп. Ефрема Сирина, III, 646 стр.; ср. II, 148 стр., ²⁾ I, 510 стр., ³⁾ I, 509 стр., ⁴⁾ I, 167 стр., ср. II, 147 стр., ⁵⁾ I, 498 стр.

⁶⁾ I, 416 стр. ⁷⁾ I, 167 стр. ⁸⁾ I, 587 стр., ср. II, 152 стр. ⁹⁾ III, 527—528 стр. ¹⁰⁾ III, 527 стр. ¹¹⁾ II, 129 стр.

бдѣніе, на работу, на ручныя подѣлки, а подобно сему приходитъ и за трапезу, кромѣ случаевъ тѣлеснаго недуга ¹⁾). Главнымъ животворнымъ началомъ братской жизни въ монастырѣ должна быть христіанская любовь. «Тогда уже, говоря словами Ефрема Сирина, каждый съ радостью да течетъ къ прекрасному поприщу и да подвизается подвигомъ добрымъ на неблазненномъ пути благочестія... Тогда и посредственный, не будучи чуждымъ высокаго духовнаго преусловія и пребывая постоянно въ молитвѣ, при содѣйствіи и согласіи братій, болѣе и болѣе возрастаетъ и преспѣваетъ. А подобно и низшия, съ любовію поощряемый высшими, ежедневно исправляется, съ усердіемъ простираясь въ предняя ²⁾). Братъ, воодушевляемый любовію, не только будетъ остерегаться соблазнить чѣмъ либо другого ³⁾, но и постарается «преподать» послѣднему «вразумленіе и ученіе Господне» ⁴⁾ и «безъ укоризны, по силѣ возможности, избавитъ ближняго отъ грѣха». Та же любовь, несомнѣнно, должна побудить крѣпкаго помогать немощнымъ, усерднаго утѣшать малодушнаго, трезвеннаго возбуждать объятаго сномъ, постояннаго давать совѣты непостоянному, воздержнаго вразумлять безпечнаго и безчиннаго ⁵⁾. Особенно полезно и кстати бываетъ эта братская взаимопомощь при посѣщеніи кого либо изъ братіи искушеніями ⁶⁾. Ибо «что вода жаждущему, то слово утѣшенія брату въ скорби его. Какъ иный подаетъ упавшему руку и поднимаетъ его, такъ слово жизни и утѣшенія возсгавляетъ душу лъбивую и перадивую ⁷⁾. Такое братство, могущественное своею силоченностью, вполне справедливо уподобляется Ефремомъ Сиринымъ «городу, огражденному стѣнами и оплотами» ⁸⁾, если братья единокорны въ кротости и правдѣ, если братъ поучаетъ брата страху Господню, если младшіе подчинены старшимъ, какъ своимъ владыкамъ, и если настоятель любитъ братій своихъ, какъ себя самого, и истинно печется о спасеніи душъ ихъ» ⁹⁾).

Оживотворенный усердною молитвою на гробѣ своего отца, прочувствовавшій здѣсь глубоко высоту возложенныхъ на него обязанностей, почерпнувшій здѣсь новыя силы къ предлежавшему ему многотрудному дѣланію и обновленный духомъ, возвратился о. игумень во вѣренную ему обитель Преподобнаго Павла. Отсюда и начинается многополезная его дѣятельность, распадающаяся на двѣ вѣтви: на заботы о благоустроеніи обители и на созиданіе и обновленіе душъ человѣческихъ. О первой изъ нихъ и скажемъ въ настоящемъ мѣстѣ нашего менѣе чѣмъ скромнаго труда.

Программа, слѣдовать которой о. Юасафъ поставилъ для себя неуклонною задачей, была имъ начертана въ докладѣ епископу Христофору вскорѣ по вступленіи его въ отправление настоятельской должности. Вотъ что писалъ онъ здѣсь: «познакомившись со вѣренною моему управленію обителью, я нахожу необходимымъ: каменный корпусъ,

¹⁾ I, 393 стр. ²⁾ III, 552—553 стр. ³⁾ I, 396 стр. ⁴⁾ III, 88, стр. I, 171 стр. ⁵⁾ II, 580 стр., ⁶⁾ I, 124 стр. ⁷⁾ III, 48 стр. ⁸⁾ II, 593 стр. ⁹⁾ I, 166—167.

находящийся на южной сторонѣ монастыря, обратить въ гостинницу, такъ какъ деревянная гостинница, находящаяся внѣ монастыря, тѣсна и ветха, и по находящемуся тутъ же скотному двору, неблагоприлична особенно для почетныхъ посѣтителей обители, а для сего устроить подъѣздъ къ сему корпусу и входъ въ оный съ южной же стороны, извнѣ монастыря. Въ самомъ корпусѣ по возможности устроить и украсить комнаты въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ; площадку предъ корпусомъ выровнять, что уже почти и сдѣлано. Каменный, конюшенный, корпусъ, находящийся также на южной сторонѣ монастыря, — такъ какъ для обители пѣтъ надобности содержать болѣе двухъ лошадей, — обратить также въ гостинницу, необходимо нужную для прислуги пріѣзжающихъ почетныхъ посѣтителей. Тяжелые своды, распирающие это зданіе, выбрать; стѣну, находящуюся между Успенскою церковью и имѣющимъ бытъ гостиннымъ корпусомъ, какъ ненужную, разобрать и приступить къ сооруженію каменной ограды, такъ какъ настоящая, деревянная, уже весьма ветха и неблагообразна, на что и употребить кирпичъ изъ разобранныхъ сводовъ каменнаго корпуса и разобранный стѣны между Успенскою церковью и гостиннымъ корпусомъ. На сей же предметъ употребить битый кирпичъ, находящийся въ довольномъ количествѣ на монастырѣ, и вновь выдѣланный на кирпичномъ заводѣ еще предмѣстникомъ моимъ въ количествѣ тысячъ десяти. Неровныя мѣста, какъ въ монастырѣ, такъ и за монастыремъ, около ограды съ южной стороны, выровнять. Скотный дворъ, находящийся въ самомъ близкомъ разстояніи отъ монастыря, въ предотвращеніе опасности отъ пожара, и для удаленія отъ обители нечистоты, происходящей отъ скота, перенести на другое мѣсто, болѣе удаленное отъ нея. Деревянную часовню съ кладеземъ, находящуюся въ недалнемъ разстояніи отъ обители, какъ мѣсто жительства Преподобнаго Павла, въ томъ же видѣ, въ какомъ она теперь находится, возобновить и устроить на каменномъ фундаментѣ. На производство означенныхъ работъ испрашиваю разрѣшенія и благословенія вашего преосвященства.» Преосвященный Христофоръ на докладѣ положилъ резолюцію: «Богъ да благословитъ и поможетъ произвести постепенно предположенныя по обители постройки и поправки въ зданіяхъ монастырскихъ»¹⁾. Но постепенность въ осуществленіи своихъ намѣреній и предположеній была несвойственна князю и чрезвычайно подвижной натурѣ о. Иоасафа: онъ не могъ думать и не дѣлать; при чемъ обнаруживалась замѣчательная черта его характера — разъ приступивъ къ какому-либо дѣлу, и еще задолго до окончательнаго завершенія его, онъ приступалъ къ другому, третьему и такъ до безконечности, такъ что за время его довольно продолжительнаго настоятельскаго служенія въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ положительно не было даже кратчайшихъ періодовъ, когда бы разнообразныя работы были прекращаемы.

1) Ук. Вологод. дух. консист. отъ 22 авг. 1861 г. № 5695.

Такимъ образомъ при о. Юасафѣ здѣсь кипѣлъ неустанный трудъ: плотники, каменщики, землекопы, кровельщики, пилющики, маляры, конопатчики, желѣзники, кузнецы, поденщики и люди другихъ профессій проживали въ монастырѣ годами, питаясь и получая заработную плату. Вся окрестность кормилась отъ монастыря: даже самые малые ребята 6—7 лѣтъ и тѣ получали поденную плату. И до настоящаго времени еще имя о. игумена Юасафа воспоминается здѣсь не иначе, какъ съ глубокою благодарностію, какъ благодѣтеля и кормителя бѣдноты и рабочаго люда. О безвозмездныхъ трудолюбцахъ, которыхъ здѣсь постоянно бывало также не мало, скажемъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

17 октября того же 1861 года игумень Юасафъ доносилъ преосвященному Христофору, что имъ «усмотрѣно подъ нижними сводами, какъ Успенскаго теплаго храма, такъ равно и въ корпусѣ, предполагаемомъ къ обращенію въ гостиницу, весьма много накопившагося отъ времени сору, который онъ считалъ за нужное вычистить, и при расчисткѣ оказалось, что кирпичныя стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ сырости значительно повредились и необходимо требуютъ скорѣйшей поправки, безъ которой зданіямъ можетъ угрожать впоследствии опасность разрушенія». Епископъ Христофоръ далъ резолюцію: «консисто-ріи немедленно отнестись въ здѣшнюю строительную комиссію о командированіи архитектора для осмотра въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ зданій, какъ церковныхъ, такъ и хозяйственныхъ, и для распоряженія объ употребленіи вадлежащихъ мѣръ къ предотвращенію опасности, угрожающей паденіемъ стѣнъ въ тѣхъ зданіяхъ. Настоятелю же того монастыря давъ знать о семъ указомъ предписать, чтобы онъ въ свое время донесъ о послѣдствіяхъ осмотра и о распоряженіи архитектора по сему предмету, равно и о мѣрахъ, какія имъ найдено будетъ нужнымъ принять къ отвращенію помянутой опасности» ¹⁾. Строительная комиссія увѣдомила консисторію, что «по настоящему зимнему времени, какъ осмотръ поврежденій въ означенныхъ зданіяхъ, такъ и въ особенности производство исправленій вовсе неудобны; а потому комиссія полагала бы произвести это по наступленіи удобнаго къ тому времени весною будущаго (1862) года; при чемъ комиссія проситъ доставить на поѣздку туда и обратно потребное количество суммы техническому чиновнику оберъ-офицерскаго чина» ²⁾. Подобный отвѣтъ не могъ удовлетворить нетерпѣвшаго никакой медлительности дѣятельнаго игумена и онъ, исходя отъ мысли, что подобныя оффиціальныя сношенія могутъ служить весьма значительнымъ тормазомъ для предпринимаемыхъ имъ дѣлъ, рѣшилъ и принялъ себѣ за правило—впредь дѣйствовать совершенно самостоятельно, прибѣгая къ оффиціальнымъ сношеніямъ лишь въ тѣхъ только случаяхъ, когда этого никакъ не возможно было избѣ-жать. И первый опытъ своей самостоятельности въ Павло-Обнорскомъ

¹⁾ Ук. Вологод. дух. консист. 3 ноября 1861 г. № 7350.

²⁾ Ук. Вологод. дух. консист. 11 дек. 1861 г. № 9145.

монастырѣ онъ показалъ на гостиномъ дворѣ, разобравъ весь верхній этажъ его, а въ нижнемъ устроивъ подвалы для хранения хозяйственныхъ продуктовъ и припасовъ; стѣну каменную, соединявшую этотъ корпусъ съ Успенскимъ храмомъ онъ разобралъ совершенно. Съ самимъ же Успенскимъ храмомъ онъ поступилъ такимъ образомъ: уничтожилъ существовавшій надъ нимъ обширный каменный осмерикъ съ шею и главою, тяготившій все зданіе; разобралъ до основанія громадный каменный столбъ, помѣщавшійся среди самаго храма, отъ котораго развѣтвленіями шли полукруглыя арки по всему храму, устроилъ вмѣсто него четыре легкихъ кирпичныхъ столпа, занимающихъ собою незначительное пространство и исполняющихъ тоже назначеніе, что и ихъ неуклюжіи предшественники — служить поддержкою и основаніемъ всему зданію, отчего въ храмѣ получился просторъ, вмѣстительность и благолѣпное симметричное расположеніе всѣхъ частей его. Стѣны храма, какъ снаружи, такъ и внутри очистилъ отъ обветшавшей и обвалившейся штукатурки, совершенно уничтоживъ и замѣнивъ ее новою, при чемъ требовавшія того мѣста исправлены были новымъ кирпичемъ, такъ что во всемъ зданіи остались нетронутыми, да и то относительно только, однѣ лишь стѣны. О. игумень имѣлъ и благодатное утѣшеніе совершить освященіе благоустроеннаго имъ этого храма, при чемъ представилъ мѣстному епископу нѣсколько древнихъ св. антиминовъ, найденныхъ имъ въ одномъ изъ столповъ прежняго престола въ Успенской церкви и въ числѣ ихъ одинъ, священнодѣйствованный блаженнымъ Антоніемъ, епископомъ Вологодскимъ. Св. антиминъ состоялъ изъ куска грубаго небѣленнаго холста въ $\frac{1}{4}$ аршина шириною и $\frac{3}{4}$ вершка длиною. Св. мощи вшиты были сверху и на мѣстѣ ихъ снаружи написанъ осмиконечный крестъ съ обыкновенными буквами. Подпись на семъ св. антиминосѣ была такова: «освятися оltарь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ... (храмѣ) Пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея успенія (въ Обнорскомъ монастырѣ) и положенъ бысть си святыи Антиминсъ Антоніемъ Епископомъ Вологодскимъ и Великопермскимъ. При Благовѣрномъ Царѣ и великомъ Князе Феодоре Ивановичѣ всея руси самодержьцѣ. И при Митрополитѣ Деонисіе всея руси. И при игуменѣ Мисанлѣ, въ лѣто 7094 (1586) августа въ 15 день на память Пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея успенія» 1).

Но естественно, что о. Іоасафа болѣе всего озабочивало не только неудовлетворительное, но и прямо-таки печальное наружное и внутреннее состояніе главнаго соборнаго монастырскаго храма Св. Троицы, въ стѣнахъ и сводахъ котораго были уже значительныя трещины. Въ 1866 г. онъ рѣшилъ приступить къ немедленному исправленію его, и вотъ что, между прочимъ, говорилъ въ своемъ докладѣ по этому поводу епископу Христофору: «иконостасы и вся внутренность Троицкаго и

1) Вологод. Еп. Вѣдом. 1868 г., № 18, стр. 504—505.

Предтеченскаго храмовъ отъ давнопрошедшаго времени обветшали, потемнѣли, и желѣзная крыша на церкви Преподобнаго Павла до того испортилась, что пропускаетъ уже сырость и даже течь» ¹⁾, почему и просилъ о выдачѣ сборной книги, срокомъ на одинъ годъ, на имя монаха Агаангела. Между тѣмъ и самъ онъ не бездѣйствовалъ. Имѣя основаніе рассчитывать на почти несомнѣнную помощь извѣстныхъ ему благотворителей, жившихъ въ г. Костромѣ, игуменъ подѣлился питаемыми имъ надеждами съ своимъ епархіальнымъ епископомъ и, встрѣтивъ съ его стороны полнѣйшее сочувствіе, 14 декабря 1865 г. получилъ мѣсячный отпускъ изъ епархіи для поѣздки въ Кострому. Путешествіе его не было безплоднымъ: «возвратившись, писалъ онъ въ своемъ рапортѣ епископу, изъ Костромы 6 сего генваря и вступивъ въ управленіе ввѣреннымъ мнѣ монастыремъ, честь имѣю донести о семъ вашему преосвященству и представить обратно выданный мнѣ изъ вологодской духовной консисторіи отпускъ. Заключенныя благотворителемъ, желающимъ, по официальной перепискѣ, остаться въ неизвѣстности (костромской купецъ Михинъ), съ иконостаснымъ и иконописнымъ мастерами у маклера условія на производство работъ въ нашемъ Троицкомъ соборномъ храмѣ, прилагаются при семъ въ копіяхъ для архипастырскаго вашего распоряженія и опредѣленія моихъ личныхъ отношеній къ тому дѣлу» ²⁾. Приступая къ замѣнѣ обветшавшаго иконостаса Троицкаго храма, игуменъ находилъ необходимымъ: 1) «вынуть всѣ св. иконы изъ стараго иконостаса, разобрать и раздѣлить ихъ по внѣшнимъ качествамъ; 2) на которыхъ потемнѣли изображенія и осыпалась краска, такъ что нельзя ихъ и поправить, изъ тѣхъ на прочныхъ дскахъ написать вновь иконы по утвержденному вами (епископомъ) послѣднему предположенію, а трухлявыя дски предать огню, по церковнымъ правиламъ; 3) иконы, сохранившіяся неповрежденными отъ времени, поставить въ обители въ приличныхъ мѣстахъ, а излишнія—передать въ койнибудь бѣдный сельскій храмъ, если явятся желающіе имѣть ихъ у себя; 4) украшеніе на верхнихъ иконахъ изъ басемнаго дешеваго серебра, ни къ чему негодное, пережечь, и выжигъ употребить въ дополненіе при серебряніи простыхъ ризъ на нѣкоторыхъ св. иконахъ по заявленному уже мнѣ усердію стороннихъ благотворителей. При семъ долгомъ считаю объяснить, что въ числѣ тѣхъ иконъ не находится ни одной ознаменованной особою благодатною силою; а если окажутся въ нихъ замѣчательныя въ археологическомъ отношеніи, то онѣ и останутся нѣсколько неприкосновенными; 5) по разборкѣ тепершняго иконостаса необходимо выломать старый и сдѣлать новый деревянный полъ во всей церкви и подъ самымъ алтаремъ, такъ что нельзя обойтись безъ того, чтобы не снять въ немъ св. престола; 6) дурную, весьма неровную, налѣпленную на стѣнахъ въ разное время бѣлую краску совсѣмъ очистить до

¹⁾ Докладъ иг. Юасафа еписк. Христоферу 12 авг. 1864 г. № 36.

²⁾ Рапортъ его же тому же епископу отъ 7 янв. 1866 г. № 1.

краснаго кирпича, и вновь отштукатурить для прочности, преимущественно алебастровымъ матеріаломъ, котораго запряжено и возится уже изъ Данилова до 500 пудъ» ¹⁾.

Одновременно съ этимъ о. Іоасафъ писалъ преосвященному Христофору: «озабочиваясь совершеннымъ устройствомъ обители я желая украсить св. храмы внутри. осмѣливаюсь покорнѣйше просить вапе преосвященство разрѣшить привести въ исполненіе желаніе нѣкоторыхъ, извѣстныхъ мнѣ благотворителей: 1) въ Успенскомъ храмѣ высеребрить черезъ огонь простыя мѣдныя ризы на мѣстныхъ иконахъ Спасителя и Божіей Матери; на Тихвинской иконѣ устроить такую же ризу и тоже высеребрить ее, такъ какъ есть уже на ней серебряный вызолоченный вѣнецъ; 2) въ Троицкомъ соборѣ покрыть серебромъ ризу Св. Николая и исправить на ней попортившуюся живонисъ; 3) въ придѣлѣ Преподобнаго Павла высеребрить также черезъ огонь приставныя наружныя двѣ мѣдныхъ дски для облицовки гробницы надъ мощами и ризу у Преподобнаго Павла, изображеннаго на верхней дскѣ, сколоченной даже очень дурно изъ пяти мелкихъ двухвершковыхъ дощечекъ. А потому я нахожу необходимымъ—верхнюю доску устроить новую вмѣсто теперешней неблагообразной и вновь написать на ней Преподобнаго во весь ростъ вполнѣ, такъ какъ въ настоящее время находятся здѣсь только ликъ и ручки его, какъ обыкновенно это дѣлается мастерами подъ ризу. При производствѣ серебрёнія предположено мною употребить и выжечь изъ дешеваго басменнаго серебра съ ветхихъ иконъ, если послѣдуетъ по представленному уже мною предварительному донесенію разрѣшеніе пережечь то серебро, по случаю передѣлки Троицкаго собора» ²⁾. Въ этотъ же разъ онъ возбудилъ предъ епархіальнымъ архіереемъ ходатайство слѣдующаго содержанія: «принимая во вниманіе особое благоговѣніе многихъ къ св. иконѣ Божіей Матери, именуемой Корсунскою (которую о. Іоасафъ приобрѣлъ для обители отъ извѣстныхъ ему боголюбцевъ, родъ которыхъ почиталъ ее чудотворною), и усердіе благотворителя, устраивающаго новый иконостасъ въ Троицкомъ соборномъ храмѣ, я считаю долгомъ ходатайствовать предъ вашимъ преосвященствомъ о разрѣшеніи поставить ту св. икону въ новомъ иконостасѣ надъ царскими вратами, такъ чтобы по примѣру Кіево-Печерской лавры и другихъ св. мѣстъ, во время пѣнія молебна Царицѣ Небесной можно было опускать ее внизъ, по шшурамъ, и чествовать подобающимъ устолюбзаніемъ» ³⁾. Конечно всѣ предположенія неутомимаго о. игумена Іоасафа, имѣвшія своею конечною цѣлью благо управляемой имъ обители, утверждались епархіальнымъ начальствомъ, и результатомъ этого было то, что при началѣ осени 1866 года вся внутренность Троицкаго соборнаго храма была обновлена: въ немъ устроены четырехъ ярусный

¹⁾ Докладъ игум. Іоасафа отъ 7 февр. 1866 г., № 17.

²⁾ Тоже.

³⁾ Тоже.

гладкій иконостасъ въ византійскомъ стилѣ, вызолоченный червоннымъ золотомъ на полиментъ; иконы иконостаса были написаны новыя; св. престолъ облаченъ металлическою высеребренной одеждою, съ золоченными крестами по сторонамъ. Стоимость всѣхъ работъ выходила до 5000 р. и возобновленный древній храмъ 1 октября 1866 г. самимъ возобновителемъ его—игуменомъ Іоасафомъ—торжественно былъ освященъ. Приведемъ здѣсь свидѣтельство участника этого торжества, священника Алексія Братановскаго: «свои монастырскіе празяники, говоритъ онъ,— о. Іоасафъ отправлялъ сколько торжественно, столько же и духовно и назидательно. Служилъ обыкновенно въ такіе дни большимъ соборомъ, приглашая для сего, кромѣ монашествующихъ, и окрестныхъ священниковъ. За литургіей въ такіе дни просилъ одного изъ священниковъ произнести поученіе, имъ самымъ выбранное. Случилось быть на одномъ изъ такихъ торжествъ: на освященіи Свято-Троицкаго соборнаго храма обители, когда батюшка служилъ самъ двадцать первымъ. Что это было за торжество, что за праздникъ духовный! Въ 3 часа по обычаю отслужена была малая вечерня съ молебномъ; послѣ прочитано положенное правило. Затѣмъ разошлись во своя до девятаго часа, чтобы приготовиться къ молитвенному подвигу на всенощной. Въ 9 часовъ началась служба и продолжалась до часа за полночь. На другой день батюшка изволилъ выходить къ освященію и литургіи «со славою», предварительно исповѣдавшись у духовника своего. Продолжительно было это торжество, такъ какъ кончилось во второмъ часу; но мы вынесли все безъ особаго утомленія; а послѣ всѣ утѣшены были трапезой, растворенной любовію старца» ¹⁾.

Не довольствуясь однимъ внутреннимъ устройствомъ соборнаго храма, о. Іоасафъ и съ наружной стороны привелъ его въ прочное состояніе: обилъ ветхіе кирпичи вокругъ всего собора и придѣловъ, замѣнивъ ихъ новыми; обдѣлалъ цоколь новымъ кирпичемъ; устраивалъ въ стѣнахъ подпольныя продушины ²⁾. Еще съ 1863 г. онъ приступилъ къ сооруженію каменной ограды вокругъ всего монастыря, долженствовавшей замѣнить собою деревянную, ограждавшую обитель. Приступая къ этому дѣлу, онъ просилъ разрѣшенія отнести ее съ сѣверной стороны далѣе черты прежде существовавшей, что ему и было разрѣшено епископомъ Христофоромъ. Получивъ настоящее разрѣшеніе, онъ въ три раза увеличылъ внутреннюю площадь монастыря. Въ началѣ 1866 года дѣло устройства ограды находилось въ слѣдующемъ состояніи: «съ восточной стороны ограда велась на протяженіи 52 саж., вышиною въ 4 арш., и по обѣимъ сторонамъ ея поставлены башни, имѣющія въ окружности каждая по 5 саж. Съ сѣверной стороны выводится ограда на 82 саж. протяженія, такой же высоты. При чемъ къ сѣверо-западу сложена по-

¹⁾ «Бывшій настоятель Павло-Обнорскаго монастыря игуменъ Іоасафъ, въ схимничествѣ Серафимъ». *Свящ. А. Братановскаго*; «Вологод. Епарх. Вѣдом.» 1885 г., № 2 стр. 45.

²⁾ Именная вѣдомость о постройкахъ 1866 г.

ловниа башни, въ окружности также 5 сажений, а на юго-западъ ни одной не сдѣлано, ни прежде никогда не было. Еще же отъ братскаго корпуса къ юго-западному углу каменная стѣпа ветха и ведена была неправильно кривою линіею въ отношеніи къ новой кладкѣ», а потому Іоасафъ просилъ разрѣшеніе—сломать старую каменную стѣнку, и вмѣсто нея устроить новую, съ четвертою башнею на юго-западномъ углу, предполагая приступить къ этимъ работамъ съ лѣта 1866 года, выравнивая для сего всю западную площадь монастыря»¹⁾. При концѣ настоятельства въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ игумена Іоасафа мы уже видимъ вокругъ всего монастыря ограду каменную, съ четырьмя по угламъ ея башнями, устроенную въ 1863—1865 г.г., съ двумя воротами: деревянными съ восточной и каменными—съ западной стороны. Последнія устроены въ 1874 году съ небольшими надъ ними тремя главками и крестами. Съ южной стороны ограды въ 1875 году въ ней устроено 8 каменныхъ подземныхъ подваловъ прямою линіею на протяженіи 20 сажений. Надъ восточными воротами игумень предполагалъ создать когда-либо каменный, небольшой, особый храмъ, посвятивъ его честной иконѣ Благой Вратарницы—Иверской, но мысль свою уже не успѣлъ привести въ осуществленіе.

Съ дѣломъ сооруженія этой ограды тѣсно связано нѣкое обстоятельство, при которомъ о. Іоасафомъ обнаружены глубоко-благоговѣйныя чувства его къ своему св. великому старцу Серафиму, за что достойный ученикъ потерпѣлъ нѣкотораго рода непріятности. Дѣло обстояло такъ: въ 1864 году на возводимой имъ каменной западной сторонѣ монастырской ограды о. Іоасафъ безъ всякаго кого-бы то ни было разрѣшенія задумалъ росписать ее живописными изображеніями въ которыхъ событій изъ жизни Преподобнаго Серафима и дѣйствительно уже написалъ семь такихъ картинъ. Отъ кого-то изъ его недоброжелателей, которые явились у него и здѣсь, послѣдовалъ доносъ консисторіи на эти дѣйствія игумена. Провѣрить справедливость его возложено было на грязовецкаго протоіерея, которому о. Іоасафомъ и даны подлежащія объясненія, послѣ чего ояъ продолжалъ свои работы. 19 го ноября 1864 года послѣдовалъ указъ (№ 6352) консисторіи, въ которомъ читаемъ: «къ данному вами, настоятелемъ, игуменомъ Іоасафомъ 30 августа сего 1864 года протоіерею Грязовецкаго Христорождественскаго собора Стефану Кубеницкому показанію потребовать отъ васъ въ дополненіе объясненія: почему вы, вопреки совѣту благочиннаго, усмотрѣвшаго самовольно производимую вами живопись на монастырской стѣнѣ, которой уже написано было семь картинъ, не могли остановиться до особаго разрѣшенія епархіальнаго начальства, продолжали оную, и по прибытіи въ монастырь въ концѣ августа назначеннаго для изслѣдованія протоіерея Кубеницкаго уже найдено имъ написанныхъ двѣнадц-

¹⁾ Докладъ игум. Іоасафа отъ 8 февраля 1866 г., № 19.

цать картинъ; равнымъ образомъ бы объяснили: почему благочинному въ бытность его въ монастырѣ не представили приходо-расходныхъ книгъ?» Неизвѣстно, какое объясненіе представилъ игумень Іоасафъ на этотъ грубѣйшій указъ, въ каждомъ словѣ, каждомъ выраженіи котораго слышится нескрываемое злорадное желаніе учрежденія дать понять подчиненному ему лицу, осмѣливающемуся не о каждомъ своемъ шагѣ и движеніи доносить ему, испрашивая его милостиваго разрѣшенія, свою силу и значеніе; но результатомъ было совершенное уничтоженіе уже написанныхъ картинъ, несомнѣнно служившихъ къ поднятію религіознаго духа въ посѣщавшихъ монастырь богомольцахъ. Но горячее желаніе о. Іоасафа, чтобы священное изображеніе его великаго св. старца блистало во вѣрненной ему обители, выразилось въ другомъ мѣстѣ. Въ 1871 году на добротныя жертвы почитавшихъ его лицъ отливая на ярославскомъ заводѣ Оловянишникова благозвучный большой колоколь въ 326 пуд. 10 фунт. для обители Преподобнаго Павла, о. Іоасафъ въ числѣ другихъ священныхъ на немъ изображеній распорядился отлить и изображеніе блаженной кончины Преподобнаго Серафима. Такъ онъ любилъ, такъ чтилъ своего великаго наставника въ духовной жизни, такъ служилъ прославленію его свѣтлой памяти, такъ старался вездѣ, гдѣ можно, сѣять сѣмена вѣры и любви къ Преподобному Серафиму въ сердцахъ людей боголюбивыхъ!..

Къ счастью обители Преподобнаго Павла и настоятеля ея, о. игумена Іоасафа, въ томъ же 1866 году, къ которому относится исторія съ картинами изъ жизни Преподобнаго Серафима, на вологодскую епископскую кафедру назначенъ былъ преосвященный Павелъ (Доброхотовъ). «Сказываютъ,—пишетъ въ своей статьѣ объ о. Іоасафѣ свящ. А. Братановскій ¹⁾,—что преосвященному сему, когда онъ былъ мальчикомъ, о. Серафимъ Саровскій, благословляя, сказалъ въ присутствіи о. Іоасафа: «учись, учись,—архіерей будешь». Они встрѣтились какъ старые знакомые и рады были видѣть другъ друга. Сказывали, что сей владыка намѣренъ былъ представить о. Іоасафа во архимандрита, но онъ рѣшительно отклонилъ отъ себя такую честь по смиренію своему». Подтверженіемъ справедливости свидѣтельства о. Братановскаго о благорасположеніи епископа къ игумену служить резолюція перваго о состояніи Павловой обители за 1867 г.: «за благоустроеніе монастыря и братіи объявить достопочтеннѣйшему о. игумену Іоасафу мою искреннюю благодарность за его неутомимые труды и усердіе благословеніе Божіе---со внесеніемъ сего въ послужной его списокъ и съ отпечатаніемъ о семъ въ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ» ²⁾. Пользуясь милостивымъ расположеніемъ къ себѣ своего архипастыря, о. Іоасафъ въ началѣ 1867 года просилъ его благословенія и разрѣшенія на устройство, въ 50 сажняхъ отъ восточной стѣны монастыря, на насыпанномъ искусственномъ холмѣ «рода скита, ду-

¹⁾ Вологодск. Епарх. Вѣдом. 1885 г., № 2.

²⁾ Ук. Вологодск. духовн. консист. 7 февр. 1868 г., № 1105.

ховнаго разсадника», съ трехпрестольнымъ въ немъ храмомъ, съ посвященіемъ главнаго изъ нихъ Воскресенію Христову, въ воспоминаніе чудеснаго видѣнія Преподобнымъ Павломъ въ Свѣтоносную ночь блистанія небеснаго свѣта, осіявшаго собою то мѣсто, на которомъ нынѣ стоитъ монастырь его. Епископъ Павелъ отвѣтилъ такую резолюцію: «всѣ предпріятія о. игумена къ благоустроенію и украшенію вѣренной ему обители я одобряю и разрѣшаю—и Богъ да благословитъ и поможетъ ему все это привести къ желаемому концу. Дать знать о семъ о. настоятелю, съ отсылкою къ нему и приложенной при семъ докладной записки губернскаго архитектора о замѣченныхъ поврежденіяхъ и прочемъ. г. Иваницкаго—на усмотрѣніе о. настоятеля игумена Іоасафа»¹⁾. Черезъ нѣсколько послѣ того дней ему официально сообщалось: «Вологодская духовная консисторія слушала отношеніе строительнаго отдѣленія Вологодскаго губернскаго правленія, съ препровожденіемъ проэкта на постройку каменной церкви въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ, который разсмотрѣнъ тѣмъ отдѣленіемъ и утвержденъ г. исправляющимъ должность начальника губерніи, съ присовокупленіемъ, что постройка означенной церкви можетъ быть производима не иначе, какъ подъ наблюденіемъ архитектора или другого техника. При семъ возвращается означенный чертежъ для постройки по оному каменной церкви»²⁾.

Но о. Іоасафу необходимо было только заручиться надлежащимъ разрѣшеніемъ, что сдѣлавъ, онъ, поручивъ каменщикамъ дѣло, указавъ имъ вести постройку совершенно вопреки даже техническимъ требованіямъ, подъ своимъ личнымъ и непосредственнымъ наблюденіемъ, съ братією монастыря и всегда наполнявшими его во дни его настоятельствованія усердствующими богомольцами, неустанно трудился отъ ранней утренней зари до глубокаго вечера, такъ что созиданіе храма шло чрезвычайно быстро и безостановочно. Разсказываютъ, что въ то время, когда рабочіе обѣдали или отдыхали, добровольная работная дружина подъ главенствомъ игумена заготовляла для нихъ необходимый матеріалъ, такъ что никогда не было момента, чтобы каменоздатели могли пожаловаться на какую-либо задержку. Никто не могъ понять: почему игумень такъ спѣшитъ съ постройкою и ея окончаніемъ? И это объясняется только теперь, спустя почти полвѣка, о чемъ скажемъ ниже. Какъ бы то ни было, а въ іюнѣ 1869 года храмъ былъ законченъ. И вотъ что читаемъ мы объ этомъ въ мѣстномъ епархіальномъ печатномъ органѣ:³⁾ «настоятель Павло-Обнорскаго монастыря, для поднятія духа монашествующей братіи, съ благословенія его преосвященства, на жертвы разныхъ боголюбивыхъ благотворителей и благотворительницъ. въ 1867 г. рѣшилъ устроить «родъ скита» за монастыремъ въ 50 саженьяхъ—на холмѣ; срѣзавъ верхушку сего холма

1) Указъ Вологодской духовн. консист. 9 марта 1868 г. № 1911.

2) Вологодскія Епарх. Вѣдом. 1869 г., №№ 14—15.

3) То-же.

(на 40 саж. въ діаметрѣ), обложилъ его до низу со всѣхъ сторонъ (холмъ этотъ «теперь» круглой формы) дерномъ, окружилъ дорожкой, усаженною деревьями. На вершинѣ холма—по краямъ—провелъ также дорожку, усыпанную крупнымъ пескомъ и усаженную деревьями;—остальное пространство, раздѣливъ дорожками на участки усаженные (пока) малинникомъ,—оставилъ для разведенія сада;—а на самой срединѣ на 13 саж. въ длину и 7 саж. въ ширину выстроилъ каменную о 13 (большихъ и малыхъ съ крестами) главахъ церковь, въ которой собственно церковь помѣщается въ верхнемъ этажѣ, нижній же этажъ оставленъ подъ жилище нѣкоторыхъ изъ монашествующихъ».

«Для входа въ церковь устроилъ съ южной стороны холма отъ низу деревянныя широкія ступени (и отъ гостинницы и отъ монастыря—числомъ по 19 ступеней до досчатой площадки со столярными барьерами, и 9 ступеней на верхъ самаго холма), а по вершинѣ холма выложенную изъ кирпича широкую дорожку (такая же кирпичная дорожка сдѣлана кругомъ всей церкви у стѣнъ ея) до самаго крыльца церкви. Это крыльцо (каменное) устроено для входа (съ южной и сѣверной сторонъ) прямо снаружи во второй этажъ храма (для сего сдѣлано 17 деревянныхъ широкихъ ступеней до площадки и еще отъ площадки 5 ступеней въ притворъ церковный). Прекрасный двухъярусный вызолоченный иконостасъ съ иконами очень хорошей живописи по золотому полю заключаетъ въ себѣ три престола: посрединѣ—Воскресенія Христова, съ правой стороны (отъ входа въ церковь)—Покрова Пресвятыя Богородицы и съ лѣвой—Всѣхъ Святыхъ. Архіерейская свита для освященія прибыла въ монастырь 3 іюля 1869 года. Преосвященный же Павелъ выѣхалъ изъ Вологды по уѣзду 3 іюля и по осмотрѣ 11 церквей (на 10-верстномъ пространствѣ отъ почтоваго тракта) по пути къ Грязовцу, ночевалъ въ Корниліевомъ монастырѣ, 4-го іюля, обзрѣвъ на дорогѣ еще одну церковь «Николаевскую на Пеньѣ», приѣхалъ въ Павло-Обнорскій монастырь во 2-мъ часу по-полудни. Освященіе совершалось три дня 5, 6 и 7 числа іюля. Начиная съ 4 числа каждый разъ преосвященный служилъ всенощное бдѣніе, по обыкновенію, помазывая всѣхъ освященнымъ елеемъ и на пути въ келлію благословляя всякаго подходящаго. Народу всякій разъ было великое множество. Для освященія главнаго престола, антиминосъ и мощи находились на престолѣ главной монастырской церкви Св. Троицы, а для освященія придѣловъ—на новоосвященномъ Воскресенскомъ престолѣ. Особенностію при семъ было то, что преосвященный всякій разъ при семъ возлагалъ сверху антиминоса и мощей мѣдныи крестъ Преподобнаго Сергія Радонежскаго, постоянно въ прочее время паходившійся на ракъ Преподобнаго Павла Обнорскаго, сямъ же крестомъ осѣнялъ народъ на всѣ четыре стороны свѣта по совершеніи освященія. Въ первый день освященія—5 іюля—крестный ходъ былъ изъ монастырской Троицкой церкви кругомъ новоосвященной церкви по кирпичной до-

рожкѣ, что близъ самаго храма; во второй день—6 іюля—крестный ходъ былъ изъ новоосвященной церкви—по дорожкѣ, что проведена по краямъ вершины холма; а въ 3-й день—7 числа—крестный ходъ спустился по ступенямъ внизъ холма и, обошедъ кругомъ его по нижней дорожкѣ, поднялся тѣмъ же путемъ въ церковь. 5 іюля—предъ осѣненіемъ на всѣ четыре стороны свѣта былъ отслуженъ молебенъ Преподобному Сергію Радонежскому и Преподобному Павлу Обнорскому, съ прочтеніемъ особыхъ молитвъ каждому изъ нихъ, 6 іюля предъ осѣненіемъ—послѣ сугубой эктении и возгласа—читана была молитва Покрову Пресвятыя Богородицы (а по окончаніи литургіи, послѣ прочтенія указа Св. Синода, молебенъ по случаю крещенія Великаго Князя Александра Александровича). 7-го же числа предъ тѣмъ же осѣненіемъ прочитана была молитва Всѣмъ Святымъ. Въ каждый изъ сихъ дней по совершеніи освященія—при выходѣ изъ алтаря на облачальное мѣсто—преосвященнымъ произносимо было приличествующее слово. Многолѣтіе каждый разъ провозглашаемо было Государю Императору съ Царствующимъ Домомъ, Св. Синоду съ епархіальнымъ архіереемъ, строителямъ храма, жертвователямъ и благотворителямъ обители, настоятелю и наконецъ всей Вологодской паствѣ и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Богомольцевъ было чрезвычайно много: изъ Любима, Пошехонья, Данилова и Ярославля (одно семейство пріѣхало даже изъ Петербурга), изъ Вологды, Грязовца и окрестныхъ сель. Богослуженіе каждый разъ начиналось въ 9 часовъ утра и только въ 2 часа по-полудни преосвященный возвращался въ свою келлію. Погода во все время (кромѣ 5-го числа, когда во 2-мъ часу прошелъ дождикъ, но чрезъ часъ небо прояснилось) была превосходная. Въ 7-мъ часу вечера 7-го числа преосвященный выѣхалъ изъ монастыря при горячихъ благословеніяхъ всѣхъ провожавшихъ». Замѣчательно, что 7-го числа, когда преосвященный совершалъ здѣсь освященіе послѣдняго придѣла, въ тотъ же день въ далекомъ Петербургѣ состоялось Высочайшее утвержденіе доклада Св. Синода о перемѣщеніи его на кафедру древняго г. Искова. На Вологодской кафедрѣ преосвященный Павелъ пробылъ ровно столько, сколько было необходимо для завершенія начатаго о. игуменомъ Іоасафомъ дѣла, и въ тотъ же день, какъ оно заканчивается, *взметется во ину страну* и искренно расположенный къ нему архипастырь, безъ котораго дѣло это едва-ли бы могло быть и начатымъ. Мы, по крайней мѣрѣ, лично склонны здѣсь видѣть пути Промысла Божія, побуждавшаго о. Іоасафа такъ спѣшить съ нимъ. Самая же смѣлость устройства такого обширнаго храма на искусственномъ насыпномъ холмѣ даетъ приблизительное понятіе о необычайной энергіи и предприимчивости дѣятельнѣйшаго игумена.

Если пламенная и глубочайшая вѣра движетъ горами, то та же вѣра можетъ создавать ихъ и на равнинахъ. Кромѣ восточнаго холма о. Іоасафомъ при одинаковыхъ же условіяхъ насыпанъ былъ такой же

холмъ, даже одинаковой съ предыдущимъ высоты и объема, и на западной сторонѣ монастыря. Онъ назвалъ его *Головою*, въ самой срединѣ площади его устроивъ деревянную осмиугольную часовню въ воспоминаніе крестныхъ страданій Спасителя, поставивъ въ ней Распятіе съ предстоящими ему деревянными рельефными изображеніями Богоматери и Іоанна Богослова. На Голгоетскомъ холмѣ, о. Іоасафъ предполагалъ устроить обширный храмъ во всю ширину площади его, съ нѣсколькими алтарями, въ воспоминаніе событіи послѣднихъ дней земной жизни Спасителя; стѣны этого храма предполагалось замѣнить деревянными застекленными рамами, защищенными съ наружной ихъ стороны мелкою проволоочною сѣткою, такъ что внутреннее расположеніе храма могло бы быть видимымъ снаружи. Въ виду особенностей техники сооружения этого храма потолокъ его предполагался деревянный, самой легкой тяжести. Но этому предположенію о. Іоасафа уже не суждено было осуществиться. Оба холма—восточный и западный—симметрично обсажены по склонамъ вѣчно зеленѣющими вѣтвями, теперь достигшими внушительной высоты и скрывающими отъ взора происходящее внизу ихъ, представляютъ сладостный и очаровательный уголокъ для уединенныхъ глубокихъ думъ и созерцаній въ ненарушаемой никѣмъ тишинѣ. На юго-западной сторонѣ обители, на противоположной ей правой сторонѣ р. Нурмы, устроены двѣ деревянные осмиугольныхъ часовни—надъ кладеземъ Преподобнаго Павла и мѣстомъ его убогой отшельнической келліи. По вершинѣ и склонамъ этого рѣчного берега игуменомъ искусственно разведены еловая и сосновая рощи, съ симметрично идущими въ нихъ рядами деревьевъ, нынѣ достигшихъ уже весьма внушительной высоты, тогда какъ до прибытія сюда о. Іоасафа было здѣсь совершенно голое мѣсто, да къ тому же вдобавокъ принадлежавшее крестьянамъ окрестныхъ селеній. Въ одномъ глухомъ уголкѣ этой роши собственными руками трудолюбца игумена, въ совершенной тайнѣ отъ другихъ, ископанъ средней величины прудъ, стройно обсаженный еловыми деревьями, въ глубинѣ которыхъ лежитъ камень огромныхъ размѣровъ, въ воспоминаніе великаго молитвеннаго подвига Преподобнаго Серафима Саровскаго, съ прикрѣпленнымъ предъ нимъ деревяннымъ крестомъ. Здѣсь впоследствии о. Іоасафомъ устроена была и малая деревянная келлія, съ находившимися около нея грядами, куда въ рѣдкія минуты свободы уединялся игумень; а кто знаетъ,— быть можетъ, на камнѣ этомъ, подражая своему великому учителю, въ тиши ночной изливалъ онъ свои пламенные молитвы предъ Богомъ?!. Лѣсная дебрь твердо хранитъ и никому не рассказываетъ довѣренныхъ ей тайнъ. Вслѣдствіе того, что р. Нурма подтекала къ юго-восточной сторонѣ ограды монастырской крутою излучиною, образующею полуостровъ, и подмывала ее своими водами, неутомимый труженикъ задумалъ отважную борьбу съ самою природою: въ предотвращеніе этого вреда перешеекъ названнаго полуострова былъ перерѣзанъ каналомъ въ 103 саж.

длины, и чрезъ то теченію рѣки было дано другое направленіе, а на ея прежнемъ ложѣ образовались прекрасныя монастырскіе овощныя огороды, избытокъ же земли отъ проложенія новаго русла послужилъ матеріаломъ для сооруженія вышеномянутыхъ холмовъ.

Перечисленными трудами далеко еще не исчерпывается вся многополезная и разнообразѣйшая дѣятельность о. игумена Іоасафа по благоустроенію Павлова монастыря, находившаяся въ тѣсной связи и съ другими условіями. Еще въ 1863 г., вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго 14 апрѣля 1861 года опредѣленія Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскихъ обывателей, выданы, по указу вологодской духовной консисторіи ¹⁾, увольнительныя свидѣтельства всѣмъ штатнымъ монастырскимъ служителямъ и штатнослужительскимъ дѣтямъ, для избранія ими, по желанію ихъ, другаго рода жизни и занятій, съ прописаніемъ всего состава ихъ семействъ, званія и времени приписки ихъ въ штатные служители ²⁾. Но этимъ еще не закончились отношенія бывшихъ штатныхъ служителей къ монастырю, самовольно образовавшихъ у стѣпъ его цѣлое поселеніе, состоявшее изъ 15—17 дворовъ, существованіе котораго въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ нимъ и ранѣе признавалось нежелательнымъ, какъ нарушавшее тишину обители и вредно отзывавшееся на экономическихъ ея интересахъ; теперь же, при вводимыхъ здѣсь о. Іоасафомъ порядкахъ строгаго благочинія и полнѣйшей хозяйственности, оно дѣлалось совершенно нетерпимымъ. Напрасно игумень многократно убѣждалъ слободскихъ жителей переселиться въ другія селенія: они упорствовали и отъ монастыря и съ земли его уходить не хотѣли. Тогда игумень пророчесвенно сказалъ имъ, что Богъ и Его Угодникъ—Преподобный Павелъ строго накажутъ ихъ за ихъ упорство. И слово его сбылось съ поразительною точностію: когда въ холеру 1870 г. всѣ обитатели монастыря оставались живыми, здоровыми и невредимыми, въ слободкѣ открылась страшная смертность: не было дома, изъ котораго эпидемія не взяла бы своихъ жертвъ, нѣкоторыя изъ нихъ оставивъ совершенно пустыми. Страхъ и ужасъ навело это на непокорныхъ поселянъ, увидавшихъ въ постигшемъ ихъ бѣдствіи кару Господню за преслушаніе старческой воли, и они со смиреніемъ изъявили о. Іоасафу готовность исполнить его желаніе. Игумень каждаго изъ нихъ снабдилъ достаточными денежными суммами, помогая устройству ихъ поселенія въ различныхъ деревняхъ, а монастырь къ своему незначительному земельному участку присоединилъ и земельные участки бывшей Подмонастырной слободы: пахотной—17 дес., луговой—16 дес., неудобной—49 дес. 776 саж.; всей—82 дес. 776 саж. Это случилось еще въ 1870 г., а чрезъ годъ исполнилось и искреннее желаніе о. Іоасафа—возвратить въ собственность монастыря то мѣсто, на которомъ нѣкогда

¹⁾ Отъ 19 марта 1863 г. № 1937.

²⁾ Журналъ исходящихъ по Павло-Обнорскому монастырю бумагъ за 1863 г., 9 апр. №№ 28—37.

стояла убогая пустынная куца его Преподобнаго Первоначальника и гдѣ находился ископанный преподобными его руками кладезь. Для приобрѣтенія его о. Іоасафъ употребилъ значительную денежную сумму, уплаченную владѣльцамъ его—крестьянамъ деревень: Звягина, Крутца, и Кокорева, общественными приговорами своими постановившимъ продать монастырю 27 дес. 210 саж. неудобной земли и находившейся подъ кустарникомъ 13 дес. 174 саж. ¹⁾. Еще въ 1867 г. игуменъ возбуждалъ надлежащее ходатайство о надѣленіи монастыря лѣсною дачею, о чемъ такъ безуспѣшно хлопотали его предшественники, и отъ него потребовали точнаго указанія желаемой и просимой имъ дачи ²⁾. Онъ указалъ, и въ 1871 г. монастырь получалъ три лѣсныхъ дачи съ 154 дес. 1248 саж., отстоящія отъ обители въ 15—20 верстахъ, извѣстныя подъ именемъ: Чистяковской, Скудеркинской и Отхожей. И такимъ образомъ около монастыря составилъ довольно приличный земельный участокъ, содержащій въ себѣ земли пахотной, луговой и другихъ наименованій 157 дес. 2261 саж. Исходатайствовалъ онъ также у казны отведеніе монастырю мукѣмольной мельницы, находившейся въ 4 верстахъ отъ него, внизъ по теченію р. Пурмы, подъ упраздненнымъ Спасо-Нуромскимъ монастыремъ. Передана она была Павлову монастырю въ 1870 году, хотя въ фактическое обладаніе ею онъ вступилъ лишь въ 1874 г., когда окончился срокъ аренды снмавашаго ее у казны лица; въ 1876 г. казною же нарѣзано земли вокругъ этой мельницы для укрѣпленія гати 5 десятинъ. По уваженію къ о. игумену Іоасафу, вслѣдствіе его просьбы, грязовецкимъ обществомъ въ 1877 г. отведенъ былъ участокъ земли въ 1 дес. 150 саж. при желѣзнодорожномъ вокзалѣ, на которомъ тотчасъ же была устроена каменная часовня въ древне-русскомъ стилѣ XVII вѣка, явившаяся здѣсь вмѣсто таковой же ветхой, деревянной, находившейся отъ монастыря въ четырехъ верстахъ, при большой дорогѣ. При новой часовнѣ построенъ новый деревянный домъ съ конюшнею и дворомъ, а весь земельный участокъ обнесень оградою—съ западной и южной каменною, а съ сѣверной и восточной сторонъ—деревянною. Въ самой обители о. Іоасафъ благоустроилъ оба существовавшіе здѣсь каменные корпуса, обивъ внутри, такъ называемый, «конюшенный» тесомъ; заново отремонтировалъ два деревянныхъ гостинныхъ дома, находившихся за монастыремъ, на восточной сторонѣ его; въ чертѣ монастырской ограды развелъ фруктовый садъ, устроилъ овощныя огороды и все свободное пространство его засадилъ малинникомъ. Словомъ, не было уголка и предмета, который бы не былъ обязанъ игумену Іоасафу чѣмъ-либо, къ которому бы не была приложена его поистинѣ изумительная энергія и всезнаніе!

Мы далеко не выполнили бы лежащей на насъ обязанности, если бы прошли молчаніемъ заботы о. игумена Іоасафа о храмѣ, въ кото-

¹⁾ Вѣдом. о количествѣ зем. Павло-Обнорскаго мон. 1890 г.

²⁾ Указъ Вологод. дух. консист. отъ 11 марта 1868 г., № 2270.

ромъ почиваютъ въ нѣдрахъ земли св. мощи Преподобнаго Первоначальника обители. И если заботясь о сооруженіи и благоустроеніи другихъ монастырскихъ зданій настоятель еще не принималъ особенныхъ энергичныхъ мѣръ по отношенію къ нему, то имѣлъ на это, несомнѣнно, свои и довольно уважительныя причины и основанія. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы имъ совершенно не предпринималось никакихъ мѣръ къ лучшему его благоустройству, къ чему побуждало его даже и само епархіальное начальство, знавшее о томъ, что храмъ этотъ состоитъ изъ двухъ этажей, съ особою въ каждомъ изъ нихъ церковію Преподобныхъ Отецъ: Павла Обнорскаго (нижнему) и Сергія Радонежскаго (верхнему). Такъ на журналѣ консисторіи отъ 11 декабря 1861 г. о выдачѣ сборнои книги на имя монаха Агаангела и послушника Леонида Юлива на устройство церковныхъ зданій Павло-Обнорскаго монастыря, епископъ Христофоръ положилъ резолюцію: «предписать игумену Иоасафу, чтобы онъ къ исправленію обветшавшаго иконостаса и св. иконъ въ верхнемъ храмѣ во имя Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца, въ коемъ богослуженіе совершается только два раза въ годъ, употребилъ стараніе пригласить усердныхъ благотворителей и любителей благолѣпія домовъ Божіихъ» ¹⁾. И съ 1863 г. произведена была внутренняя отдѣлка этого храма, состоявшая въ окраскѣ его масляною краскою, чѣмъ пока и закончились относительно его всѣ мѣропріятія дѣятельнаго настоятеля. Собраннымъ съ силами и средствами, съ разрѣшенія преосв. Θεодосія, въ виду крайней тѣсноты и вслѣдствіе осадки фундамента, въ 1875 г. игумень Иоасафъ разобралъ древній (XVI вѣка) храмъ до основанія, при чемъ одинаковой съ нимъ участи подверглась и старая шатрообразная колокольня. 28 августа 1875 г. епископомъ Θεодосіемъ совершена была закладка новаго храма, имѣвшаго видъ удлиненнаго четвероугольника въ византийскомъ стилѣ, въ 10 саж. длины, 7—ширины и соотвѣтствующей высоты, который, по окончаніи, украсился одною весьма красивою главою, покрытою англійскимъ желѣзомъ и по продольнымъ закругленнымъ гранямъ усаженною золочеными звѣздками. Лѣвою, сѣвѣрною стороною, новый храмъ соединялся съ главнымъ древнимъ Св. Троицы и сводами своими опирался на четыре внутреннія колонны, между которыми, на правой сторонѣ, находится мѣсто посмертнаго покоя Преподобнаго Павла. Въ семь храмѣ расположены въ одну линію три алтаря, съ выдающимися на востокъ абсидами (подкружіями) ихъ; средній изъ нихъ въ честь Корсунской иконы Божіей Матери, правый — Преподобнаго Павла Обнорскаго, а лѣвый — Преподобнаго Сергія Радонежскаго. Всѣ три алтаря отдѣлялись отъ остальныхъ частей храма невысокимъ двухъяруснымъ рѣзнымъ иконостасомъ, вызолоченнымъ по полименту, и возвышался отъ остальныхъ частей на три ступени, съ деревянными рѣшетками на солеѣ. Стѣны

¹⁾ Ук. Вологодской дух. консист. отъ 16 дек. 1861 г., № 3258.

сего храма, равно какъ и Троицкаго, были украшены живописными изображеніями священныхъ событій и нѣкоторыхъ угодниковъ Божіихъ. Св. иконы всѣхъ трехъ иконостасовъ высокой художественной кисти были работы инокинь Серафимо-Понетаевскаго монастыря. Онѣ отличались отъ другихъ тою особенностію, что изображенные на вѣжнѣйшемъ фонѣ небснаго цвѣта, имѣли какое-то особо умиротворяющее вліяніе на молящихся: здѣсь не было того строго-суроваго византійскаго аскетизма. не было Церкви воинствующей—была Церковь торжествующая, небсная; вмѣсто суровыхъ аскетовъ, ведущихъ непримиримую ожесточенную брань съ грѣхомъ во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, на молящихся взирали лики святыхъ ясные, спокойные, съ отпечаткомъ вкушаемаго ими небснаго блаженства, и этимъ сообщали находившимся въ храмѣ мирное, спокойное и радостное состояніе духа, невольно обращая мысль вѣрующихъ къ радостнымъ и присноблаженнымъ обителямъ, *ихже уготова Богъ любящимъ Ею*. Настоящій храмъ былъ освященъ 25, 27 и 29 августа 1879 года, уже по выbytіи о. Іоасафа изъ Павло-Обнорской обители въ Высокогорскую пустыню, вологодскимъ епископомъ Θεодосіемъ.

Не довольствуясь устройствомъ храма, о. Іоасафъ позаботился и о достойномъ благоукрашеніи мѣста, подѣ которымъ почиваютъ св. мощи Преподобнаго Павла, находящагося въ аркѣ между двумя столбами въ сѣверной сторонѣ придѣла его имени. Для поставленія надъ ними онъ заказалъ извѣстному художнику С. Ѳ. Верховцеву великолѣпную раку, съ сооруженіемъ надъ нею деревянной вызолоченной сѣни, задрапированной малиновымъ бархатомъ; она была устроена изъ чистаго серебра 84 пробы, вѣсомъ 5 пуд. 15 фун. 43 золот.; длина раки—3 арш.; высота 1 арш. 3 вершк.; ширина 1 арш.; съ серебрянымъ горельефнымъ изображеніемъ на крышѣ Преподобнаго, въ стилѣ временъ Людовика XV, т. наз. *«рококо»*. По бокамъ были такія же изображенія изъ земной жизни его: а) міряне посѣщаютъ Преподобнаго Павла въ пустынѣ; б) митрополитъ Фотій принимаетъ къ себѣ Преподобнаго Павла и даруетъ ему свою одежду, съ приложеніемъ вклада на созданіе монастыря; в) Преподобный Павелъ назначаетъ настоятелемъ обители ученика своего Алексія и г) Преподобный Павелъ въ послѣднія минуты жизни поучаетъ и благословляетъ братію. На нижнемъ карнизѣ раки была слѣдующая надпись: «сія гробница устроена въ царствованіе Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, Самодержца Всероссійскаго, по архипастырскому благословенію преосвященнаго Θεодосія, епископа вологодскаго и устюжскаго, при настоятелѣ Павло-Обнорскаго монастыря игуменѣ Іоасафѣ и братіи, усердіемъ добротныхъ дателей (главнымъ образомъ с.-петербургскаго купца Константина Шестакова) въ лѣто отъ Рождества Христова 1878». Внутренность гробницы была обита малиновымъ бархатомъ; цѣнность же всей раки простиралась до 10000 рублей. Образъ Преподобнаго, возлежав-

шій въ гробницѣ, былъ украшенъ сребропозлащенной ризою, съ такимъ же вѣнцомъ. Для предохраненія рака кругомъ была обложена стекляннымъ футляромъ.

О. Иоасафомъ для этого же храма выписаны были съ Аэона: «Иверская» икона Богоматери и св. иконы Великомученика и Цѣлителя Пантелеимона, и устроены: металлическій (накладнаго серебра) и деревянный ковчеги для храненія многихъ частицъ св. мощей различныхъ угодниковъ Божіихъ, имъ же пріобрѣтённыхъ, въ числѣ которыхъ находились и власы Преподобнаго Серафима Саровскаго и мѣдный крестъ, которымъ Преподобный Сергій благословилъ Преподобнаго Павла на пустынное безмолвіе. Ризница монастырская при его настоятельствѣ обогатилась многими предметами священной утвари, оставшейся въ послѣдіе обители въ слѣдующемъ количествѣ: нѣсколько (12) богато украшенныхъ Св. Евангелій; св. сосудовъ серебряныхъ съ приборами 7 и 1 оловянный; 5 серебряныхъ дарохранильницъ, 4 накладнаго серебра и 1 оловянная; 3 серебряныхъ кадила; 1 серебряный водосвятный сосудъ и 1 накладнаго серебра; 1 мѣдный седмисвѣщникъ; 2 мѣдно-посребренныхъ трехсвѣщника; 1 приборъ для благословенія хлѣбовъ и 1 панныдний; напрестольныхъ крестовъ—13; воздуховъ и покрывцевъ—36; кованное накладнаго серебра напрестольное облаченіе; 10 другихъ такихъ же разной парчи; 8 напрестольныхъ пеленъ; аналогіиныхъ облачений и пеленъ—9; ризъ—75, изъ нихъ лучшихъ—54; епитрахилей—74, изъ нихъ лучшихъ—56; поручей—29, подризниковъ—34; препоясовъ—16, набедренниковъ—35, палицъ—11, стихарей—41, изъ коихъ лучшихъ—37, орарей лучшихъ—20, среднихъ—10. Множество и иного сдѣлано о. Иоасафомъ для обители вообще и для ризницы въ частности; но не любя *трубить предъ людьми* о своихъ дѣяніяхъ, онъ по своему глубокому смиренномудрію не желалъ, чтобы и послѣ него былъ матеріалъ для этого, почему, не ведя никакой записи своимъ пріобрѣтеніямъ и постройкамъ, шелъ въ этомъ отношеніи еще далѣе: тотчасъ же уничтожалъ всѣ официальные бумаги, которыми ему разрѣшалось сдѣлать то или иное. И если мы и имѣемъ возможность говорить объ этихъ трудахъ его на основаніи документальныхъ данныхъ, то обязаны сохраненіемъ ихъ простой и для насъ весьма счастливой случайности.

Одинъ наивозможно кратчайшій перечень только крупнѣйшихъ и наиболѣе замѣчательнѣйшихъ сооруженій и пріобрѣтеній, сдѣланныхъ о. Иоасафомъ за время его настоятельской дѣятельности въ обители Преподобнаго Павла, не упоминая уже мелкихъ и не настолько видныхъ, показываетъ, какъ много нужно было потрудиться этому необыкновенно дѣятельному челоуку, какъ много нужно было имѣть и нравственныхъ силъ, чтобы на одномъ себѣ вынести всю тяготу непосильныхъ для многихъ другихъ трудовъ, какъ необходимы были при этомъ и великія матеріальные средства. Принявъ монастырь съ 22 ко-

пейками наличныхъ денегъ, онъ употребилъ на строительное и созидательное дѣло болѣе 200 тысячъ рублей. Эту огромную сумму разновременно дала ему частію любовь его почитателей, частію же она составлялась чрезъ посредство сборщиковъ, посылавшихся имъ въ различные концы Руси великой, до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Сибири включительно. «Вотъ, отецъ мой, говаривалъ о. Іоасафъ священнику А. Братановскому, — вы видѣли, какія блага посылаетъ мнѣ Господь молитвами батюшки о. Серафима. Обитель сія принята была мною убогой и денегъ всего было 22 копейки, а нынѣ, по милости Божіей, все съ избыткомъ имѣемъ. Такъ о чемъ же намъ и унывать? Стоитъ только уповать на Бога и все будетъ намъ». Вотъ гдѣ и въ чемъ таилась его сила, проявлявшаяся въ такихъ поразительныхъ результатахъ!

Плодотворнѣйшая для обители дѣятельность о. игумена была по достоинству цѣнима вологодскими архипастырями и, какъ мы выше видѣли, въ особенности преосвященнымъ Павломъ, по представленію котораго, 14 мая 1867 г., онъ «за отличную и ревностную службу по устройенію и управленію Павло-Обнорской обители» награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ, хотя, конечно, высшею для него наградою было сознаніе свято исполняемаго лежавшаго на немъ долга и невидимая помощь Божія, очевиднымъ для всѣхъ и прежде всего для самого его открывавшаяся въ ниспосланіи ему нескучныхъ средствъ и усердныхъ благотворителей. Но, если съ одной стороны дѣятельность о. Іоасафа оцѣнивалась достоюмымъ образомъ людьми, высоко стоявшими въ духовно-административномъ мірѣ, зато съ другой, даже въ средѣ самой братіи управляемой имъ обители, находились лица, осуждавшія его за ту же самую дѣятельность. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь разсказъ одного изъ такихъ лицъ Павло-Обнорскаго монастыря іеромонаха Серафима, страдавшаго недугомъ осужденія своего настоятеля, повѣданный имъ о самомъ себѣ.

«Въ 1863 году, бывши еще послушникомъ въ мірскомъ моемъ имени Стефана Семенова Березина я и двое моихъ товарищей послушниковъ А. П. Герасимовъ и Н. И. Ивановъ, бывши при келліяхъ настоятеля своего, игумена Іоасафа, однажды лѣтомъ, ложась на ночь спать на вольномъ воздухѣ, на крыльцѣ, завели разговоръ о своемъ настоятелѣ и стали его всячески осуждать за ежедневный, почти непрерывный шумъ въ монастырѣ и около него отъ построекъ. «Куда ни помотришь, говорили мы, вездѣ рабочіе, вездѣ суматоха, — то ломаютъ, то вновь строятъ, а гдѣ переносятъ или собираютъ старый хламъ, а гдѣ кладутъ новые матеріалы». Сама земля не оставалась въ то время въ покоѣ: ее то рыли да перекапывали, гдѣ проводили канавы, а гдѣ устраивали новые водоемы. Поэтому мы всѣ распоряженія своего настоятеля находили бесполезными и смѣялись надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ слишкомъ затѣйливымъ и неосновательнымъ. По нашему мнѣнію одно было лишнее, другое бесполезно, а третье никуда не го-

дилось, да и самъ о. Иоасафъ не бываетъ въ церкви, а только занятъ работами, непрестанно въ суетѣ, или работаетъ самъ гдѣ нибудь, или побѣжить изъ конца въ конецъ по монастырю смотрѣть за работами. Все это казалось намъ дѣломъ весьма неприличнымъ. Съ такимъ невыгоднымъ мнѣніемъ о своемъ настоятелѣ, но чувствуя, впрочемъ, отъ сознанія своей вины предъ нимъ нѣкоторое въ душѣ безпокойство, я сталъ забываться и дремать. Не успѣлъ еще совсѣмъ заснуть, какъ вдругъ вижу, что на крыльцѣ, составляющемъ церковную (Успенскаго храма) паперть, та стѣна, которая обращена къ келліямъ настоятеля, вдругъ раздвинулась, и оттуда точно на-яву вышелъ о. Серафимъ въ такомъ видѣ, какъ онъ изображенъ на портретѣ въ келліи о игумена, во весь ростъ, согбенный, въ полумантии, изъ-подъ которой виднѣлось какое-то темное платье; за поясомъ топоръ, а въ рукѣ толстая суковатая палка. Грозя этою палкою на меня и какъ будто намѣреваясь ею прибить, онъ довольно строго и укоризненно сказалъ мнѣ: «не смѣйтесь надъ о. Иоасафомъ». По замѣчанію моему голось старца Серафима былъ похожъ на то, если бы отецъ или мать вступился за свое любимое дитя и брали кого нибудь за него. При видѣ праведнаго старца и отъ его угрозы я почувствовалъ благоговѣйный страхъ, и тотчасъ же бросился къ его ногамъ, прося прощенія въ своемъ разговорѣ, что осмѣлился судить своего настоятеля и смѣяться надъ его дѣйствіями, при чемъ обѣщаль ему впредь этого никогда не дѣлать. Такое сознаніе своей вины и обѣщаніе мои исправиться въ ней, какъ видно, были ему очень пріятны. Гнѣвное лицо его въ одно мгновеніе до того измѣнилось, что просіяло необыкновеннымъ свѣтомъ и выражало самую нѣжную отеческую любовь, и я въ то время почувствовалъ въ душѣ моей такую радость и сладость, какихъ во всю жизнь у меня не было. Послѣ строгаго замѣчанія своего, сообщивъ душѣ моей благодатный миръ, о. Серафимъ взглянулъ и на товарищей моихъ, но безъ всякаго вниманія, а какъ-то равнодушно, и самъ тотчасъ же сдѣлался невидимъ. Видѣніе это продолжалось только нѣсколько минутъ, и какъ кончилось, то я всталъ съ постели и ходилъ въ глубокомъ размышленіи по крыльцу, чувствуя то страхъ, то радость. Товарищи мои тогда еще не спали и, видя, что я ходилъ въ глубокой задумчивости, добивались узнать причину ея, но я въ то время ничего имъ не объяснилъ, а открылъ уже послѣ объ этомъ чудномъ видѣніи. Что касается до того, чтобы открыть это настоятелю, я слишкомъ годъ тайлъ отъ него грѣхъ свой, боясь потерять его расположеніе ко мнѣ за эти пересуды и насмѣшки; только однажды, при постороннихъ лицахъ, Господь помогъ мнѣ раскрыть свою совѣсть предъ о. игуменомъ, и я сказалъ ему все, въ чемъ былъ виноватъ предъ нимъ по своей неопытности, и какъ былъ вразумленъ въ дивномъ явленіи мнѣ о. Серафима. Настоятель же поступокъ мой противъ своей собственной личности обсудилъ безпристрастно и съ евангельскою кротостію сдѣлалъ мнѣ только ваставленіе, чтобы я, при всѣхъ случаяхъ,

обуздывалъ языкъ свой во избѣжаніе осужденія другихъ, дабы не подвергнуться за сіе гнѣву Божию и вѣчному осужденію» ¹⁾.

Безъ всякаго сомнѣнія приведенныхъ здѣсь случаевъ было не мало въ жизни о. игумена Іоасафа. Его выдающаяся дѣятельность, благословляемая Богомъ, породила сначала зависть въ мелкихъ, самолюбивыхъ душонкахъ, не постигавшихъ тайны его поразительныхъ и для нихъ недоступныхъ успѣховъ, а отсюда былъ всего лишь одинъ шагъ и для того, чтобы это чувство превратилось въ непримиримую къ нему ненависть. Божій избранникъ въ будущемъ долженъ былъ пройти и еще чрезъ горнило всякихъ страданій, всякихъ искушеній, мукъ сердечныхъ и физическихъ, долженъ былъ понести всякую скорбь, всякое гоненіе, чтобы духовно очищеннымъ и просвѣтленнымъ, *яко злато въ горниль*, быть достойнымъ совершить на землѣ великое дѣло Божіе — воздѣлываніе для неба вертограда Христова. Сатанинская сила втайнѣ уже ополчилась противъ него, чтобы помѣшать ему исполнить эту великую задачу, а его прямота и совершенное отращеніе къ заискиванію въ людяхъ вліятельныхъ и нужныхъ благорасположенія ихъ къ себѣ, сдѣлали то, что въ средѣ такихъ лицъ, преимущественно среди вологодскаго духовно-административнаго міра у него явились крайніе недоброжелатели, которые и постарались въ послѣдствіи предъ престарѣлымъ епископомъ Θεодосіемъ представить всѣ дѣйствія игумена въ совершенно превратномъ видѣ, истекающими изъ одного лишь тщеславія и самоцѣлности, и тѣмъ поселить въ архіереѣ нерасположеніе къ о. Іоасафу. Впрочемъ это нисколько не беспокоило старца Божія, убѣжденнаго въ томъ, что дѣлаемое имъ дѣло нужно и полезно. Ему суждено было испить чашу горести до дна, и онъ ее безтрепетно выпилъ. Здѣсь во всемъ величіи открывается сила воли, сила характера этого истинно-необыкновеннаго чловѣка — христіанина и инока! И не въ силѣ ли твердой и непоколебимой вѣры въ Промыслъ Божій, непрестанно блящій надъ вѣрными Ему, тайна непоколебимой вѣрности его своему долгу, его во всемъ и ко всѣмъ правдивости и безпристрастію, и самой неутомимости его въ трудахъ?...

Но какъ ни велики, какъ ни достохвальны и необходимы были для обители Преподобнаго Павла эти труды о. Іоасафа и предпріятія, не они, однако, только одни составляютъ его славу и украшеніе, его вѣнецъ и похвалу, которыми является то громадное духовно-нравственное воспитательное значеніе, которое разливалъ на всѣхъ этотъ любимый ученикъ великаго Серафима. Какъ мужъ, видѣвшій образцовый порядокъ и воспитанный въ немъ въ одной изъ лучшихъ обителей родной земли — благословенномъ Саровѣ, какъ чловѣкъ глубоко-разумный, проникающій въ самую глубь вещей и явленій и, наконецъ, какъ глубоко-убѣжденный инокъ, напоенный духовнымъ млекоомъ свято-отеческихъ ученій, онъ

1) Сказанія, изд. 4-е, стр. 314—316.

какъ нельзя лучше понималъ, что вѣдшее благосостояніе обителѣй иноческихъ стоитъ во всецѣлой зависимости отъ благоустройства духовнаго мира братій, ихъ населяющихъ. И вотъ, исходя изъ этого взгляда на вещи, о. игумень тотчасъ же по вступленіи въ подвигъ настоятельства обратилъ особо бдительное вниманіе на порядокъ отправленія богослуженій въ обители, введя въ ней чинъ родной ему Саровской пустыни. Торопливость и спѣшность въ такомъ важномъ дѣлѣ при немъ исчезли безслѣдно, замѣненные истовымъ, неторопливымъ, благоговѣйнымъ служеніемъ Богу Живому съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ даже малѣйшихъ предписаній церковно-богослужебнаго устава. Отличный знатокъ церковнаго устава и прекрасный пѣвецъ, имѣвшій въ немъ обширныя познанія и обладавшій звучнымъ и пріятнымъ голосомъ, онъ составилъ изъ братіи прекрасный хоръ, услаждавшій молящихся. Во вѣдности братіи, являвшейся къ богослуженіямъ, игумень также требовалъ строгаго порядка и благоприличія: они должны были приходять въ церковь въ мантияхъ и клобукахъ, что прежде здѣсь было не всегда наблюдаемо. Въ трапезѣ былъ введенъ такой же порядокъ: игумень, приходя къ обѣду, непременно былъ облеченъ въ рясу и клобукъ и съ своего настоятельскаго мѣста благоговѣйно внималъ голосу чтеца, повѣствовавшаго о жизни и дѣяніяхъ дневнаго святаго, — единственному голосу, раздававшемуся здѣсь въ теченіе всего обѣда и ужина.

Въ духовной основѣ народа русскаго лежитъ глубокое и благоговѣйное уваженіе ко всему «божественному», посящему печать святости и духовныхъ совершенствъ, чего онъ алчетъ и жаждетъ, къ чему тянется всѣмъ существомъ своимъ. За утоленіемъ этой духовной жажды своей народъ нашъ стремится иногда въ далекія обители. И долго предъ духовнымъ взоромъ паломника-простолюдина стоитъ посѣщенная имъ обитель, долго служить нерѣдко единственною отрадою въ его тяжелой трудовой жизни. Одною изъ такихъ обителей подлѣ благотворнымъ воздѣйствіемъ своего игумена становилась обитель Павло-Обнорская. А свѣтлая, высоконравственная личность о. Іоасафа, привлекая къ нему людей труда, глубокой убѣжденности въ высотѣ, святости и спасительности иноческаго подвига, вступавшихъ въ число здѣшней братіи, быстро измѣняла къ лучшему нравственный уровень и прежнихъ ея насельниковъ и этимъ, конечно, возбуждала еще большее стремленіе сюда людей Божіихъ. Усердіе великое народа къ святынѣ воодушевляло труженика Божія, — и съ своей стороны онъ и самъ опасался не только какимъ-либо малымъ опущеніемъ охладить это усердіе, но и старался всячески поднять и возвысить его, — и благоговѣйнымъ служеніемъ, и кроткимъ предупредительнымъ обращеніемъ со всѣми. Въ богослуженіи отразилось все самосознаніе христіанской Церкви въ ту далекую эпоху, когда небо раскрылось предъ обновленнымъ челоувѣчествомъ и ясны стали тайны Царствія Божія. Богослужебныя книги — это наилучшія, по своей общепризнанности, символическія книги нашей

Церкви. Поэтому, изучая основные черты нашего богослужения, мы изучаемъ тотъ символъ вѣры, которымъ жила древняя Церковь и которымъ живетъ теперь. Богослужбная жизнь Церкви по своему характеру въ общемъ сводится къ двумъ главнымъ моментамъ. Эта жизнь — то радостное ликование духа, то чувство покаянной скорби и сознание своего несовершенства. Въ начальную пору христіанской Церкви пѣснопѣнія носятъ характеръ восторженной радости о спасеніи человѣчества. Начиная съ четвертаго вѣка, наряду съ ними въ богослуженіе входятъ молитвы покаянной скорби и страха мученій. Съ седьмаго вѣка послѣдній элементъ значительно уже преимуществуетъ. Отсюда можно понять, какъ велико значеніе богослуженія, со страхомъ и трепетомъ предъ величествомъ славы Божіей ему совершаемаго, и какихъ необъятныхъ успѣховъ путемъ его можетъ достигнуть усердный строитель таинъ Божіихъ. А о. Іоасафъ умѣлъ придавать совершаемому въ обители богослуженію необыкновенную торжественность и велелѣпіе. То же благолѣпіе, тотъ же духъ молитвенный, неволью прорывавшійся чрезъ тѣлесную его оболочку, свѣтившюся силою живущаго въ немъ благодатнаго духа, приносилъ съ собою о. игумень и тогда, когда, по приглашенію, являлся совершать богослуженія въ сосѣдніе приходы во дни ихъ храмовыхъ праздниковъ, или при освященіи вновь сооружаемыхъ церквей и придѣловъ, что иногда возлагаемо было на него епархіальнымъ начальствомъ. Но въ особенности поразительное дѣйствіе на молящихся производилъ благодатный даръ слезъ, которыми растворялось все боголюбивое сердце о. Іоасафа особенно въ важнѣйшіе моменты священнодѣйствія божественной литургіи, когда неудержимые потоки ихъ орошали ланиты его постническаго и святолѣннаго лица. Каждое богослуженіе его, кромѣ того, непремѣнно сопровождалось соответствовавшимъ празднику назидательнымъ словомъ.

Духъ молитвы преизобиловалъ въ о. Іоасафѣ. И еще до настоящаго времени изъ устъ въ уста передаются рассказы о томъ, какъ неподражаемо онъ умѣлъ выразить и отѣнить всю небесную красоту нашего православнаго богослуженія. Въ его устахъ чувствовалась небесная красота, глубина, многообъемлемость и разнообразіе псалмовъ Давида, чудныхъ пѣсень Дамаскина Іоанна, потрясающихъ грѣшную душу покаянныхъ воплей Критскаго Андрея и другихъ великихъ пѣснописцевъ православной церкви и молитвенниковъ; все это находило въ немъ своего глубокаго выразителя и истолкователя. Для него молитва во храмѣ, исполненная глубочайшаго благоговѣнія, торжественности и умиленія, была потребностію духа и въ то же время отдыха отъ тяжелыхъ трудовъ. Возвышенное настроеніе его пламенѣвшаго къ небу духа неволью передавалось и всѣмъ вѣрующимъ, и даже лѣнныя и неусердные къ молитвѣ, подъ воздѣйствіемъ вдохновенной молитвы его, научились проникаться его настроеніемъ и не только не тяготились продолжительностію совершаемыхъ имъ богослуженій, но находили, что

они духовно насыщены лишь тогда, когда богослуженіе было совершено имъ самимъ. Простецы-богомольцы благоговѣнно, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, со слезами на глазахъ, внимали молитвамъ игумена, уразумѣвая своими душами смыслъ этихъ молитвъ, и отвѣчали молитвеннику своими невольными вздохами, исторгавшимися изъ глубины ихъ вѣрующихъ сердець. А видъ его, орошаемаго дождемъ слезъ при богослуженіи, запечатлѣвался въ душахъ ихъ неизгладимыми чертами на всю ихъ послѣдующую жизнь.

Являясь великимъ молитвенникомъ, о. Іоасафъ былъ и величайшимъ труженикомъ. на исполненіе долга своего служенія отдававшимъ все свои духовныя и тѣлесныя силы, отдававшимъ ихъ безъ остатка, безъ мысли о томъ, что они могутъ когда-либо надорваться и отказаться въ дальнѣйшемъ служеніи его доброй и твердой волѣ. Онъ глубоко понималъ нравственное значеніе своего настоятельскаго долга и всего себя отдавалъ на служеніе этому дѣлу, сообразно съ тѣмъ, какъ онъ понималъ этотъ долгъ въ его общимъ идеальныхъ чертахъ. И кто боіе или меніе близко стоялъ къ нему. тотъ не могъ не изумляться, сколько неутомимаго труда несъ онъ ежедневно и ежечасно. Повстинѣ, надобно было владѣть вышечеловѣческими силами, чтобы съ неослабѣвающей энергіею годъ за годомъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ, работать отъ утренней зари до глубокой ночи, а часто и до другой утренней зари, чтобы снова приняться за обычное дѣло и совершать его безъ перерыва, не требуя и не ища отдыха, не нуждаясь въ тѣхъ благоприятныхъ условіяхъ, безъ которыхъ другіе не могутъ себѣ и представить своего существованія. Силы эти дала ему безпорочная юность, христіанскій образъ жизни зрѣлаго возраста, не знавшаго никакихъ излишествъ. не искавшаго тѣхъ мірскихъ радостей и увеселеній, которыя расслабляютъ человѣческую душу, расслабляя вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣло, становящееся уже неспособнымъ къ несенію тяготы труда и подвига жизни. Строжайшее соблюденіе церковныхъ правилъ и законоположеній въ пищи и питіи и во всемъ образѣ жизни, строгое пощеніе во дни, назначенныя церковію, и даже во всю свою долгую жизнь, не только не ослабили духовной и тѣлесной энергіи его, а напротивъ—служили въ пользу его души и тѣла, тѣла слабаго по виду, но крѣпкаго и сильнаго въ дѣлѣ служенія его духу; и не эти-ли силы и дали ему возможность благополучно выйти изъ той вавилонской печи искушеній и бѣдъ, которыя всякаго другого могли бы уничтожить, заставить упасть духомъ?!... Но неумолимо строгій къ самому себѣ лично, онъ далеко не былъ таковымъ по отношенію къ другимъ и къ своимъ подчиненнымъ. Человѣкъ безукоризненной христіанской и иноческой жизни, онъ снисходилъ любовію къ нравственной немощи, въ особенности если эта немощь не пряталась и не лукавила, а смиренно сознавала свое недостоинство и просила его отеческаго снисхожденія.

Безграничная вѣжная любовь взаимно соединяла настоятеля и подчиненныхъ его. Для каждаго изъ нихъ во всякое время отверзты были двери келліи и сердца игумена; каждый шелъ туда съ своими скорбями, сомнѣніями, волненіями, тревогами и нуждами, и возвращался обласканнымъ, утѣшеннымъ, умиротвореннымъ. Интрига, зависть, вражда, борьба за вліяніе и значеніе не имѣли здѣсь мѣста. О. игумень весь точно сіялъ особеннымъ внутреннимъ свѣтомъ, и, не смотря на необыкновенную простоту, съ какою всегда держалъ себя, въ немъ сказывалась какая-то таинственная и мощная сила, неотразимо привлекавшая и покорявшая себѣ съ перваго же взгляда. Смотря на него невольно вѣрилось въ силу добра, въ его прекрасную, облагораживающую силу, невольно хотѣлось трудиться духовно и физически, невольно думалось: «вотъ—добрый рабъ Божій на своемъ высококомъ призваніи, вотъ—душа обители. Его отзывчивая, благородная душа была постоянно проникнута однимъ желаніемъ всѣмъ людямъ творить только добро. По отношенію же къ подчиненнымъ желаніе это еще обуславливалось и нравственнымъ долгомъ. Болѣе всѣхъ и всего о. Иоасафъ слѣдилъ за самимъ собою, училъ самого себя словомъ Божиимъ и свято-отеческими твореніями, а всевозможными тѣлесными трудами изнурялъ тѣло свое, да не воинствуетъ на духъ, проводя самую строгую подвижническую жизнь. Спалъ онъ три—четыре часа въ сутки. Еще долго послѣ трудового дня въ келліи его мерпалъ тихій свѣтъ, гдѣ игумень занимался дѣлами по монастырской отчетности, въ то же время поддерживая письменныя сношенія съ лицами, къ которымъ чувствовалъ уваженіе и любовь, и которыя въ свою очередь обращались къ нему за совѣтами и указаніями. Первый ударъ колокола, раздававшійся обыкновенно въ три часа ночи, заставлялъ о. игумена не только уже на ногахъ, но и въ храмѣ Божіемъ, и съ этого момента день его уже начинался. Во всѣ остальные часы дня онъ былъ также на ногахъ: то носить мусоръ, то копаеть землю, то въ огородахъ, то въ саду. Благодаря необыкновенной подвижности своей натуры, онъ ни одной минуты не могъ оставаться безъ дѣла. Это былъ такой всезнающій работникъ, что приводилъ въ удивленіе даже людей опытныхъ, даже специалистовъ по всѣмъ частямъ хозяйственныхъ работъ. Начатыя имъ съ первыхъ же дней вступленія въ управленіе Павловымъ монастыремъ работы по возстановленію и благоукрашенію этой обители требовали его личнаго присутствія вездѣ, и онъ являлся между труждавшимися братіями и рабочими, являлся не какъ только простой надзиратель за производившимся ими дѣломъ, а какъ усерднѣйшій и ревностнѣйшій работникъ. Зимой — въ скромной шубкѣ, опоясанной по воротнику бѣлымъ платкомъ, а лѣтомъ—въ холщевомъ балахонѣ и убогой камилавкѣ,—высокая фигура его появлялась всюду, торопливо хлопотавшая по различнымъ частямъ монастырскаго хозяйства: въ одно и то же время онъ былъ и строитель, и агрономъ, и пчеловодъ, и инженеръ. Лѣтомъ онъ трудился чрезвычайно, имѣя возмож-

ность выстаивать одну только утреню; зимою же, когда работы производились въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ, онъ неопустительно присутствовалъ на всѣхъ богослуженіяхъ. Но и въ немногіе, выпадавшіе на долю его, свободные часы онъ не предавался бездѣйствію. Эти часы посвящены имъ были исполненію келейнаго иноческаго правила; кромѣ того, зная искусство живописи, которому научился еще въ Саровѣ, о. Іоасафъ не забрасывалъ его и теперь, будучи уже игуменомъ и настоятелемъ монастыря. Любимыми его работами въ этомъ родѣ были изображенія Нерукотвореннаго Образа Христа Спасителя, портреты его дорогаго, великаго и св. старца и различныя событія изъ жизни его. Особенности его живописныхъ работъ—божественность изображаемыхъ лицъ, небесная красота, безграничная любовь во взорѣ невольно обличали въ художникъ-инокъ благоговѣйную настроенность: это были не работы по общепринятому представленію о нихъ; нѣтъ,—то было тоже служеніе Господу своею кистью. Такая трудолюбивая, подвижническая жизнь игумена Іоасафа была лучшимъ словомъ назиданія для братіи, словомъ безмолвнымъ, но живымъ, дѣйственнымъ, которое скорѣе могло побудить другихъ къ подражанію во всемъ своему отцу и настоятелю.

Образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою (Тимоѳ. 4, 12), училъ св. Апостоль Іавель ученика своего Тимофея. Непрестанно памятуя это апостольское завѣщаніе, о. Іоасафъ въ собственной жизни былъ поистинѣ «правиломъ вѣры, образомъ кротости» и другихъ спасительныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Помня твердо, что *блаженъ тотъ, иже сотворитъ и научитъ*, не оставляя ученія словомъ, онъ наиболѣе училъ братію дѣломъ, примѣромъ достохвальной своей жизни. Онъ готовъ былъ для братіи сдѣлать все, что было въ его силахъ, являясь для нихъ не столько начальникомъ, сколько нѣжно любящимъ ихъ отцомъ, старшимъ братомъ; но и отъ нихъ требовалъ неуставной работы и подвига, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ. Всѣ труды и старанія о. Іоасафа о благоустроеніи обители Преподобнаго Іавла и объ успокоеніи братіи ея освящены были одною только св. любовію: у него не было ни одного предпріятія, которое бы не имѣло своею конечною цѣлью пользу ихъ. Удивительно ли послѣ этого, что за своимъ любимымъ о. игуменомъ братія готовно слѣдовала во всемъ: неустанно трудилась въ работахъ монастырскихъ, стремилась къ нравственному своему совершенствованію; удивительно-ли, что обитель Преподобнаго Іавла въ пору настоятельствованія въ ней игумена Іоасафа являлась высокимъ благодатнымъ училищемъ христіанской и иноческой жизни; удивительно-ли, что при одномъ имени Іавло-Обнорскаго монастыря невольно предстаетъ мысленному взору духовный и вѣншній обликъ этого одного изъ замѣчательнѣйшихъ его игуменовъ на пространствѣ всей его пятивѣковой исторической жизни?!... Чѣмъ же объяснить тайну его могущественнаго вліянія на души учениковъ? А тѣмъ именно, что, не увлекаясь стремленіемъ къ мнимому высокому жи-

тельству, не ища прежде времени великихъ дарованій Божіихъ, о. Іоасафъ сперва самъ шель, а потомъ и духовныхъ дѣтей своихъ велъ безопаснымъ путемъ, указаннымъ въ богомудрыхъ писаніяхъ наставниковъ монашества, которые учать, что новонаначальному христіанскому подвижнику прежде всего должно заботиться о познаніи себя и объ укрощеніи своихъ страстей. Посему о. Іоасафъ особенно зоркое вниманіе обращалъ на душевныя страсти тѣхъ, кто къ нему относился, и научалъ всѣхъ слѣдить за ними, не дѣйствовать по внушенію ихъ, а, призывая Божію помощь, противоборствовать имъ, прежде же всего не оправдывать ихъ и познавать свою душевную немощь; къ благимъ начинаніямъ не примѣшивать тщеславія, челоуѣкоугодія или другого какого-либо нечистаго побужденія, а искренно и съ чистымъ произволеніемъ, нелукавою простотою и беззлобіемъ служить Единому Господу. Относительно поста и прочихъ тѣлесныхъ подвиговъ о. Іоасафъ наставлялъ своихъ учениковъ по совѣсти исполнять все должное; и если кто самовольно нарушалъ положенныя правила, старецъ строго обличалъ его, говоря, что небреженіе и въ маломъ душевредно и ведетъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Но съ другой стороны не одобрялъ, если кто все совершенство духовное заключалъ въ соблюденіи внѣшнихъ правилъ монашескаго житія, и всѣхъ слабыхъ и крѣпкихъ безъ разбора подводилъ подъ одно общее правило, или, оставивъ благоразумную умѣренность, вдавался въ чрезмѣрные тѣлесные подвиги, какъ будто надѣясь спастись ими одними, научая ихъ, что они безъ смиренномудрія и духовнаго разсужденія не приносятъ пользы, а иногда и вредятъ ревнующимъ о своемъ спасеніи, и что они прежде всего должны обращать вниманіе на необходимѣйшія и обязательныя для всѣхъ евангельскія заповѣди Господни, безъ соблюденія которыхъ спастись нельзя. Особенно старецъ увѣщавалъ учениковъ своихъ хранить между собою взаимную любовь, миръ и единомысліе, часто повторяя великія слова Христовы: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35), умоляя ихъ стяжать въ себѣ духъ смиренія, послушанія, молитвы, безпристрастія къ земному и стремленія къ небесному.

Для наиболѣе благоуспѣшнаго достиженія воспитанія своихъ учениковъ иноковъ въ духовной жизни и приведенія ихъ къ возможному для челоуѣка духовному совершенству, о. Іоасафъ ввелъ въ своей обители родъ *старчества*. И хотя мы выше и говорили о немъ, но и здѣсь не лишнимъ почитаемъ сказать о немъ же нѣсколько словъ, да напечатлѣются глаголы о немъ въ сердцахъ боголюбивыхъ душъ, искренно ревнующихъ о душевномъ своемъ созиданіи. Старчество состоитъ въ искреннемъ духовномъ отношеніи духовныхъ дѣтей къ своему духовному отцу или старцу. Преподобные Каллистъ и Игнатій въ Добротолубіи выставили пять признаковъ такого искренняго духовнаго отношенія; 1) полная вѣра къ своему духовному наставнику и предстоятелю; 2) истина—истинствовать предъ нимъ въ словѣ и дѣлѣ; 3) не исполнять ни

въ чемъ своей воли, а стараться во всемъ отсѣкать ее; т. е. ничего не дѣлать по своему желанію и по своему разумѣнію, а всегда обо всемъ вопрошати, и дѣлать по совѣту наставника и предстоятеля; 4) отнюдь не прекословити и не спорити, такъ какъ прекословіе и спорливость бывають отъ разсужденія, съ невѣріемъ и высокоумдіемъ; 5) совершенное и чистое исповѣданіе грѣховъ и тайнъ сердечныхъ ¹⁾. «Прельстишася, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, возложивши упованіе на самихъ себе, и возмнивши не обрѣтати нужды въ путеводителѣ» ²⁾. «Якоже корабль, имѣющій искуснаго кормчія, благополучно, Божіимъ содѣйствіемъ, входитъ въ пристанище: тако и душа, имущая добраго пастыря, удобно на небо восходитъ, хотя бы прежде и много зла содѣлала. Какъ идущій по неизвѣстному пути безъ путеводителя удобно на ономъ заблуждаетъ, хотя бы былъ и весьма разуменъ: тако и путь монашества самовластно проходящій удобно погибаетъ, хотя бы и всю міра сего премудрость зналъ» ³⁾. «Кто идетъ (иноческимъ путемъ) самочинно, безъ евангельскаго разума и безъ всякаго наставленія, говоритъ Маркъ подвижникъ, тотъ много претыкается, впадаетъ во многія ямы и сѣти лукаваго, и во многія впадаетъ бѣды, и не знаетъ, какой конецъ получить. Ибо многіе прошли путь свой со многими трудами, подвижничествомъ и злостраданіями, и многіе труды претерпѣли Бога ради; но самочиніе, неразсужденіе. и то, что они не искали отъ ближняго наставленія, содѣлало таковыя труды ихъ тщетными» ⁴⁾. «Немощно собою самѣмъ кому добродѣтелей художеству навикнути, говоритъ св. Григорій Синаитъ, аще и нѣщія, якоже учителя, искусъ свой употребиша. Еже бо отъ себе самага, а не по совѣту предспѣвшихъ творимъ, мнѣніе иматъ, паче же раждати обыче. Аще бо Сынъ Божій ничесоже отъ Себе творить, но якоже научи Его Отецъ, сице творить: и Духъ не бо глаголати иматъ отъ Себе: кто есть сей, къ толикой добродѣтели высотъ достигшій, яко не требуй иного кого тайноводящаго его; гордыню паче, неже добродѣтель непщуетъ имѣти: прельстился есть» ⁵⁾. «Не всѣхъ же должно вопрошати, но единаго, ему же ввѣрено есть и другихъ окормленіе, и житіемъ блистающа, убога убо суща. многа же богатыща, по Писанію (2 Кор. 6, 10). Мнози бо неискусни мнозѣхъ несмысленныхъ повредиша, ихъ же судъ имуть по смерти. Не всѣхъ бо есть наставити и инѣхъ, но имже дадеся божественное разсужденіе, по Апостолу, *разсужденіе духовъ* (1 Кор. 12, 10), отлучающее горшее отъ лучшаго мечемъ слова. Кійждо бо свой разумъ и разсужденіе естественно, или дѣятельно, или художественно иматъ, а не вси *духовное*. Сего ради глагола премудрый Сирахъ: *мирствующи съ тобою да будутъ мнози, советницы же твои единъ отъ тысящъ* (Сир. 6, 6). Не малъ же

¹⁾ Во II ч. Добротолубія, гл. 15.

²⁾ Слово I, гл. 7.

³⁾ Слово 26, гл. 236—237.

⁴⁾ Посланіе къ Николаю иноку.

⁵⁾ Въ I ч. Добротолубія гл. 15 о безмолвіи.

подвигъ есть наставника обрѣсти непрелестна, и дѣлы, и словесы, и разумѣнныи. Въ сихъ видимъ есть кто непрелестенъ сый, егда свидѣтельствованно отъ Божественныхъ Писаній имать и дѣяніе, и мудрованіе, смиренномудрствуя, въ нихъ же подобаесть мудрствовати» ¹⁾. Духовное отношеніе требуетъ отъ руководимыхъ, кромѣ обычной исповѣди предъ причащеніемъ Св. Таинъ, и частаго по потребности исповѣданія старцу и духовному отцу не только дѣлъ и поступковъ, но и всѣхъ страстныхъ помышленій, и движеній, и таинъ сердечныхъ, какъ о семъ говорятъ Василій Великій ²⁾, Симеонъ Новый Богословъ ³⁾ и другіе святые отцы. «Невозможно, говорить св. Кассіанъ Римлянинъ, впасть въ бѣсовскую прелесть тому, кто живетъ не по своему хотѣнію и разумѣнію, а по наставленію старцевъ. Не можетъ лукавый врагъ посмѣяться надъ неопытностію того, кто не привыкъ по причинѣ ложнаго стыда скрывать всѣ возникающія въ сердцѣ его помышленія» ⁴⁾.

Великая важность и великое значеніе духовнаго отношенія къ старцамъ доказываются особенно двумя слѣдующими примѣрами. Преподобный Феодоръ Студитъ пишетъ: «одинъ старецъ не разъ приказывалъ ученику своему исполнить нѣкоторое дѣло, но тотъ все отлагалъ. Недовольный симъ старецъ въ негодованіи наложилъ на ученика запрещеніе—не вкушать хлѣба, пока не исполнитъ порученнаго дѣла. Когда ученикъ пошелъ, чтобы исполнить повелѣнное, старецъ умеръ. Послѣ его смерти ученикъ желалъ получить разрѣшеніе отъ наложеннаго на него запрещенія. Но не нашлось никого въ пустынной мѣстности, кто бы рѣшился разрѣшить это недоумѣніе. Наконецъ ученикъ обратился съ своею просьбою къ Константинопольскому патриарху Герману, который для разрѣшенія этого дѣла собралъ другихъ архіереевъ. Но ни патриархъ, ни собравшійся соборъ не нашли возможнымъ разрѣшить эпитимію старца, о которомъ даже неизвѣстно, имѣлъ ли онъ степень священства. Посему ученикъ до смерти принужденъ былъ питаться пищею изъ однихъ овощей» ⁵⁾. Въ Прологѣ 15-го октября повѣствуется: «въ скитѣ жилъ монахъ, который въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ послушливъ своему отцу; наконецъ по зависти бѣсовской отпалъ отъ послушанія, и безъ всякой благословной причины ушелъ отъ старца, презрѣвъ и запрещеніе; ибо онъ имѣлъ отъ старца запрещеніе за непослушаніе. Пришедши въ Александрію, онъ былъ схваченъ и принуждаемъ тамошнимъ княземъ отречься отъ Христа, но остался непоколебимъ въ твердомъ исповѣданіи вѣры и за это былъ мученъ и преданъ смерти. Христіане того града взяли тѣло новаго мученика, положили въ раку и поставили ее въ святомъ храмѣ. Но въ каждую литургію, когда діаконъ возглашалъ: «елицы

¹⁾ Тамъ-же, гл. 7 о прелести.

²⁾ Въ правилахъ, пространно изложенныхъ, в. пр. 26.

³⁾ I ч. Добротолюбія гл. 122.

⁴⁾ Собесѣдованіе 2-е о разсужденіи, гл. 10.

⁵⁾ Пр. Феодора Студійскаго огласительныя поученія, въ русскомъ переводѣ. Москва, 1872 г., стр. 133.

оглашенніи, — изыдите», рака съ тѣломъ мученика, къ удивленію всѣхъ, невидимую силою выносилась на паперть, а по окончаніи литургіи сама собою поставлялась опять въ храмъ. Одинъ александрійскій вельможа молился о разрѣшеніи этого недоумѣнія; и ему открыто было въ видѣніи, что замученный монахъ былъ ученикъ такого-то старца и за непослушаніе былъ связанъ отъ него; какъ мученикъ, онъ получилъ вѣнецъ мученическій, а какъ связанный запрещеніемъ старца не можетъ оставаться при совершеніи божественной службы, пока связавшій не разрѣшитъ его. Тогда же разысканъ былъ старецъ, который пришелъ въ Александрію и разрѣшилъ связаннаго отъ запрещенія. Съ того времени рака уже никогда не трогалась съ своего мѣста».

Какъ опытный духовный наставникъ и руководитель богособорнаго въ обители братства, о. Іоасафъ, напоминая имъ всѣ заповѣди Господни, особенно поучалъ соблюдать смиреніе и самоукореніе, посить немощи ближняго и душу свою полагать о братѣ, доблественно претерпѣвать случающіяся искушенія, то есть, оскорбленія, поношенія, укоризны, досады, а также мужественно претерпѣвать съ благодареніемъ находящія тѣлесныя и многоразличныя искушенія: немощи, болѣзни, лютыя и горькія временныя злостраданія, — ради вѣчнаго спасенія души своей. О. Іоасафъ училъ собственнымъ дѣломъ, что болѣе всего дѣйствуетъ на наше сердце и насъ убѣждаетъ; училъ и словомъ, какъ врачевать наши немощи. Особенную силу совѣтамъ его давало то обстоятельство, что онъ не только *въ книгахъ* изучилъ духовную жизнь, но и *дѣятельно* и правильно проходилъ ее въ искреннемъ послушаніи и повиненіи подъ духовнымъ руководствомъ великаго благодатнаго свѣтильника нашей Церкви — Преподобнаго Серафима Саровскаго, и самъ былъ прежде хорошимъ послушникомъ, послушаніемъ своимъ приобрѣлъ даръ духовнаго разсужденія, сдѣлавшись въ свое время опытнымъ старцемъ и наставникомъ, съ твердостью и искусствомъ могущимъ руководить другихъ по пути, имъ самимъ пройденному, какъ стяжавшій плоды духовныя: *любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, кротость, воздержаніе* и проч. (Гал. 5, 22—23), такъ что никто не видалъ его возмущеннымъ отъ страстнаго гнѣва и раздраженія. Въ самые тяжкіе дни его жизни никто не слышалъ отъ него гласа нетерпѣнія и роптанія, никто не видѣлъ его въ уныніи. Нельзя было не дивиться его всегдашней веселости и благодущію. Спокойствіе, младенчество евангельское и христіанская радость никогда не оставляли чадолюбиваго старца. И ни мало не удивительно, что въ обители Преподобнаго Павла подъ его руководствомъ возрастали для радостей неба такіе добліи подвижники, каковыми были старецъ-аскетъ іеромонахъ Николай († 10 іюля 1876 г.), кроткій и смиренный іером. Наваанялъ († 11 мая 1901 г.) и самоотверженный іеромонахъ Аввакумъ, въ подвигахъ добровольнаго юродства о Христѣ скончавшій временное свое теченіе въ Успенской Семигородной пустынѣ. Это были одни изъ таковыхъ подвижниковъ, дѣла

которыхъ не могли, вопреки ихъ желанію, утаиться отъ другихъ; а сколько было такихъ, которые въ тайнѣ кроткаго и молчаливаго своего духа незримо для людей проходили подъ его руководствомъ подвигъ своего душеспасенія, въ твердомъ упованіи на спасительность и необходимость старческаго окормленія?!... Съ однимъ изъ здѣшнихъ братій произошло событіе, показавшее какъ необходимо на каждое, даже самое малѣйшее, дѣло для ученика благословеніе его духовнаго руководителя—старца.

Вышеупомянутый іеромонахъ Серафимъ рассказываетъ о себѣ самомъ слѣдующій случай «страшнаго явленія со стороны духа злобы, вслѣдствіе моего, говоритъ онъ, самовольнаго поступка въ нарушеніи монастырскаго устава, — отходить ко сну съ благословеніемъ старца. Въ одно время, когда у настоятеля о. Іоасафа долго вечеромъ засидѣлись посѣтители, меня стало сильно клонить ко сну. Чтобы войти къ о. игумену за благословеніемъ на сонъ грядущій, по всегдашнему обыкновенію, меня удерживала на этотъ разъ печально родившаяся пагубная мысль, что не всегда же нужно брать его благословеніе. Итакъ, не простясь съ нимъ, я легъ въ постель, впрочемъ, какъ помню, не безъ внутренняго смущенія. Не успѣлъ я еще совсѣмъ заснуть, какъ вдругъ увидѣлъ предъ собою врага, въ видѣ страшнаго исполина—человѣка, ростомъ до потолка, а маленькіе глаза его сверкали, точно огненные, краснымъ цвѣтомъ; въ рукѣ держалъ онъ длинную дубину и хотѣлъ ею бить меня. Въ эту ужасную минуту я прибѣгъ къ молитвѣ Иисусовой, какъ къ главному непреоборимому оружію противъ врага—дѣвола, и по благодати Божіей отъ устъ моихъ къ головѣ исполина протянулась бѣлая свѣтлая полоса, къ концу, на сторону страшилища, постепенно расширявшаяся, и на ней весьма ясно обозначились написанныя по бѣлому цвѣту черными церковными буквами слова: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя», которыя я съ трепетомъ безпрестанно произносилъ. Они не допускали до меня дѣвола, остановили его поодаль, хотя онъ все-таки силился подойти ко мнѣ, но въ это время я вспомнилъ свой грѣхъ, что легъ безъ благословенія, и какъ только мысленно раскаялся въ этомъ предъ Богомъ, обѣщаясь и впредь остерегаться этого, то дѣволъ, какъ дымъ, мгновенно исчезъ»¹⁾.

И не въ одной только обители Преподобнаго Павла о. Іоасафъ окормлялъ ко спасенію боголюбивыя души человѣческія, возлюбившія Бога паче человѣковъ, небесное паче земныхъ. Одинъ изъ нихъ—великоустюжскій старецъ—пустынножитель Максимъ, память котораго благоговѣнно чтится жителями г. Великаго Устюга, странствовавшій по св. мѣстамъ Земли Сваторусской, такъ рассказываетъ о себѣ: «пошелъ я странствовать. Иду, слышу, что въ разныхъ мѣстахъ и монастыряхъ есть добрые старцы, отшельники, подвижники, я же человѣкъ низкій и

¹⁾ Сказанія, изд. 4-е, стр 316—317.

бѣдный, не смѣлый. Зайти, поговорить со старцами боюсь, робѣю и все иду впередъ. Прочіе странники и странницы добиваются свиданія съ подвижниками, а я думаю, они святые, а я грѣшный, можетъ быть они меня окаяннаго и близъ своихъ келій не пустятъ, а если и пустятъ, что я съ ними говорить буду, спросятъ: «зачѣмъ пришелъ? Что отвѣчать буду? Какъ мнѣ безпокоить старцевъ святыхъ?» Когда я приближался уже къ родной сторонѣ и проходилъ мимо одной обители, какой-то добродѣтельный монахъ, замѣтивъ мою робость и узнавъ о моемъ желаніи увидѣть старца—игумена обители той, привелъ меня къ нему. Какъ страшно было мнѣ идти къ старцу, не помню себя. Прихожу. Старецъ принялъ меня грѣшнаго, какъ ангелъ небесный, утѣшалъ меня неразумнаго сладкими рѣчами и поучалъ меня кротко и смиренно, какъ жить, какъ душу спасать. Этотъ старецъ былъ игуменъ Преподобнаго Павла Обнорскаго о. Іоасафъ, а прежде онъ жилъ въ Саровской пустыни, ученикъ Преподобнаго Серафима. Съ о. Іоасафомъ я бесѣдовалъ недолго. Но какъ сладостны были рѣчи его! Онѣ показались сладчае меда и сота устомъ моимъ и сердцу моему. И нынѣ, когда я вспомню бесѣду моего учителя и наставника, я ощущаю въ сердцѣ своемъ неизреченную радость. Отецъ Іоасафъ говорилъ мнѣ: «когда начнешь жить для Бога, то много, сынъ мой, будетъ искушеній и отъ врага, и отъ міра; многоразличны козни діавольскія, хитро познавать ихъ. Живи по слову Божію, побѣждай врага постомъ и молитвою. Чего самъ не въ состояніи будешь разсудить при брани невидимой, приходи сюда въ обитель. Или можетъ быть недалеко отъ жительства твоего найдется премудрый старецъ, который бы могъ поучить тебя духовной жизни. Я же буду молиться за тебя». — Недолго бесѣдовалъ со мною старецъ о. Іоасафъ, но слова его навсегда остались въ моей памяти. Старецъ отправилъ меня къ своему ученику о. Θεодору, который жилъ недалеко отъ Семигородной пустыни въ деревнѣ, имѣя келлію въ лѣсу, куда уединялся для молитвы и богомыслія. Я пробылъ у о. Θεодора полгода. Онъ показалъ мнѣ образъ благодатной духовной жизни, онъ училъ не столько словомъ, сколько примѣромъ и добродѣтельною своею жизнію, показался мнѣ ангеломъ Божіимъ, кроткимъ, смиреннымъ. И его рѣчи и наставленія свято храню я въ моемъ сердцѣ» ¹⁾. Такъ, въ жизни духовной, одинъ ярко горящій свѣтильникъ горѣнемъ божественнаго свѣта возжигаетъ другіе, новые свѣтильники, да во время свое поставлены будутъ на свѣщницѣ и свѣтятъ всѣмъ, *иже въ храмитъ суть* Христовой Церкви. Много было у о. Іоасафа и другихъ учениковъ и ученицъ, жившихъ среди міра, но проводившихъ высокую духовную жизнь и въ его многолѣтней опытности находившихъ для себя благонадежное и мудрое руководство на пути ко граду Божію—Іерусалиму небесному. А нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ наприм. юной дѣвицѣ—

¹⁾ По пути подвижниковъ. (На добрую память о старцѣ Максимѣ Погорѣловскомъ). Иг. Неофита. Св.-Троиц. Сергіева Лавра, 1909 г., стр. 13—15.

послушницѣ Серафимо-Понетаевскаго монастыря Клавдіи Войлошниковой, въ постриженіи монахинѣ Антонинѣ, посланной о. Іоасафомъ въ эту обитель на жительство, суждено было послужить орудіемъ Его благо-промышленія о людяхъ, ибо написанной ею иконѣ Знаменія Богоматери, составляющей главнѣйшую святыню названной обители, съ 1885 г. дарована была благодать чудотвореній и цѣленія различныхъ болѣзней и недуговъ человѣческихъ.

Долголѣтнее подвижническое житіе украсило душу о. Іоасафа всѣми спасительными добродѣтелями: ангельское смиреніе, Христоподобная кротость, непобѣдимое терпѣніе, подвижническое воздержаніе, твердая вѣра, крѣпкая любовь къ Богу, безкорыстная любовь къ ближнимъ, постоянная строгость къ самому себѣ, самоумерщвленіе, проповѣдуемое Евангеліемъ, пустынножитіе среди людей, миръ среди смятеній міра, снискали ему благоволеніе Божіе и низвели на него Дары Св. Духа, а они у пророка Исаии поставляются такъ, какъ Св. Духомъ сообщаются достойнымъ ихъ. Дѣйствіе Духа Божія начинается съ премудрости, съ разума, переходитъ въ волю, въ совѣтъ и крѣпость (*Духъ премудрости, Духъ разума, Духъ страха Божія*), потомъ соединяетъ вѣдѣніе и благочестіе, и наконецъ вся эта лѣстница духовная замыкается тѣмъ трепетомъ, какъ высшимъ чувствомъ, которое уже ощущаетъ весь человѣкъ, приближаясь къ Богу. Сего трепета не чужды самые ангелы, по словамъ покаяннаго канона Церкви: *Его же трепещутъ херувими и серафими*. Объятый этимъ божественнымъ пламенемъ подвижникъ всѣмъ существомъ своимъ желаетъ всѣхъ спасти, всѣхъ привести къ подножію креста Христова, всѣхъ ввести въ Его присноблаженное небесное царство. А игумень Іоасафъ достигъ своими зло-страданіями, подвигами, любовью этой высочайшей мѣры духовнаго совершенства. Сказалъ Господь нашъ: *вы есте свѣтъ міра. Не можетъ градъ укрытися верху горы стоя: ниже всжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ снудомъ, но на свѣциницѣхъ и свѣтитъ всѣмъ, иже въ храмѣхъ суть* (Мо. 5, 14—15). Съ самаго почти прибытія о. Іоасафа въ Павло-Обнорскій монастырь и до конца его здѣсь пребыванія, помимо вышеописанныхъ нами трудовъ по благоустроенію обители и духовному окормленію своихъ учениковъ и ученицъ ему суждено было войти и въ великій подвигъ истиннаго о. Господѣ пастырствованія душъ человѣческихъ, въ мірѣ жившихъ и Бога не забывавшихъ. О томъ же, каковъ долженъ быть истинный пастырь словеснаго стада Христова и что отъ него требуется, чтобы дѣланіе его было благоплодно и спасительно для многихъ, мы и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ, на минуту прервавъ нить повѣствованія.

Самымъ лучшимъ убѣжденіемъ и подкрѣпленіемъ пастырскаго слова можетъ служить примѣрная жизнь самого пастыря. Пастырь, по слову Апостола Павла, долженъ лично «вникать въ себя и ученіе, занимаясь симъ постоянно (1 Тим. 4, 16), самъ долженъ быть образцомъ для вѣр-

ныхъ не только въ словѣ, но и въ житіи» (4,12). «Слово бо безъ образа добродѣтельнаго житія—нѣсть дѣйствительно»,—поясняетъ эту мысль Апостола Св. Димитрій Ростовскій. И дѣйствительно, только слово добраго пастыря церкви бываетъ живо и дѣйственно. Слово такого пастыря, сказанное изъ глубины его сердца и подтверждаемое примѣромъ его собственной благочестивой жизни, пріобрѣтаетъ силу убѣдительности, оно проникаетъ прямо въ душу слушателей, властно дѣйствуетъ и покоряетъ ее. Отъ такого учителя нравственности вѣетъ какая-то особая, благодатная теплота, которая возбуждаетъ нравственную энергію, побуждая слушателей на духовные подвиги. Такіе пастыри невольно влекутъ къ себѣ людей; они, по прекрасному выраженію св. Теофана Затворника, «замѣняютъ апостольскія мрежи. И какъ около сильнаго магнита собирается множество опилокъ, или какъ сильный характеръ увлекаетъ слабыхъ, такъ и обитающая въ нихъ сила духа влечетъ къ себѣ всѣхъ». Вся жизнь пастыря, все его служеніе должно быть проникнуто духомъ кротости, смиренія и любви. Св. Игнатій Богоносецъ призываетъ пресвитеровъ «исполнять служеніе свое со всякимъ тщаніемъ, плотскимъ и духовнымъ. Старайся—говоритъ онъ,—о единеніи, будь снисходителенъ ко всѣмъ, неутомимъ въ молитвѣ, носи немощи всѣхъ: ибо гдѣ больше труда, тамъ больше и пріобрѣтенія... Будь бдителенъ, какъ подвижникъ Божій... Стой твердо, какъ наковальня, когда по ней бьютъ. Хорошему бойцу свойственно принимать удары и, однако, побѣждать. Но особенно мы должны все терпѣть Бога ради, чтобы и Онъ потерпѣлъ насъ». Св. Поликарпъ Смирнскій требуетъ, чтобы пастыри были «благосердны, милостивы ко всѣмъ, обращали заблуждшихъ, посѣщали больныхъ, заботились о вдовахъ, о бѣдныхъ и сиротахъ, воздерживались отъ гвѣва, мщенія, заискиванія и несправедливости, удалялись отъ всякаго сребролюбія и не были легковѣрны къ наговорамъ на кого-либо». Св. Григорій Богословъ, придавая громадное значеніе доброй нравственной жизни пастыря, говорилъ, что никто не долженъ принимать на себя высокаго званія безъ тщательной предварительной подготовки, а тѣмъ болѣе изъ своекорыстныхъ видовъ. Пастырь, по словамъ св. Григорія, долженъ «стоять съ ангелами, славословить съ архангелами, возносить жертвы въ горній жертвенникъ, священнодѣйствовать со Христомъ, возсозидать созданіе, возстановлять образъ Божій». Св. Амвросій Медиоланскій въ своемъ твореніи «О обязанностяхъ священнослужителей» пишетъ: «служителю Господню не слѣдуетъ прельщаться земными удовольствіями; напротивъ, онъ долженъ проявить всѣ тѣ нравственныя качества, которыя требуются отъ него Апостоломъ Павломъ (1 Тим. 3), и дорожить общественнымъ мнѣніемъ, чтобы не ронять своего званія, но чтобы всякій, видя служителя алтаря Господня, украшеннаго соотвѣтствующими его сану добродѣтелями, чтилъ и прославлялъ Творца и Господа, имѣющаго въ Своемъ вертоградѣ такихъ дѣлателей». А св. Златоустъ вопрошаетъ: «каковъ долженъ быть тотъ,

кто молится за цѣлый городъ, за всю вселенную, и умоливляетъ Бога за грѣхи всѣхъ, не только живыхъ, но и умершихъ? Онъ (священникъ) такъ приступаетъ къ Богу, какъ будто ему ввѣренъ весь міръ, и онъ есть отецъ всѣхъ; молить о прекращеніи всюду войнъ, утишеніи мятежей, просить о мирѣ, плодородіи, скоромъ устраниеніи всѣхъ тяготящихся бѣдствій, частныхъ и общественныхъ. Онъ долженъ во всемъ столько превосходить всѣхъ, за которыхъ просить, сколько защитникъ превосходить защищаемыхъ».

Всѣ эти истины отлично были извѣстны о. Іоасафу и, при помощи благодати Божіей, онъ достигъ той мѣры духовнаго возраста и богатства духовнаго, когда могъ безтрепетно войти въ это спасительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ великое и отвѣтственное дѣланіе—пастырствованія душъ человѣческихъ. Не малымъ также ободреніемъ для него въ настоящемъ случаѣ послужило и слѣдующее обстоятельство изъ жизни св. старца его: въ апрѣлѣ 1832 г. изъ глубины лѣсовъ галичско-костромскихъ одинъ изъ учениковъ и собесѣдниковъ великаго Серафима старецъ-пустынножитель іеромонахъ Тимонъ († 21 января 1840 г.) пришелъ въ Саровъ, добрался до келліи о. Серафима и ожидалъ увидѣть его. Но о. Серафимъ допустилъ до себя Тимона не сразу. Всѣ безпрепятственно входили къ нему, одному Тимону закрытъ былъ входъ, и онъ тщетно простоялъ у келліи до самаго вечера. Наконецъ и ему дано было благословеніе взойти въ келлію. «Азъ же, говорилъ впоследствии старецъ Тимонъ иноку Пароенію, — взошедши, падохъ ему (Преподобному Серафиму) на ноги, и отъ радости много плакалъ, что чрезъ много лѣтъ сподобился видѣть еще его въ живыхъ, и сказалъ ему: «отче святыи! за что вы на меня, грѣшнаго, прогнѣвались и цѣлый день меня до себя не допускали?» Онъ же меня поднялъ и началъ говорить: «нѣтъ, не тако, отче Тимоне! азъ тебе люблю; но это я сдѣлалъ потому, что ты—монахъ, да еще и пустынножитель, потому долженъ ты имѣть терпѣніе; да еще испытывалъ тебя, чему ты научился, живши столько лѣтъ въ пустынѣ; не пустой-ли ты изъ нея вышелъ? А прочіе люди—мірскіе, да еще и больные; ихъ надобно прежде полечить и отпустить; ибо *здрави врача не требуютъ, но болящии*, какъ Господь сказалъ. А съ тобой надобно при свободномъ времени больше побесѣдовать». И тако съ нимъ всю ночь препроводили въ бесѣдѣ, въ которой, между прочимъ, Преподобный Серафимъ далъ старцу Тимону слѣдующій замѣчательный завѣтъ, краткій по количеству заключающихся въ немъ словъ, но необъятный по своему глубокому, внутреннему, духовному значенію: «сѣи, о. Тимонъ, говорилъ Преподобный, сѣи, всюду сѣи данную тебѣ пшеницу. Сѣи на благой землѣ, сѣи и на пескѣ, сѣи на камени, сѣи при пути, сѣи и въ терніи; все гдѣ-нибудь да прозябнетъ, и возрастетъ, и плодъ принесетъ, хотя и не скоро. И данный тебѣ талантъ не скрывай въ землѣ, да не истязанъ будеши отъ своего Господина; но отдавай

его торжникамъ; пусть куплю дѣютъ»¹⁾. Итакъ, во всеоружіи духовной мощи о. игумень Іоасафъ вступилъ на подвигъ общественнаго служенія ближнимъ своимъ, братьямъ своимъ о Христѣ, словомъ и дѣломъ, врачеваніемъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, утоленіемъ ихъ скорбей и обстояній.

Для всѣхъ жителей Вологодской страны еще и донинѣ о. Іоасафъ живъ, — живъ не отвлеченнымъ безсмертіемъ, но полною, кровною жизнію, не смотря на то, что истекло уже три десятилѣтія, какъ онъ скончалъ подвигъ своего земнаго теченія. Не въ разнорѣчивыхъ и даже враждебныхъ ему и о немъ замѣткахъ книжныхъ должно искать подробностей его многоплоднаго дѣланія, а въ простыхъ рѣчахъ и теплыхъ воспоминаніяхъ темныхъ жителей бѣднаго Грязовецкаго края, въ любви, съ которою произносится его имя, въ гостепріимной обители, имъ возсозданной, дающей душамъ приходящихъ сюда богомольцевъ то, что имъ на потребу — молитвенный отдыхъ отъ суеты житейской, временное отрѣшеніе отъ праха земнаго. Глубока душа наша, таинственна жизнь ея, и обзорніе ея во всей полнотѣ недоступно нашему сознанію. Въ ней гнѣздятся порочныя побужденія и влеченія, укореняются страсти незамѣтно для насъ самихъ среди житейскихъ дѣлъ, и только общее ощущеніе недовольства собою и своею жизнію даетъ намъ понять, что не въ порядкѣ душа наша. Рѣдкіе проблески совѣсти, какъ молнія въ темную ночь, озаряютъ на мгновеніе нашъ путь, вздрагиваетъ наше сердце при воспоминаніи о смерти и судѣ Божіемъ, но мірская суета снова сгущаетъ мракъ въ душѣ нашей. И душа томится, ищетъ выхода изъ лабиринта страстей, и едва только завидитъ свѣтъ, способный разогнать ея тьму, какъ стремится къ этому свѣту, стремится съ усердіемъ, вѣрою, любовію. А такимъ именно свѣтомъ для здѣшнихъ жителей и былъ о. игумень Іоасафъ. Впрочемъ лучше и правдивѣе сказать: не для здѣшнихъ только, а для всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность ближе узнать золотыя качества его души и сердца еще въ Саровѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. И какъ много духовныхъ нуждъ въ народѣ, какъ горячо его исканіе истиннаго, благодатнаго, спасающаго свѣта!...

Съ прибытіемъ о. Іоасафа въ Павло-Обнорскій монастырь сюда обращается весь край; пріѣзжаютъ люди изъ отдаленныхъ мѣстъ, изъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ: Ярославля, Данилова, Пошехонья, Любима, Грязовца, Вологды и т. п.: всѣ классы являются въ обитель ищущими бесѣды съ ея игуменомъ, и со всѣми ими о. Іоасафъ обращается съ великимъ вниманіемъ, смиреніемъ и любовію. А смиреніе его было глубоко; проникало какъ будто все его существо. Когда ему приходилось быть совѣтникомъ, онъ всегда лишь исполнялъ послушаніе, какъ бы по Божіему повелѣнію бралъ на себя это бремя и всегда старался отыскать что-либо «отъ Писанія», изъ жизни и свято-отече-

¹⁾ Житіе старца Серафима. СПб., 1863 г., стр. 296.

скихъ твореній, глубокимъ знатокомъ которыхъ онъ былъ,—такое подходящее событіе или изреченіе, которое въ данномъ случаѣ устраняло-бы его личное воззрѣніе. Духовныхъ лицъ, обращавшихся къ нему, особенно священниковъ, иваче не называлъ, какъ «отецъ мой». Оставаясь наединѣ съ тѣми изъ нихъ, къ которымъ питалъ особое, преимущественное предъ другими, расположеніе, нерѣдко прислуживалъ имъ. И какихъ трогательныхъ сценъ не была свидѣтельницаю келлія игумена: здѣсь хромающіе, по выраженію его, супруги давали другъ другу обѣты вѣрности и чистоты супружеской, здѣсь враги прощали другъ друга, обнимались и цѣловались на глазахъ старца, уѣзжая истинными друзьями; здѣсь бѣдные и немущіе утѣшались его посильною, всегда нескудною, помощію, укрѣплялись надеждою на помощь Божію и отходили веселыми; смущенные и взволнованные, послѣ бесѣды съ нимъ оставляли ее умиротворенными и радостными. Словомъ, келлія о. Іоасафа была истиннымъ училищемъ, гдѣ всѣ поучались различнымъ добродѣтелямъ примѣромъ и раствореннымъ любовію словомъ о. игумена. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ, по нашему времени исключительный, очень рѣдкій по своей самобытности и душевнымъ качествамъ, а главное—истинный подвижникъ Божій. И всякій разъ, какъ мысль касается его, духовному взору предстаетъ внѣшній обликъ его, высокій, стройный, съ лицомъ, оттѣненнымъ матовою блѣдностію, съ сѣдою брадою, ниспалавшею до персей, съ глазами, свѣтившимися, любовію и твердою волею, съ кроткою и привѣтливою улыбкою на устахъ. Вспоминается его св. простота всегда и во всемъ.. И думается, что это происходило у него потому, что во всѣхъ обстоятельствахъ жизни онъ былъ всегда одинъ и тотъ-же, живущій своею собственною внутреннею жизнію и очень мало или даже и совершенно недумавшій о томъ, что будутъ говорить о немъ люди. И для этого ему не нужно было дѣлать надъ собою усилія, такъ какъ у него и въ немъ было все совершенно естественно, свободно; во внѣшней жизни его проявлялось то, что было содержаніемъ внутренней. И такъ было въ продолженіе всей его жизни.

И не въ обители только Преподобнаго Павла, и не въ своей только келліи о. Іоасафъ сѣялъ сѣмена добра и привлекалъ къ себѣ сердца людей. Ему, по дѣламъ своего монастыря, приходилось нерѣдко оставлять его и посѣщать города, селенія, усадьбы сосѣднимъ помѣщикамъ. Всюду, куда ни являлся о. игумень, онъ приносилъ съ собою какое-то особенное радостное настроеніе, въ которомъ долго и по отъѣздѣ его находились посѣщенные имъ лица. Въ домъ, гдѣ находился игумень, сходились во множествѣ его почитатели послушать его душеполезной бесѣды, ради которой и духовнаго назиданія благочестивыхъ душъ онъ забывалъ и о пищѣ и о питіи; пѣли иногда здѣсь и священныя пѣсни. Мысль о загробной жизни была присущею ему всегда; въ кельѣ его находился деревянный черепъ головы человѣческой, сдѣланный однимъ токаремъ и подаренный ему; проходя мимо него, онъ

говорилъ: «вотъ красота наша!» и невольно вздыхалъ. Когда онъ бесѣдовалъ съ другими, дома-ли у себя, или у нихъ, то предметами его бесѣды было главнымъ образомъ спасеніе души; давалъ онъ, впрочемъ, мнѣнія и совѣты и на вопросы о дѣлахъ житейскихъ, когда таковыя были серьезны. Даже болѣе того: входилъ въ мельчайшія подробности быта обращающихся къ нему. Ни одинъ изъ окрестныхъ жителей не предпринималъ ничего особенно важнаго прежде, чѣмъ не испросить на это благословенія старца Божія, и было замѣчено, что только тѣ предпріятія были благоуспѣшны, которыя удостоивались благословенія его.

Такъ о. Іоасафъ нескучно всюду сѣялъ сѣмена благочестія въ сердцахъ христіанскихъ, и сколько посѣяно имъ этихъ сѣмянъ, про то знаетъ Тотъ, Кто назираетъ всѣ дѣла и пути человѣческія. Положительно извѣстно, что о. Іоасафъ, бывая въ Петербургѣ, одинъ разъ имѣлъ счастье представляться въ Бозѣ почивающей Императрицѣ Маріи Александровнѣ, по Ея желанію. Благословивъ Государыню, онъ сказалъ: «да благословитъ Тебя Господь отъ Сіона, благочестивѣйшая мать земли Русской»; благословляя же дѣтей Государыни, произнесъ: «да будутъ благословенны Господомъ и Августѣйшіе Дѣти Твои!» Выходя отъ Государыни, онъ встрѣченъ былъ фрейлинами Ея и, благословляя ихъ, замѣтилъ: «вотъ вы удостоены великой чести служить Царицѣ земной; храните же себя, чтобы удостоиться служить и Царицѣ небесной». Въ одной изъ статей, посвященныхъ памяти о. Іоасафа, нѣкій почитатель его говоритъ слѣдующее: «пишущій настоящія строки, неоднократно осчастливленный душеполезными бесѣдами о. Іоасафа, въ бытность его игуменомъ Павло-Обнорскаго монастыря, и на себѣ и родныхъ, и знакомыхъ видѣвшій исполненіе многого изъ того, что составляло предметъ задушевныхъ, благодатію Божіею благоуханныхъ. бесѣдъ его, дерзновенно вѣруеть, что о. Іоасафъ стоитъ самаго благоговѣйнаго почитанія и самъ по себѣ, а какъ любимый ученикъ Преподобнаго Серафима и тѣмъ паче» ¹⁾. Ректоръ Рижской духовной семинаріи, протоіерей Алексій Лебедевъ пишетъ, что ему «еще въ отрочествѣ ясно помнится, какъ многіе дорожили его (игумена Іоасафа) совѣтами и паставленіями, считая ихъ за безусловное рѣшеніе въ своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ» ²⁾. И если предшествовавшая періоду его жизни въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ дѣятельность и не чужда была, быть можетъ, ошибокъ, допущенныхъ во всякомъ случаѣ незлонамѣренно, то пребываніе его въ послѣднемъ было настолько плодотворнымъ для всѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ, что даже самые недоброжелатели его не могли сказать о немъ чего-либо неодобрительнаго, двусмысленнаго. И невольно воспоминаются при этомъ дивныя слова Преподобнаго Серафима, нѣкогда имъ сказанныя ученику своему Іоанну: «радость моя, молю тебя! стяжи мирный духъ, и тогда тысячи душъ спасутся около тебя!»

¹⁾ Статья І. К. М. „Церковн. Вѣдом.“ 1903 г., № 748.

²⁾ Павло-Обнорскій мон., «Церковн. Вѣдом.», 1897 г., № 46.

А какъ онъ служилъ прославленію своего великаго старца, какъ любилъ его, какъ беззавѣтно былъ преданъ его священной памяти!... Имя Серафима не сходило съ его устъ; о немъ онъ бесѣдовалъ съ приходящими къ нему, его именемъ и заканчивалъ свои бесѣды. Непоколебимо вѣруя въ его богоугодность, въ силу его молитвъ и предстательства предъ Господомъ, о. Іоасафъ твердо вѣровалъ и въ чудодѣйственность воды Саровскаго Серафимова источника, о которомъ великій Угодникъ Божій говорилъ: «радость моя, я молилъ Господа, чтобы вода сего источника была цѣлительною!» Ежегодно о. Іоасафъ изъ своей обители въ далекій Саровъ посылалъ зимою преданнаго ему сосѣдняго старца—крестьянина Александра Баруздина на лошади, который и доставлялъ ему изъ источника воду въ огромной бочкѣ. Не мало, какъ рассказывалъ своимъ слушателямъ этотъ старецъ, бывало съ нимъ въ пути курьезныхъ приключеній. Приѣдетъ онъ на ночлегъ на постоялый дворъ. Разговариваются ночлежники по душамъ. «Откуда будешь, дѣдушка»? спрашиваютъ.— «Изъ Грязовца, изъ подъ Вологды». «Далеко-ли ѣздишь»?— «Въ Саровъ». — «Зачѣмъ?» — «За водою». — Съ нескрываемымъ изумленіемъ посмотрятъ на него собесѣдники и поднимутъ на смѣхъ: «да ты прямо сумасшедшій, скажутъ: болѣе тысячи версть ѣздить, и зачѣмъ? за льдомъ». Но послушливый старецъ не обращалъ никакого вниманія на ихъ насмѣшки и благополучно доставлялъ бочку о. Іоасафу. А игумень щедро раздавалъ эту воду страждущимъ различными болѣзнями. И по вѣрѣ дающаго и приѣмлющихъ, по молитвамъ же Преподобнаго Серафима, было множество проявленій отъ воды сея чудодѣйствующей и спасающей милости Божіей. А въ рассказѣ одного благочестиваго писателя, преданномъ печати, извѣстенъ слѣдующій случай: «бывшій близкимъ къ старцу Серафиму, говорятъ онъ. тогда послушникъ Іоаннъ, впоследствии игумень Павло-Обнорскаго монастыря Іоасафъ, посѣтилъ въ Петербургѣ домъ частнаго пристава Муратовскаго и благословилъ дочь его Марію изображеніемъ великаго старца, котораго безгранично чтилъ. Дѣвочка крѣпко привязалась къ этому изображенію и не разставалась съ нимъ. Выучившись грамотѣ, она особенно полюбила сказаніе о жизни и подвигахъ дивнаго подвижника и постоянно перечитывала его, отъ всей полноты маленькаго своего сердца пылая любовью и усердіемъ къ кроткому, чудному старцу. И великій чудотворецъ отплатилъ любовью за такую любовь. Дѣтей у Муратовскаго было много, и дочь Марію непременно надо было пристроить въ казенное учебное заведеніе на казенный счетъ. Дѣвочку отправили держать экзаменъ въ Тамбовскій институтъ. Экзамены она выдержала, но жребій выпалъ несчастный, и дѣвочка не была принята. Не знали, что дальше дѣлать, а пока она проживала въ Тамбовѣ у одной доброй особы. Особа эта поддерживала въ дѣвочкѣ увѣренность, что, за ея усердіе къ старцу Серафиму, старецъ окажетъ ей свою великую милость. Что же случилось? Начальникъ губерніи, пересматривая документы дѣвицы, обратилъ вниманіе на метрическое

свидѣтельство дѣвицы, гдѣ крестнымъ отцомъ ея показанъ былъ одинъ извѣстный богатый сановникъ, жившій въ Москвѣ. Родители дѣвочки не рѣшались беспокоить его. А губернаторъ, войдя въ ея положеніе, написалъ крестному отцу о происшедшемъ затрудненіи. Письмо имѣло успѣхъ. Крестный отецъ прислалъ деньги для взноса платы въ институтъ, и дальнѣйшее образованіе малолѣтней почитательницы старца Серафима было обезпечено» ¹⁾). По примѣру своего великаго старца и о. Иосафъ имѣлъ обыкновеніе давать нѣкоторымъ изъ своихъ посѣтителей на благословеніе ржаные сухарики. И вотъ что рассказываетъ о себѣ почтенная старица Евдокія Чернышева, подѣ сънью обители Преподобнаго Павла доживающая дни своей жизни. Вмѣстѣ съ другими пришла она къ старцу и, по природной своей стѣснительности, не могла даже и заговорить съ нимъ, а только мысленно просила его: «благослови, батюшка, не носить нарядовъ». — «Богъ благословить», отвѣчалъ на ея мысль старецъ, смотря на застѣнчивую дѣвушку. Когда на гостинницу, гдѣ пребывала Евдокія, возвратилась одна женщина съ сухариками, данными ей игуменомъ, она выпросила у ней и себѣ нѣсколько ихъ. По возвращеніи домой изъ монастыря юная паломница застала умирающею сестру свою. Больная была въ такомъ тяжеломъ положеніи, что лишилась возможности проглотить что-либо. Съ полною и глубокою вѣрою въ благодатную помощь Преподобнаго Серафима, призывая мысленно на болящую и молитвы старца—игумена, Евдокія размочила одинъ изъ принесенныхъ ею сухариковъ въ водѣ и чрезъ великую силу заставила болящую проглотить его и, едва умирающая сдѣлала это, какъ мгновенно же почувствовала себя лучше, а чрезъ нѣсколько дней была уже совершенно здоровою. И, конечно, не мало было и другихъ подобныхъ же случаевъ, но они, къ сожалѣнію, остаются для насъ совершенно неизвѣстными.

Какъ волны многоводной рѣки текли люди боголюбивые въ обитель Преподобнаго Павла, неся къ ногамъ достойнѣйшаго настоятеля ея старца-игумена свои нужды и скорби, свои сомнѣнія и недоумѣнія. А онъ, кроткій и смиренный, очищенный горниломъ минувшихъ великихъ скорбей, по слову Св. Апостола *былъ вѣстѣмъ вся, да всяко нѣкія спасетъ*, привелъ ко Христу. Въ теченіе всего его пребыванія здѣсь въ обители было множество богомольцевъ, жаждавшихъ видѣть старца Божія, получить его пастырско-отеческое благословеніе, повѣдать ему свои нужды. Замѣчено было, что онъ удостоенъ отъ Господа великимъ даромъ прозорливости, что предъ его умными духовными очами открыта была минувшая и будущая жизнь притекавшихъ къ нему людей. Прозорливость его простиралась очень далеко. Онъ давалъ наставленія для будущаго, котораго человѣку обыкновенному невозможно было предусмотрѣть. Даже болѣе того: онъ ясно читалъ мысли людей, отвѣчая на

¹⁾ Препод. Серафимъ Саровскій и «дѣти» *Е. Иосафима*. «Церковное Слово» изд. Вологодскаго Братства Всемилостиваго Спаса, 1908 г. № 95, стр. 709—710.

нихъ, какъ будто на высказанныя вслухъ. О томъ же, какъ дѣйствуетъ въ избранникахъ Божіихъ этотъ чудный даръ, даетъ намъ ясное понятіе и объясненіе житіе св. старца Іоасафова, Преподобнаго Серафима. Вотъ что мы читаемъ въ немъ по этому поводу: «разъ пришли къ о. Серафиму въ монастырскую келлію строитель Высокогорской пустыни іеромонахъ Антоній († архимандритомъ, намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры, † 12 мая 1878 года) и пріѣзжій изъ Владимірской губерніи купецъ. Они вошли вмѣстѣ. Строителя о. Серафимъ попросилъ сѣсть и подождать, а съ купцомъ сталъ немедленно говорить. Милостиво и ласково онъ обличалъ его въ порокахъ и дѣлалъ наставленія: «всѣ твои недостатки и скорби, говорилъ онъ,—суть слѣдствія твоей страстной жизни». Пространная рѣчь его на эту тему проникнута была столь трогательно теплотою сердца, что и купецъ, къ которому она прямо относилась, и строитель, для котораго она была дѣломъ стороннимъ, тронуты были, въ буквальномъ смыслѣ до слезъ. Въ заключеніе о. Серафимъ совѣтовалъ купцу поговѣть въ Саровѣ и причаститься Св. Таинъ, обнадеживая, что Господь, въ случаѣ искренняго покаянія, не отниметъ отъ него Своей благодати и милости. По окончаніи бесѣды, купецъ, настроенный къ благочестію, поклонился старцу въ ноги, благодарилъ его отъ всей души за его душеполезную бесѣду, обѣщавъ исполнить, что слышалъ, и, прося молитвъ о. Серафима, вышелъ изъ его келліи весь въ слезахъ. Тогда строитель Высокогорской пустыни, много лѣтъ пользовавшійся вниманіемъ и уваженіемъ о. Серафима, осмѣлился спросить его: «батюшка! душа человѣческая предъ вами открыта, какъ лицо въ зеркалѣ: въ моихъ глазахъ, не выслушавши духовныхъ нуждъ и скорбей бывшаго сейчасъ богомольца, вы все высказали». О. Серафимъ не сказалъ ни слова. Строитель продолжалъ: «теперь я вижу: умъ вашъ такъ чистъ, что отъ него ничто не скрыто въ сердцѣ ближняго». О. Серафимъ положилъ правую руку на уста своему собесѣднику и сказалъ: «не такъ ты говоришь, радость моя. Сердце человѣческое открыто одному Господу и одинъ Богъ—Сердцевѣдецъ; а *человѣкъ приступитъ и сердце глубоко* (Псал. 63, 7)». За симъ рассказалъ онъ, какъ нѣкоторые укоряли св. Григорія Богослова за то, что приблизилъ онъ къ себѣ Максима циника. Но святитель сказалъ: «единъ Богъ вѣдаетъ тайны сердца человѣческаго, а я видѣлъ въ немъ обратившагося отъ язычества въ христіанство, что для меня велико». Строитель опять спросилъ: «да какъ же, батюшка, вы не спросили отъ купца ни единого слова и все сказали, что ему потребно»? О. Серафимъ, отверзши уста и распространивъ слова, началъ изъяснять: «онъ шелъ ко мнѣ, какъ и другіе, какъ и ты, шелъ, яко къ рабу Божію; я, грѣшный Серафимъ, такъ и думаю, что я грѣшный рабъ Божій; что мнѣ повелѣваетъ Господь, какъ рабу Своему, то я передаю требующему полезнаго. Первое помышленіе, являющееся въ душѣ моей, я считаю указаніемъ Божіимъ и говорю, не зная, что у моего собесѣдника на душѣ, а только вѣрую, что такъ мнѣ

указываетъ воля Божія для его пользы. А бываютъ случаи, когда мнѣ выскажутъ какое-либо обстоятельство, и я, не повѣривъ его волѣ Божіей, подчиню своему разуму, думаю, что это возможно, не прибѣгая къ Богу, рѣшить своимъ умомъ,—въ такихъ случаяхъ всегда дѣлаются ошибки». Весьма назидательную и многообъясняющую сію бесѣду старецъ заключилъ такъ: «какъ желѣзо ковачу, такъ я предалъ себя и свою волю Господу Богу: какъ Ему угодно, такъ и дѣйствую; своей воли не имѣю, а что Богу угодно, то и передаю» ¹⁾. Несомнѣнно, что и о. Іоасафъ воспитался въ такихъ же чувствахъ смиренной и всеовершенной благопокорливости волѣ Божіей, съ смиреннѣйшимъ мудрованіемъ о себѣ самомъ и своихъ духовныхъ достоинствахъ; несомнѣнно, что и онъ въ настоящемъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, слѣдовалъ примѣру своего незабвеннаго и великаго св. старца. И дивенъ былъ ниспосланный ему отъ Господа даръ прозорливости не только дѣлъ и словесъ, но и мыслей сердечныхъ приходившихъ къ нему людей. Предъ нами нѣсколько воспоминаній лицъ, ему современнымъ, которыя мы и приводимъ здѣсь такъ, какъ они намъ сами повѣдали, свидѣтельствуясь Богомъ въ истинѣ всего имъ рассказываемаго.

Вотъ что рассказываетъ въ своихъ запискахъ глубокая старица Агриппина Константиновна Соболева.

«Въ первый разъ я была въ обители Преподобнаго Павла въ 1864 г. вмѣстѣ съ матерью моею. Пришли мы къ о. Іоасафу за благословеніемъ его перебраться намъ на жительство въ болѣе многочисленную деревню. Прежняя же наша деревенька была маленькая, со всѣхъ сторонъ окруженная лѣсомъ: настоящая пустыня, въ которой посторонній человѣкъ былъ весьма рѣдкимъ явленіемъ. О. игумень не благословлялъ намъ переходъ, совѣтуя лично мнѣ одной лучше поступить въ Серафимо-Понетаевскую общину.—«На кого же, подумала я, оставлю свою мать?»—«А ты приищи хорошее мѣстечко и оставь въ немъ свою мать», отвѣтилъ онъ тотчасъ же на невысказанную еще ему мысль. Я не послушалась, и мы переѣхали. Страшная тоска была плодомъ преслушанія старческаго совѣта. Много разъ я неутѣшно плакала, успокаиваясь только въ обители Преподобнаго Павла, куда ходила довольно часто, прося св. молитвъ о. игумена; но съ возвращеніемъ домой—возвращалась и тоска моя и еще въ сильнѣйшей степени. Изнемогая отъ нея, я открыла о. Іоасафу свое душевное состояніе. «Это—отъ врага, замѣтилъ онъ;—а ты скажи ему, когда онъ чрезмѣрно будетъ налегать на тебя: вотъ я къ о. игумену пойду па благословеніе и пожалуюсь ему на тебя». Четыре года провела я въ такомъ безотрадномъ душевномъ состояніи, и вѣрую, что только по его молитвамъ Господь избавилъ меня отъ него.

¹⁾ „Житіе Преподобнаго отца нашего Серафима, Саровской обители іеромонаха, пустынножителя и затворника“. Седьмое изданіе Саровской обители. Москва, 1904 г., стр. 162—164.

«Еще тогда, какъ въ Павловѣ монастырѣ и скита не было, испросила я у батюшки благословеніе—производить сборъ dobroхотныхъ даяній на обитель. Онъ благословилъ, и по его молитвамъ Господь посылалъ мнѣ многихъ благотворителей, благотворившихъ деньгами, хлѣбомъ, холстомъ и другими предметами. Много въ это время Преподобный Павелъ проявлялъ случаевъ чудодѣйственной своей силы, исцѣлявшей болящихъ. Однажды, придя въ монастырь, я рѣшилась сказать батюшкѣ о своемъ намѣреніи—уйти въ женскій монастырь, но прежде чѣмъ высказала свою мысль, услышала отъ него: «милостивъ Господь Богъ: быть можетъ, устроить Онъ тебя въ Серафимовскую общину и Преподобный Серафимъ приведетъ тебя въ огралку свою». Время шло, а желаніе мое не исполнялось.—«Никакъ не приводить меня Господь въ обитель, думаю: не для себя-ли еще остававливаетъ меня Преподобный Павелъ, чтобы потрудиться въ сборѣ на его обитель?» Съ такими мыслями прихожу въ обитель.—«Не сокрушайся, матушка, встрѣтилъ меня о. Іоасафъ; можетъ быть Преподобный Павелъ и для нашей обители остававливаетъ тебя». Сказалъ онъ мнѣ это пменно тѣми словами, какими я думала. Въ 1877 г. я чрезвычайно занята была мыслию, что хорошо бы намъ съ маменькою купить гдѣ нибудь другую келлію лучше, чтобы и землянка была своя, и огородикъ подъ грядочки свой же. Прихожу къ батюшкѣ 8 ноября, а онъ и говорить мнѣ: «надо бы вамъ, матушка, келію-то перемѣнить, гдѣ другую найти на своей земелькѣ, и огородикъ бы свой съ грядочками завести».—«Нужно бы батюшка, отвѣчаю, да не знаю какъ Богъ приведетъ». И только возвратившись домой вспомнила, что онъ въ сущности повторилъ мои мысли. Въ другой разъ думаю: «не лучше-ли мнѣ въ Понетаевку уйти, еслибы батюшка попросилъ за меня матушку игуменію?» Прихожу къ нему, а онъ и говорить: «да хорошо бы, раба Божія, еслибы тебя Господь привелъ въ Понетаевскую обитель отца Серафима, да и я попрошу матушку о тебѣ; ты же призывай себѣ на помощь Царицу небесную». Возвратившись домой, я продолжала хлѣбный сборъ на обитель, а годъ былъ неурожайный и сборъ поэтому былъ малый, даже лошади не только найти, но и нанять было невозможно, такъ что иногда и сильно поскорбишь, да и скажешь самой себѣ: «на пользу-ли мнѣ будетъ этотъ сборъ; не лучше-ли вмѣсто него подавать посильную милостыню бѣднымъ и сиротствующимъ?» Въ первое же мое свиданіе послѣ такихъ размышленій съ о. Іоасафомъ, старецъ Божій, отвѣчая на тайныя мысли мои, говорить: «да, матушка, на пользу-ли сборъ-то твой будетъ; не лучше-ли бѣднымъ и сиротствующимъ вдовицамъ благотворить? Мню, что такъ будетъ лучше; ибо и батюшка Серафимъ даже искать такихъ вдовицъ велѣлъ, или дѣвицъ отъ гибели спасать. Что можетъ быть лучше и Богу пріятнѣе, когда душу человѣческую спасешь?».

«Много въ жизни приходилось мнѣ терпѣть напраслины горькихъ и тяжкихъ отъ людей, врагомъ наущаемыхъ, за мою приверженность

къ Павлову монастырю и малые для него труды. Бывало, моя мать и другіе говорятъ мнѣ: «что это ты терпишь напрасно?» а я отвѣчаю имъ: «а какъ-же батюшка-то говорить: все надобно съ благодарностію переносить?» Прихожу въ монастырь. и слышу отъ него: «да, матушка; скажи дома, что батюшка говорить: все надобно съ благодарностію переносить». Два раза посѣтилъ онъ меня и въ моемъ домѣ. Въ послѣдній разъ это было въ 1871 году. Провожая его на протяженіи шести верстъ отъ своего жилища, я внимала его словамъ, а онъ говорилъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее: «надобно жить, аки мертвецу. Если претерпишь безропотно всѣ обиды и оскорбленія, то выше всѣхъ монаховъ станешь въ будущей жизни, и спасеніе получишь. Располагай всѣхъ къ обители Преподобнаго Павла, и будешь награждена отъ Господа, и усердствующіе къ ней. Не бойся никакихъ препятствій въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ: Господь Самъ заступитъ тебя, Преподобные Павелъ и Серафимъ и Царица небесная будутъ твоими ходатаями предъ Богомъ. Если угодное Богу дѣло дѣлаешь, и видишь, что нападаютъ на тебя невидимые враги,—знай, что это душѣ полезно. Терпи эти оскорбленія и поношенія ихъ, со смиреніемъ молясь за нихъ: еслибы не было бѣдъ и напастей—не было бы и награды за нихъ. Въ церковь ходи, не боясь никакихъ препятствій. Уповай на Спасителя, что Онъ защититъ тебя; зри на Его страданія: Онъ всю Кровь Свою пролилъ за тебя, будучи Создателемъ вселенной. Скорби и обиды нужны для вѣчной жизни. Вспомни житіе Преподобнаго Макарія Егинетскаго, какъ онъ, будучи чистъ душею и тѣломъ, принялъ на себя напрасную клевету; вспоминай и того инока, которому было старцемъ приказано идти и бить надгробные памятники, которые, конечно, не дали ему никакого отвѣта. Вотъ такъ и надобно жить, какъ крѣпкому камню, ни отъ какихъ прираженій скорбныхъ не разбиваясь и не малодушествуя. Терпи, молись Господу, трудись въ богоугодномъ дѣлѣ нелѣбно, и вѣрь, что Преподобный Павелъ исходатайствуетъ тебѣ милость Его. Только ты не превозносишься и не ослабѣвай въ богоугодномъ дѣлѣ, не боясь никакихъ враговъ, ибо Господь—твой Защитникъ».

«Дивна была его прозорливость.—«Пойдемте въ монастырь, говоримъ дома, собираясь туда на праздникъ; служба будетъ хорошая». Приходимъ. Являемся къ о. игумену на благословеніе.—«Вотъ и слава Богу, что пришли, скажетъ онъ намъ; служба будетъ хорошая, да и праздникъ-то большой». Еще въ 1864 г. я просила у о. Іоасафа благословенія—сходить на богомолье въ Троице-Сергіеву лавру. Онъ благословилъ, сказавъ: «пойди; только опасно храни себя вездѣ». Помолившись у Троицы, пошла я и въ Хотьковъ. По дорогѣ встрѣчаю человѣка, одѣтаго въ подрясникъ, который спросилъ меня: «куда идешь?»—«Въ Хотьковъ», отвѣчаю.—«И мнѣ туда же надобно». Подхожу къ лѣсу и, оглянувшись, вижу, что вдали за мною спѣшитъ тотъ же человѣкъ. Опасеніе обиды отъ него внушило мнѣ рѣшимость по входѣ въ лѣсъ свер-

нуть въ сторону и версты двѣ бѣжать бѣгомъ, пока въ какомъ-то буеракѣ не просидѣла я часа два, мысленно прося о. Іоасафа помолиться за меня. Господь сохранилъ меня отъ зла невредимой, и я совершенно благополучно сходила на богомолье и возвратилась домой. Лѣтъ черезъ пять послѣ того батюшка говоритъ мнѣ: «была одна дѣвица, ходившая къ Троице-Сергію. Она такъ опасно хранила свое дѣвство, что, избѣгая встрѣчи съ мужчинами, по пути въ Хотьковъ, въ буеракѣ сидѣла, лишь бы избавиться ей отъ врага». Поняла я о комъ ведетъ рѣчь о. Іоасафъ и подивилась его дару прозорливости, проницавшей то, что совершалось за 300 версть отъ него, и что было извѣстно только мнѣ одной».

«Ему было открыто все, и какъ будто жизнь моя проходила предъ его глазами. Предъ однимъ изъ путешествій въ обитель, я особенно усердно упражнялась въ чтеніи различныхъ св. книгъ: читала Евангеліе, Библию, Псалтирь, житія Святыхъ и другія религіозно-нравственныя книги. Когда я пришла къ нему, онъ и говоритъ: «читай матушка, читай розныя книги-то, то ту, то другую, хотя по-немногу, и полагай когда десять, когда сто поклончиковъ», а нужно сказать, что въ это время я именно такъ и поступала въ своихъ молитвахъ къ Пречистой Богородицѣ». Размышляла я однажды, что надобно сначала Господу молиться, потомъ обращаться къ угодникамъ Его и уже затѣмъ просить молитвъ св. старцевъ. Когда увидался со мною о. игуменъ, то по обыкновенію, предваряя мое намѣреніе высказать ему свою мысль, сказалъ: «да, матушка, надо сперва Господу Богу молиться, потомъ и угодниковъ Его просить». Онъ положительно читалъ мысли людей. Приходимъ мы лѣтомъ въ монастырь, и идемъ къ нему. А онъ въ это время работаль—землю копаль. Я и подумала: «теперь землю копаешь, а завтра въ служеніи ему надобно быть; и руки-то всѣ въ землѣ: поди, въ баню надобно ему итти». Благословляя насъ, онъ повторилъ мои слова съ буквальною точностію.—Были въ монастырѣ наши женщины и, увидѣвъ молодыхъ послушниковъ, курившихъ табакъ, невольно осудили ихъ въ умѣ. Проходившій мимо ихъ о. игуменъ, обращаясь къ нимъ, замѣтилъ: «вотъ, матушка, скитъ будетъ у насъ, и никто не будетъ табакомъ заниматься въ немъ».—Подумала я однажды: «какая у насъ плохая пища». Это было въ нашемъ домѣ. Увидѣвъ меня въ монастырѣ, онъ сказалъ: «что пищу разбирать? а что Господь пошлетъ—тѣмъ и будь довольна».—Раздумалась я: «вотъ, собираю на монастырь: а будетъ-ли мнѣ какая награда за это въ будущей жизни?» и съ этими думами пришла въ обитель.—«Ожидай, матушка, награды, такъ встрѣтилъ меня о. Іоасафъ. Тамъ Павелъ Прендобный исходатайствуетъ спасеніе тебѣ».—Въ одинъ разъ пришли мы въ обитель. Батюшка благословилъ намъ очистить берегъ отъ камней. Работая, замѣтила я на другомъ берегу рѣки огромной величины камень, и думаю: «полезно было-бы за свои успѣхи поднять этотъ камень». Въ этотъ моментъ подходитъ къ намъ о. игуменъ, и говоритъ: «вотъ бы, раба Божія, вотъ тотъ большой камень полезно

было бы поднять за грѣхи свои».—Работая съ другими въ отсутствіе о. игумена, мы завели разговоръ о томъ, какъ много онъ потрудился для обители, начиная съ ограды, собора, Успенской церкви, скита и кончая Голгооскою горою. Черезъ нѣкоторое время подошелъ къ намъ и о. игумень.— «Вотъ, матушки, сказалъ онъ, когда меня не будетъ здѣсь, все-таки будутъ вспоминать, что то и то Іоасафъ устроилъ» и перечислилъ все тѣми же словами, какими мы говорили о его дѣятельности, что всѣхъ насъ необычайно поразило.—Нося кирпичъ и камни на монастырскія постройки, утрудимся мы, бывало, слабыя женщины, до чрезвычайности.— «Господи! воскликнешь: принеси намъ батюшку на помощь». И тотчасъ же онъ спѣшитъ къ намъ, вмѣстѣ съ нами начинаетъ работать, и своимъ присутствіемъ какъ бы волеетъ въ насъ новыя силы: усталости какъ не бывало, готовы работать до безконечности.— Молитвы его обладали чудодѣйственною силою. Для поливки капусты переносила я однажды десять огромныхъ ушатовъ воды, тогда какъ прежде, по своей тѣлесной слабости, не могла бы вынести и половины. Встрѣтившійся старецъ замѣтилъ: «вотъ какъ Господь тебѣ помогъ: ты съ роду не нашивала постольку воды-то».

«На одинъ Троицынъ день, когда въ монастырѣ бывало особенно много народу, направляясь сюда, я глубоко скорбѣла, что за многочисленностью трудно будетъ видѣть батюшку. Заночевали мы въ дорогѣ. Уснула я уже на зарѣ, и вижу: будто подходимъ мы къ обители, а о. игумень идетъ изъ конныхъ воротъ. Мы упали ему въ ноги, а онъ, благословляя насъ, говорилъ: «Богъ васъ благословитъ; идите на гостинную, а послѣ я увижусь съ вами». Это же самое съ буквальною точностію случилось на другой день уже на яву, когда мы подошли къ монастырю, и о. Іоасафъ повторилъ тѣ-же самыя слова, которыя имъ были сказаны мнѣ въ сновидѣніи.—Собираясь на освященіе монастырскаго Троицкаго собора, мы знали, что стеченіе народа къ этому торжеству будетъ многочисленное, такъ что намъ едва-ли придется найти для себя мѣстечко въ монастырской гостинницѣ.— «Впрочемъ, думаю, теперь тепло, можно и на улицѣ переночевать». Какъ бы прочитавъ мои сокровенныя мысли, этими же словами о. Іоасафъ и встрѣтилъ насъ, когда мы пришли въ обитель Преподобнаго Павла.—9 іюля 1874 г. нѣсколько человекъ насъ, богомолковъ, пришли къ о. Іоасафу, намѣреваясь пройти для поклоненія святынямъ и далѣе за Вологду. Одна изъ нашихъ товарокъ втайнѣ думала: «трудно путешествовать: не вернуться-ли?» Этими же выраженіями отвѣтилъ намъ и о. Іоасафъ, когда мы просили его благословенія на дальнѣйшій путь.— «А вотъ въ Заоникіеву пустыню благословляю сходить: тамъ и настоятель (игумень и впослѣдствіи архимандритъ Серафимъ) хорошей жизни; быть можетъ, и на исповѣдь приметъ».— «Хорошо-бы, какъ бы въ раздумѣ произнесъ онъ, и въ Семигородной (пустынѣ) побывать, да чтобы искушенія какого не принять; не лучше-ли поэтому домой возвратиться?» Такъ разсуждали мы доро-

гою, и это же самое слышали изъ устъ старца Божія. Нужно-ли повторять, что мы поступили по его совѣту и благословенію?»

«Нѣкогда придя въ Павловъ, я не могла въ тотъ день получить благословеніе о. игумена, такъ какъ было весьма многолюдное стеченіе посѣтителей. Въ глубокой о семъ печали стояла я за богослуженіемъ, но была и чрезмѣрно утѣшена: въ концѣ литургіи подходя за антидоромъ и лобызая подавшую мнѣ его руку о. игумена, я ощутила чудное отъ нея благоуханіе. Подходя къ нему за благословеніемъ по окончаніи литургіи, замѣтила то же. Много у него въ тотъ день было посѣтителей, и трудно было рассчитывать на особый пріемъ его. Стою я у дверей его келлій и втайнѣ молю Бога, чтобы старецъ вышелъ къ намъ, и вижу, что онъ дѣйствительно идетъ сюда: всѣхъ пригласилъ войти къ себѣ, всѣхъ утѣшилъ, каждого благословилъ книжкою житія Преподобнаго Павла и, лобызая его десницу, въ третій разъ въ этотъ день я услышала отъ нея тонкій благоуханный аромат. Памятно мнѣ это именно посѣщеніе и по другому случаю. За годъ предъ тѣмъ, молясь предъ Тихвинскою иконою Царицы небесной, я со слезами просила Ее, да вразумитъ меня, какъ Ей слѣдуетъ молиться, и да дастъ Она мнѣ молитвенное правило. Прихожу я къ батюшкѣ взять его напутственное благословеніе предъ отправленіемъ домой, а онъ выходитъ ко мнѣ съ четками въ рукахъ и, подавая ихъ, говоритъ: «вотъ тебѣ мои четочки. Вставай въ полночь, и читай по 150 разъ Архангельское обрадованіе: «Богородице, Дѣво, радуйся»: это тебѣ—правило.—Штала я горячую вѣру и любовь къ Матери Божіей и усердно молилась предъ Казанскою иконою Ея о спасеніи души моея. Въ одно время батюшка и говоритъ мнѣ: «молись, матушка, Царицѣ небесной предъ Казанскою иконою Ея; вотъ я благословляю тебя малою иконою Ея: носи ее на себѣ во всѣхъ путяхъ свсихъ».—Разъ, бывъ въ Павловѣ, и готовляясь къ таинству исповѣди, съ молитвою ко Господу о дарованіи мнѣ искренняго раскаянія въ грѣхахъ, ушла я въ уединенное мѣсто и вслухъ каялась въ тѣхъ грѣхахъ, которые вспомнила. Никакихъ свидѣтелей и слышателей этого не было. Прихожу послѣ того къ о. Іоасафу. «Ну, что, матушка, раскаялась въ своихъ грѣхахъ?» спросилъ онъ.—Нѣкогда молилась я съ такимъ усердіемъ, что вся была въ Богѣ. Послѣ этой пламенной молитвы прихожу я къ о. Іоасафу, какъ своему духовному руководителю, и слышу отъ него: «какъ хорошо бы всегда такъ молиться, какъ теперь». Бывало и такъ, что сокрушеніе о грѣхахъ было у меня глубоко и недостойною себя считала я милостей Божіихъ, а встрѣчаясь съ нимъ послѣ такихъ покаянныхъ чувствъ и молитвъ, слышала изъ устъ его: «спасеніе тебѣ! спаси тебя Господь!» Послѣ одного богослуженія, за которымъ я, стоя у Распятія, углублялась всѣмъ существомъ своимъ въ пречистыя язвы Спасителя, придя къ старцу, я услышала: «какъ хорошо у Распятія молиться и углубляться умомъ въ язвы Господни».

«Не чуждъ былъ старецъ Божій и благодатнаго дара цѣленія недуговъ человѣческихъ. Мнѣ извѣстенъ поразительный случай, когда двѣ наши женщины, имѣвшія больныя руки, бывъ въ монастырѣ, жаловались ему на свою болѣзнь, прося его св. молитвъ. Старецъ Божій только подержалъ ихъ больныя руки въ своихъ, и чрезъ двѣ недѣли болѣзнь ихъ миновалась безъ всякихъ лекарствъ. Но даръ вѣдѣнія будущаго приходившихъ къ нему людей преизобиловалъ въ немъ. Была со мною въ монастырѣ разъ одна дѣвица. «Ты, сказалъ онъ ей, будь откровенна съ рабой Божіей Аграфеной. А ты, матушка, ее не оставь и наставь», обратился онъ ко мнѣ. Мы не поняли въ то время къ чему имъ были сказаны приведенныя слова. Вскорѣ объяснилось и дѣйствительное значеніе ихъ. Къ дѣвицѣ той настойчиво сватался женихъ, а она желала жить для Бога, храня свое дѣвство нерушимымъ. Родные начали принуждать ее къ замужеству. Тогда она рассказала мнѣ объ этомъ, хотя дѣло это еще держалось въ строжайшей тайнѣ отъ постороннихъ. — «Помнишь, замѣтила я ей, что говорилъ намъ батюшка? Вотъ теперь пришло время, когда ты открыла мнѣ свою тайну. Смотри же, храни себя, не отдавая себя міру въ посмѣхъ, послѣ того, какъ увѣстила себя Христу». Цѣлыхъ полгода продолжались настойчивыя исканія жениха и принужденія къ браку ея родныхъ, и единственное утѣшеніе бѣдная находила только въ бесѣдѣ со мною. Глубоко вѣруя въ силу молитвъ о. Іоасафа предъ Богомъ, мы обратились къ нему съ просьбою помолиться объ избавленіи отъ такой напасти. Батюшка помолился, и настойчивый женихъ, не дававшій дѣвицѣ покоя своими настойчивыми предложеніями, измѣнилъ первоначальное свое намѣреніе и женился на другой, а дѣвица была неизяснимо благодарна своему духовному благодѣтелю—молитвеннику. А пламень молитвеннаго его духа былъ необыкновенно ярокъ. Смотря на него въ храмѣ, какъ бы ушедшаго далеко отъ земли, какъ бы забывшаго все земное и житейское, на его постническое лицо, орошаемое дождемъ и источниками слезъ, самый нерадивый чувствовалъ искреннюю потребность въ истинной и теплой молитвѣ. Въ одно время сильно захотѣлось мнѣ слышать, какъ о. Іоасафъ молится Господу въ своей келліи. Послѣ одной литургіи пришла я въ переднюю его настоятельскаго помѣщенія. Народа здѣсь еще никого не было. И слышу, какъ онъ молитвенно и со слезами взываетъ ко Господу и Пречистой Его Матери. Долго стояла я такъ, ожидая конца, а молитва его все не прекращалась. Въ свою очередь и я громко сотворила молитву, и тѣмъ прекратила его бесѣду съ Богомъ, такъ какъ онъ тотчасъ вышелъ ко мнѣ».

«Въ одномъ году, за давностію уже не упомяну теперь въ которомъ, проводивъ праздникъ Преображенія Господня въ обители Преподобнаго Павла, спѣша домой, явилась я къ о. игумену за благословеніемъ въ путь. — «Подождала бы ты, замѣтилъ онъ, занятый многочисленными посѣтителями». — «Не могу, батюшка, отвѣчаю: необходимо нуж-

но.» — «Ну, чтожь дѣлать, когда не ждешь: Богъ благословить». Дома меня ожидало срочное дѣло, а когда я пришла — внезапно разболѣлся мой бокъ, да такъ, что цѣлыхъ двѣ недѣли лишаль меня возможности работать, и для этого я принуждена была нанять постороннюю женщину. Постигшую меня болѣзнь я сочла наказаніемъ за непослушаніе старцу. А вообще замѣчено было многими, что тѣ, кто съ вѣрою принимаютъ его благословеніе, пользовались иногда совершенно неожиданно благоуспѣшностію дѣлъ и предпріятій своихъ, тѣмъ же, которые просили его совѣта и благословенія для одной лишь формы, съ твердымъ желаніемъ поступить по своему, онъ говорилъ: «это въ твоей волѣ; какъ хочешь; я не знаю». Терзаемая сознаніемъ своего предъ нимъ преслушанія, я на праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня пошла въ монастырь и была сугубо утѣшена тѣмъ, что батюшка лично соизволилъ исповѣдать меня, недостойную, что онъ дѣлалъ очень не часто, такъ какъ, еслибы рѣшился онъ исповѣдывать всѣхъ, то у него не доставало бы времени для исполненія другихъ дѣлъ. Не могу забыть и того, какъ иногда, приступая къ принятію Св. Таинъ и чувствуя въ себѣ недостатокъ смиренія, я была предваряема имъ предъ моментомъ причащенія однимъ его словомъ: «смирись!» или какъ, приступая къ Св. Чашѣ съ недостаточно крѣпкою вѣрою, слышала отъ него: «вѣруй Господу!» Много разъ я замѣчала также, что, если придешь къ нему съ теплою вѣрою и лобызаешь его благословляющую десницу, какъ будто какой-то тонкій аромать исходитъ отъ нея; если же приходишь къ нему съ сердцемъ, не согрѣтымъ вѣрою и усердіемъ, рука его становится холодною, какъ ледъ, что всегда побуждало меня къ глубокому и искреннему окаяннію своего недостойнства. Подходишь иногда къ нему съ невольнымъ страхомъ, что ему открыты всѣ твои внутреннія помышленія, а онъ и скажетъ: «какое я имѣю право произносить свой приговоръ надъ душевнымъ состояніемъ человѣка, *Бога подобаетъ бояться паче, нежели челоуѣка*». А вѣдь онъ какъ въ раскрытой предъ нимъ книгѣ читалъ дѣла и мысли приходившихъ къ нему. Предъ праздникомъ Рождества Христова въ 1874 г. пришла насъ къ нему цѣлая партія. Среди пришедшихъ былъ и одинъ мужичекъ, какъ оказалось впоследствии изъ его словъ, выпивавшій иногда неумѣренно, что и служило причиною недовольства имъ его семейныхъ и вело къ раздорамъ. Со скорбію и глубокою любовію пастырь добрый посмотрѣлъ на него и говорить: «голубчикъ мой! не употребляй ты, Бога ради, горячихъ напитковъ. Ты, вѣдь, самъ знаешь, какъ много непріятностей происходить отъ этого въ домѣ твоемъ». Тогда же съ нами была и одна дѣвица, нѣкогда возжелавшая жить по Богѣ, оставившая посѣщеніе деревенскихъ вечерницъ, такъ называемыхъ, «бесѣдъ». Гола черезъ два такой жизни ее снова потянуло къ молодымъ людямъ. Посмотрѣлъ на нее внимательно старецъ, да и говорить: «да, матушка, весьма хорошо слѣдатель себя невѣстою Христовою. Великое это счастье: выше царицы зем-

ной значеніе дѣвы, увѣстившей себя Господу. Подумай, какая честь: Царя небеснаго невѣста! Да вотъ горе: на бесѣдки-то ты ходишь; не совѣтоваль бы я тебѣ ходить туда. Ну что тебѣ, невѣстѣ Христовой дадутъ эти посидѣлки, какъ не загрязнять душу и сердце твое, а тамъ, смотришь, доведуть и до грѣха, и до отчаянія». Съ оставшимися послѣ нашего отъ него ухода двумя дѣвками онъ, какъ рассказывали они, бесѣдовалъ слѣдующимъ образомъ: «до смерти, говорилъ онъ, надобно съ помыслами бороться, ибо чистыя дѣвы, что истинные иноки, до конца воюютъ съ ними. Найдутъ-ли на тебя какіе нечистые помыслы, подобно смрадному и скверному блату, а ты, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, плюнь на нихъ, да и скажи съ твердостію: «отступи ты, врагъ, отъ меня». На смѣну имъ, повѣрь, явятся помыслы свѣтлые и чистые, и какъ темное облако исчезнуть прежніе помыслы отъ сердца человѣка. Въ особенности необходимо въ это время просить и молить о помощи и заступленіи Царицу небесную, читая Ея акаѳисты. Вѣдь какой бы ни былъ скверный и грязный человѣкъ, Она молитвами Своими предъ Сыномъ Своимъ очиститъ его отъ сквернъ грѣховныхъ: *много бо можетъ моленіе Матернее ко благосердію Владыки*, а Она—наша Мать и Покровительница». Одна изъ этихъ дѣвицъ, какъ сама откровенно рассказывала намъ, дѣйствительно была борима скверными помыслами, хотя ни словомъ не обмолвилась объ этомъ старцу, но онъ духомъ провидѣлъ ихъ, и къ ней именно и относилась эта сердечная и согрѣтая любовію бесѣда человѣка Божія». И любилъ же батюшка Царицу небесную!—«Жизнь моя скончается», сказалъ батюшка однажды.—«На кого-же насъ-то оставляете?» спросила я.—«Царицѣ небесной: Она будетъ вашимъ покровомъ и Заступницею: къ Ней прибѣгайте; на Нее же упованіе возлагайте: Она—ваша непостыдная Путеводительница къ небесному блаженству, къ свѣтлымъ обителямъ Бога Сына Своего».

Здѣсь заканчиваются воспоминанія А. Соболевой. Другая почитательница почившаго старца, А. А. Кондратьева лично передавала пишущему настоящія строки нѣсколько чертъ изъ жизни его, украшенной добродѣтелями и высочайшею любовію христіанскою къ ближнимъ своимъ.

Почти ежедневно къ о. Іоасафу являлись ребятишки и дѣвочки бѣдныхъ родителей окрестныхъ селеній и, наученные старшими, едва лепетали: «батюшка, кормилецъ, помоги; у насъ кашки нѣтъ» — «Молитесь сейчасъ же Царицѣ Небесной», отвѣтитъ старецъ и вотъ вся пришедшая дѣтвора опускается на колѣна и лепечетъ: «Матужка, Царица Небесная, дай намъ кашки!» Просьбы ихъ никогда не оставались старцемъ безъ удовлетворенія; но этимъ не удовлетворялось его любвеобильное и болѣвшее нуждами другихъ сердце: онъ умѣлъ благотворить такъ, что правая рука не знала, что дѣлала лѣвая. Дабы прикрыть свою добродѣтель нищелюбія какою-либо постороннею причиною, онъ и придумывалъ въ монастырѣ все новыя и новыя работы, на которыхъ постоянными работниками было все окрестное населеніе, вмѣстѣ съ доброволь-

ными работниками—волонтерами, составившимися изъ почитателей и почитательницъ его, приводившее сюда даже своихъ малолѣтнихъ дѣтей, которые то пололи овесъ, то подавали кустарники деревъ для посадки, то что-либо подобное, соотвѣтствовавшее ихъ силамъ, дѣлали и получали дневную заработную плату. Воистину это былъ кормилецъ—отецъ окружающей обитель Преподобнаго Павла безпомощной бѣдноты! А какъ, бывало, пріятно было вечеромъ по окончаніи дневныхъ работъ вереницею идти въ келліи батюшки для вечерняго чаепитія. Окруженный утомленными работою людьми, размѣстившимися окрестъ его всюду, старецъ, какъ Божій ангелъ, находясь посреди дивана въ своемъ бѣломъ балахончикѣ, питалъ ихъ чаемъ и бѣлымъ хлѣбомъ, питалъ и духовною пищею, рассказывая различныя событія изъ жизни Святыхъ Божіихъ, но чаще всего изъ жизни своего наставника—Преподобнаго батюшки о. Серафима, своими повѣствованіями вливая въ сердца наши любовь горячую къ этому Угоднику Божію. А то, бывало, и заставитъ всѣхъ насъ пѣть какія-либо священныя пѣснопѣнія, чаще всего въ честь и славу Матери Божіей. До смерти не забыть этихъ вечернихъ собраній—бесѣдъ, напоминавшихъ собою церковь: такъ все здѣсь было хорошо, такъ отраднo, такъ умиляло сердца и души. Необыкновенная духовная легкость ощущалась въ присутствіи о. Іоасафа. Одинъ его взглядъ, одно его слово, врачевало всякую душевную скорбь, обновляло, животворило. Его духовная высота не подавляла грѣшниковъ, самымъ простымъ и естественнымъ образомъ высказываешь ему свои немощи, открываешь сокровенныя язвы душевныя, какъ дитя говорить о своихъ болѣзняхъ нѣжно любимой и любящей матери, ни мало не стѣсняясь постороннихъ, а онъ съ терпѣніемъ выслушиваетъ всѣхъ, и на каждый вопросъ у него находится готовый отвѣтъ, вполнѣ объясняющій существо дѣла, и настолько просто выраженный, что онъ становился понятнымъ, кажется, для самого маленькаго ребенка».

«О ниспосланномъ ему отъ Господа дарѣ прозрѣнія могу рассказать три случая, имѣвшіе мѣсто въ моей жизни.—Случилось со мною разъ великое несчастье: крупная сумма денегъ, мѣсто храненія которыхъ, какъ мнѣ казалось, было неизвѣстно никому, вдругъ не понятнымъ и непостижимымъ образомъ исчезла. Зная въ совершенствѣ строгій характеръ моего покойнаго мужа, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не отличавшійся мягкостію, я не могла себѣ и представить тѣхъ послѣдствій, когда онъ узнаетъ объ этомъ несчастьѣ. Отъ горя я потеряла, казалось, самый разсудокъ, впала въ бездну отчаянія и, каюсь, грѣшная, лучше рѣшилась прекратить жизнь свою самоубійствомъ, нежели подвергнуться справедливому гнѣву мужа. Но, имѣя глубокую вѣру къ о. Іоасафу, прежде чѣмъ закончить свои расчеты съ жизнію, я рѣшилась побывать у него. Въ тайникахъ сердца теплилась слабая надежда, что, можетъ быть, возможенъ еще какой-либо благопріятный исходъ изъ этого бѣдственнаго положенія; «если-же нѣтъ, думала я, тогда остается нало-

жить на себя руки». Приѣзжаю въ Павловъ и тотчасъ же спѣшу къ о. Иоасафу, а онъ, мой батюшка, встрѣчаетъ меня съ необыкновенно серьезнымъ выраженіемъ лица, и первымъ его, обращеннымъ ко мнѣ, словомъ былъ вопросъ: «что ты задумала, неразумная?» Я расплакалась, а онъ продолжалъ: «эко, бѣда-то какая: куча щепокъ пропала, а она изъ-за нихъ душу свою безсмертную, которая дороже всего міра, всей вселенной, за которую безцѣнную пречистую кровь пролилъ Спаситель нашъ, губить вздумала!» И потомъ отечески сталъ утѣшать онъ меня смятенную и пораженную до безконечности, говорилъ, что все уладится, что все устроится къ лучшему, что и человѣкъ, похитившій деньги, будетъ обнаруженъ, что даже страшнѣйшій и необузданнѣйшій гнѣвъ мужа легче перенести, нежели подвергнуться гнѣву Божію за насильственное прекращеніе своей жизни и обречь свою душу вѣчнымъ мученіямъ, ни преполовенія своего, ни конца не имущимъ. Какъ живительный и чудодѣйственный бальзамъ, слова его утѣшенія были моею душѣ, истерзанному сердцу, а онъ, успокаивая меня, говорилъ, что будетъ молить Господа, Пречистую Его Матерь и угодниковъ Его—Преподобныхъ Павла и Серафима, дабы дѣло это окончилось благополучно, безъ всякихъ худыхъ для меня послѣдствій. И я совершенно успокоилась, а потомъ убѣдительно, заклиная его именемъ Божіимъ, умоляла старца сказать мнѣ: кто ему сообщилъ о моемъ грѣховномъ намѣреніи, которое только созрѣло въ душѣ и ни единому человѣку въ мірѣ не вылилось посредствомъ языка, о которомъ знала только я сама?—«Къ чему ненужное любопытство?» пробовалъ было уклониться батюшка. Но я готова была со слезами, на колѣнахъ сколько угодно стоять предъ нимъ, лишь бы онъ только открылъ мнѣ эту тайну, знать которую меня какъ бы побуждала какая-то невидимая и самой мнѣ непонятная и необъяснимая сила. Видя мою неотступность, батюшка наконецъ вымолвилъ: «ну, если тебѣ во что-бы-то-ни-стало хочется разрѣшить этотъ вопросъ, я скажу тебѣ, что о твоёмъ пагубномъ намѣреніи возвѣстили мнѣ Преподобные отцы Павелъ и Серафимъ. Больше ты отъ меня ничего не требуй». И какъ, утѣшая меня, старецъ сказалъ, что все обойдется благополучно и что виновникъ будетъ обнаруженъ, такъ случилось и въ дѣйствительности въ самомъ скоромъ времени: похитителемъ денегъ, къ крайнему моему прискорбію, оказался родной мой братъ, на котораго не могла бы никогда лечь даже тѣнь самомалѣйшаго моего подозрѣнія, что онъ могъ быть способнымъ на такой низкій поступокъ, едва не стоившій мнѣ временной жизни и не послужившій причиною вѣчной гибели моей души».

«Однажды втроемъ собрались мы сходить на богомолье въ Троице-Сергіеву лавру, но предварительно изъ своего Любима явились къ о. Иоасафу принять его благословеніе на настоящее путешествіе. Старецъ благословить-то благословилъ насъ, но удерживалъ насъ въ Павловѣ монастырѣ нѣкоторое время. На высказанное нами опасеніе, что можетъ

наступить ненастная погода и испортить весь путь, онъ, смотря въ окно, замѣтилъ, что во все продолженіе нашего путешествія въ теченіе дня дождя не будетъ, а тогда, когда мы уже будемъ достигать ночлеговъ, имѣеть начинаться и дождь. Болѣе двухъ недѣль продолжалось наше богомольное странствованіе и съ буквальною точностію исполнилось прозорливое слово старца Божія. А вотъ и третій случай его прозорливости: въ Любимѣ умеръ нѣкто Войлошниковъ, оставившій послѣ себя вдову и 17-лѣтнюю дочь Клавдію. За утѣшеніемъ въ постигшемъ ихъ горѣ сироты отправились въ Павловъ монастырь къ о. Іоасафу. Клавдія о поступленіи въ монастырь никогда даже и мысли не имѣла, а о. Іоасафъ настойчиво сталъ посылать ее въ Понетаевку, говоря; что тамъ она успокоится и будетъ тамъ нужна. Не рѣшаясь противорѣчить уважаемому старцу и готовая исполнить его волю, Клавдія только объ одномъ просила его, чтобы онъ разрѣшилъ ей заѣхать въ Любимъ и забрать съ собою платья и наряды. Но о. Іоасафъ сказалъ, что тамъ они ей нужны не будутъ, и велѣлъ прямо изъ Павлова ѣхать въ Понетаевку. Молодая дѣвушка новиновалась старческой волѣ, съ первыхъ же шаговъ обнаруживъ добродѣтель иноческаго послушанія. Прибывъ въ Понетаевку, она уразумѣла, что именно это мѣсто назначено ей отъ Бога и, оставшись здѣсь на постоянное жительство, только чрезъ шесть лѣтъ на весьма короткое время въ первый разъ побывала на родинѣ. Сбылось слово старца и въ томъ отношеніи, что она будетъ тамъ нужна, ибо написанная Клавдіею Войлошниковой св. икона Знаменія Пресвятыя Богородицы съ 1885 г. прославилась благодатію чудотвореній. Его просвѣтленному благодатію духовному взору открыта и ясна была судьба не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ учреждений. Такъ наприм. о Павло-Обнорскомъ монастырѣ онъ говорилъ, что при трехъ имѣющихъ преемствовать ему настоятеляхъ онъ не будетъ развиваться и только при четвертомъ настоятельствваніи состояніе его будетъ напоминать дни его, Іоасафа, справедливость чего мы и видимъ теперь своими собственными глазами».

Отставной канцелярскій чиновникъ В. А. Прилежаевъ передаетъ слѣдующій поразительный случай прозорливости о. Іоасафа, бывшій на его глазахъ. «Двѣ крестьянки, мать и дочь-дѣвица, жившія въ приходѣ Преподобнаго Иннокентія Комельскаго, пришли къ старцу за благословеніемъ на путешествіе къ Преподобному Сергію. Дочери старецъ благословилъ путешествіе, а матери настоятельно совѣтовалъ остаться дома, говоря, что она надѣлаетъ много хлопотъ неопытной дѣвушкѣ, если не послушаетъ его. Но мать, вопреки совѣту старца, все таки отправилась въ путь. Что-же вышло? Уже миновавъ Ярославль, она скончалась на дорогѣ и дѣйствительно надѣлала дочери величайшихъ хлопотъ». Нѣчто подобное передаетъ и старица А. А. Дьячкова. «Сестрѣ моей, говоритъ она, старецъ благословилъ идти въ Понетаевку и даже написалъ письмо къ игуменіи Евпраксіи о принятіи ея въ число сестеръ.

Но она, дойдя до Ярославля, по уговорамъ знакомыхъ, поступила на частное мѣсто, оставивъ всякую мысль о монастырѣ. Родители, не желая, чтобы она скиталась по прислугамъ, настояли на ея возвращеніи домой, гдѣ она вышла замужъ за крестьянина, отъ котораго имѣла дочь, мучившую ее всю жизнь. Овдовѣвъ вышла замужъ вторично и была весьма несчастлива и во второмъ бракѣ, считая это справедливымъ наказаніемъ за преслушаніе слова старческаго». Много бы и другихъ подобныхъ же случаевъ можно было собрать; но, полагая, что и приведенныя вполне достаточно свидѣтельствуютъ о благодатномъ дарѣ прозорливости, обитавшемъ въ старцѣ Божіемъ, поставимъ здѣсь заключительную точку.

Глубока вѣра православныхъ русскихъ людей въ милующую и спасающую родъ человѣческій благодать Божію. Они сердцемъ чувствуютъ всю неизмѣримую духовную высоту носителей этихъ даровъ благодатныхъ, стремясь къ нимъ съ любовію и усердіемъ, съ презрѣніемъ неудобствъ и лишеній, лишь бы достигнуть человѣка Божія, лишь бы раскрыть предъ нимъ всѣ сокровенные тайники своего сердца, всѣ изгибы души, и въ облагодатствованномъ словѣ подвижника Христова получить разрѣшеніе своихъ недоумѣній, выслушать указаніе, какъ шествовать къ небесному Іерусалиму, пожаловаться на свои духовныя немощи и получить соотвѣтствующее болѣзни духовное врачеваніе. Посмотрите: не въ нашъ-ли вѣкъ, не въ наше-ли время, не въ наши-ли дни, у жилищъ подвижниковъ Оптиныхъ: Льва, Макарія, Амвросія, Іосифа, у батюшки о. Іоанна Кронштадтскаго, у смиренной келліи о. Варнавы Геосиманскаго стояли массы народа, и всѣ эти тысячи и сотни тысячъ людей приходили сюда съ жаждою питія воды жизни вѣчной. Подвижники, на которыхъ Промыслъ Божій возложилъ дѣло созиданія спасенія ближнихъ своихъ,—это звѣзды небесныя, сіяющія въ земномъ мірѣ и освѣщающія путникамъ земли стезю къ отечеству небесному. Такою звѣздою, такимъ свѣтильникомъ благодатнымъ и былъ старецъ Божій, о. Іоасафъ, съ перваго же дня прибытія котораго въ Павло-Обнорскій монастырь устремились волны народныя,—и такъ было во все время пребыванія его здѣсь. Благодарныя ему духовныя дѣти наперерывъ старались чѣмъ только могли облегчить ему труды и заботы по возстановленію и благоуукрашенію обители Преподобнаго Павла. Кромѣ частныхъ пожертвованій на этотъ предметъ цѣлые города: Любимъ, Даниловъ, Пошехонье снабжали его пищевыми продуктами: картофелемъ, огурцами, капустою и т. под. для трапезы братіи и многочисленнѣйшихъ богомольцевъ. Не имѣя возможности удѣлять для бесѣды съ каждымъ изъ ищущихъ его бесѣды хотя по нѣсколько минутъ, старецъ шелъ на непрерывно производившіяся при немъ работы, и вотъ тѣ, которые жаждали его слова, не смотря на ихъ общественное и имущественное положеніе, устремлялись за нимъ и брались за непривычный или давно ими забытый трудъ, возвращаться къ которому или вновь

изучать который они и не подумали бы, еслибы не горячее желаніе бесѣдовать съ старцемъ—трудолюбцемъ. Въ немногихъ словахъ, обнижавшихъ сущность всего предмета, необычайно просто и естественно разрѣшалъ онъ на открытомъ воздухѣ, подъ небеснымъ сводомъ, волновавшіе ихъ вопросы и недоумѣнія. А привлекая къ работѣ окрестное населеніе и дѣтей его, онъ самымъ дѣломъ побуждалъ ихъ къ исполненію заповѣди Божіей: *въ потѣ лица съѣдать хлѣбъ свой*, отъ юнаго возраста приучая дѣтей къ трудолюбію и здравому, трезвому взгляду на жизнь и налагаемая ею обязанности. Конечно, непрерывно производимыя работы требовали громаднхъ средствъ, и бывали моменты, когда о. Іоасафъ не имѣлъ у себя ровно ни копѣйки. Въ такихъ случаяхъ очевидно для всѣхъ была помощь Божія, являвшаяся въ самый критическій моментъ по вѣрѣ и молитвамъ старца. Рассказываютъ, какъ въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ часовъ какой-то неизвѣстный благотворитель присылаетъ о. Іоасафу огромный запасъ чая, задѣланнаго банделролюю, съ запискою, въ которой проситъ его помолиться о рабахъ Божіихъ, имена которыхъ значились въ приложенномъ реестрѣ. Получивъ посылку на работѣ, игумень распорядился приготовить въ своихъ келліяхъ самоваръ и, когда ему сказали, что онъ готовъ, пригласилъ всѣхъ раздѣлявшихъ его трудъ къ себѣ «напиться свѣженькаго чайку». Всѣ двинулись въ настоятельскія келліи. Старецъ занялъ обычное свое мѣсто и, готовясь заваривать чай, вскрылъ посылку и... перекрестился. Здѣсь были кредитные билеты на весьма и весьма внушительную сумму. Слезы благодарности къ Богу и неизвѣстному щедрому благотворителю омыли обильными струями лицо его. Немедленно же приказалъ онъ отворить храмъ Божій и тамъ предъ ракою преподобнаго первоначальника обители со слезами и колѣнопреклоненіемъ вознесъ пламенную свою благодарность благодѣющему обители чрезъ рабовъ Своихъ—Промыслителю всяческихъ—Богу. ¹⁾ И подобныхъ случаевъ за время его настоятельской плодотворнѣйшей дѣятельности было нѣсколько. • Всюду народъ осаждалъ старца: и въ келліи, и на работахъ и даже тогда, когда онъ шелъ въ храмъ для совершенія богослуженія, народная толпа устремлялась принять его благословеніе, и только чрезъ длинный промежутокъ времени послѣ выхода изъ келліи онъ могъ достигать Божія храма, молитва въ которомъ, никѣмъ не прерываемая, была единственнымъ его свободнымъ временемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отдохновеніемъ.

Эта общественная спасительная дѣятельность была въ высшей степени благотворна для притекавшихъ къ нему людей; но какъ онъ самъ лично относился къ ней? Отвѣтомъ на поставленный сейчасъ вопросъ можетъ служить примѣръ, приводимый въ жизни одного великаго подвижника первой четверти XIX вѣка, схимонаха Θεодора († 7 апр. 1822 г.), ученика великаго старца архимандрита Паисія Величковскаго,

¹⁾ Настоящій рассказъ сообщенъ П. К. Строровымъ, во дни отрочества проживавшимъ въ монастырѣ и бывшимъ очевидцемъ описаннаго событія.

гдѣ читаемъ слѣдующее: «одновременно съ о. Ѳеодоромъ жилъ въ Валаамскомъ скиту іеромонахъ о. Варлаамъ (бывшій впоследствии игуменомъ Валаамскимъ). Великій любитель безмолвія, онъ недоумѣвалъ, какъ старецъ проводилъ цѣлые дни въ многолюдствѣ, бесѣдуя съ приходящими къ нему ради совѣтовъ духовныхъ, и пребывалъ несмущеннымъ. Однажды онъ обратился къ старцу Ѳеодору съ такими словами: «батюшка; я блазнюсь на васъ, какъ это вы по цѣлымъ днямъ пребываете въ молвѣ и бесѣдахъ со внѣшними; каково есть дѣло сіе?» — «Экой ты, братецъ, чудакъ, отвѣчалъ старецъ, да я изъ любви къ ближнему два дня пробесѣдую съ нимъ на пользу душевную и пребуду несмущеннымъ». Изъ этого отвѣта, извѣстнаго уже своими подвигами и благодарными дарованіями старца, о. Варлаамъ вразумился навсегда познавать различіе путей «смотрительныхъ (т. е. возлагаемыхъ Промысломъ Божиимъ на достойнаго того подвижника съ цѣлю спасенія его ближнихъ) отъ общихъ» ¹⁾. Обращаясь къ сокровищницѣ святоотеческихъ твореній, мы встрѣчаемъ у Преп. Іоанна Лѣствичника замѣчательное опредѣленіе достоинствъ безмолвія и общественнаго служенія ближнимъ: «по истинѣ, говоритъ онъ, великое дѣло благодушно и мужественно подвизаться въ безмолвіи; но безъ сравненія большее дѣло не бояться внѣшнихъ молвъ, а среди шума ихъ сохранять неподвижное и небоязненное сердце, и съ человѣками обращаясь по внѣшности, внутренно пребывать съ Богомъ» ²⁾. Впрочемъ сей мѣры достигаютъ немногіе, и не просто, а получаютъ ее какъ воздаяніе за многіе труды, наипаче же за смиреніе и благодушное съ благодареніемъ перенесеніе тяжкихъ скорбей; и тогда-то, будучи промыслительно вызваны на подвигъ служенія ближнимъ, могутъ приносить имъ великую духовную пользу, сами не вредясь нисколько отъ соображенія съ другими. Таковъ былъ и приснопамятный старецъ о. Іоасафъ.

И еслибы это единолично зависѣло только отъ его произволенія, то несомнѣнно, что не смотря на ясно сознаваемую имъ высоту служенія духовной пользѣ ближнихъ, о. Іоасафъ уклонился бы отъ сего дѣланія, но въ душѣ его немолчно раздавалось незабвенное изреченіе его св. старца, опредѣлившее разъ навсегда характеръ будущей его дѣятельности: *радость моя! молю тебя: стяжи мирный духъ, и тогда тысячи душъ спасутся около тебя!* Невольно при этомъ сопоставляешь изреченіе благодатнаго Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія, сказанное имъ нѣкоему іеромонаху, и впоследствии игумену, Ѳеодосію: «и сталъ ко мнѣ, рассказываетъ о. Ѳеодосій, по рукоположеніи моемъ во іеромонаха, ходить народъ для совѣта и благословенія, и я говорилъ объ этомъ великому моему старцу, батюшкѣ Амвросію, спрашивая его, что мнѣ дѣлать съ народомъ—вступать ли мнѣ съ нимъ въ бесѣды, или

¹⁾ Жизнеоп. Оптинскаго старца іером. Леонида (въ схимѣ Льва). Одесса, 1890 г., стр. 6—7.

²⁾ Слово къ Пастырю, гл. 9.

уклоняться. И батюшка мой отвѣтилъ мнѣ такъ: «вѣдь, ты за ними не посылаешь—они сами къ тебѣ идутъ подъ благословеніе и просятъ твоего совѣта: такъ нечего тебѣ отъ нихъ и отказываться, а преподавай имъ благословеніе, да и совѣтъ подай, что Господь внушитъ тебѣ отвѣчать на ихъ вопросы. Богъ благословитъ: говори имъ во утѣшеніе» ¹⁾). Несомнѣнно такимъ именно взглядомъ на дѣло обладалъ и старецъ Иоасафъ, видя въ служеніи ближнимъ послушаніе, возложенное на него Самимъ Господомъ, волѣ Котораго онъ не могъ, да и не дерзалъ противиться, хотя всѣми своими помыслами, всею душою, всѣмъ существомъ своимъ онъ жаждалъ полнѣйшаго безмолвія, рвался въ пустыню, и могъ бы съ печалью сказать съ Псалмопѣвцемъ: *кто дастъ ми криль, яко голубинь, и полещу и почию* въ безмолвіи отъ молвъ житейскихъ?

Зная безграничную любовь о. Иоасафа къ уединенію, его жажду безмолвія, мы не ошибемся, если представимъ состояніе его духа взывающимъ къ нему словами св. Василія Великаго: «о, уединенное житіе! домъ ученія небеснаго и божественнаго разумнія училище, въ которомъ Богъ есть все, чему учимся. Пустыня—рай сладости, гдѣ и благоуханные цвѣты любви, то пламенѣютъ огненнымъ цвѣтомъ, то блестятъ снѣговидною чистотою, съ ними же миръ и тишина. Живя въ низменныхъ мѣстахъ, они пребываютъ недвижимы отъ вѣтра. Тамо ѳиміамъ совершеннаго умерщвленія не только плоти, но, что славнѣе, и самой воли; и кадило всегдашней молитвы, сладко сгорая, непрестанно вскипаетъ огнемъ любви божественной. Тамъ различные цвѣты добродѣтели, блистая различными украшеніями, процвѣтаютъ благодатію неувядаемой красоты. О, пустыня, услажденіе святыхъ душъ, рай неисчерпаемой сладости! ты—пещь, въ которой силу горящаго пламени святые отроцы устужаютъ молитвою, и горѣніемъ вѣры угашаютъ горящій вокругъ себя пламень, въ которомъ горятъ и стрѣлы, и оковы, и душа возводится къ пѣнію божественныхъ хваленій, взывая: *расширилъ еси уста моя! Тебѣ пожру жертву хвалы*». Но какъ ни пламенна была любовь старца къ уединенію, какъ ни алкалъ онъ тишины безмолвія, бросить порученное ему Богомъ дѣло благоустроенія обители и пастырствованія душъ человѣческихъ онъ не рѣшился, предоставляя всеблагой Его волѣ устроить дальнѣйшую судьбу свою, сообразно Его намѣреніямъ. И только, какъ бы желая вознаграждать себя за трудъ послушанія божественной волѣ, въ весьма краткія и къ тому же очень рѣдкія свободныя минуты, онъ удалялся на противоположный обители правый берегъ р. Нурмы, и тамъ, въ глубокомъ лѣсу изливалъ душу свою въ молитвахъ предъ Вездѣсущимъ, своими старческими руками ископавъ тамъ довольно обширный прудъ и устроивъ гряды для овощей, а потомъ найдя тамъ же, въ лѣсу, большой камень, несомнѣнно подражалъ примѣру своего великаго и св. старца, совершившаго изумительный подвигъ своего молитвен-

¹⁾ Сила Божія и немощь человѣческая.—Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.—«Церковное Слово», 1907 г., № 54.

наго каменностоянія. Въ особенности это должно быть сказано о томъ скорбномъ времени, которое вскорѣ настало для него здѣсь, когда онъ жилъ и питался только молитвою. Не ограничиваясь молитвенными трудами онъ изнурялъ всячески плоть свою: извѣстны ископанные его руками пещера на восточной сторонѣ скитскаго холма и колодезь, на монастырскомъ полѣ, близъ д. Угожева. Все это совершалось имъ въ такой строжайшей тайнѣ, что никто даже и не подозрѣвалъ объ этомъ, такъ что о существованіи камня долгое время не было никому извѣстно. и только предъ оставленіемъ обители Преподобнаго Павла онъ сказалъ о немъ нѣкоторымъ приближеннымъ къ нему лицамъ, какъ бы о нечаянно имъ найденномъ. Весьма и весьма немногимъ приходилось наблюдать, какъ при появленіи утренней зари старецъ-молитвенникъ возвращался изъ своей пустыни, послѣ молитвеннаго подвига всенощнаго бдѣнія, стараясь, въ своемъ обычномъ бѣломъ балахончикѣ, пройти въ монастырь незамѣченнымъ. Тотъ, кто на вѣсы своего милосердія полагаетъ не только дѣла, но и мысли человѣческія, тотъ только знаетъ подвиги вѣрнаго Своего раба, въ тайнѣ имъ совершавшіяся!

Такъ живя и такъ трудясь, о. Іоасафъ желалъ и окончить остатокъ дней своей жизни въ обители Преподобнаго Павла, хотя, по его словамъ, великій Серафимъ при одномъ случаѣ сказалъ ему, что онъ упокоится въ 40 верстахъ отъ его гроба. Возлюбивъ обитель Павлову, которой посвящены были его духовныя и физическія силы, онъ желалъ и лечь въ стѣнахъ ея на вѣчный покой. Это имѣлъ онъ въ виду, воздвигая скитскій храмъ, созидавая уединенную хижину на ископанномъ имъ прудѣ. Имъ даже составленъ былъ и уставъ будущаго скита. Интересны нѣкоторыя особенности его: входъ въ скитъ лицамъ женскаго пола безусловно воспрещается; пища для скитниковъ поставляется растительная только; разрѣшеніе на молочную пищу допускается разъ въ продолженіе цѣлаго года—въ первый день Св. Пасхи; все время скитниковъ занято отправленіемъ богослуженія въ опредѣленные для того часы, упражненіемъ въ богомысліи, умной молитвѣ, чтеніи Св. Писанія и отеческихъ твореній, и трудами келейнаго руководія. Такъ въ тиши уединенія и безмолвія, сложивъ съ себя настоятельскія обязанности, помышлялъ о. Іоасафъ достойнымъ образомъ приготовиться къ неизбежному часу смертному. Но недовѣдомыми судьбами Промысла Божія ему предстояло еще разъ понести тяжелый крестъ скорбей и напастей, дабы тѣмъ вождельнѣе для него сдѣлать небесный покой.

Зимой 1877 г. о. Іоасафъ тяжело и опасно заболѣлъ, слегши въ постель. Какъ человѣкъ, никогда до того времени серьезно не болѣвшій, по многочисленнымъ бывшимъ предъ его глазами примѣрамъ, зная, что для такихъ людей, какъ онъ, первая тяжкая болѣзнь въ то же время является и послѣднею, и во всякомъ случаѣ предвѣстницею конца земного странствованія, онъ сталъ готовиться къ смерти. На болѣзненномъ одрѣ, согласно горячему его желанію, игуменомъ сосѣдняго Корниліево-

Комельскаго монастыря Анатоліемъ келейно постриженъ онъ былъ въ великій ангельскій образъ— св. схиму, съ нареченіемъ ему дорогаго имени Серафима.

Вологодское епархіальное начальство, зная о постриженіи игумена Іоасафа въ схиму изъ частныхъ извѣстій и совершенно не имѣя о немъ никакихъ официальныхъ данныхъ, нашло неудобнымъ удерживать его, какъ схимника, на настоятельскомъ мѣстѣ, хотя, еслибы лучше знало исторію православнаго монашества вообще и русскаго въ частности, должно было бы прійти къ выводу, что постриженіе въ схиму, какъ высшую степень иночества, не можетъ препятствовать постриженному проходить эти обязанности.

Но недоброжелателямъ о. Іоасафа нужно было во что-бы-то ни стало удалить старца отъ настоятельства, и вотъ, 17 марта 1877 г., епископъ Θεодосіи назначилъ исправляющимъ настоятельскія обязанности по Павло-Обнорскому монастырю іеромонаха Гавріила, впоследствии принудивъ старца подать прошеніе о совершенномъ увольненіи, такъ какъ онъ еще не былъ уволенъ синодальнымъ опредѣленіемъ, хотя въ дѣйствительности лишенъ уже былъ всякой возможности вліять какимъ бы то ни было образомъ на дѣла обители, и 10 ноября 1877 г. по резолюціи епископа Θεодосія, согласно вынужденному прошенію, «по старческой немощи» (къ этому времени отъ перенесенной о. Іоасафомъ болѣзни не осталось даже и слѣда) игумень Іоасафъ былъ окончательно уволенъ отъ должности настоятеля, «съ изъявленіемъ благодарности за долговременную и полезную для обители службу» ¹⁾. И только. Такъ оцѣнены были всѣ его труды, старанія, хлопоты, вся его плодотворнѣйшая и энергичнѣйшая дѣятельность, на лукавыхъ вѣсахъ алчности человѣческой.

Не того былъ въ правѣ ожидать новый старецъ схи-игумень. Преемникъ старца, Гавріиль 11 января 1879 г. былъ возведенъ въ санъ игумена

Между тѣмъ необычайно тяжело жило старцу—схи-игумену «на покоѣ». А мѣрь по-прежнему нетерпѣливою рукою стучалъ въ двери схимнической келліи старца Божія, умоляя его призрѣть на его скорби и сказать ему слово благодатнаго утѣшенія.

16 февраля 1878 года, состоялось журнальное постановленіе консисторіи, утвержденное епископомъ Θεодосіемъ: «увѣдомить г. управляющаго почтовою частію Вологодской губерніи, что по распоряженію епархіальнаго начальства, 17 января 1877 г. настоятель Павло-Обнорскаго монастыря, Грязовецкаго уѣзда, игумень Іоасафъ уволенъ

¹⁾ Послужной его списокъ за 1878 г.

отъ этой должности и замѣщенъ іеромонахомъ Гавріиломъ, и просить распорядиться, чтобы Грязовецкая почтовая контора адресуемая на имя настоятеля того монастыря письма и посылки выдавала ему послѣднему, или по его довѣрью, и чтобъ доставила консисторіи справку: сколько денегъ со дня увольненія выдано игумену Іоасафу, какъ настоятелю? А игумена Іоасафа за ненадлежащее отношеніе къ посылаемымъ монастырю суммамъ перевести въ Лопотовъ монастырь ¹⁾. Но въ осуществленіи проектируемой консисторіею мѣры новаго гоненія на старца встрѣтилось неожиданное препятствіе. Отношеніемъ своимъ (отъ 11-го марта. № 1539-й) управляющей почтовой частию уведомили консисторію, что «корреспонденція должна быть выдаваема тѣмъ самымъ лицамъ, на имя коихъ она адресована, или тѣмъ, кому отъ нихъ дана будетъ на полученіе ея узаконенная довѣренность: почему и распоряженія о томъ, чтобы адресуемая на имя бывшаго настоятеля Павло-Обнорскаго монастыря игумена Іоасафа корреспонденція выдаваема была вновь назначенному на эту должность іеромонаху Гавріилу, оныя сдѣлать считаетъ себя не вправѣ».

Въ іюнѣ 1878 г. старецъ обратился къ епископу Θεодосію прошеніемъ о выдачѣ ему четырехмѣсячнаго паспорта на отлучку въ губерніи: Тамбовскую, Нижегородскую и Кіевскую, якобы для богомоленія, въ сущи сти же для того, чтобы найти себѣ гдѣ-либо въ нихъ мирный уголокъ для дальнѣшняго жительства. Но и здѣсь его ожидала неудача. Епископъ Θεодосій на прошеніи его положилъ резолюцію: «схи-игумену Іоасафу нахожу слишкомъ несообразнымъ съ его званіемъ предпринимать четырехмѣсячное путешествіе по разнымъ городамъ, оставить безъ послѣдствій ²⁾». И еще нѣкоторое время схи-игумень Серафимъ прожилъ подъ кровомъ Преподобнаго Павла, служа духовной пользѣ другихъ.

Наконецъ старецъ рѣшился навсегда оставить Павлову, такъ много ему обязанную, обитель и просилъ о перемѣщеніи въ Саровскую пустыню: но и въ этомъ потерпѣлъ новую неудачу. Въслѣдствіе представленія о семъ епископа Θεодосія состоялось 23 августа 1878 г. синодальное опредѣленіе: «не усматривая особой надобности въ перемѣщеніи игумена Іоасафа изъ Грязовецкаго Павло-Обнорскаго монастыря въ Саровскую пустыню, Тамбовской епархіи, просьбу названнаго игумена по этому предмету оставить безъ послѣдствій», о чемъ ему и было объявлено консисторскимъ указомъ съ оглобрашеніемъ подписки въ слушаніи ³⁾. Тогда старецъ рѣшилъ просить Нижегородское епар-

¹⁾ Указъ Вологод. духовн. кон. отъ 6 марта 1877 года № 1377

²⁾ Ук. Волог. дух. конс. отъ 30 іюня 1878 г., № 3822

³⁾ Ук. Волог. духов. конс. отъ 23 сент. 1888 г., 5645.

хіяльное начальство о принятіи его въ свое вѣдомство и о помѣщеніи на жительство въ Высокогорской пустынь, которую онъ нѣкогда управлялъ непродолжительное время Желаніе старца, гонимаго, на этотъ разъ исполнилось 30 апрѣля состоялся новый синодальный указъ: «Св Синодъ не встрѣчаетъ препятствій къ удовлетворенію просьбы иеросхимонаха Серафима объ увольненіи его, въ уваженіе къ преклоннымъ его лѣтамъ и разстроенному здоровью, изъ Вологодской епархіи на покой въ Высокогорскую пустыню¹⁾».

Велики были обошедшія старца Божія бѣды и скорби. Какъ же самъ онъ относился къ нимъ? Съ полнѣйшимъ спокойствіемъ, благодареніемъ за шихъ Бога за себя лично, но со скорбію за обитель и любящихъ ее.

Гдѣ гонимый старецъ почерпалъ силы для безропотнаго и благодушнаго со благодареніемъ несенія креста своего? Въ глубочайшемъ вѣрованіи, что *такое Господеви изволися*, ибо для человека глубоко вѣрующаго «чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ». Терпя, онъ разсуждалъ въ себѣ: «истиннымъ терпѣніемъ мы дѣлаемся сообразными Христу Сыну Божію, какъ члены Главѣ, Который столько скорбей и страданій для насъ претерпѣлъ. А кто сообразенъ Ему въ терпѣніи, тотъ будетъ участникомъ и славы Его по воскресеніи. Са ая любовь Божія требуетъ, чтобы мы безроотно, и даже съ благодарностію несли крестъ налагаемый на насъ, прощая грѣхи ближнимъ противъ насъ не словами только, но отъ чистаго сердца, дабы не обратить противъ самихъ себя гнѣва Божія своимъ памятозлобіемъ. Оскорбивши тебя, не причинить тебѣ столько зла, сколько ты самъ себѣ причинишь, питая въ себѣ гнѣвъ и подвергаясь за то осужденію отъ Бога. Ненавидя другихъ, мы сами себя наказываемъ; равно, какъ любя другихъ, благодѣтельствуемъ сами себѣ и, поступаая такъ, уже не будемъ болѣе имѣть враговъ, но что всего важнѣе—пріобрѣтете милосердіе Божіе. Но ты обиженъ ближнимъ? Будь снисходителенъ къ нему, не питай ненависти, плачь и рыдай о немъ, а не презирай его; ибо не ты прогнѣвалъ Бога, но онъ, а ты, перенесши обиду, поступи лишь добродѣтельно. Припомни, что и Христось, идя на крестную смерть, о Себѣ радовался, а о распинателяхъ Своихъ скорбѣлъ: подобнымъ образомъ и намъ надлежитъ поступать». Нѣтъ ничего въ мірѣ достойнѣ удивленія, какъ любовь ко врагамъ, а она-то и преизбыточествовала въ сердцѣ старца Божія, терпѣвшаго напасти.

Кромѣ того старецъ былъ глубоко убѣжденъ, что Милосердый Господь не попускаетъ вѣрнымъ рабамъ Своимъ искушеній, превышающихъ ихъ силы, и если онъ несетъ тяжелый крестъ, то этотъ крестъ

¹⁾ Указъ Вологод. дух. конс. отъ 17 мая 1879 г., № 3576.

есть его собственный крестъ. Ему, безъ сомнѣнія, извѣстна была древне-христіанская легенда «о выборѣ креста», которую одинъ изъ нашихъ старинныхъ поэтовъ изложилъ въ стихотворной формѣ, и привести которую здѣсь въ его изложеніи мы считаемъ далеко не лишнимъ и вполне уместнымъ. Вотъ она:

Усталый шелъ крутой горою путникъ:
Съ усиленіемъ передвигая ноги.
По гладкимъ онъ скаламъ горы тащился
И, накопецъ, достигъ ея вершины.
Великое свѣтило послѣдними лучами озаряло міръ
И былъ покой повсюду несказанный.
Прочелъ вечернюю молитву странникъ и потомъ
На благовонномъ лонѣ муравы
Простерся, и сошелъ ему на вѣжды
Миротворящій сонъ. И Господа увидѣлъ старецъ.
И къ Господу воскликнулъ онъ: «Отецъ!
Не отвратись во гнѣвъ отъ меня,
Когда всю слабость грѣшныя души
Я исповѣдую передъ Тобою.
Я знаю: каждый, кто здѣсь отъ жены
Рождецъ, свѣй крестъ нести покорно долженъ
Но тяжестью не всѣ кресты равны;
Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
Онъ силамъ: облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ, и моя душа
Погибнетъ». Такъ Всевышняго молилъ.
И вотъ себя во храмнѣ онъ увидать.
Гдѣ множество безчисленное было
Крестовъ. И онъ потомъ услышалъ голосъ:
«Передъ тобою всѣ кресты земные
Здѣсь собраны: какой ты самъ изъ нихъ
Захочешь взять, тотъ и возьми». И началъ
Кресты онъ разбирать и тяжесть ихъ
Испытывать и каждый класть на плечи.
Дабы узнать какой нести удобнѣй.
Но выбрать было не легко; одинъ
Былъ слишкомъ для него великъ: другой

Тяжелъ: а тотъ, хотя и не великъ.

И не тяжелъ, но не удобенъ, рѣзаль

Краями острыми ему онъ плечи:

И, словомъ, ни одного креста не могъ онъ выбрать. Снова

Ужъ начинать хотѣлъ онъ пересмотръ:

Какъ вдругъ увидѣлъ крестъ...

Былъ онъ не легокъ, правда, но за то, какъ будто

Но мѣркѣ для него былъ сдѣланъ.

И онъ воскликнулъ: «Господи, позволь мнѣ

Взять этотъ крестъ?» И взять: но чтоже?

Онъ былъ тотъ самый, который онъ ужъ несть.

Храня глубокой миръ совѣсти, молясь усердно о творившихъ ему напасть, и отъ всей души прощая имъ приносимое ему зло, старецъ, однако, всѣми помыслами стремился уже въ безмолвіе Высогорской пустыни, твердо увѣренный на сей разъ въ осуществленіи его упований. «Спѣшу васъ увѣдомить. — писалъ онъ Кондратьевымъ, — что я скоро отправлюсь совсѣмъ и на всегда изъ обители Павла Преподобнаго, по желанію моему ближе къ могилѣ незабвеннаго моего старца Серафима и св. обители Серафимской Понетаевской, и гдѣ, можетъ быть, положится и мой грѣшный и смрадный трущъ. Прошу передать Михаилу Андреевичу и другимъ боголюбивымъ особамъ, что я, по полученіи указнаго предписанія, поспѣшу выѣздомъ, и со всѣми вами, можетъ быть, и не увижусь, развѣ тамъ въ новой обители, можетъ кого расположить Господь побывать. Простите всѣ. Мы, какъ земные странники, подвигаемся къ одному неизбѣжному предѣлу — гробу. Живите и снасайтесь, и меня, грѣшнаго, въ молитвахъ не оставляйте».

Наконецъ во второй половинѣ мая 1879 года полученъ былъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый имъ указъ о перемѣщеніи на Высокую гору. Насталъ и день отъѣзда старца изъ обители Преподобнаго Павла, которой онъ самоотверженно служилъ въ продолженіи 18-ти лѣтъ. Монастырь наполнился окрестными жителями, навзрыдъ плакавшими о горестной разлукѣ съ отцемъ, благодѣтелемъ, пастыремъ, представителемъ о нихъ ко Господу. Вотъ показался изъ своей келліи и отъѣзжавшій дорогой старецъ, направляясь къ мѣсту покоя Преподобнаго Павла, для совершенія имъ послѣдняго здѣсь пѣнія Угоднику Вожію. Невозможно описать что происходило тогда: стономъ стонала вся внутренняя площадь монастырская: всѣ стрѣмились паперерывъ получить его прощальное благословеніе; цѣловали полы его одежды, ручьями горячихъ слезъ омывали старческія его руки. Вся братія, вышла проводить своего отца.

Какъ нѣкогда въ Константинополь за грѣхи императрицы Евдокии и ея прислѣбниковъ, изгнавшихъ съ престола св. Иоанна Златоуста, Господь наказалъ Константинополь страшнымъ землетрясеніемъ, такъ и здѣсь за незаконное изгнаніе Онь, въ Троицѣ Славимый и поклоняемый, не пощадилъ святыни дома своего. На третій день по отъѣздѣ старца изъ обители Преподобнаго Павла, безъ всякой видимой причины, среди яснаго и до того момента безоблачнаго дня, вдругъ поднялась сильнѣйшая буря, которою съ главнаго монастырскаго соборнаго Троицкаго храма была сорвана самая большая, огромной величины, глава, отброшенная силою вѣтра на нѣсколько десятковъ сажень, чрезъ всю главную монастырскую площадь, къ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, находящейся въ связи съ настоятельскими келліями, при чемъ разрушенъ былъ совершенно и самый каменный глухой фонарь, служившій основаніемъ для утверждавшейся надъ нимъ главы. О дѣйствительномъ значеніи этого явленія всѣ очевидцы его заключили, что оно знаменовало проявленіе гнѣва Божія за оскорбленіе Его вѣрнаго и многотерпѣливаго раба. И до настоящаго еще дня живы многіе очевидцы этого событія, рассказывающіе о немъ съ великимъ и благоговѣйнымъ трепетомъ. Такъ закончилось здѣсь почти двадцатилѣтнее усердное служеніе Богу и ближнимъ вѣрнаго раба Его, для котораго настала уже послѣдній теперь и недолгий періодъ его земного странствованія.

III.

Жизнь старца схи-игумена Серафима въ Высокогорской пустынѣ. Отношенія его къ Серафимо-Понетаевской женской обители. Кончина его и погребеніе. Заключеніе.

Итакъ, послѣ бури нашедшихъ на него тягчайшихъ искушеній, воздвигнутыхъ злобою вражіею, старецъ Божій прибылъ въ смиренную Высокогорскую обитель и первымъ движеніемъ его сердца — было путешествіе ко гробу его великаго отца и наставника, Преподобнаго Серафима, находившемуся всего въ 65 верстахъ отъ его мѣстожителства. Съ этого момента разъ и навсегда онъ поставилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ — неотложно разъ въ годъ бывать въ благословенномъ Єзровѣ и поклоняться честнымъ останкамъ того, кого м олитвенно призываетъ теперь вся Россійская Христова Церковь, яко друга Божія, веліе дерзновеніе къ нему имущаго. Предшествовавшія скорби очистили.

просвѣтили душевный домъ старца и онъ, помѣщенный, по прїѣздѣ, въ сѣверовосточной странѣ монастыря, въ небольшомъ каменномъ одноэтажномъ корпусѣ, съ небольшою домовою церковкою св. Тихона Задонскаго, созданномъ для предполагавшагося жительства на покой преосвященнѣйшаго Іеремїи Нижегородскаго, тихимъ и ровнымъ свѣтомъ горѣлъ въ этой обители, разливая окрестъ себя кроткое вѣяніе благодати.

И какъ къ нему въ настоящемъ случаѣ могли быть приложимы слова св. Іоанна Златоуста: «справеднику, говорить этотъ вселенскій учитель, здѣсь нужно терпѣть многое и все мужественно переносить, если онъ желаетъ получить блистательныя вѣнцы въ жизни будущей. Если мы съ похвалою говоримъ о тѣлѣ, которое можетъ безъ труда выносить холодъ и зной, голодъ и нужду, путешествія и другія тяготы, то гораздо болѣе должны ублажать душу, которая можетъ твердо и мужественно выносить всѣ напасти и бѣдствія и всегда сохранять непорабощеннымъ свой умъ. Какъ душа, пребывающая въ праздности и безопасности, легко плѣняется страстями, такъ, наоборотъ, упражняющаяся постоянно въ подвигахъ благочестія не имѣетъ даже и времени когда нибудь подумать объ этомъ, потому что забота о подвигахъ отвлекаетъ ее отъ всего этого. Не только тотъ, кто дѣлаетъ добрыя дѣла, но и тотъ, кто терпитъ зло, получаетъ великія награды: и доказательство тому представляетъ Іовъ, прославившійся болѣе своими страданіями, нежели добрыми дѣлами. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ не такъ славенъ въ то время, когда владѣлъ богатствомъ, отверзалъ свой домъ для бѣдныхъ и раздавалъ имѣніе, какъ въ то время, когда услышалъ, что домъ его обрушился, и не возронталъ; не такъ былъ славенъ, когда отъ волны овецъ своихъ одѣвалъ нагихъ, какъ славенъ и достоуважаемъ въ то время, когда, услышавъ, что палъ огонь и истребилъ все, возблагодарилъ Бога. Тогда онъ былъ челоуѣколюбцемъ, теперь сталъ мудролюбцемъ; тогда сострадалъ бѣднымъ, теперь благодарить Господа. Благодарить Бога, когда все идетъ успѣшно, въ этомъ нѣтъ ничего достойнаго удивленія; но когда поднимается буря и ладья находится въ опасности перевернуться, тогда это служить великимъ доказательствомъ терпѣнія и благородства духа». Скорбями жизни стѣжавъ духовное любомудріе, старецъ размышлялъ въ себѣ приблизительно такъ: «въ міръ неизсякающей струею пролилась вода ученія Христова, ньющій которую во вѣкъ не ощутишь уже жажды. Много заманчивыхъ и блещущихъ радужными красками высотъ открыто тѣлѣнному оку челоуѣка, много обширныхъ горизонтовъ влекутъ къ себѣ его энергію и силы; но *всякъ пляй отъ воды сея возжаждетъ нлики* (Іоан. 4. 13). Тлѣнны и переходящи сокровища земныя, обманчивъ блескъ ихъ и сверкаше. Что кажется недосыгаемымъ сегодня, тѣмъ

обладаемъ завтра и съ горькимъ чувствомъ убѣждаемъ, что не утолить этимъ духовной жажды, не найти въ немъ мира и спокойствія души. Всѣ видимыя почести и слава горять, какъ ярко пламенѣющія свѣчи, но померкнутъ сіяніе ихъ, едва растаетъ воскъ, и только въ темныхъ небесахъ, не угасая, теплятся свѣтильники славы Создавшаго міры. Къ Нему-то и должны быть обращены всѣ помысленія человѣка, все существо его, ибо въ Немъ Однимъ истинный миръ, покой нашъ, все доброе и прекрасное, полнота нашего блаженства, достуннаго человѣку еще во временной жизни сей.»

Исходя отъ такого взгляда на жизнь духовную, на высшіе идеалы ея, старецъ Божій уразумѣлъ ясно, что предшествовавшія скорби, прекратившіяся совершенно съ переселеніемъ его въ Высокогорскую обитель, промыслительно ниспосланы были ему Богомъ въ тѣхъ, несомнѣнно, благихъ цѣляхъ, дабы свободный отъ земныхъ и житейскихъ повеченій и заботъ, онъ могъ немаятежно приготовить душу свою къ достойному исходу ея къ ея Первоисточнику и Первообразу—Богу. И онъ въ совершенствѣ позналъ благія цѣли некусагося о духовномъ совершенствѣ его всеблагого Промысла Божія. И какъ въ природѣ видимой послѣ жестокой бури наступаетъ возжелѣнная тишина и темный мракъ смѣняется радостнымъ свѣтомъ, такъ и возмущаемый врагами духъ его теперь совершенно успокоился. Черезъ годъ своего пребыванія въ Высокогорской пустынѣ въ письмѣ своемъ къ Кондратьевымъ онъ говорилъ: «желаю, чтобы въ вашемъ семействѣ царствовали миръ и любовь, и тогда непрестанно будутъ изливаться на васъ милости Божіи. А Господь, по милости Своей, исполнитъ мое желаніе—удалиться на покой въ сію пустыню, которая по всему утѣшаетъ меня. Часто вижу гробъ незабвеннаго моего старца Серафима и его цѣлительный источникъ, а затѣмъ его Серафимевую Попетаевскую обитель, которая также по всему меня утѣшаетъ, гдѣ усердно молятся за меня, чтобы продолжилась моя жизнь, и изъ всего можете видѣть силу ихъ молитвы».

Жизнь о. Серафима въ Высокогорской обители была тиха и однообразна: онъ пламенно молился Господу, молился, можно сказать, непрестанною молитвою. На первыхъ порахъ онъ даже и служилъ здѣсь, замѣняя собою въ предстоіянн настоятеля монастыря, но далѣе, при естественномъ оскудѣнн старческихъ физическихъ силъ, оставилъ служеніе: часто призывалъ къ себѣ духовника и предъ нимъ исповѣдывалъ состояніе души своей, стремящейся къ небесной своей родинѣ. Въ его келліи стоялъ гробъ, всегда напоминавшій ему о теперь уже недалекомъ исходѣ изъ жизни, сей, у котораго старецъ погружался въ глубокія думы о вѣчной жизни, блаженствѣ праведниковъ и нескончаемыхъ ужаснѣйшихъ мученійхъ грѣшниковъ, проливая при этомъ рѣки слезъ; удалялся для уединенныхъ молитвенныхъ подвиговъ въ домовую свою церковь

св. Тихона; ежедневно прочитывалъ по Евангелисту; неопустительно посѣщалъ всѣ церковныя богослуженія; часто упражнялся и въ физическихъ трудахъ, близъ своихъ келлій устроивъ деревянную благолѣпную часовню, съ прекраснымъ художественнымъ въ ней распятіемъ, для молитвы предъ которымъ онъ часто сюда уединялся. И, посѣтивъ эту часовню, невольно вспомнешь Св. Апостола Павла, сказавшаго: *не судихъ ино что видѣти, точію Господа нашего Исуса Христа, и Сего распята*,—и приложишь ихъ къ старцу Божію. Часто слышали его поющимъ священныя пѣсни, то радостныя, то печальныя; и было очевидно и понятно для всѣхъ, что душа старца была уже не здѣсь, витая за предѣлами видимаго міра, въ безпредѣльной вѣчности, къ переходу въ которую онъ такъ усердно готовился.

Живя такъ, старецъ Божій обогатилъ душу свою великими благодатными сокровищами, между которыми первое мѣсто занимали даръ слезъ и даръ молитвы, проникавшей все его существо, ставшей для него такою же органическою необходимостію, какъ пища и воздухъ для временной, физической жизни человѣка. И не нашему скудному слову дана будетъ возможность обрисовать то духовное состояніе, въ которомъ находился въ это время старецъ. Наилучшимъ для сего способомъ будетъ обращеніе наше къ ученію Св. Іоанна Златоуста о молитвѣ, которымъ руководился и которое усвоилъ душѣ своей подвижникъ Христовъ. А Святитель Божій о молитвѣ поучаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Смерть души—нечестіе и незаконная жизнь; жизнь души—молитва къ Богу и приличные нравы. Кто не молится Богу и не желаетъ непрестанно наслаждаться Божественнымъ общеніемъ, тотъ мертвъ душею. Какъ тѣло, когда нѣтъ въ немъ души, мертво и зловонно, такъ и душа, не побуждающая себя къ молитвѣ, мертва, несчастна и зловонна. Итакъ, когда я увижу, что кто либо не любитъ молитвы и не имѣетъ къ ней горячей и ревностной любви, то мнѣ уже ясно, что онъ не владѣетъ въ душѣ ничѣмъ благороднымъ. Когда же я увижу, что кто либо ненасытно печется о служеніи Богу и молится, тогда заключаю, что такой надежный подвижникъ всякой добродѣтели и—храмъ Божій. ¹⁾—Молитва есть великое оружіе, сокровище неоскудѣвающее, богатство никогда неизживаемое, пристанище неволнуемое, невозмутимое отишье, и безчисленныхъ благъ корень и источникъ и мать есть молитва; она могущественнѣе всякой царской власти. Молитву же я разумѣю не кое-какую, не нерадивую и разсѣянную, но пламенную и притрудную, исходящую изъ души болѣзнующей и ума глубокособраннаго. Такая только молитва небовосходна» ²⁾.

«Сила молитвы угашала силу огненную, укрощала ярость львовъ, прекращала брани, отверзала врата небесныя, расторгала узы смерти, прогоняла болѣзни, отражала нападенія, спасала грады отъ землетря-

¹⁾ Томъ 2, стр. 776.

²⁾ Томъ I, 713—4.

женія, отвращала и свыше несущіеся удары, и человѣками готовимые навѣты, и всякаго вообще рода бѣдствія. Молитву же опять разумѣю не ту, которая только въ устахъ вращается, но ту, которая исходитъ изъ глубины сердца. Ибо какъ дерева, глубоко въ землю пустившія корни, не сваливаются и не исторгаются, какіе бы сильные вѣтры ни нападали на нихъ, потому что корни ихъ крѣпко держатся въ землѣ: такъ и молитвы, изъ глубины сердца возсылаемыя, будучи тамъ укоренены, безопасно стремятся горѣ, никакимъ прираженіемъ помысловъ не бывъ уклоняемы отъ сего направленія. Почему и пророкъ говоритъ: *изъ глубины возвахъ къ Тебѣ Господи* (Пс. 129, 1). Что безъ молитвы никакъ невозможно имѣть сожительницею себѣ добродѣтели и съ нею теши путемъ жизни, думаю, для всякаго само собою ясно. Ибо какъ бы кто сталъ подвизаться въ добродѣтели, не приступая и не припадая часто къ тому, кто есть податель и дарователь добродѣтели? Кто бы даже желаніе быть цѣломудреннымъ и праведнымъ въ себѣ постоянно питать былъ силенъ, не держа съ удовольствіемъ бесѣды съ Тѣмъ, Кто требуетъ отъ насъ и это, и еще больше того? Но я берусь доказать краткимъ словомъ, что молитвы, хотя бы застали насъ преисполненными всякихъ грѣховъ, скоро очищаютъ отъ нихъ. И въ такомъ случаѣ что будетъ болѣе молитвы велико и божественно, если она окажется цѣлительнымъ врачевствомъ для тѣхъ, которые болятъ душею? Се—виневитяне первые являются молитвою очистившимися отъ многихъ своихъ предъ Богомъ грѣховъ. Какъ только взяла ихъ молитва (на свое попеченіе), тотчасъ сдѣлала и праведными,—и городъ, привыкшій жить въ непотребствѣ, лукавствѣ и всякомъ беззаконіи, быстро исправила, пересиливъ устарѣлыя худыя навыки, и небесныя водворивъ законы, приведши съ собою и цѣломудріе, и человѣколюбіе, и кротость, и попеченіе о бѣдныхъ. Безъ этихъ добродѣтелей она и не водворяется въ душѣ; но обыкновенно въ какую душу вселяется она, ту дѣлаетъ полною всякой праведности,—настраиваетъ ее на всякую добродѣтель, а всякое худо изгоняетъ изъ нея ¹⁾).

«Можетъ быть кто нибудь изъ лѣнивыхъ и не желающихъ усердно и тщательно молиться вздумаетъ оправдывать себя словами Самого Господа: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, увидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже на небесахъ* (Мѡ. 7, 21). На это скажу, что еслибъ я почиталъ одну молитву достаточною ко спасенію, то справедливо бы иной могъ воспользоваться этими словами противъ меня. Но какъ я говорю, что молитва есть глава всѣхъ добродѣтелей, корень и основаніе спасительной жизни: то никто пусть не прикрываетъ своей къ молитвѣ лѣности такими словами. Ни цѣломудріе одно не можетъ спасти безъ другихъ добродѣтелей, ни попеченіе о бѣдныхъ, ни благодарность, ни другое какое изъ похвальныхъ дѣлъ; но

¹⁾ Тамъ же, 2, 778—9.

надобно, чтобъ всё добродѣтели стеклись въ нашу душу, а молитва чтобъ какъ основаніе и корень лежала подъ ними. Какъ корабль и домъ нижнія части дѣлають крѣпкими и сплоченными, такъ и жизнь нашу молитвы скрѣпляютъ; безъ нихъ же ничего въ насъ не бываетъ добраго и спасительнаго. Если имѣющій случай разговаривать съ мудрыми мужаи, отъ частой бесѣды съ ними усвояетъ себѣ ихъ мудрость и дѣлается похожимъ въ ней на нихъ: то что сказать о тѣхъ, которые съ Богомъ часто бесѣдуютъ въ усердныхъ молитвахъ своихъ? Какою мудростію, какою добродѣтелію, какимъ вѣденіемъ, цѣломудріемъ и благонравіемъ не преисполнить ихъ молитва и непрестанное съ Богомъ обращеніе! Такъ что не погрѣшить, кто скажетъ, что молитва есть источникъ сей добродѣтели и праведности, и что въ душу, пустую молитвою и моленіемъ, не можетъ вниги ничто содѣйствующее благочестію» ¹⁾.

«Чего не можемъ мы исправить собственными своими усиліями, то довершить можемъ молитвами,—молитвами, разумію, непрестанными. Ибо молиться надобно непрестанно, и всёиъ: и тому, кто въ бѣдахъ, и тому, кто въ благополучіи. Кто въ радости и благополучіи, тому надо молиться, чтобъ такое состояніе пребыло неподвижнымъ и неизмѣннымъ, и никогда не пресѣкалось; а кто въ скорби и бѣдахъ,—чтобъ увидѣть наконецъ благопріятное себѣ измѣненіе своего положенія и вкусить сладостнаго покоя отъ бѣдъ. Покойно тебѣ живется? Моли Бога, да пребудетъ нерушимъ покой сей. Видишь, что поднимается гроза? Моли прилежно Бога пронести благополучно бурю и возстановить нарушенный покой. Услышанъ? Благодари за то, что услышанъ. Не услышанъ? Продолжай молиться, чтобъ услышану быть. Богъ нерѣдко отсрочиваетъ дарованіе по молитвѣ, не потому, чтобъ гнѣвался и отвращался, но для того, чтобъ отдаленіемъ дарованія долѣе удержать тебя при Себѣ, какъ дѣлають и отцы чадолюбивые. Недостойнъ ты? Неотступностію моленія сдѣлаешь себя достойнымъ. Приступила къ Господу хананейка и сильно взывала: *помилуй мя, Господи, дщи моя зль бьснуется* (Мф. 15, 22). Кто она была? Чужая варварка, псу уподобленная. Но неотступностію моленія сдѣлалась достойною услышанія,—и не только услышана, но и похвалена: *о, жена, велия вѣра твоя* (28). Въ началѣ прошенія Господь ничего ей не отвѣтилъ: но когда она однажды, дважды и трижды приступила съ моленіемъ, тогда лишь явилъ ей милость Свою: *буди тебѣ, якоже хоцещи*, концемъ симъ увѣряя насъ, что и въ началѣ онъ отлагалъ дарованіе, не имѣя намѣренія совсѣмъ отказать просящей, но желая показать терпѣніе жены, и намъ дать урокъ въ молитвѣ терпѣть (Кол. 4, 2). Нѣтъ ничего сильнѣе теплой и усердной молитвы» ²⁾.

Пламенный молитвенникъ, старецъ Божій сопровождалъ свою бесѣду съ Богомъ обильными слезами, ибо издавна ущедренъ былъ отъ

¹⁾ Томъ 2, 780,

²⁾ Томъ 3, 319—20.

Господа даромъ слезъ, такъ что невозможно было рѣшить: молитва-ли предваряла слезы, или слезы становились побужденіемъ къ молитвѣ? Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ подвижникъ Христовъ внималъ ученію святителя Тихона, который о спасительномъ плачѣ разсуждаетъ такъ: «видимъ въ мірѣ, что люди плачутъ, говоритъ онъ: раждаются съ плачемъ, живутъ съ плачемъ, умираютъ съ плачемъ. Плачутъ люди: ибо живутъ въ мірѣ, мѣстѣ плача, юдоли плачевной. Многія причины суть, ради которыхъ люди плачутъ; и у всякаго плачущаго своя причина есть плача. Плачь и ты христіанине! ибо и ты живешь въ юдоли плачевной; имѣешь и ты много причинъ, ради которыхъ должно плакать. Плачь, пока время не ушло, пока полезны слезы; плачь, да не во вѣки восплачешися; плачь, да утѣшишися: *блаженнѣе бо плачущи, яко тѣмъ утѣшатся* (Мо. 5,4). Плачутъ люди, что несчастливы суть: плачь и ты, христіанине, что ты грѣшенъ еси, что ты Господу своему согрѣшилъ; великое бо несчастье есть грѣхъ. Плачутъ люди, что не имѣютъ здравія тѣлеснаго: плачи и ты, что не имѣешь здравія душевнаго. Плачутъ люди, что находятся въ недугѣ и болѣзни: плачь и ты, что душа твоя недугуетъ, болѣзнуетъ и немоществуетъ; тяжкій бо недугъ есть гордость, зависть, гнѣвъ, нечистота, сластолюбіе, славолубіе, сребролюбіе; и столько мучащихъ болѣзней имѣеть, сколько страстей и похотей. *Исцѣли мя, Господи, и исцѣлюся* (Іер. 17,14), яко Ты еси Богъ, Спасъ мой. Плачутъ люди, что потеряли богатство: плачь и ты, христіанине, что потерялъ богатство, во святомъ крещеніи данное тебѣ отъ небеснаго твоего Отца. Плачутъ люди, что находятся въ нищетѣ и скудости: плачь и ты, что нищъ и убогъ, бѣденъ и окаянень; несносна бо нищета есть грѣхъ. *Приклони, Господи, ухо Твое и услыши мя, яко нищъ и убогъ есмь азъ* (Псал. 85,1). Плачутъ люди, что не имѣютъ пищи и питія: плачь и ты, что душа твоя истаеаетъ голодомъ, лишается слышанія слова Божія; великій бо и весьма тяжкій гладъ—не слышать Божія слова. Плачутъ люди, что наги суть, и не имѣютъ чимъ прикрыти наготы своя: плачь и ты, что наготствуетъ душа твоя: грѣхъ бо ее обнажилъ. Срамна нагота тѣлесная, но смраднѣйшая нагота душевная. Тѣлесную наготу человѣцы видятъ; но душевную наготу Богъ и святіи Ангели Его видятъ. *Блаженъ бдѣй и блюдый ризы своя, да не нагъ ходитъ и узрятъ срамоту его* (Апок. 16,15). Окаянень и бѣденъ не бдѣй и не блюдый ризъ своихъ, яко нагъ ходитъ и зрятъ срамоту его! Плачутъ люди, что обиду и насиліе терпятъ отъ враговъ своихъ: плачь и ты, христіанине, предъ Богомъ на враговъ твоихъ душевныхъ, которые тщатся отнять у тебя вѣчное спасеніе. Они суть диаволъ и зміи аггели его. Плачутъ люди зовомы и ведомы на судъ, боясь, дабы не посраматся на судѣ и не быть осужденными, и не подпасть наказанію: плачь и ты, христіанине, ибо и ты на судъ позовешися, не человѣчскій, но Божій, на которомъ Судія не требуетъ свидѣтелей, но Самъ вся дѣла, слова и помышленія наша знаетъ; плачь нынѣ, пока не по-

зовешися, плачь, да умилоставиши Судію слезами твоими; плачь, да не осудишися и вверженъ будеши во тму кромѣшную: *тамо будетъ плачь и скрежетъ зубомъ* (Мѡ. 25,30). *Не вниди, Господи, въ судъ съ рабомъ Твоимъ: яко не оправдится предъ Тобою всякъ живій* (Псал. 142,2). Плачутъ люди окованные узами и капдалами, что не имѣютъ свободы: плачь и ты, христіанине, что душа твоя грѣхами, аки узами, связана есть и не имѣетъ своя свобода. *Аще Сынъ Божій свободитъ насъ, воистинну свободни будемъ* (Іоан. 8,36). О, Иисусе, Искупителю плѣнныхъ душъ нашихъ! Растерзай узы наши, да пожремъ Тебѣ жертву хвалы!»

Такъ жилъ и такъ подвизался человекъ Божій, приближавшійся уже къ завершенію своего земнаго подвига, и достигшій высоты правственнаго совершенства, прибрѣтеннаго имъ путемъ постепеннаго восхожденія по «лѣствицѣ» духовныхъ добродѣтелей, первая ступень которой — отреченіе отъ міра, послѣдняя—дѣятельная любовь къ Богу и ближнему. Восходя по этой лѣствицѣ, подвизающійся долженъ пройти три состоянія: начинающаго, преуспѣвающаго и совершеннаго. Въ первомъ періодѣ онъ воспитываетъ въ себѣ добродѣтели: послушаніе, смиреніе, постъ и другія. Во второмъ періодѣ—упражняется въ непрестанной молитвѣ, милосердіи и братолюбіи. Въ третьемъ состояніи достигшій совершенства прибрѣтаетъ себѣ совершенную любовь, господство надъ страстями, молятся о всемъ мірѣ. Начало подвиговъ совершается съ большимъ трудомъ и скорбями. Во второмъ періодѣ борьба облегчается и добродѣтели прибрѣтаются легче. Въ третьемъ добродѣтель дѣлается уже потребностью души. Такимъ образомъ вся жизнь человека есть единый неустанный подвигъ, требующій большаго вниманія къ себѣ и великаго напряженія душевныхъ силъ. Но изъ всѣхъ христіанско-иноческихъ добродѣтелей дѣятельную любовь къ ближнему Преподобный Іоаннъ Лѣстничникъ считаетъ совершеннѣйшей. «Бываетъ, поучаетъ онъ, что когда стоишь на молитвѣ, встрѣчается дѣло благотворенія, недопускающее промедленія. Въ такомъ случаѣ надо предпочесть дѣло любви. Ибо любовь больше молитвы, такъ какъ молитва есть добродѣтель частная, а любовь объемлетъ всѣ добродѣтели».

И у старца Божія было дѣло этой св. любви—попеченіе о ликѣ иночествующихъ дѣвъ и женъ, выразившееся въ постоянномъ его благопопеченіи о Серафимо-Понетаевской обители, дѣло всей его жизни. Для того, чтобы дать читателю болѣе ясное о немъ понятіе, напомнимъ «смуту Дивѣвскую», закончившуюся увольненіемъ изъ Дивѣва лицъ наиболѣе преданныхъ о. Іоасафу, а его самого обязаніемъ подпискою, что не будетъ имѣть никакихъ сношеній съ дивѣвскими сестрами. Исполнявшій до того времени завѣтъ своего приснопамятнаго старца Преподобнаго Серафима, о. Іоасафъ, подчинившись высшей церковно-административной власти и давъ требуемую подписку, считалъ себя уже освобожденнымъ отъ возложеннаго на него старцемъ послушанія и далѣе

уже не только не старался принимать какого-либо непосредственного и косвенного участія въ дѣлахъ этой обители, но даже уже никогда и не посѣщалъ ее, тѣмъ болѣе, что здѣсь настоятельница вѣраждбно къ нему настроенная игуменія Марія (Елизавета Ушакова). Вмѣсто Дивѣева заботы его естественнымъ образомъ должны были перенестись на изгнанницъ дивѣевскихъ, которыя, въ количествѣ 70 человѣкъ, по синодальному опредѣленію были высланы изъ монастыря съ недолгое время управлявшею ими Гликеріею Васильевною Занятовою. Въ жизнеописаніи кіево-печерскаго іеросхимонаха Антонія ¹⁾ мы находимъ указанія на то, что дѣлали изгнанницы послѣ своего изгнанія. Здѣсь мы читаемъ: «когда въ Серафимо-Дивѣевскомъ женскомъ монастырѣ возникли несогласія и часть инокинь, съ Гликеріею Васильевною во главѣ, подверглись изгнанію изъ обители, то нѣкоторое время пребывали онѣ въ Кіевѣ, гдѣ о. Антоній принялъ въ нихъ живое отеческое участіе, утѣшалъ духовно, поддерживалъ скорбѣвшихъ своими совѣтами и ласками. Къ Гликеріи Васильевнѣ о. Антоній питалъ глубокое уваженіе, называлъ ее благодатною рабою Божіею и говаривалъ, что во всякомъ родѣ Господь взываетъ избранныя Себѣ души. «Вотъ Гликерія Васильевна родомъ изъ Мордвы, говорилъ старецъ, а обладала такими дарами духовными, которые приводили меня въ удивленіе». О. Антоній имѣлъ намѣреніе пріютить дивѣевскихъ изгнанницъ гдѣ-либо вблизи Кіева и особенно желалъ, чтобы древній упраздненный Кіево-Межигорскій мужской монастырь, гдѣ еще сохранились храмы Божіи и нѣкоторыя зданія, былъ обращенъ въ женскій для поселенія въ немъ дивѣевскихъ сестеръ, ибо между ними находились искусныя ремесленницы: живописки, золотошвей и т. п., которыя трудами своими, главное же подвижничествою жизнью своею подъ начальствомъ духовно-опытной Гликеріи Васильевны, скоро-бы привели въ хорошій порядокъ и благоустройство эту древнюю запустѣлую обитель. Старецъ даже ходатайствовалъ объ этомъ предъ Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ. Но владыка несочувственно отнесся къ этому ходатайству и призналъ, что пустынная мѣстность Межигорья, въ лѣсу и надъ крутымъ берегомъ Днѣпра, мало удобна для женской обители. Дивѣевскія изгнанницы, проживъ нѣкоторое время въ Кіевѣ и видя, что здѣсь имъ негдѣ будетъ пріютиться, переселились въ предѣлы Нижегородскіе, и здѣсь въ селѣ Понетаевкѣ нашли себѣ пріютъ въ имѣніи доброй помѣщицы Копьевой, гдѣ потомъ и основалась обитель Серафимо-Понетаевская».

Нельзя въ этомъ не видѣть особаго дѣйствія Промысла Божія, устрояющаго вся по своимъ премудрымъ цѣлямъ. Возвратившись изъ Кіева, изгнанницы, Гликерія Занятова и двѣ другія сестры, направились въ Саровъ, чтобы на гробѣ батюшки о. Серафима выплакивать свое великое горе, рассказать ему о своемъ безысходномъ бѣдственномъ поло-

¹⁾ «Отечественные подвижники 18 и 19 вѣковъ». Изд. Аѳонскаго Пантеленмонова мон., Москва, 1909 г., октябрь, стр. 312.

женіи. Имъ живо памятно было глубоко-знаменательное завѣщаніе святопочивающаго подвижника, предъ кончиною своею говорившаго одной изъ сестеръ дивѣевскихъ: «когда меня не станетъ, ходите, матушка, ко мнѣ на гробикъ; ходите, какъ вамъ время есть, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Все, что ни есть у васъ на душѣ, все, о чемъ ни скорбите, что ни случилось бы съ вами, все придите, да мнѣ на гробикъ, припавъ къ землѣ, какъ живому, и расскажите. И услышу васъ, и скорбь ваша пройдетъ! Какъ съ живымъ со мной говорите и всегда я для васъ живъ буду» ¹⁾. И вотъ рыдающія сестры чудно были утѣшены великимъ чудотворцемъ тутъ же, у его гроба. Здѣсь онѣ встрѣтились съ благочестивою старицею-дѣвицею, дочерью генераль-маіора, Елисаветою Алексѣевою Копьевою, помѣщицею с. Понетаевки, которая, узнавъ о причинѣ ихъ слезъ и печали, а также и ополнѣйшей ихъ безпріютности, пригласила ихъ поселиться въ своей помѣщичьей усадьбѣ.

Главнымъ къ тому побужденіемъ для благочестивой помѣщицы служила ихъ знаменательная и промыслительно Богомъ и старцемъ устроенная у гроба его встрѣча, и то, что Копьева лично знала и весьма уважала Преподобнаго Серафима, который, бесѣдуя съ нею однажды, слезно просилъ и даже земно поклонился ей въ ноги, чтобы не оставила она «сирыхъ» его, сестеръ Дивѣевской обители. И вотъ теперь, у гроба его она встрѣчаетъ этихъ бѣдствующихъ сиротъ, не имѣющихъ мѣста, гдѣ бы онѣ могли главы своя подклонити. Отъ гроба Преподобнаго, какъ бы отъ руки самого его лично, приняла Е. А. Копьева Гликерію и ея спутницъ, къ которымъ тотчасъ же по вселеніи ихъ въ Понетаевской усадьбѣ примкнули и остальные единомышленныя сестры, такъ что количество ихъ достигло 70 человекъ. Памятуя заповѣдь батюшки Серафима,—во исполненіе которой она и пріютила ихъ, «неукоризненной жизни и испытаннаго поведенія»,—г. Копьева въ мартѣ 1862 г. подала нижегородскому преосвященному Нектарію прошеніе о своемъ желаніи учредить при Понетаевскомъ имѣніи женскую общину, съ наименованіемъ ея, въ память почившаго о. Серафима, подвижника Саровской пустыни, Серафимовскою. Учредительница жертвовала въ вѣчное владѣніе обители 94 десятины пахотной земли и господскій садъ, съ усадьбою и каменными флигелями, а всего 100 десятинъ. Преосвященный представилъ въ Св. Синодъ ходатайство объ учрежденіи при с. Понетаевкѣ женской общины, съ наименованіемъ ея Серафимовскою, и объ укрѣпленіи за общиною жертвуемой земли. Государь Императоръ 26 октября 1864 г. Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Синода. Въ пользу возникавшей Серафимо-Понетаевской общины Государыня Императрица Марія Александровна изволила пожертвовать 1500 руб.

Первая игуменья Серафимо-Понетаевской обители, возведенной въ 1869 г. на степень третьекласснаго монастыря, была пострижена съ

¹⁾ Лѣтопись Серафимо-Дивѣев. мон.; СПб., 1903 г., стр. 458.

именемъ Евпраксіи. Происходя изъ крестьянской семьи Арлатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, она, въ 1832 году, 12-лѣтнею дѣвочкой, вмѣстѣ съ матерью своей была у Преподобнаго Серафима и просила у него благословенія на поступленіе въ монастырь. Старецъ благословилъ ее на иноческую жизнь и послалъ въ Дивѣвскую общину. Здѣсь, въ продолженіе 29 лѣтъ, она много потрудилась для обители, неся послушаніе по сбору подаяній въ Петербургѣ. Въ столицѣ она особенно пользовалась любовью и уваженіемъ многихъ благотворителей—высокопоставленныхъ лицъ, напримѣръ, сестеръ Тютчевыхъ, имѣла доступъ даже и къ Высочайшему Двору. Гликерія Васильевна (монахиня Лукерья) въ октябрѣ 1860 г. привезла съ собою во дворецъ епанечку (короткая накидка, полумантія) Преподобнаго Серафима, будучи покрыта которою великая княжна Марія Александровна исцѣлилась отъ опасной болѣзни. Та же епанечка, положенная на постель умиравшей Императрицы Александры Ѳеодоровны, облегчила предсмертныя страданія Государыни.

Управленіе Серафимо-Понетаевскимъ монастыремъ игуменію Евпраксіей ознаменовалось событіемъ прославленія чудотворной иконы Знаменія Пресвятыя Богородицы, главной святыни обители. Эта св. икона написана въ 1879 г. одною изъ сестеръ Понетаевской обители, Клавдією Войлошниковой, мѣщанскою дочерью изъ г. Любима, Ярослав. губ. Св. Синодъ, указомъ отъ 5 октября 1885 г., призналъ чудотворность этой св. иконы. Разслѣдованіемъ духовной и гражданской властей удостоверено 15 случаевъ чудесныхъ исцѣленій отъ новопрославленной св. иконы, главнымъ образомъ при болѣзняхъ зрѣнія, рукъ и ногъ (параличъ), нервнаго ослабленія, ломоты и др. Кромѣ того извѣстны еще 68 случаевъ благодатныхъ исцѣленій отъ разныхъ болѣзней: глазныхъ, нервныхъ (судороги, падучая, душевное расстройство, кликушество, онѣмѣніе тѣла, сердцебіеніе, параличъ оконечностей и др.), ревматическихъ, застарѣлыхъ катарровъ желудка и др. Свято храня завѣты Преподобнаго Серафима и благоговѣя къ его памяти, игуменія Евпраксія усердно собирала въ обители предметы, освященные молитвенными подвигами Преподобнаго. Теперь въ Серафимо-Понетаевскомъ монастырѣ сохраняются: мѣдный крестъ, найденный саровскимъ іеромонахомъ Анастасіемъ, при раскопкѣ мѣста дальней пустыньки Преподобнаго Серафима; часть дерева отъ его пустыньки; нѣсколько частицъ камня, на которомъ онъ молился 1000 ночей; три восковыхъ свѣчи изъ его келліи; волоски о. Серафима; части его мантіи, его холщевой сорочки и два полотенца ¹⁾).

Нынѣ Серафимо-Понетаевскій женскій монастырь, благодаря милости Божіей, молитвамъ Преподобнаго Серафима, неутомимымъ трудамъ покойной († 4 ноября 1893 г., на 75 году жизни) первой своей игуменіи Евпраксіи, благопечительнымъ заботамъ старца схиигумена

¹⁾ Серафимо-Понетаевскій мон.; „Церковн. Вѣдом.“ 1903 г., № 27, стр. 1018—1020

Серафима, отзывчивости и благотворительнымъ жертвамъ добрыхъ и христіанскихъ людей, представляетъ собою одну изъ благоустроеннѣйшихъ иноческихъ обителей Нижегородскаго края. Но начало ея было многоскорбно и въ знаменіе богоугодности начинанія сестеръ-изгпаницъ требовало особо исключительнаго небеснаго свидѣтельства. Приходившія къ первоначальницамъ теперешней обители мѣстныя крестьянки - мордовки, при взглядѣ на находившійся у нихъ большой живописный портретъ Преподобнаго Серафима, съ клятвою свидѣтельствовали, что «знають онѣ этого старичка». И на вопросъ сестеръ: какъ, и почему онѣ могутъ его знать, отвѣчали, что онѣ много разъ приходилъ сюда, палочкою размѣряя то мѣсто, на которомъ теперь утвердилась община. Это свидѣтельство простыхъ сердцемъ и умомъ крестьянокъ, которыхъ никакъ нельзя было заподозрить въ измысленіи, за долго еще до настоящаго времени высказанная Преподобнымъ усердная просьба Е. А. Копьевой о неоставленіи его сиротъ утверждала всѣхъ въ вѣрѣ, что обитель начнется съ соизволенія Божія и что надъ нею бдитъ невидимый благодатный покровъ и осѣненіе Преподобнаго ихъ отца Серафима, и вливала мужество въ сердца смиренныхъ инокинь, принужденныхъ бороться съ разнообразнѣйшими бѣдствіями и лишеніями.

Между тѣмъ и игумень далекой отъ Понетаевки Павло-Обнорской обители, о. Иоасафъ, считая себя косвенно причастнымъ къ дѣлу изгнанія сестеръ изъ Дивѣва, хотя и не по его винѣ, не могъ, конечно, оставаться безучастнымъ зрителемъ ихъ бѣдствія и не принимать завистливыхъ отъ него мѣръ къ облегченію ихъ тяжелаго и безотраднаго положенія. Содѣйствуя имъ своими усердными молитвами, онѣ весьма многое сдѣлалъ и въ смыслѣ ея внѣшняго благоустроенія. Безъ преувеличенія можно сказать, что при его горячемъ участіи, при его указаніяхъ и нескудной матеріальной поддержкѣ возникла и развилась эта обитель. Всѣ матеріальныя средства, какія стекались въ его рукахъ, старецъ раздѣлялъ на двѣ равныя части, употребляя одну на благоустроеніе вѣреннѣйшей ему обители Преподобнаго Павла, а другую направляя въ Серафимо-Понетаевскій монастырь, настоятельница котораго, игуменія Евпраксія, не рѣшалась начинать никакого болѣе или менѣе важнаго дѣла безъ его многомудраго совѣта и благословенія, въ благодатную силу котораго, она какъ вѣрная ученица, искренно и глубоко вѣровала, и вѣра не посрамляла ея упованія. Старецъ весьма многихъ женъ и дѣвъ, искавшихъ душевнаго спасенія, направлялъ въ Понетаевскую обитель, изъ которыхъ вырабатывались впоследствии добрыя инокини— подвижницы, съ которыми, какъ наприм. съ вышепомянутою Клавдіей Войлошниковой *бѣ рука Господня*. И за весь періодъ настоятельскаго служенія старца въ Павловой обители не было времени, въ которое здѣсь не обрѣтались бы понетаевскія сестры, однѣ изъ которыхъ пріѣзжали сюда по порученію матери—игуменни, другія—спѣшили сюда по своимъ духовнымъ нуждамъ, ради старческаго совѣта и наставленія, такъ

какъ теперь всѣ сестры новой обители стали его искренними ученицами. А самъ старецъ въ настоящемъ 'своемъ служеніи юной обители, освящаемой именемъ его великаго отца и наставника, вѣровалъ видѣть выполненіе возложеннаго имъ на него св. послушанія.

Не ограничиваясь личнымъ служеніемъ дѣлу созиданія и благоустроенія юной обители, старецъ располагалъ и своихъ благотворителей и почитателей къ добротнымъ жертвамъ на это св. дѣло. Особенно выдающимся благотворителемъ Серафимо-Понетаевской обители является Елабужскій купецъ Сергѣй Петровичъ Петровъ, котораго. по его собственному чистосердечному признанію, своими мудрыми бесѣдами и своимъ благодатнымъ воздѣйствіемъ старецъ въ нравственномъ отношеніи «извлекъ изъ глубины адовой», по духовному завѣщанію котораго въ 1902 г. обитель наслѣдовала 13470 десятинъ земли въ Арзамасскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ, Нижегородской губерніи, съ находящимися на ней постройками, лѣсами и всякими угодьями. На означенной землѣ имѣется нѣсколько устроенныхъ имъ монастырскихъ хуторовъ, на которыхъ ведется правильное хозяйство по хлѣбопашеству и скотоводству, а также работаетъ одинъ сыроваренный заводъ. Покойный С. П. Петровъ благодѣтельствовалъ Серафимо-Понетаевскому монастырю съ 1866 г. по день своей кончины, послѣдовавшей 17 декабря 1901 года. Онъ въ благоустроеніи обители принималъ самое живое участіе и имѣлъ такое попеченіе объ ней, что въ концѣ жизни совсѣмъ поселился подлѣ обители, чтобы удобнѣе наблюдать и руководить обширнымъ хуторскимъ хозяйствомъ. Отличаясь глубокимъ благочестіемъ, Сергѣй Петровичъ былъ усерднымъ почитателемъ Преподобнаго Серафима и любилъ повторять слова сказанныя Царицею небесной о Серафиму о Дивѣвскихъ инокиняхъ: «кто имъ послужитъ ради Господа, тотъ не будетъ забыть предъ Богомъ». Сергѣй Петровичъ скончался 82 лѣтъ отъ рожденія и погребенъ въ облагодѣтельствованномъ имъ монастырѣ, у алтаря церкви «Живоноснаго Источника». Такъ старецъ схи-игумень Серафимъ не только самъ былъ пламеннѣйшимъ почитателемъ священной памяти Преподобнаго, но и всѣхъ, обращавшихся къ нему, умѣлъ заставить полюбить и благоговѣть предъ свѣтозарнымъ обликомъ своего великаго учителя.

Оставивъ настоятельство и Павло Обнорскій монастырь, и вселившись въ Высокогорской пустынь, старецъ, свободный отъ дѣлъ начальствованія, посвятилъ себя безраздѣльно заботамъ о юной Понетаевской обители. Сестры ея постоянно обращались къ нему съ своими духовными и тѣлесными нуждами, часто посѣщая его въ высокогорскомъ уединеніи. На пожертвованія своихъ почитателей пріобрѣта себѣ лошадь и менѣе чѣмъ скромный тарантасикъ, онъ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ келейныхъ (ихъ было у него два), исполнявшаго и обязанности кучера, нерѣдко и самъ посѣщалъ Понетаевку, гдѣ, остановившись въ весьма скромномъ номеркѣ монастырской гостинницы, проводилъ болѣе или ме-

нѣе значительное время. Сюда къ нему шли сестры съ своими нуждами, здѣсь онъ нелѣбно воздѣлывалъ ниву душъ и сердець ихъ, бывъ любимымъ и любящимъ отцемъ и духовнымъ руководителемъ всей обители, начиная съ игуменіи и кончая послѣднею новонаначальною послушницею. Всякій прїѣздъ его былъ общимъ праздникомъ для всей обители. Ничто здѣсь тогда не дѣлалось безъ его одобренія и благословенія. Присутствуя при монастырскихъ богослуженіяхъ и молясь обыкновенно на хорахъ храма «Живоноснаго Источника» Богородицы, старецъ, объятый пламенною любовью къ Заступницѣ усердной рода христіанскаго, смиренно просилъ клирошанокъ пѣть пѣсни похвальные, прославляющія Матерь Незаходимаго Свѣта, изъ которыхъ особенно любовь его пользовался задостойникъ: «О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь», и не было, кажется, для него наибольшаго утѣшенія, какъ слышать и впитать этой дивной пѣсни, умомъ созерцая Прославляемую. Когда пѣвчія, желая доставить старцу духовное утѣшеніе, воспѣвали эту пѣснь, онъ весь какъ бы растворялся въ потокахъ слезъ.

Пребывая въ Понетаевской обители, старецъ иногда обходилъ и производившіяся въ немъ сестрами сельско-хозяйственныя работы, утѣшая труждавшихся въ нихъ сестеръ своимъ благословеніемъ, ласкою, участливымъ отношеніемъ, дѣлая попутно и свои многоцѣнныя, выработанныя долготѣнимъ личнымъ опытомъ жизни, замѣчанія, сводившіяся обыкновенно къ тому: Какъ наилучше сдѣлать то или иное дѣло? Случалось, что тутъ же, на работахъ, устраивалось и общее чаепитіе, въ которомъ старецъ такъ же принималъ участіе. Необыкновенно умилительна была картина, когда бѣлый, какъ лунь, съ своимъ сіявшимъ внутреннимъ благодатнымъ свѣтомъ, святоцѣннымъ и преподобническимъ лицомъ, старецъ, окруженный, со всѣхъ сторонъ тѣснившимися къ нему сестрами, представлялъ собою маститаго патріарха всей этой многочисленнѣйшей иноческой семьи, внимавшей глаголамъ, исходившимъ изъ устъ его, съ вѣрою смотрѣвшей на него, какъ на опытнѣйшаго кормчаго къ пристанищу небснаго покоя.

Но въ особенноти памятенъ для обители одинъ изъ прїѣздовъ его въ 1880 г. Епархіальный преосвященный Макарій (впослѣдствіи архіепископъ Донской, † 24 декабря 1884 г. въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, на покоѣ), объѣзжая эту часть своей епархіи, долженъ былъ посѣтить и Понетаевскій монастырь. Къ прибытію его потребовалось поставить икону въ писмоводительской келліи. Старецъ также находился здѣсь. Мать игуменія Евпраксія попросила его освятить икону Знаменія Пресвятыя Богородицы, въ 1879 г. написанную Клавдіею Войлошниковой, которую старецъ нѣкогда и отправилъ сюда для иноческихъ подвиговъ. Освятивъ ее, старецъ долго со слезами безмолвно молился предъ иконою, изъ глубины сердца прося Матерь Божію, да приметъ обитель сію подъ Свое Материнское покровительство, да будетъ ей Заступницею и Покровительницею, ограждая ее отъ всѣхъ бѣдъ и

напастей, бѣдъ и злключеній, спасая всѣхъ здѣсь подвизавшихся и служащихъ ей благу словомъ и дѣломъ. Окончивъ продолжительную свою безмолвную молитву, онъ обратился къ игуменіи Евпраксіи и нѣкоторымъ, находившимся здѣсь сестрамъ и, указывая на новоосвященный образъ, сказала: «вотъ, мати, сія св. икона, мню, будетъ обители вашей въ созиданіе, а тебѣ и сестрамъ во утѣшеніе». И пророчественныя слова старца оправдались послѣдующими дивными событіями: въ 1885 г. св. икона прославилась обильными чудесами. Несомнѣнно, что человекъ Божій своими духовными очами видѣлъ то, что было сокрыто и отъ самой прозорливой предусмотрительности человѣческой.—Нынѣшняя писмоводительница Серафимо-Понетаевской обители, монахиня Нина, въ то время еще молоденькая послушница, рассказываетъ, что старецъ возложилъ на нее особое послушаніе—извлечь изъ всѣхъ церковно-богослужебныхъ книгъ похвальныя наименованія Богородицы, расположивъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. «И какъ я ни старалась выполнить возложенное на меня старцемъ порученіе возможно лучшимъ образомъ, рассказываетъ она,—а всегда, когда я ни представляла свой трудъ ему, онъ не былъ вполне удовлетворенъ имъ.—«Потрудись, матушка, поусердиѣ, поищи въ богослужебныхъ то книгахъ похвальныя нарицанія Богородицъ: восхали Ее Честнѣйшую-то Херувимъ и Славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ», говаривалъ онъ. И только тогда когда Господу благоугодно было прославить св. икону Пречистыя Своея Матери дарованіемъ ей силы чудотворной, и когда мнѣ пришлось составлять и переписывать докладъ преосвященному Макарію о благодатныхъ проявленіяхъ силы Божіей отъ нея, только тогда уразумѣла я, что возложеннымъ на меня послушаніемъ старецъ прикровенно еще за долго давалъ мнѣ понять, что и моей грѣховности суждено будетъ принять хотя косвенное и весьма малое участіе въ служеніи прославленію Царицы Небесной».—Занятія о Серафимо-Понетаевской обители сопровождали старца до дверей гроба. Въ послѣдній годъ его жизни, когда у него сильно болѣла рука и было очевиднымъ, что онъ уже недолгій гость земного міра, посѣтившая его въ высогорской келліи понетаевская игуменія Евпраксія со слезами и скорбію сказала ему: «вотъ, батюшка, скоро Господь позоветъ васъ къ Себѣ; а мы-то, бѣдныя, съ кѣмъ останемся».—«Царица небесная будетъ вашимъ Покровомъ, и Помощницей, и Попечительницей, и Руководительницей вашей: Ей васъ оставляю, Ей вѣрваю, и Она, Всеблагая, будетъ вашею неборимою стѣною и источникомъ чудесъ, изливая на всѣхъ васъ Свои богатыя и благодатныя дары Матерняго милосердія». Въ послѣднее время посѣщая Понетаевку, онъ полюбилъ одно мѣсто за алтаремъ монастырскаго храма, всегда благословлялъ его, по-долгу простаивая здѣсь въ глубокой и сосредоточенной думѣ, выражая желаніе быть погребеннымъ именно здѣсь, что, какъ увидимъ, и дѣйствительно было исполнено, и о чемъ онъ, по данному ему дару вѣдѣнія будущаго, говорилъ и писалъ еще находясь въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ.

И въ Высогорской пустынѣ къ дверямъ его схимнической келліи стекались труждающіеся и обремененныя скорбями и напастьми пловцы бурнаго моря житейскаго, которыхъ онъ врачевалъ елеемъ благодатнаго утѣшенія, такъ какъ слово его, бесѣда, вдушая отъ сердца, любви преисполненная, непоколебимую вѣрою согрѣтая, обладала чуднымъ свойствомъ утѣлять самыя тяжкія скорби человѣческія. Неудивительно, что весь боголюбивый г. Арзамасъ, въ четырехверстномъ разстояніи отъ котораго жилъ старецъ, перебивалъ у него на благословеніи и для того, чтобы въ его благодатствованномъ словѣ найти разрѣшеніе мучившихъ ихъ вопросовъ, неудивительно, что сами пастыри не только приходовъ г. Арзамаса, но и находящихся въ окрестностяхъ, и инокини арзамаскихъ женскихъ обителей: Алексіевской и Николаевской имѣли его своимъ духовнымъ отцомъ и наставникомъ—руководителемъ ко спасенію; неудивительно, что сюда же стремились къ нему и давнія его духовныя чада изъ далекой теперь страны Вологодской, изъ сѣверной столицы и другихъ городовъ и мѣстъ. Вся земная жизнь старца была единый неустаннй подвигъ дѣлу милосердія къ ближнему. Дѣла-же милосердія есть по отношенію къ тѣлу и есть въ отношеніи души. Душа выше тѣла и дѣла милосердія духовнаго выше дѣлъ милосердія тѣлеснаго. Несомнѣнно старцу любезны были обѣ добродѣтели, но господствующею въ немъ была добродѣтель милосердія *духовнаго*. Творить эту милостыню духовную, заботиться о просвѣщеніи душъ и сердце ближнихъ своихъ путемъ духовнаго воздѣйствія взялъ на себя подвигъ челоѣкъ Божій и свято исполнялъ его въ теченіе всей жизни.

Кромѣ этихъ дѣлъ, у старца было еще дѣло, можно сказать, всей его жизни—собираніе достовѣрныхъ свѣдѣній и распространеніе ихъ о своемъ великомъ и приснопамятномъ старцѣ—Преподобномъ Серафимѣ, дѣло, которое онъ предпринялъ первоначально при пособіи способныхъ къ тому лицъ, а затѣмъ уже велъ его самостоятельно. Преподаватель V-й С.-петербургской гимназіи Николай Егоровичъ Андреевскій, вологжанинъ, написалъ со словъ іеромонаха Іоасафа, первую книгу: «Сказанія о подвигахъ и событіяхъ жизни Старца Серафима Іеромонаха, Пустытника и Затворника Саровской пустыни». Вотъ что писалъ онъ О. Н. Фортунатову отъ 24 января 1850 г. при посылкѣ въ даръ своей книги: «Милосердый Богъ благословилъ меня въ нынѣшніе каникулы потрудиться написать жизнь этого великаго старца Божія, со словъ любимаго ученика его, о. Іоасафа». ¹⁾ Первый разъ она вышла въ свѣтъ въ 1849 г. въ пользу Серафимо-Дивѣевской общины; въ 1857 г. было сдѣлано второе изданіе ея въ пользу той же общины. Настоятельствую въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ, старецъ, имѣя помощникомъ себѣ проживавшаго здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ отставнаго чиновника Николая Иванова Синьковского, приготовилъ и въ 1877 г. издалъ книгу въ дополнен-

¹⁾ Воспоминанія Вологжанина о преосв. архіепископѣ Иринеѣ („Вологод. Епарх. Вѣдом.“ 1868 г., № 15).

номъ видѣ уже въ пользу Серафимо-Понетаевского монастыря и наконецъ, еще болѣе дополнивъ и давъ ей другое названіе: «Сказанія о жизни старца Божія іеромонаха Серафима, пустынножителя и затворника Саровской обители», приготовилъ ее къ новому изданію, которое, впрочемъ, сдѣлано уже на другой годъ по кончинѣ его, въ пользу той же обители, и оставилъ ей вмѣсто всякаго вещественнаго богатства, ибо не имѣлъ и не собиралъ его и, не смотря на то, что чрезъ руки его проходили десятки и сотни тысячъ, былъ въ полномъ смыслѣ этого слова самымъ нестяжательнымъ инокомъ. И напрасно нѣкоторые указываютъ на встрѣчающіеся въ книгѣ недостатки. Правда, — стилистика ея не отличается особо выдающимися литературными достоинствами, оставляя желать многого въ этомъ отношеніи. Но не въ этомъ заслуга настоящей книги. О. Серафимъ писалъ свою книгу тогда, когда другіе почти еще молчали о Преподобномъ, и если вводилъ въ свой трудъ описаніе своихъ отношеній къ св. старцу, то отнюдь не съ низменною цѣлью—подчеркнуть, такъ сказать, эти отношенія и этимъ возвысить свой авторитетъ въ средѣ почитателей свято-почившаго Саровскаго подвижника. Книга въ значительной части своей носитъ характеръ благоговѣйныхъ воспоминаній вѣрнаго ученика о своемъ великомъ учителѣ; и если въ нее вкрались нѣкоторыя ошибки и неудачные словообороты, то опять таки не по злонамѣренности автора, а вслѣдствіе его недостаточнаго знакомства съ литературными приѣмами. Чтобы не быть голословнымъ въ оцѣнкѣ труда старца, приводимъ здѣсь мнѣніе о достоинствахъ его, высказанное г. Е. Поселяниномъ въ его статьѣ: «Птенцы старца Серафима». «Многія обстоятельства жизни старца Серафима Саровскаго, пишетъ онъ, стали извѣстны только потому, что были открыты великимъ старцемъ молодому саровскому иноку Іоанну, въ монашествѣ Іоасафу, впоследствии схи-игумену Серафиму. Чрезъ него сталъ извѣстенъ дивный подвигъ тысяченощнаго моленія на камнѣ и стало извѣстно самое мѣстонахожденіе камня. Предъ нимъ произошло великое чудо «преклоненія древа», которое старецъ испросилъ у Бога въ знаменіе того, что Господь повелѣваетъ ему заботиться о той малой общинѣ сестеръ, тѣхъ «Дивѣвскихъ сиротахъ», что составили первоначальное зерно, развившееся въ великій Серафимо-Дивѣвскій монастырь.— Онъ (Іоасафъ) могъ распространять ту любовь къ великому старцу, какою горѣлъ самъ, ту вѣру въ него, которая доставила ему столько отрады,—распространять и возбуждать въ душахъ широкимъ путемъ печати. Все то главное, что зналъ онъ объ о. Серафимѣ, иное видѣлъ въ немъ, иное слышалъ отъ него, онъ записалъ и собралъ въ книгу. И многіе чрезъ эту книгу привязались къ великому старцу пылкой любовью, горячимъ искреннимъ усердіемъ». ¹⁾ Вотъ—достоинство, вотъ—значеніе книги. Въ пользу ея говорятъ и тѣ обстоятельства, что житіе Преподобнаго Серафима Саровскаго изданія и даже Лѣтопись Серафимо-

¹⁾ Русскій Паломникъ. 1903 г. №№ 18—19.

Дивѣвскаго монастыря, совершенно враждебно къ автору ея настроенная, не могли не заимствовать отсюда части его разсказовъ, хотя въ большинствѣ случаевъ и не называя имени того, кому они принадлежать.

Послѣдніе годы жизни старца были мирны, являясь какъ бы нѣкою *ослабою*, какою послѣ многихъ и жесточайшихъ скорбей, дароваль ему Господь, *да почитъ, прежде даже не отыдетъ* (Псал. 38, 14) въ путь неизбѣжный всѣхъ земнородныхъ. И эти дни мира онъ посвятилъ себя на труды для снисканія еще высшихъ духовныхъ совершенствъ. Очищенный огнемъ скорбей, онъ достигъ такой высочайшей степени, что ничто земное уже не могло волновать его, выражаясь въ полнѣйшемъ его безгнѣви. Скончавшійся въ маѣ 1913 г. іеромонахъ Толгскаго монастыря Веніаминъ, бывшій однимъ изъ его келейныхъ, лично намъ разсказывалъ слѣдующее: «въ одинъ праздничный зимній день, когда совершалась ранняя литургія, долженъ былъ я вести старца въ храмъ, такъ какъ, доживая уже послѣдніе дни на землѣ, онъ безъ посторонней помощи уже и ходить почти не могъ, особенно въ зимнее время. Въ сумракѣ ранняго зимняго утра мы подвигались съ такою медлительностію, что перейти небольшое пространство, отдѣлявшее наше жилище отъ теплаго храма, могли только спустя долгое время по выходѣ изъ келліи. Когда мы вошли въ храмъ, тамъ уже заканчивалась литургія и служащій іеромонахъ, благословляя народъ, возглашалъ: «благословеніе Господне на васъ». Я не могъ скрыть своего крайняго смущенія по поводу несвоевременности нашего прихода въ церковь, о чемъ и высказалъ старцу, а онъ спокойно возразилъ мнѣ: «ну, что-жъ, Володенька, благословеніе Господне получили; чего-жъ намъ нужно болѣе?» Онъ, кажется, забылъ что существуетъ страсть гнѣва и злопамятности. Давно забывъ о причиненныхъ ему дивѣвскимъ дѣломъ скорбяхъ, такъ что даже никогда и не вспоминалъ о немъ, старецъ въ душѣ желалъ бы примириться и съ главною причиною его—игуменію Марією, моля Господа, да ими-же вѣсть судьбами устроить это примиреніе. И Господу благоугодно было исполнить и это высокохристіанское желаніе вѣрнаго раба Своего. Послѣдній разъ старецъ, ежегодно посѣщавшій Саровъ въ день преставленія Преподобнаго Серафима, прибылъ сюда на 2 января 1884 г. Въ послѣдній разъ помолившись у дорогаго гроба и возвратившись въ номеръ гостинницы, послѣ кратковременнаго здѣсь отдыха, онъ рѣшилъ ѣхать въ обратный путь.—«Едва только мы со старцемъ вышли въ корридоръ, разсказывалъ другой келейный его, іеромонахъ Виссаріонъ, какъ кто-то внезапно падаетъ ему въ ноги.—«Кто это; кто?» спрашиваетъ старецъ, не имѣя возможности во тьмѣ корридора разсмотрѣть кланявшася.—«Я, грѣшная, Марія дивѣвская; простите, Бога ради, батюшка, за всѣ тѣ скорби, которыя я причинила вамъ».—«Ну, что старое поминать; что прошло,—то былъемъ поросло. Богъ тебя проститъ; меня прости, матушка, Бога ради». И прощеніе, изреченное имъ Маріи, исходило изъ глубины его непамятозлбнаго сердца. Не такъ поступила,

однако, мать-игуменія: когда скончался 20 ноября 1884 г. старецъ и въ маѣ 1885 г. въ Серафимо-Понетаевскомъ монастырѣ Господу, по молитвамъ его, угодно было прославить чудотвореніями образъ Пречистой Матери Своея, Марія въ томъ же году издала извѣстную «Лѣтопись Серафимо-Дивѣвскаго монастыря», обливающую помоями свѣтлую личность старца и смущающую этимъ сердца и души благочестивыя. Считаемо не излишнимъ привести здѣсь взглядъ на это мѣсто помянутаго труда людей безпристрастныхъ и благодатныхъ. 9 марта 1913 г. въ г. Вологдѣ скончался заштатный старецъ, священникъ Александръ Баданинъ, обладавшій обильнымъ даромъ прозрѣнія и благоговѣно чтимый при жизни не только гражданами Вологды, но и жителями всей страны той. О. Александръ зналъ старца въ періодъ его настоятельствовапія въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ; зналъ и высоту его свято-подвижнической жизни. Прочитавъ «Лѣтопись», онъ вознегодовалъ праведнымъ гнѣвомъ. Когда, болѣе нежели за годъ до его кончины, явился къ нему на благословеніе іеродіаконъ Великоустюжскаго Архангельскаго монастыря Серафимъ, прозорливый мужъ далъ ему такое порученіе: «по пріѣздѣ въ Великій Устюгъ явиться къ игуменіи тамошняго Іоанно-Предтеченскаго монастыря Паисіи и отъ имени его (Александра) сказать ей, чтобы она изъяла эту книга изъ обращенія между сестрами обители, какъ привносящую смуту въ душу читающихъ». Іеродіаконъ Серафимъ исполнилъ порученіе и можетъ свидѣтельствовать объ истинности сейчасъ разсказаннаго.

Какъ радуется странникъ, оканчивающій далекій и многотрудный путь, какъ радуется пловецъ, переплывшій опасное море, столь радовался и подвижникъ Божій, оканчивая подвигъ своей многоскорбной и преисполненной трудовъ жизни. При концѣ ея онъ въ дерзновеніи вѣры могъ сказать о себѣ словами Св. Апостола Павла: *подвигомъ добрымъ подвизахся, течение скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ, Праведный Судія, не токмо же мнѣ, но и вѣсмъ возлюбившимъ явленіе Ею* (2 Тим. 4, 7—8). Достигнувъ крайняго предѣла человѣческой жизни на землѣ, мѣриломъ которой Псалмопѣвецъ ставитъ 80-лѣтній возрастъ, старецъ со дня на день и съ минуты на минуту ожидалъ неизбѣжной гостыи—смерти, готовясь безтрепетно встрѣтить ее. Онъ не болѣлъ; онъ жилъ, но всѣ видѣли, какъ въ послѣднее время хладѣли руки его, тускнѣлъ взоръ, изнемогали языкъ; но видѣли также и то, что и въ немощной плоти до послѣднихъ минутъ своей жизни сохранилъ онъ бодрый духъ, ясный умъ, отзывчивое сердце; до послѣдней минуты онъ жилъ такъ, какъ жилъ всю свою жизнь. Въ послѣдній годъ жизни его единственными бесѣдами были—гробъ, могила, вѣчность. Мыслью онъ виталъ уже въ предѣлахъ ея. И видно было, что старецъ таялъ съ каждымъ днемъ и что недалеко уже былъ тотъ моментъ, когда догоритъ свѣтильникъ его жизни и лампада его потухнетъ. Впрочемъ особой болѣзни,

какъ предвѣстницы смерти, не было у старца; въ одинаковой степени старческаго слабосилія и на ногахъ пробылъ онъ до послѣднихъ минутъ своей жизни. За недѣлю до кончины посѣтилъ старца благодетель Понетаевского монастыря Сергѣй Петровичъ Петровъ. Долго бесѣдовалъ съ нимъ старецъ, рассказалъ ему всю жизнь свою, говорилъ, какъ много скорбей и напастей потерпѣлъ онъ, и за все благодарилъ Бога, выражалъ желаніе, чтобы тѣло его, когда онъ умретъ, было отвезено *на одной его лошади*, дабы она въ послѣдній разъ послужила своему хозяину, запретилъ на своей могилѣ сооружать какой бы то ни было надгробный памятникъ, ограничившись поставленіемъ на ней простого деревяннаго креста. Прощаясь съ Сергѣемъ Петровичемъ, о. Серафимъ просилъ его захватить съ собою изъ Н.-Новгорода, куда онъ ѣхалъ, оставленный тамъ фонарикъ, говоря, что онъ здѣсь понадобится: дѣйствительно онъ понадобился на могилу его для неугасаемой лампы. За нѣсколько дней до кончины онъ написалъ игуменіи Евпраксіи письмо и, при отправленіи его, сверхъ обычнаго адреса написалъ, чего прежде никогда не дѣлалъ: «вечеръ водворится радость, а завтра—плачь». Послѣ объяснилось дѣйствительное значеніе и смыслъ этой приписки: письмо было получено въ обители наканунѣ его кончины и дѣйствительно принесло сестрамъ радость, что ихъ старецъ живъ, здоровъ, всѣхъ благословляетъ, всѣмъ шлетъ свои отеческія благожеланія, а на другой день съ нарочнымъ получена была горькая вѣсть о кончинѣ его, повергшая всѣхъ въ неутѣшимый плачь. Сопоставляя одно съ другимъ обстоятельства, предшествовавшія его кончинѣ, можно утвердительно сказать, что старцу открыто было Господомъ время ея и, если онъ ничего не говорилъ объ этомъ своимъ близкимъ, то не желая прежде времени приносить въ души ихъ глубокую печаль, а намеки его о близости часа смертнаго, сдѣлавшіяся ясными по его кончинѣ, были тогда не вполне достаточно понимаемы ими.

Въ 19 день ноября церковію празднуется память Преподобнаго Іоасафа, Царевича Индійскаго, небеснаго покровителя старца о. Серафима, имя котораго онъ носилъ въ монашествѣ. Въ этотъ день старецъ самъ отслужилъ молебенъ Преподобному, принималъ поздравленія въ келліи, бесѣдовалъ съ посѣтившими его лицами, между которыми вечеромъ былъ и Высокогорскій архимандритъ Алипій, пробывшій у него весьма значительное время. Старцы бесѣдовали о смерти, судѣ Божіемъ, царствѣ небесномъ, непрочности всѣхъ земныхъ утѣхъ жизни. Вечеръ прошелъ обычнымъ порядкомъ.

Наступило осеннее утро 20 ноября, — утро послѣдняго дня жизни старца схи-игумена Серафима. По издавна заведенному обычаю, онъ прочелъ цѣлое Евангеліе отъ Матѳея и послѣднее слово его: *и се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка, аминь*, старецъ закончилъ не обычною скороговоркою, а протяжно, съ повышеніемъ голоса, чего также никогда не дѣлалъ прежде. Когда приготовленъ былъ чай, онъ

разливалъ его, но самъ не пилъ, бесѣдуя съ двумя находившимися здѣсь Понетаевскими монахинями и келейными своими; около полудня остановилъ часы, безъ сомнѣнія съ тою мыслию, что человѣку, переходящему въ вѣчность, нѣтъ уже надобности въ исчисленіи времени при посредствѣ часовъ. Въ теченіе дня совершилъ онъ исповѣдь своихъ келейныхъ. Ничего необычнаго во всемъ этомъ не было. Къ вечернему богослуженію онъ пошелъ, какъ и обыкновенно, но всталъ не на своемъ мѣстѣ, а на другомъ. Предъ окончаніемъ богослуженія почувствовалъ себя нехорошо, старецъ попросилъ довести его до келліи. Приведенный къ себѣ, онъ сѣлъ къ портрету Преподобнаго Серафима, склонилъ голову къ ногамъ своего великаго старца и сталъ ослабѣвать все болѣе и болѣе. Его положили на постель въ молитвенной его келліи. Обратясь лицомъ къ стѣнѣ, на которой находилась икона Богоматери, со взглядомъ устремленнымъ на нее, старецъ тихо и безмятежно предалъ духъ свой Богу. Какъ тревожна и многоскорбна была его жизньъ, и какъ мирна и безмятежна, вполне преподобна, его кончина!... Онъ скончался 20 ноября 1884 года, въ 9 часовъ вечера, 82 лѣтъ отъ рожденія, изъ которыхъ 64 года провелъ въ монастырѣ.

Печальная вѣсть о кончинѣ старца Божія преисполнила глубокою скорбію всѣхъ его знавшихъ. Въ особенности для сестеръ Серафимо-Понетаевского монастыря она была, если и не неожиданю, за то глубоко горестною, такъ какъ въ немъ онѣ лишились своего духовнаго руководителя, попечителя и радѣтеля. Игуменія Евпраксія и 70 сестеръ понетаевскихъ, — число тѣхъ, которыя нѣкогда должны были оставить Дивѣевскую обитель за вѣрность и преданность ему, — прибыли въ Высокогорскую пустыню. Погребеніе почившаго старца совершенно было высокогорскимъ архимандритомъ Алипіемъ съ братією и духовенствомъ г. Арзамаса, пожелавшимъ воздать послѣдній долгъ уважаемому подвижнику, при многочисленномъ стеченіи народа и пѣніи хора понетаевскихъ инокинь. При погребеніи не было произнесимо никакихъ словъ и рѣчей: вмѣсто нихъ и лучше ихъ были слезы сестеръ и бѣдныхъ, лишившихся въ немъ своего благодѣтеля, и благочестивыхъ мірянъ, терявшихъ въ старцѣ опытнаго руководителя въ духовной жизни. Въ концѣ отпѣванія прочтено было духовное завѣщаніе старца Божія къ сестрамъ Серафимо-Понетаевской обители. Въ немъ онъ говоритъ о неизбѣжности часа смертнаго, высказываетъ глубочайшую вѣру въ молитвенное предстательство за него Преподобнаго Серафима Саровскаго, съ отрадою воспоминаетъ слова Угодника Божія, сказанныя ему предъ своею блаженною кончиною: *я молю, и буду молить за тебя Господа Бога и Пречистую Его Матерь*; далѣе преподаетъ сестрамъ свои послѣднія наставленія: о взаимной между ними любви, храненіи вѣшняго и внутренняго мира, послушаніи и покорности къ игуменіи и другимъ, безмолвіи и пребываніи въ келліяхъ, нестяжаніи вещественныхъ благъ и украшеніи душъ св. христіанскими добродѣтелями, чтеніи Св. Писанія

и т. д. Съ разрѣшенія благоднаго Нижегородскаго преосвященнаго Макарія, тѣло старца схи-игумена Серафима должно было быть погребеннымъ въ Серафимо-Понетаевскомъ монастырѣ. И вотъ, по окончаніи послѣдованія погребенія иноческаго, останки его, при печальномъ перезвонѣ колоколовъ, вынесены были изъ Высокогорской пустыни и поставлены на уготованныя сани, запряженныя тройкою лошадей. Но тутъ случилось нѣчто, никѣмъ неожиданное. Едва только гробъ съ тѣломъ старца былъ утверждёнъ, какъ слѣдовало, на своемъ мѣстѣ, какъ лошади, до того момента покойныя, вдругъ понеслись, такъ что отъ стремительности ихъ движенія, находившіеся на стражѣ гроба кучеръ и двѣ монахини попадали въ снѣгъ, а кони, никѣмъ не управляемые, примчались къ воротамъ Алексіевскаго Арзамаскаго женскаго монастыря, тогда еще Общины, и встали сами собою. Здѣсь совершена была заупокойная литія о упокоеніи души старца. Вспомнилось при томъ и его желаніе, чтобы къ могилѣ тѣло его везомо было одной *его* лошадыю, почему излишняя пара коней были отложены, и печальное шествіе направилось далѣе, встрѣчаемое духовенствомъ городскихъ храмовъ, лежавшихъ на пути его, и провожаемое колокольнымъ заунывнымъ звономъ и множествомъ народа. Величественно было это посмертное шествіе смиреннаго схимника, какъ *злато въ горниль искушеннаго* пламенемъ скорбей, и никогда во всю свою долгую жизнь никуда не входилъ онъ съ такою славою, какъ теперь, оставляя благочестивый г. Арзамасъ и направляясь къ мѣсту послѣдняго своего земнаго упокоенія. Почти всю дорогу сестры несли на рукахъ гробъ съ тѣломъ дорогаго усопшаго и только въ темнотѣ зимняго вечера достигли вратъ св. обители, гдѣ горькими слезами и съ возжениыми свѣтильниками встрѣтили инокини бездыханное тѣло своего отца; съ тѣми же слезами, но и крѣпкимъ упованіемъ, что онъ *вошелъ въ радость Господа своего*, предали они его землѣ за алтаремъ церкви Живоноснаго источника Богоматери, на избранномъ имъ самимъ мѣстѣ. Любовь ихъ возжгла на дорогой могилѣ неугасаемую лампаду, и когда въ тихую лѣтнюю ночь идешь мимо могилы старца и видишь кроткое мерцаніе этой лампы, то невольно думаешь: «теперь успокоился ты, старецъ Божій, отъ скорбей и напастей жизни; теперь не страшны для тебя ни злоба, ни клевета человѣчскія; ты преплылъ бурное море житейское, а мы—еще плывемъ по волнамъ его: да будетъ же примѣръ твоей многострадальной жизни ободряющимъ и для насъ въ минуты бѣды и напастей! И какъ приложимы къ тебѣ во всей полнотѣ ихъ слова Св. Апостола Іакова: *блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе; зане искушенъ бывъ, приметъ вѣнецъ жизни* (1, 12)!»

Ушелъ старецъ Божій изъ земнаго міра тѣломъ своимъ, но духомъ своимъ постоянно пребываетъ съ тѣми, которые такъ любили его при жизни. Едва только прошло полгода со дня его кончины, какъ въ Серафимо-Понетаевскомъ монастырѣ Господь прославилъ св. икону Зна-

менія Пресвятыя Матери Своея токомъ чудесь. ¹⁾ Таковъ былъ судъ Небесной Истины надъ дѣйствіями схи-игумена Серафима и игуменіи Евпраксіи и что бы ни говорили о нихъ люди, какими бы красками ни старались затемнить ихъ образъ, но свидѣтельство Небесной Истины, въ прославленіи св. иконы Знаменія Пречистыя Богородицы открывшееся, для всѣхъ останется непререкаемымъ свидѣтельствомъ богоугодности попеченій о. Серафима объ этой обители инокинъ, какъ беззавѣтнаго послушанія волѣ его св. старца—Преподобнаго Серафима! Въ Понетаевкѣ съ особенною силой дѣйствуетъ духъ старца. Гдѣ же ему и быть, какъ не у тѣхъ и не съ тѣми, кого онъ при жизни своей любилъ до того, что терпѣлъ за нихъ гоненія, и кто его такъ любилъ и такъ ему вѣрилъ, что шелъ на голодъ и жажду, на полную нищету, вѣруя далекой цѣли, опредѣленной и поставленной батюшкою. Понетаевъ весь существуетъ, какъ и возникъ, чудомъ, а, вѣдь, было время, когда сестры не знали, чѣмъ будутъ сыты завтра. И вотъ, взялся отъ нихъ отецъ ихъ и чрезъ полгода вмѣсто его даруется имъ чудотворная икона Матери всѣхъ скорбящихъ. Это-ли не чудо; это-ли не явное, очевидное промышленіе Божіе объ обители?!...

Не забываетъ старецъ Божій духомъ своимъ посѣщать и Павло-Обнорскій, призванный имъ къ благоустроенной жизни, монастырь, гдѣ все создавалось подъ личнымъ наблюденіемъ его, гдѣ нѣтъ деревца, которое не было бы посажено по его указанію и его руками, не было гвоздя, вбитаго не по его распоряженію. Настоятель этого монастыря, о. игумень Никонъ, передаетъ слѣдующее замѣчательное событіе: «однажды, говоритъ онъ, прилежъ я отдохнуть на диванъ въ столовой отъ крайняго утомленія. И только что погрузился въ легкую дремоту, представляется мнѣ, что изъ кабинета выходитъ въ бѣломъ балахонѣ о. Иоасафъ, съ книгою въ рукахъ, перелистывая которую и обращаясь ко мнѣ говорить: «прикажете найти синодикъ, заброшенный въ верхней комнатѣ; въ немъ записаны имена лицъ, благодѣтельствовавшихъ обители. Вотъ наприм. Д. В. Б—гъ: бывало, не успѣешь написать ему, что думаешь сдѣлать то и то, какъ онъ уже шлетъ свою жертву. Можно ли не поминать ихъ, и его родственниковъ?» Очнувшись, я тотчасъ же поспѣшилъ на верхъ и въ указанномъ мнѣ старцемъ мѣстѣ дѣйствительно нашель эту книгу, попавшую сюда еще до вступленія моего въ настоятеля. И теперь синодикъ этотъ, писанный его рукою, неизмѣнно прочитывается при совершеніи каждой литургіи». А глубоко почитавшая старца при жизни, А. А. Дьячкова передаетъ о двухъ случаяхъ загробной его помощи, ей явленной. «Однажды, рассказываетъ она, идя пѣшкомъ изъ Вологды въ Саровъ, растерла я ногу до такой степени, что уже не могла ходить. Кое-какъ дотащившись до Павлова мо-

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія о сей св. иконѣ заключаются въ изданной Серафимо-Понетаевскимъ монастыремъ книгѣ: „Новопрославленная чудотворная икона Знаменія Пресв. Богородицы и Серафимо-Понетаевскій монастырь“. 1900 г.

настыря, чрезъ великую силу достигла я прудка, ископаннаго руками старца. Сорвавъ росшей здѣсь простой травы, я приложила ее къ больному мѣсту, моля старца объ исцѣленіи, и на другой день болѣзни не оставалось даже и слѣда. Въ другой разъ, когда я была въ Исааковой пустынѣ, появилась у меня опухоль за лѣвымъ ухомъ. Отъ подобной же болѣзни умерла моя мать. Я поспѣшила въ Вологду. Здѣсь болѣзнь усилилась до такой степени, что докторъ, къ которому я обратилась, призналъ необходимость операціи, на которую я, однако, своего согласія не выразила. А болѣзнь съ каждымъ мгновеніемъ усиливалась. Въ Спасо-Привлуккомъ монастырѣ отъ архим. Неофита (нынѣ епископъ Измаильскій, викарій Кишиневскій) сподобилась я принять елеосвященіе, и думала: «гдѣ мнѣ умереть?» Съ этою мыслию я забылась, и какъ будто слышу невидимый голосъ: «иди въ Павловъ, къ прудку». Я поспѣшила въ названную обитель; нѣсколько разъ была у прудка, водою его омывая страшно распухшее мѣсто и прикладывая къ нему траву, но облегченія не чувствовала, хотя ни мало не теряла вѣры въ силу загробныхъ молитвъ батюшки. Въ день Св. Троицы чрезъ силу достигла я прудка, повторила примачиваніе и прикладываніе травы, и ночью опухоль прорвалась и я стала здорова». Что это? Здѣсь нѣтъ мѣста случаю и приходится съ изумленіемъ и страхомъ признать чудодѣйственность благодати Божіей, изливающейся по молитвамъ приснопамятнаго старца на страждующія и вѣрою къ нему пламенѣющія души.

Обитель Павло-Обнорская, хотя и не имѣетъ въ себѣ могилы его, но, полная памятниками его дѣятельности, усердно молить Господа о упокоеніи души съ праведными одного изъ тѣхъ, о которыхъ сказано: *тѣлеса ихъ въ миръ погребена быша, а имена ихъ живутъ въ роды: премудрость ихъ повѣдятъ людѣ и похвалу ихъ исповѣсть церковь* (Сирах. 44, 13—14)!

Алексіи Воскресенскій.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ

схи-игумена Серафима духовнымъ чадамъ своимъ, Серафимо-Понетаевского монастыря игуменьѣ Евпраксіи со всеми ея о Господѣ сестрами.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Возлюбленные мои чада! Матери и сестры о Христѣ сотрудницы; простите и благословите меня грѣшнаго. Рано или поздно мнѣ должно разстаться съ вами, мои возлюбленные, и перейти въ страну вѣчности. Я уже по обѣту великаго Ангельскаго образа—живый мертвецъ.—Желаю и стремлюся къ тому неизбежному предѣлу гроба, который, какъ вѣстникъ строгій, напоминаетъ мнѣ, что уже близокъ мой конецъ.—Скоро я долженъ закрыть свои глаза и встрѣтить тѣ страшныя послѣднія минуты, въ которыя будетъ разлучаться грѣшная моя душа отъ брэннаго тѣла —Этихъ послѣднихъ страшныхъ минутъ трепетали и святая души; мнѣ-же грѣшному, лѣнивому и безпечному—какъ не трепетать;—но при всемъ ономъ надѣюсь на силу молитвъ нашего незабвеннаго отца Серафима, который при послѣднихъ минутахъ исхода своего открылъ мнѣ о своемъ дерзновеніи къ Господу и Царицѣ Небесной, и чрезъ то оставилъ какъ драгоценное наслѣдство для меня грѣшнаго—сїи спасительныя обѣтованія, говоря: *«я молю за тебя Господа и Пречистую Матерь!»*—взирая на мои слезы и страданія, изливаемые предъ Священною Литургіею, при открытіи о послѣднихъ минутахъ его жизни; и вслѣдъ затѣмъ съ неизъяснимою скорбію повторилъ оныя утѣшительныя слова, въ утѣшеніе грѣшной души моей, съ воздѣтыми руками предъ св. алтаремъ:—*и буду*, говорилъ онъ,—*молить за тебя Господа и Пречистую Божію Матерь.*

Вотъ, родныя, какіе единственные радостотворные оставилъ онъ мнѣ обѣты, которыми я всегда и при всѣхъ скорбяхъ врачуюсь, утѣшаюсь и надѣюсь, что онъ, незабвенный мой отецъ, не оставитъ меня по обѣту своему и въ тѣ страшныя минуты, когда разлучаться будетъ душа моя отъ тѣла и проходить тѣ страшныя заставы и мытарства,—по примѣру Блаженнаго Василія, избавившаго св. Θεодору отъ мученія.

При этомъ молю и прошу всѣхъ васъ, мои сотрудницы о Господѣ, проливайте за меня грѣшнаго ваши усердныя молитвы о избавленіи грѣховъ и о упокоеніи грѣшной души моей; и егда будете взирать на мой гробъ, въ которомъ затворился мой грѣшный прахъ,—поминайте мою любовь, и молитесь усердно Господа—да учинить духъ мой съ Праведными. И я затворенъ буду во гробѣ и заключенъ въ могилѣ, какъ въ мрачной темницѣ, до дня всеобщаго Суда Божія.

Вотъ чѣмъ оканчивается наша земная жизнь, и исчезаетъ весь блескъ земнаго удовольствія. О смерти, смерти,—сколь горька память о тебѣ!—Смерть грѣшниковъ люта для всѣхъ жителей земли, которыхъ ты поражаешь и переселяешь въ неизвѣстные часы и минуты съ плачевною церемоніею въ страну вѣчности.

Будемъ всегда молить Господа даровать намъ память смертную, чтобы тѣмъ прекращать наши многосложныя страсти и искушенія, чрезъ которыя мы увлекаемся и увлекаемся въ бездну забвенія о вѣчности и погружаемся во всѣ грѣховныя пороки по привычкѣ.—Смерть грѣшниковъ люта, а праведниковъ честна; поэтому примите мое завѣщаніе и послѣднія къ вамъ отеческія слова мои, --- моленіе, прошеніе и благодареніе.

1-е) Прошу и молю васъ, мои возлюбленныя о Христѣ сотрудницы, любите другъ друга величественно, и да не будетъ въ обители вражды и несогласія, но да пребываетъ между вами миръ и единодушіе.

2-е) Имѣйте въ умѣ и сердцѣ страхъ Божій, и помните цѣль, для которой вы оставили міръ и собрались въ эту святую обитель.

3-е) Младшія сестры будьте смиренны, послушны и уважительны къ старшимъ; а старшія назидайте новоначальныхъ и юныхъ примѣромъ истинной монашеской благочестивой жизни.

4-е) При этомъ прошу васъ ради Господа и Пречистой Его Матери не возставать противъ Начальницы обители—ни словомъ, ни дѣломъ, потому что это навожденіе сатаны, возставшаго нѣкогда противъ Бога.

5-е) Безмолвствуйте въ келліяхъ и не заводите сборищъ, особенно за чаемъ, за которымъ врагъ всего удобнѣе крадетъ наше спасеніе и вовлекаетъ, подъ видомъ разсужденія, въ бездну осужденія и празднословія. Отъ этихъ сборищъ по кельямъ раждаются страшныя пагубы души, о чемъ открылъ мнѣ отецъ Серафимъ.

6-е) Не заботьтесь о стяжаніи земнаго имущества, но любите и живите въ нищетѣ и убожествѣ, подражая Господу нашему Иисусу Христу, обнищавшему насъ ради и неимѣвшему гдѣ главу приклонить.

7-е) Возлюбите тихость нрава, безмолвіе, дѣвственную чистоту, воздержаніе, смиренномудріе, Богомысліе, чтеніе Слова Божія,—въ особенности Евангелія, Псалтири и житій св. Отецъ и Матерей,—которые прямо показываютъ намъ путь ко спасенію; и при этомъ непрестанную молитву Иисусову и Богородицѣ, чтобы тѣмъ очищать свои души отъ всякой грѣховной нечистоты, а тѣло украшать чистымъ сердцемъ и неусыпными трудами; чтобы тѣмъ избавиться отъ мысленныхъ наплетовъ, нападающихъ на въ праздности живущихъ, и тѣмъ угодить Небесному Жениху, Которому вы принесли себя добровольно въ жертву.

8-е) Трудитесь неусыпно для пользы св. обители и ни въ какомъ случаѣ не уклоняйтесь отъ общаго послушанія ни юностію, ни старшинствомъ; послѣднимъ больше должно показывать живые примѣры въ

трудахъ и послушаніи и бояться праздности, потому-что св. Апостоль сказалъ: *«праздный не ястъ»*. И такъ, кто изъ васъ держится своевольства и праздности—горе той душѣ на страшномъ Судѣ, потому-что черезъ праздность она питалась чужими трудами и покоила тѣло свое,

9-е) Вооружитесь терпѣніемъ, безъ котораго невозможно вкусить сладости небесной и спасти душу по слову Спасителя: *«претерпѣвый до конца той спасется»*.—Терпѣніе должно стяжать на все и во всякое время, противъ плоти, міра и діавола, которыми непрестанно вооружается врагъ на пути спасенія, и яко левъ рыкая, ходитъ и ищетъ кого поглотить. Онъ сильно наводитъ тоску и уныніе на дѣвствующихъ и чисто живущихъ монашествующихъ, и съ лестными сѣтями вкрадывается въ души чисто живущихъ. Палить ихъ огнемъ страстныхъ удовольствій, плотскихъ вождельній, хвалить брачную жизнь, и тѣмъ многихъ немощныхъ и малодушныхъ завлекалъ и увлекалъ въ бездну лестнаго мірскаго удовольствія и погибели. Но къ этому поставлю на видъ для утѣшенія всѣхъ, любящихъ Господа и мужественно текущихъ страдалъческимъ образомъ на предлежащемъ ихъ подвигѣ,—какая сладость и радость откроется въ блаженной вѣчности для дѣвственныхъ душъ!—Онѣ окружаютъ Престоль Царя Славы и украшены бѣлыми свѣтоносными одеждами и финицы въ рукахъ ихъ.

Дѣвственные уподобляются солнцу и небеснымъ безплотнымъ Ангеламъ, какъ выражаетъ св. Димитрій Ростовскій; одно недостаетъ дѣвственникамъ уподобиться Ангелу—что крыльевъ не имѣютъ. А если отнять у Ангела крылья и онъ сталъ дѣвою, и эти крылья дать дѣвѣ, и она будетъ Ангелъ!—Вотъ какое достоинство дѣвственныхъ душъ, и какая слава и награда ожидаетъ ихъ въ блаженной вѣчности, за страдалъческій подвигъ дѣвственной чистоты. Такъ возлюбимъ Господа и будемъ себя опасно хранить отъ всѣхъ навѣтовъ вражійхъ, которыми онъ ежеминутно завлекаетъ и увлекаетъ въ бездну лестнаго удовольствія и соблазновъ міра.

Благодарю всѣхъ избранницъ Божіихъ, въ особенности послушныхъ, терпѣливыхъ, трудолюбивыхъ, усердныхъ, смиренныхъ, кроткихъ, молчаливыхъ и истинно преданныхъ Начальницъ, какъ къ избранной матери и общей молитвенницѣ и ходатаицѣ о спасеніи душъ. Господь и Пречистая Его Матерь, да награждать васъ вѣчнымъ блаженствомъ плачущихъ и алчущихъ, милостивыхъ и чистыхъ сердцемъ, миротворныхъ, кроткихъ и изгнанныхъ правды ради. За всѣмъ онымъ уповайте несомнѣнно на всемогущество Матери Божіей, Которая есть всѣхъ скорбящихъ радость и неусыпная Покровительница и Ходатаица всѣмъ, притекающимъ къ Ней съ вѣрою и любовію. При семъ прошу и молю васъ, возлюбите всею душою вашу Господа Бога Искупителя нашего и всегда лобызайте Его Пречистыя язвы и страданія, и благодарите за Его долготерпѣніе и милости къ роду человѣческому. Аминь.